Престон Дуглас, Чайлд Линкольн

Наваждение

Двенадцать лет назад

1

Мусалангу, Замбия

Оранжевое закатное солнце, словно лесной пожар, охватило пламенем африканский буш; над лагерем сгущался знойный вечер. На востоке, в верховьях Маквеле, на фоне неба вырисовывались зеленые зубцы гор.

На утоптанной площадке, в тени старых деревьев музаза, стояли в круг несколько брезентовых палаток; зелень образовывала над лагерем сафари изумрудный шатер. Сквозь листву пробивался дым от печи, несущий дразнящий запах жареного антилопьего мяса и углей дерева мопане.

Под центральным деревом сидели за столом на складных стульях двое — мужчина и женщина — и пили бурбон со льдом. На вид тридцатилетние, одеты они были в пропылившиеся костюмы цвета хаки с длинными штанами и рукавами — для защиты от появляющихся по вечерам мух цеце. Мужчина, высокий и худощавый, отличался такой удивительной бледностью, что ему, казалось, даже жара нипочем. Женщина, загорелая и спокойная, в отличие от спутника вяло обмахивалась большим банановым листом и потряхивала гривой каштановых волос, перехваченной сзади обрывком шнурка. Их негромкая речь, прерываемая иногда смехом, почти тонула в звуках африканского буша; гомон мартышек, пронзительные крики турачей, бормотание амарантов — и все это смешивалось со звяканьем кастрюль и сковородок, доносящимся с кухни. В обычные вечерние звуки вплеталось далекое рыканье льва.

Под деревом сидели Алоиз Пендергаст и его супруга Хелен, с которой он прожил два года. Срок сафари подходил к концу; они охотились в угодьях Мусалангу на антилоп — бушбоков и дукеров — в соответствии с программой снижения поголовья животных, принятой правительством Замбии.

— Еще стаканчик? — предложил Пендергаст, берясь за кувшин.

— Еще? — со смешком переспросила супруга. — Алоиз, ты покушаешься на мою добродетель?

— И в мыслях не держал. Хотел скоротать ночь, обсуждая с тобой категорический императив Канта.

— Вот как раз об этом меня мама и предупреждала. Выходишь замуж за парня потому, что он неплохо стреляет, — а оказывается, что у него мозгов как у оцелота.

Пендергаст ухмыльнулся и отхлебнул бурбона.

— От африканской мяты в горле першит.

— Бедняжка Алоиз, соскучился по джулепу! Если возьмешься за работу в ФБР, которую предлагает Майк Декер, сможешь пить джулеп день и ночь.

Алоиз в задумчивости сделал еще один глоток и посмотрел на жену. Удивительно, как быстро она загорела.

— Я решил отказаться.

— Почему?

— Я пока не готов сидеть в Новом Орлеане со всеми вытекающими. Семейные проблемы, неприятные воспоминания… Хватите меня этих бед, правда?

— Наверное. Не знаю. Ты ведь почти не рассказываешь о себе, даже теперь.

— Я не гожусь для ФБР. Не люблю жить по правилам. Тем более твои «Врачи на крыльях» то и дело летают по всему миру. Значит, пока ты работаешь в «ВНК», совершенно не важно, где жить, — был бы поблизости международный аэропорт. «Двум нашим душам, слитым воедино, разрыв не страшен: не рвется золотая нить, хоть тянется до тонкости воздушной».[1]

— Раз привез меня в Африку, так не цитируй Джона Донна. Уж лучше Киплинг, что ли.

— «Каждая женщина знает все обо всем»,[2] — продекламировал супруг.

— Пожалуй, и от Киплинга меня избавь. Чем же ты занимался в детстве — зубрил Бартлетта?[3]

— Среди прочего.

Пендергаст поднял глаза.

Кто-то шел к ним по тропинке с западной стороны. Высокий африканец, местный житель, одетый в шорты и грязную футболку, с древней винтовкой на плече, опирался на рогатину. Подойдя к лагерю, он громко поздоровался на бемба, здешнем межнациональном языке; со стороны кухни его тоже кто-то приветствовал.

Африканец подошел к столу, за которым сидела чета Пендергастов. Супруги поднялись.

— Уму-нту у-мо уму-сума а-афика, — произнес Пендергаст приветствие и на африканский манер пожал теплую пыльную ладонь гостя. Тот протянул вперед посох; в нем торчала записка.

— Мне? — Пендергаст перешел на английский.

— От окружного комиссара.

Пендергаст бросил взгляд на жену и взял записку.

Уважаемый мистер Пендергаст!

Мне нужно срочно связаться с вами по рации, в лагере Нсефу случилась беда — очень серьезная.

Алистер Уокинг, окружной комиссар. Южная Луангва

P. S. Дружище, сами ведь знаете, что рацию надо держать включенной, где бы вы ни находились. Такая морока гонять к вам посыльных!

— Не нравится мне это, — заметила Хелен, смотревшая мужу через плечо. — Как понять «случилась беда»?

— Какой-нибудь турист подвергся домогательствам со стороны носорога.

— Не смешно... — Хелен, однако, хихикнула.

— Брачный сезон, сама знаешь.

Пендергаст сложил записку и сунул в нагрудный карман.

— Сильно подозреваю, что нашей охоте пришел конец.

Он направился к палатке, открыл коробку и начал собирать из погнутых частей антенну, которую отнес потом к дереву музаза и привязал к самой высокой ветке.

Спустился, установил на столе приемник, подсоединил к нему антенну и покрутил ручку, настраиваясь на нужную частоту. Передал позывные. Через секунду раздался сердитый голос окружного комиссара, скрипучий и пронзительный:

— Пендергаст, куда вы, черт побери, запропастились?

— Я в лагере, в верховьях Маквеле-Стрим.

— Вот проклятие. Я думал, вы возле Банта-роуд. Какого черта не держите рацию под рукой? Я уже несколько часов вас ищу.

— Можно узнать, что случилось?

— В лагере Нсефу лев загрыз туриста из Германии.

— Какой же кретин такое допустил?

— Да не виноват никто! Лев явился прямо в лагерь средь бела дня, прыгнул на туриста, который шел из столовой в свою палатку, и утащил бедолагу в буш.

— А потом что?

— Сами понимаете что! Жена в истерике, весь лагерь на ушах. Пришлось вызывать вертолет, эвакуировать клиентов. Обслуга — те, кто остался, — перепугана насмерть. Погиб известный в Германии фотограф… Такая беда для бизнеса!

— Льва-то выследили?

— У нас есть и охотники, и стволы, только за этим львом никто в буш не пошел — ни опытные стрелки, ни те, кто посмелее. Потому-то нам и нужны вы. Необходимо выследить этого гада, ну и… собрать останки бедняги немца, пока еще есть что хоронить.

— Так вы даже и тело не отыскали?

— Да никто не желает этим заниматься! Сами знаете — браконьеры перебили слонов, и вокруг лагеря Нсефу теперь сплошные заросли. Нам нужен чертовски опытный человек. И незачем напоминать, что, согласно вашей профессиональной лицензии, вы должны, если потребуется, разбираться с такими вот людоедами.

— Понятно.

— Вы где оставили машину?

— У солончаков Фала.

— Так поторопитесь. Хватайте стволы — и вперед.

— Мне отсюда сутки добираться. А точно никого нет ближе?

— Никого. Во всяком случае, таких, кому я доверяю.

Пендергаст взглянул на жену. Та улыбнулась, подмигнула и бронзовыми пальчиками изобразила, что стреляет из пистолета.

— Ладно. Выезжаем немедленно.

— И еще… — Комиссар медлил; несколько секунд из приемника слышались только скрип и потрескивание.

— Ну что?

— Может, это и не важно. Жена погибшего, которая все видела… Она сказала… — Комиссар вновь замолчал.

— Ну?

— Говорит — лев был необычный.

— То есть?

— С красной гривой.

— В смысле — с очень темной? Не такая уж редкость.

— Не темная. Темно-красная. Почти как кровь.

Воцарилось долгое молчание. Потом комиссар снова заговорил:

— Лев, конечно, другой. То было на севере Ботсваны, да и прошло уже сорок лет. Мне не приходилось слышать, чтобы львы жили дольше двадцати пяти. А вам?

Пендергаст, не отвечая, выключил рацию. Только глаза сверкнули в сумерках африканского буша.

2

Лагерь Нсефу, река Луангва

Побитый «Лендровер» подскакивал и трясся по Банта-роуд, этой скверной дороге чудесной страны. Пендергаст яростно крутил руль, объезжая зияющие выбоины — некоторые были так глубоки, что в них вполне мог наполовину уместиться автомобиль. Кондиционер сломался, и стекла пришлось опустить; в салон врывались волны пыли.

Из Маквеле-Стрим Пендергасты вышли перед самым рассветом и без проводников прошли по бушу двенадцать миль, взяв с собой только оружие, воду, немного копченой колбасы и лепешек чапати. Около полудня они добрались до машины и долго ехали мимо редких убогих селений: круглые хижины из тростника с коническими соломенными крышами, грязные улочки, по которым бродили козы и прочий скот. Небо было чистое, ясное, почти бесцветное.

Хелен закуталась в шарф, тщетно борясь с вездесущей пылью. Там, где тело не закрывала одежда, оно отливало белесым налетом; казалось, путники больны какой-то кожной болезнью.

— Странно, — сказала Хелен, когда они миновали очередную деревню, тщательно объезжая детей и кур. — Почему не нашлось никого поближе, чтобы заняться этим львом? В конце концов, не такой уж ты классный стрелок.

Она ухмыльнулась; Хелен частенько поддразнивала мужа.

— Потому-то я и рассчитываю на тебя.

— Ты знаешь, я не люблю убивать зверей, которых не едят.

— А как насчет такого, которое ест нас?

— Наверное, придется сделать исключение.

Хелен поправила солнцезащитный козырек и повернулась к мужу. Ее глаза — голубые с фиалковыми искорками — сощурились от яркого солнца.

— Да, а что там за разговоры о красной гриве?

— Сплошные глупости. В этой части Африки бытует поверье о льве-людоеде с красной гривой.

— Расскажи! — Глаза Хелен засверкали от любопытства; местные легенды она обожала.

— Ну ладно. Лет сорок назад — так гласит легенда — в долине Луангвы случилась засуха. Добычи почти не стало, и прайд, обитавший в долине, вымирал от голода. В живых осталась одна беременная самка. Она выжила, потому что выкапывала и поедала трупы на местном кладбище.

— Ужас какой!

— Потом она родила львенка с красной гривой.

— А дальше?

— Жителей деревни возмущало такое осквернение кладбища. В конце концов они выследили львицу, убили, освежевали и повесили шкуру на деревенской площади. Потом они отплясывали вокруг, празднуя победу. На рассвете, когда все упились кукурузным пивом, в деревню явился лев с красной гривой, убил троих спящих мужчин и унес мальчика. Через пару дней обглоданные кости нашли в зарослях травы в нескольких милях от деревни.

— Боже милостивый.

— Несколько лет лев с красной гривой, на языке бемба — Дабу Гор, убивал и ел людей. Говорят, он был очень хитрый, прямо как человек. Чтобы его не поймали, он часто переходил с места на место. В Ньимба говорили, что красный лев умрет, если не будет питаться человечиной, а если будет, то не умрет никогда.

Пендергаст замолчал; он как раз объезжал яму, формой и размерами напоминавшую лунный кратер.

— Ну?

— И все.

— А что стало со львом?

— За ним гонялись многие опытные охотники — без толку. Он так и убивал людей, пока не умер от старости — если вообще умер. — Пендергаст многозначительно закатил глаза.

— Алоиз, да ладно тебе! Ты и сам не веришь, что это тот же лев.

— Это может быть его потомок, имеющий ту же мутацию.

— И те же вкусы, — сказала Хелен, изобразив кровожадную ухмылку.

Когда полдень перетек в вечер, Пендергасты проехали мимо двух затерянных деревушек; мычание скота и крики детей сменили стрекотание ночных насекомых. В лагерь Нсефу супруги прибыли уже после заката. Над бушем висел синий сумрак. Лагерь располагался на реке Луангва, на берегах при ютились кучками круглые домики-рондеваали, открытый бар и столовая под навесом.

— Уютно! — оглядевшись, заметила Хелен.

— Нсефу — самый старый лагерь в стране, — объяснил Пендергаст. — Его построил охотник по имени Норман Карр в пятидесятых годах, еще когда Замбия входила в состав Северной Родезии. Карр первый понял, что фотосъемка животных заинтересует людей не меньше, чем охота, а окупятся такие услуги куда быстрее.

— Благодарю вас, профессор. Семинар после лекции будет?

Они въехали на пыльную автостоянку; в баре и столовой было пусто. Служащие спрятались в хижинах. Повсюду горел свет, генератор пыхтел на полную мощь.

— Нервный народец, — заметила Хелен, распахивая дверь и выбираясь в жаркую тьму, пронизанную стрекотанием цикад.

Дверь ближайшего рондевааля отворилась, и на утоптанную землю легла полоса желтого света. Появился человек в брюках с

заутюженными острыми складками, в кожаных высоких башмаках и гольфах.

— Окружной комиссар Алистер Уокинг, — шепнул Пендергаст жене.

— Ни за что бы не догадалась.

— А в ковбойской шляпе — Гордон Уизли, директор лагеря.

— Заходите, — пригласил комиссар, пожимая им руки. — Поговорим внутри.

— Ради Бога, — взмолилась Хелен. — Мы весь день просидели в машине, давайте выпьем в баре.

— Н-ну… — нерешительно начал комиссар.

— Если в лагерь явится лев, тем лучше. Не придется таскаться за ним по бушу. Правда, Алоиз?

— Безусловно.

Хелен достала с заднего сиденья «Лендровера» винтовку в брезентовом чехле. Пендергаст последовал ее примеру и еще повесил на плечо тяжелый металлический ящик с патронами.

— Так что, джентльмены? — спросил он. — В бар?

— Хорошо. — Вид винтовок для сафари как будто слегка успокоил комиссара. — Мисуму!

Из дома высунулся африканец в феске и красном кушаке.

— Мы хотим выпить в баре, — сообщил Уокинг. — Если ты не против.

Все отправились в бар под травяным навесом, а бармен занял свое место за полированной стойкой. Он вспотел, причем не от жары.

— «Мэйкерс Марк», — сказала Хелен. — Со льдом.

— Два, — попросил ее муж. — И добавьте мяты, если есть.

— Давай всем то же самое, — распорядился комиссар. — Тебе, Уизли, пойдет?

— Пойдет, были бы градусы, — ответил тот с нервным смешком. — Ну и денек…

Бармен налил виски, и Пендергаст сделал хороший глоток, чтобы промыть глотку от пыли.

— Расскажите, мистер Уизли, как все случилось.

Уизли — высокий, рыжеволосый — заговорил с новозеландским акцентом:

— Это произошло после завтрака. У нас было двенадцать гостей — полный комплект…

Пока он говорил, Пендергаст расстегнул чехол и вынул двустволку «Роял-645» фирмы «Холланд и Холланд», переломил стволы и стал очищать оружие от пыли, накопившейся за долгий путь.

— А что было на завтрак?

— Сандвичи — жареное мясо антилопы-куду, ветчина, индейка, огурцы. Чай со льдом. В такую жару на завтрак всегда подаем что-нибудь легкое.

Пендергаст кивнул, полируя ореховый приклад.

— Большую часть ночи в буше рычал лев, но днем притих. Они часто рычат — это, кстати, тоже привлекает туристов.

— Замечательно.

— Никогда раньше львы нас не беспокоили. Не знаю, что и думать.

Пендергаст посмотрел на собеседника.

— Лев, я так понимаю, не здешний?

— Нет. У нас тут несколько прайдов, я всех львов наперечет знаю. Это самец-чужак.

— Крупный?

— Чертовски.

— Рекордсмен?

— Больше любого рекордсмена! — Уизли поморщился.

— Ясно.

— Немец — Хасслер — и его жена встали из-за стола первыми. Где-то около двух, думаю. И когда они шли к себе в рондевааль — так рассказала жена, — из приречных зарослей выскочил лев, сбил с ног ее мужа и схватил беднягу зубами за шею. Она стала звать на помощь, этот несчастный тоже, конечно, кричал. Мы выбежали, но лев уже уволок его в буш и скрылся из виду. Это было так ужасно — то и дело слышались вопли. Потом наступила тишина, только… — Уизли вдруг замолчал.

— Господи, — сказала Хелен. — И никто не взялся за винтовку?

— Я взялся, — ответил Уизли. — Стрелок я так себе, но когда мы выходим с туристами, оружие носить обязаны. В заросли сунуться не решился — я ведь вообще не охотник, — однако несколько раз выстрелил на звук и, кажется, прогнал зверя в буш. Может, ранил.

— Плохо, если так, — сухо сказал Пендергаст. — Тело он наверняка утащил. А следы на месте нападения вы не затоптали?

— Нет, что вы. Поначалу, конечно, все переполошились, но я перегородил это место.

— Прекрасно. И никто не пошел за зверем в буш?

— Нет, в лагере царила паника. Такого уже десятки лет не случалось. Мы эвакуировали всех, кроме нескольких самых необходимых сотрудников.

Пендергаст кивнул, потом посмотрел на жену. Она тоже почистила свою винтовку — «Биг-файв» производства «Кригхофф» — и внимательно слушала.

— Больше льва не слышали?

— Нет. И ночью, и весь день было тихо. Наверное, ушел.

— Вряд ли он уйдет, пока не доест добычу, — сказал Пендергаст. — Лев уносит добычу не дальше чем на милю. Он поблизости, не сомневайтесь. Еще кто-нибудь его видел?

— Только жена убитого.

— И она говорит, у него красная грива?

— Да. Сначала, пока билась в истерике, кричала, что грива, мол, в крови. Потом немного успокоилась, и мы расспросили ее подробнее. Вот тут-то и выяснилось, что грива была темно-красного цвета.

— А откуда вы знаете, что это не кровь?

— Львы следят за своей гривой, — вмешалась Хелен. — Они постоянно ее чистят. Я никогда не видела льва с гривой, перепачканной кровью, а вот с окровавленной мордой — сплошь и рядом.

— Так что будем делать, мистер Пендергаст? — спросил Уизли.

Пендергаст отпил большой глоток.

— Подождем до рассвета. Мне понадобятся ваш лучший следопыт и один носильщик. Вторым стрелком будет, конечно, моя жена.

Все замолчали. Уизли и комиссар смотрели на Хелен. Она — с улыбкой — на них.

— По-моему, это… не совсем правильно, — наконец промолвил Уизли.

— Потому что я женщина? — спросила удивленная Хелен. — Да вы не бойтесь, это не заразно.

— Нет-нет, — поспешно ответил он. — Просто здесь ведь национальный парк, стрелять можно только тем, у кого есть правительственная профессиональная лицензия.

— Из нас двоих, — сказал Пендергаст, — жена стреляет лучше. К тому же, когда охотишься в буше за львом, одного стрелка мало. — Он помолчал. — Разве что вторым пойдете вы.

Комиссар ничего не ответил.

— Я мужа одного не отпущу, — заявила Хелен. — Слишком опасно. Еще покалечат беднягу или того хуже.

— Спасибо за доверие, Хелен, — сказал Пендергаст.

— Алоиз, а кто промахнулся по дукеру с двухсот ярдов? А дело-то было пустяковое.

— Ветер дул боковой. Да еще и животное дернулось в последний момент.

— Ты слишком долго целился. Ты вообще долго думаешь, вот в чем твоя беда.

Пендергаст повернулся к Уокингу.

— Сами видите — сделка комплексная. Или мы оба, или никак.

— Ладно, — хмуро ответил комиссар. — Мистер Уизли?

Уизли неохотно кивнул.

— Встретимся завтра в пять, — сказал Пендергаст. — И когда я говорю, что нам нужен очень-очень хороший следопыт, я не преувеличиваю.

— Наш — один из лучших в стране. Джейсон Мфуни. Он, правда, редко занимается этим ради охоты, в основном — для фотографов и туристов.

— И чтоб нервы у него были стальные.

— У него — стальные.

— Предупредите местных — пусть держатся подальше.

— Нет нужды, — ответил Уизли. — Вы, наверное, видели по дороге опустевшие деревни? Кроме нас, на двадцать миль ни души.

— Все так быстро убрались? — удивилась Хелен. — Ведь он напал только вчера.

— Красный лев, — сказал комиссар, словно это все объясняло.

Хелен переглянулась с мужем. На миг в баре стало тихо.

Алоизий поднялся и помог встать жене.

— Спасибо за выпивку. Не проводите нас в нашу хижину?

3

Заросли акаций

Ночь прошла спокойно. Молчали даже местные прайды, которые часто разнообразили ночи своим рыком; обычные звуки ночного буша тоже как будто стали тише. Большая река выдавала себя только тихим журчанием и наполняла воздух влажной свежестью. Лишь когда забрезжил зодиакальный свет, раздались первые звуки, говорившие о присутствии людей: полилась вода в емкость для душа.

Пендергаст и его жена уже покинули хижину и сидели в столовой под навесом, где горела единственная тусклая лампочка. Рядом лежали винтовки. Звезд не было — ночь выдалась облачная, совершенно темная. Так они просидели три четверти часа, не двигаясь и не разговаривая, наслаждаясь обществом друг друга. В молчаливом согласии — таково было свойство их союза — они мысленно готовились к предстоящей охоте. Хелен положила голову мужу на плечо. Пендергаст гладил ее руку, касаясь то и дело звездчатого сапфира в обручальном кольце.

— Назад его не получишь, не надейся, — сказала она голосом слегка хриплым от долгого молчания.

Он улыбнулся, но поглаживать не перестал.

Из тьмы возникла невысокая фигурка с длинным копьем, в длинных штанах и длинной рубахе — и то и другое темного цвета.

Супруги выпрямились.

— Джейсон Мфуни? — негромко спросил Пендергаст.

— Да, сэр.

Пендергаст протянул руку:

— Давайте, Джейсон, без всяких «сэров». Меня зовут Пендергаст. А это моя жена Хелен. Она предпочитает, чтобы к ней обращались по имени, а я — по фамилии.

Следопыт кивнул и медленно, почти вяло, пожал руку Хелен.

— Окружной комиссар, мисс Хелен, хотеть с вами поговорить.

Хелен поднялась, Пендергаст тоже.

— Простите, мистер Пендергаст, он хотеть говорить только с ней.

— Это еще о чем?

— Он волновался, как она умеет стрелять.

— Смешно, — сказал Пендергаст. — Мы вроде все обсудили.

Хелен со смехом махнула рукой:

— Не волнуйся… здесь ведь кусок Британской империи. Женщина должна сидеть на веранде, обмахиваться веером и при виде крови терять сознание… Пойду успокою его.

Пендергаст опустился на скамью. Следопыт стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу.

— Может, сядете, Джейсон?

— Нет, спасибо.

— И давно вы читаете следы?

— Давно. — Джейсон был немногословен.

— Хорошо получается?

Кивок.

— Львов боитесь?

— Иногда.

— Убили хоть одного этим копьем?

— Нет.

— Ясно.

— Копье новое, мистер Пендергаст. Когда убить льва копьем, оно сломаться или гнуться, и нужно новое.

Над лагерем висела тишина; в буше забрезжил свет. Прошло пять минут, потом десять.

— Что они копаются? — сердито недоумевал Пендергаст. — Не хватало еще выйти поздно.

Мфуни кивнул и оперся на копье.

Вдруг появилась Хелен и села рядом.

— Угомонила этого зануду? — со смешком поинтересовался муж.

Хелен не отвечала. Он вопросительно уставился на жену и удивился ее бледности.

— Что с тобой?

— Ничего. Волнуюсь перед охотой.

— Так можешь и не ходить.

— Ну уж нет, — горячо возразила Хелен. — Такого я не пропущу.

— Тогда нам пора.

— Погоди, — тихонько сказала она и холодными пальцами коснулась руки мужа. — Алоиз... Представляешь, мы забыли вчера полюбоваться луной. А было полнолуние.

— За всеми этими делами — неудивительно.

— Давай чуть задержимся, посмотрим, как она садится.

Хелен взяла его руку обеими руками — непривычный для нее жест.

— Хелен...

Она сжала его ладонь.

— Помолчим.

За рекой полная луна опускалась в буш. Маслянистый диск двигался по розовато-лиловому небу, а его отражение молочной дорожкой трепетало на вихрящихся водах Луангвы. Алоиз и Хелен познакомились в полнолуние и вместе любовались восходом луны. За все время ухаживания и два года брака — что бы ни случилось, куда бы ни забрасывала их жизнь — им всегда удавалось вместе встречать восход полной луны.

Луна коснулась верхушек деревьев, плавно за них опустилась. В небе посветлело, а лунный свет окончательно утонул в буше. Тайна ночи окончилась; наступал день.

— Пока, старушка, — сказал Пендергаст луне.

Хелен, по-прежнему держа мужа за руку, встала: на троне, ведущей от кухни, появились комиссар и Уизли. С ними шел еще один человек — очень высокий, худой, с изможденным лицом. Глаза у него были желтые.

— Это Вильсон Ньяла, — сообщил Уизли, — ваш оруженосец.

Пендергасты поздоровались с ним за руку. Вчерашний бармен принес с кухни большой чайник и стал наливать всем крепкий дымящийся напиток.

Пили быстро и молча.

Пендергаст поставил чашку.

— Уже светло, можно посмотреть место нападения.

Ньяла закинул на каждое плечо по винтовке, и они отправились по тропинке вдоль реки. У зарослей акации путь им преградила веревка, привязанная к деревянным колышкам. Пендергаст опустился на колени и стал разглядывать следы. В пыли около большой лужи крови, теперь уже высохшей и потрескавшейся, виднелись отпечатки огромных лап. Он восстановил для себя картину произошедшего: лев выскочил из зарослей, набросился на человека, сбил с ног и вцепился зубами. Следы рассказывали, как лев тащил в кусты истерзанную жертву, оставившую за собой кровавую полосу.

Пендергаст поднялся.

— Действовать будем так. Я иду в восьми футах за Джейсоном, держась чуть левее. Хелен идет в восьми футах за мной, но держась правее. Вильсон, вы шагаете прямо за нами. — Пендергаст оглянулся на супругу, и та ответила легким одобрительным кивком. — Когда настанет время, — продолжил он, — мы попросим передать нам винтовки. Держите их на предохранителе. С моей снимите ремень — не хочу зацепиться за кусты.

— А с моей — не снимать! — бросила Хелен.

Вильсон Ньяла кивнул.

Пендергаст протянул руку:

— Мою винтовку.

Вильсон передал ему оружие. Пендергаст переломил стволы, тщательно их осмотрел, зарядил два патрона «нитро экспресс» — величиной с немалую сигару — с мягконосыми пулями, закрыл, проверил предохранитель и вернул оружие носильщику.

Хелен проделала то же самое со своей винтовкой, зарядив ее фланцевыми патронами пятидесятого калибра.

— Довольно большое ружье для такой хрупкой женщины, — заметил Уокинг.

— Крупное оружие как-то солиднее, — ответила Хелен.

— Да, не хотел бы я гоняться за этим чертом, — продолжил Уокинг, — хоть с большой винтовкой, хоть с маленькой.

— Итак, всю дорогу держимся как договорились, — напомнил Пендергаст, переводя взгляд с Мфуни на Ньялу и обратно. — Ветер благоприятный. Никаких разговоров, общаемся только при помощи жестов. Фонари с собой не берем.

Напускная бодрость мигом испарилась; все молча ждали, когда подлесок осветят голубоватые рассветные сумерки. Потом Пендергаст сделал Мфуни знак идти.

Следопыт шагнул в буш, держа в руке копье и глядя на кровавые полосы, ведущие от реки через густые колючие кусты и заросли мопане вдоль Чителе — небольшого притока Луангвы.

Продвигались медленно, ориентируясь по пятнам крови на траве и листьях. Следопыт остановился и показал копьем на участок примятой травы, где влажно блестели алые брызги крови. Здесь лев и начал терзать свою еще живую жертву.

Джейсон Мфуни, не говоря ни слова, нагнулся и что-то поднял: половину нижней челюсти с зубами, обглоданную и вылизанную. Пендергаст молча смотрел на находку. Мфуни положил челюсть и показал на проход в траве.

Все двинулись в зеленую гущу. Каждые двадцать футов Мфуни останавливался, прислушивался и нюхал воздух, искал на траве следы. Кровь из жертвы уже вытекла, и теперь путь указывали только отдельные капли и пятнышки.

Два раза следопыт показывал на примятую траву: здесь лев опускал добычу на землю, чтобы поудобнее ухватиться за нее зубами.

День быстро набирал силу, из-за верхушек деревьев светило солнце. Утро выдалось каким-то необычно тихим и настороженным, только насекомые непрерывно стрекотали.

Охотники прошли уже больше мили. Над горизонтом пылало солнце, пронизывая раскаленными лучами кусты, над которыми звенели тучи мух цеце. В воздухе повис густой запах травы и пыли. Наконец след вывел из зарослей на сухую площадку под развесистыми ветвями акации. Впереди, на фоне раскаленного неба, горным пиком высился одинокий термитник. В середине площадки лежало нечто красно-белое, полускрытое гудящей тучей мух.

Мфуни осторожно двинулся вперед, за ним — Пендергаст, Хелен и оруженосец. В молчании они стояли над тем, что осталось от немецкого фотографа. Лев разгрыз череп, съел лицо, мозг, большую часть торса и

оставил ноги — белые, неповрежденные, чисто вылизанные, и полуоторванную руку, пальцы которой сжимали клок шерсти.

Мфуни нагнулся, выдернул из пальцев шерсть — при этом рука совершенно отделилась от обглоданного торса, — внимательно оглядел клок и протянул его Пендергасту. Шерсть была красного цвета. Пендергаст передал ее жене, которая не менее тщательно изучила клочок и вернула его Мфуни.

Следопыт медленно кружил по площадке, разглядывая следы на солончаковой корке. Приложив палец к губам, он указал на влеи — низину, из тех, что в сезон дождей превращаются в болото; теперь, в засушливый период, там стояла самая высокая трава — футов десять или двенадцать. В нескольких сотнях ярдов высилась густая роща акациевых деревьев; образованный их кронами шатер закрывал горизонт. Следопыт показал на примятую траву — след, оставленный львом. Затем Мфуни вернулся к остальным и с серьезным видом прошептал на ухо Пендергасту, указывая копьем:

— Он там. Отдыхает.

Пендергаст кивнул и посмотрел на Хелен. Она все еще была бледна, но совершенно спокойна; холодный взгляд выражал решимость.

Ньяла, оруженосец, явно нервничал.

— В чем дело? — тихо спросил Пендергаст, повернувшись к нему.

Тот кивнул в сторону высокой травы.

— Этот лев — хитрый. Сильно хитрый. Очень плохой место.

Пендергаст помедлил, перевел взгляд с оруженосца на следопыта, потом на заросли травы. Жестом велел следопыту двигаться.

Крадучись, они вошли в высокую траву. Дальше пяти ярдов в ней ничего нельзя было разглядеть. Полый тростник шуршал и потрескивал, мертвый воздух заполонили запахи нагретых солнцем трав. Чем дальше, тем больше сгущался зеленый сумрак; стрекот насекомых перешел в ровный гул.

Когда охотники приблизились к акациям, следопыт замедлил шаг и указал на свой нос. Пендергаст втянул носом воздух и уловил слабый мускусный запах льва, смешанный со сладковатым духом мертвечины.

Мфуни припал к земле и сделал знак, чтобы остальные последовали его примеру: в такой траве у самой земли видимость лучше, больше вероятность заметить рыжевато-коричневую шкуру льва до того, как он свалит с ног. Согнувшись, охотники медленно вступили в рощу. Камни покрывала корка засохшего ила, твердого, словно камень. Следов на ней

не осталось, но сломанные и погнутые стебли ясно показывали: лев прошел здесь.

Следопыт вновь остановился и показал знаком, что нужно посовещаться. Пендергаст и Хелен подошли к нему; все трое встали вплотную и зашептались, повышая голоса ровно настолько, чтобы слышать друг друга сквозь гул насекомых.

— Лев быть впереди. Двадцать — тридцать ярдов. Двигаться медленно. — Мфуни озабоченно сморщился. — Может, лучше ждать.

— Нет, — прошептал Пендергаст. — Это наш лучший шанс. Лев сейчас сыт.

Они двинулись вперед, к прогалинке размером не больше десяти футов. Мфуни помедлил, понюхал воздух и указал влево.

— Лев, — шепнул он.

Пендергаст смотрел вперед, налево, потом покачал головой и показал вперед.

Следопыт нахмурился и нагнулся к его уху:

— Лев заходить влево. Он очень хитрый.

Пендергаст опять покачал головой и повернулся к Хелен.

— Оставайся на месте, — шепнул, касаясь губами ее уха.

— Но следопыт…

— Он ошибся. Оставайся. Я пройду несколько ярдов. Мы у другого конца влеи. Зверь не захочет выходить из укрытия. Если я пойду вперед, он почувствует опасность и может кинуться. Будь наготове и целься правее меня.

Пендергаст знаком потребовал винтовку, взялся за горячий от жары ствол, снял оружие с предохранителя и установил ночную мушку из слоновой кости — чтобы удобнее было целиться в зеленом полумраке. Ньяла протянул Хелен ее винтовку.

Пендергаст двинулся вперед, в густую траву. Следопыт с застывшим от ужаса лицом шел сзади и хранил ледяное молчание.

Пробираясь через густые заросли — с каждым футом он переставлял ноги все осторожнее, — Пендергаст внимательно прислушивался, не раздастся ли характерный рык, который львы издают перед прыжком. Выстрелить удастся лишь один раз. Нападающий лев за четыре секунды покрывает расстояние в сто ярдов. С Хелен позади Пендергаст чувствовал себя в большей безопасности: так у них будет два шанса.

Пройдя десять ярдов, он остановился и подождал. Сзади подошел Мфуни, вид у него был глубоко несчастный. Пендергаст внимательно прислушивался, но ничего, кроме насекомых, не слышал. Винтовка скользила в потных руках, во рту стоял вкус солончаковой пыли. Слабый ветерок совершенно не чувствовался, только шевелил траву, и она слегка потрескивала. Гул насекомых постепенно сошел на нет. Все полностью затихло.

Медленно, не трогаясь с места, Мфуни указал пальцем налево.

Пендергаст замер и посмотрел в указанном направлении, пытаясь разглядеть в зеленой массе коричневатый мех или янтарные глаза. Ничего.

Раздался низкий рык, а затем — сотрясающий все вокруг невероятный рев, словно пронесся грузовой состав. Рев раздался не слева, а точно впереди.

Пендергаст крутанулся. Из травы на него ринулась огромная масса: охряная шкура, красная грива, разверстая розовая пасть с торчащими клыками. Пендергаст с грохотом разрядил один ствол. Однако у него не было времени прицелиться, и лев тут же оказался сверху — шестьсот фунтов огромной вонючей кошки прижали его к земле. Почувствовав, как горячие клыки пронзают плечо, Пендергаст закричал. Он извивался подо львом, пытаясь дотянуться до винтовки, которую уронил при падении.

Лев очень хорошо прятался и прыгнул так быстро, что Хелен не успела выстрелить. Теперь стрелять стало поздно — хищник и жертва были слишком близко друг к другу, и рисковать Хелен не могла. Она рванулась вперед — туда, откуда доносился сдавленный рык, — и продиралась сквозь траву, пронзительно крича, чтобы привлечь внимание исполинского зверя. Она подбежала в тот самый момент, когда Мфуни вонзил копье в брюхо льва — таких огромных львов просто не бывает! Зверь отпрыгнул от Пендергаста, лапой ударил следопыта и вырвал у него кусок ноги. Волоча за собой застрявшее в брюхе копье, хищник бросился в заросли.

Хелен тщательно прицелилась в удаляющегося зверя и выстрелила.

Промах. Лев исчез.

Хелен кинулась к мужу. Он был в сознании.

— Нет! — выдохнул Пендергаст. — Сначала — его.

Мфуни лежал на спине, на землю хлестала алая кровь; икра правой ноги висела на лоскуте кожи.

— Господи… — Хелен оторвала полосу от своей рубашки, скрутила, нащупала на земле какую-то палку и наложила на артерию турникет.

— Джейсон! — позвала она. — Слушай меня, Джейсон!

Лицо следопыта покрылось испариной, веки дрожали.

— Джейсон, придерживай палку. Если нога онемеет, ослабь жгут.

Он широко раскрыл глаза.

— Мемсахиб, лев возвращается!

— Держи…

— Он возвращается! — Голос Мфуни дрожал от ужаса.

Не слушая его, Хелен повернулась к мужу. Он тоже лежал на спине: лицо посерело, раздавленное плечо превратилось в кровавую массу.

— Хелен, — прохрипел Пендергаст, пытаясь встать, — возьми винтовку. Быстро!

— Алоиз!

— Да ради Бога, возьми же винтовку!

Слишком поздно. С таким же громовым рыком лев выскочил из зарослей, взметнув вихрь пыли и травы, и набросился на Хелен. Она закричала, попыталась столкнуть его; лев вцепился ей в руку, раздался треск ломаемой кости. Последнее, что запомнил Пендергаст перед тем, как потерять сознание, — отчаянно дергающаяся фигурка, которую лев тащит в высокую траву.

4

Окружающий мир оживал. Через соломенную крышу рондеваала слышался приближающийся рокот вертолета.

Пендергаст с криком сел и увидел окружного комиссара Уокинга — тот вскочил из кресла в дальнем конце комнаты.

— Вам нельзя волноваться, — сказал комиссар. — Вертолет уже здесь, все, что нужно, будет сделано…

Пендергаст силился подняться.

— Где моя жена? Что с ней?

— Будьте молодцом и…

Пендергаст вывалился из койки и с трудом встал, дрожа от еле сдерживаемого возбуждения.

— Где моя жена, сукин сын!

— Мы ничего не могли сделать. Лев ее утащил. Один из вас находился без сознания, а другой истекал кровью.

Пендергаст, шатаясь, двинулся к дверям, выхватил винтовку со стойки и переломил стволы; один патрон был на месте.

— Что вы делаете?!

Пендергаст щелкнул затвором и направил ствол на комиссара.

— С дороги!

Уокинг шарахнулся в сторону, и Пендергаст вывалился из хижины. Солнце уже садилось. Прошло двенадцать часов!

Комиссар бежал вслед за раненым и размахивал руками:

— Помогите! Помогите! Он спятил!

Вломившись в заросли, Пендергаст рыскал в густых травах, пока не отыскал след. Не обращая внимания на крики в лагере, не чувствуя боли, он ринулся вперед. Пять минут, десять, пятнадцать — и вот уже солончак, влеи, густая трава, заросли акаций. Выдохнув, Пендергаст рванулся в траву. Винтовкой, которую держал в здоровой руке, он раздвигал стебли. Наверху кричали потревоженные птицы. В груди у него жгло огнем, повязка на руке намокла от крови. Пендергаст шел, крича что-то невнятное; из разорванного плеча хлестала кровь. Вдруг он остановился, и крик замер у него на устах. Впереди в траве что-то лежало — маленькое, белое. Пендергаст уставился на предмет. То была оторванная кисть, и на пальце сверкало кольцо со звездчатым сапфиром.

От горя и ненависти Пендергаст издал звериный вопль, прыгнул вперед и вырвался из зарослей на открытую площадку, где спокойно глодал свою добычу лев с пламенеющей гривой. Пендергасту сразу открылся весь ужас: кости с остатками плоти, панама Хелен, клочья хаки… и — совершенно неожиданно — легкий запах ее духов, смешанный с кошачьей вонью.

Только потом он увидел голову. Она лежала отдельно и, словно по жестокой иронии, была совершенно целой. Голубые с фиалковыми крапинками глаза смотрели вдаль.

Пендергаст нетвердо прошагал вперед и встал в десяти ярдах от зверя. Лев поднял огромную голову и провел языком по окровавленным клыкам, невозмутимо глядя на человека. Отчаянно втягивая воздух, Пендергаст вскинул винтовку, подпер ее искалеченной рукой, отыскал взглядом мушку из слоновой кости. И нажал на спуск.

Тяжелая пуля вошла зверю в середину лба и, словно консервную банку, вскрыла череп, который разлетелся кровавыми ошметками. Огромный лев с красной гривой почти не шевельнулся: он опустил голову на свою добычу и так и остался лежать.

В нагретых солнцем кронах акаций кричали тысячи птиц.

Наши дни

5

Округ Сент-Чарльз, штат Луизиана

«Роллс-ройс» — серый «Фантом» — повернул по изогнутой дорожке, и теперь колеса не только скрипели по гравию, но порой и шуршали по траве.

Следом за «Фантомом» шел серебристый «Мерседес» последней модели. Оба автомобиля остановились перед большим плантаторским домом в неоклассическом стиле, окруженным старыми дубами, с которых свисала бахрома испанского мха. Бронзовая табличка на фасаде сообщала, что поместье Пенумбра выстроено семейством Пендергастов в 1821 году и входит в государственный реестр исторических памятников.

Алоиз Пендергаст вышел из салона «Роллс-ройса» и огляделся. Мягкий свет февральского вечера играл на греческих колоннах, полосами ложился на крыльцо под навесом. Над неухоженными газонами и поросшим сорняками садом плыл легкий туман. Среди кипарисов и мангровых деревьев сонно пели цикады. Бронзовые решетки балконов покрывала густая патина. Белая краска на колоннах потрескалась и отслаивалась. Кругом царил дух запустения.

Из «мерседеса» появился странного вида невысокий коренастый господин в черной визитке с белой гвоздикой в петлице. Походил он на дворецкого какого-нибудь эдвардианского закрытого клуба, но никак не на новоорлеанского юриста. Несмотря на солнечный день, под мышкой он держал аккуратно сложенный зонт. Рука, облаченная в желтую кожаную перчатку, сжимала дипломат крокодиловой кожи. Господин надел на голову котелок и слегка его пришлепнул.

— Мистер Пендергаст, не пройти ли нам… — Он повел рукой в сторону запущенного парка, что виднелся за оградой по правую сторону от дома.

— Конечно, мистер Огилби.

— Благодарю. — Щегольские ботинки юриста мелькали в мокрой зеленой траве. Пендергаст следовал за ним не спеша и без особого желания.

Дойдя до ворот парка, Огилби распахнул их, и спутники вошли внутрь. Проворными шагами юрист двигался по дорожке, некогда усыпанной гравием, а теперь заросшей. За стволом огромной тсуги небольшой участок парка охватывала ржавая металлическая оградка. В высокой траве виднелись покосившиеся надгробия из сланца и мрамора.

Юрист — у него намокли отвороты на брюках — остановился перед памятником, повернулся и взялся обеими руками за дипломат, дожидаясь, пока приблизится клиент. Пендергаст задумчиво прошелся по кладбищу, потирая бледный подбородок, и наконец остановился рядом со своим щеголеватым спутником.

— Ну что ж, — с дежурной улыбкой сказал юрист. — Вот мы и на месте.

Рассеянно кивнув, Пендергаст опустился на колени, раздвинул траву у внушительной могильной плиты и прочитал надпись:

Здесь покоится

Луи де Фронтенак Диоген Пендергаст

2 апреля 1891 — 15 марта 1965 TEMPUS EDAX RERUM.[4]

Огилби, стоя позади Пендергаста, водрузил свой крокодиловый дипломат на надгробие, расстегнул замки и извлек некий документ. Придерживая дипломат, положил листок на него.

— Мистер Пендергаст! — Юрист протянул ему тяжелую ручку с серебряным пером.

Пендергаст подписал бумагу.

Огилби, в свою очередь, изобразил замысловатую подпись, шлепнул печать, проставил число и убрал документ в дипломат. Захлопнул крышку, щелкнул замками.

— Вот и все. Я засвидетельствовал, что вы посетили могилу вашего деда. Мне не придется лишать вас наследства. Во всяком случае — пока, — с коротким смешком заметил он.

Пендергаст поднялся, и юрист протянул ему миниатюрную ладошку.

— Всегда рад, мистер Пендергаст; надеюсь через пять лет снова насладиться вашим обществом.

— Взаимно, — сухо улыбнулся Пендергаст.

— Прекрасно! Я теперь в город. Вы со мной?

— Думаю заглянуть к Морису. Он обидится, если я не засвидетельствую ему свое почтение.

— Именно, именно! Подумать только, один присматривает за Пенумброй — сколько? — уже двенадцать лет! Знаете, мистер Пендергаст, — коротышка наклонился вперед и понизил голос, словно собирался поведать какую-то тайну, — нужно непременно навести здесь порядок. Вы можете выручить за поместье хорошую сумму — очень хорошую! Плантаторские дома начала девятнадцатого века — последний крик моды. Здесь получится отличный отель!

— Спасибо, мистер Огилби, но я, пожалуй, не буду с этим спешить.

— Как угодно, как угодно. Не задерживайтесь дотемна. Фамильные привидения и все такое... — Коротышка зарысил прочь, тихонько посмеиваясь и размахивая дипломатом. Пендергаст остался на кладбище в одиночестве. Он слышал, как завелся «Мерседес», как заскрипел гравий под колесами, а потом наступила тишина.

Пендергаст еще немного походил по кладбищу, читая могильные надписи. Каждое имя пробуждало в нем воспоминания — все более и более странные и необычные. Здесь лежали перезахороненные останки родственников, извлеченные из семейного склепа на Дофин-стрит после того, как сгорел особняк Пендергастов. А кто-то еще при жизни выразил желание быть похороненным в родовом гнезде.

Солнце опускалось за деревья; золотистый свет тускнел. От мангровых болот потянулся через лужайку бледный туман. Воздух пах листвой, мхом и папоротником. Пендергаст долго стоял среди могил — молчаливо и недвижно, а на землю опускался вечер. Из окон плантаторского дома просачивался сквозь деревья желтый свет. Запахло горящими дубовыми дровами; этот запах неизбежно вызывал воспоминания о детстве, о лете. Из высокой кирпичной трубы лениво струился голубой дымок. Заставив себя двигаться, Пендергаст оставил наконец кладбище, миновал питомник и добрался до крыльца. Рассохшиеся доски протестующе заскрипели под ногами.

Пендергаст постучал в дверь и слегка отступил. Внутри раздались медленные шаги, потом загремели замысловатые замки и засовы. Массивная дверь распахнулась; сгорбленный старик в старинном костюме дворецкого с суровым видом стоял на пороге.

— Мастер Алоиз, — сдержанно приветствовал он Пендергаста, не протягивая руки.

Пендергаст сделал это сам, и старый слуга тепло ответил на его пожатие.

— Морис, как вы тут?

— Хорошо. Видел, как машины подъехали. Принести вам в библиотеку рюмочку хереса, сэр?

— Отлично, спасибо.

Старик повернулся и медленно двинулся через холл в библиотеку. Пендергаст отправился следом. В камине горел огонь — не столько для тепла, сколько для того, чтобы одолеть сырость.

Позвякивая бутылками, Морис топтался у буфета; он налил в крошечную рюмку хереса, поставил ее на серебряный поднос и торжественно подал Пендергасту. Пендергаст взял рюмку, глотнул и огляделся.

Лучше тут не стало: на обоях пятна, в углах горы пыли, в подвале шуршат крысы. За пять лет, что он здесь не был, все заметно обветшало.

— Давайте, Морис, я найду экономку, пусть живет здесь. И повара. Вам так будет гораздо легче.

— Глупости! Я и сам могу следить за домом.

— Думаю, одному тут опасно.

— Опасно? Вовсе не опасно. Я на ночь хорошо запираюсь.

— Разумеется. — Пендергаст отпил хереса, очень сухого «Олоросо». Он лениво попытался припомнить, сколько бутылок осталось в погребах. Столько, что ему и за всю жизнь не выпить — не говоря о портвейне, других винах и отличном старом коньяке. По мере угасания боковых ветвей семейства все винные погреба вместе с деньгами переходили к нему — последнему члену рода, находившемуся в здравом уме.

Пендергаст сделал еще глоток и отставил рюмку.

— Морис, пойду-ка я пройдусь по дому. Вспомню старые времена.

— Да, сэр. Позовите, если я вам понадоблюсь.

Пендергаст открыл раздвижную дверь и вышел в холл.

С четверть часа бродил он по комнатам первого этажа: пустая кухня, малые гостиные, большая гостиная, столовая, салон, кладовая. Дом слегка пах детством; политура для мебели, старый дуб и, бесконечно далеко, запах маминых духов — все смешалось с теперешними запахами сырости и плесени. Каждая вещь, каждый звук, каждая картина — и пресс-папье, и серебряная пепельница, — все было на своих местах; каждая мелочь хранила тысячи воспоминаний о людях, что давно лежат в земле, воспоминаний о свадьбах, крестинах, днях рождения и поминках, о вечеринках, коктейлях, костюмированных балах, о детях, носившихся по залу под возмущенные окрики тетушек.

Ушло, все ушло.

Пендергаст поднялся по лестнице. Два коридора вели в противоположные крылья дома со спальнями, а прямо впереди был кабинет — за дверью с аркой, украшенной парой слоновых бивней.

На полу кабинета лежала шкура зебры, со стены над большим камином смотрела злыми стеклянными глазками голова капского буйвола. Висели тут и другие головы: куду, бушбока, оленя, лани, дикого вепря, лося.

Пендергаст заложил руки за спину и медленно прошелся по комнате. Среди этих стражей памяти и давно минувших событий он, сам не желая, вернулся мыслями к Хелен. Прошлой ночью ему привиделся старый кошмар — такой же яркий и страшный, как и всегда; у него до сих пор сосало под ложечкой. Быть может, кабинет изгонит этого демона, хотя бы ненадолго. Навсегда жуткое воспоминание, конечно, не уйдет.

В дальнем углу стояла запертая стойка с коллекцией охотничьих винтовок. После того дня Пендергаст ни разу не охотился. От одной мысли об охоте ему становилось плохо. Злая, жестокая забава — унция металла летит в дикое животное со скоростью две тысячи футов в секунду. Он и сам удивлялся, что в молодости ему это нравилось. Хелен — вот она любила охотиться... Необычное увлечение для женщины, но и сама Хелен была необычной женщиной. Очень необычной.

Оптический прицел на двустволке Хелен покрыл слой пыли. Боковые пластины «Кригхоффа» украшала гравировка и инкрустация из золота и серебра, ореховый приклад за время долгого использования отполировался. То был свадебный подарок Пендергаста, сделанный как раз перед тем, как они — в свой медовый месяц — отправились в Танзанию охотиться на капских буйволов. Красивая вещь — стоит шестизначную сумму, отличное дерево, драгоценные металлы, — а предназначена для такой жестокой забавы.

На дульном срезе притаилось пятнышко ржавчины.

Пендергаст подошел к двери и крикнул вниз:

— Морис! Принесите, пожалуйста, ключи от оружейной стойки.

Через некоторое время Морис появился в холле.

— Сейчас, сэр. — Дворецкий исчез, а через минуту уже взбирайся по скрипучей лестнице, держа в костлявой руке железный ключ. Он проковылял мимо Пендергаста и вставил ключ в замок.

— Прошу вас. — Лицо у него было бесстрастное, но он явно гордился: и ключ у него под рукой, и вообще он всегда готов служить.

— Спасибо, Морис.

Дворецкий вышел.

Пендергаст открыл стойку и медленно взялся за холодный металл двустволки. От одного прикосновения к ее оружию пальцы затрепетали. Сердце почему-то заколотилось — верно, все еще давал себя знать ночной кошмар. Пендергаст вынул двустволку и перенес ее на длинный стол посередине комнаты. Из ящика под стойкой он взял принадлежности для чистки оружия и разложил рядом с винтовкой.

Потом вытер руки, взял винтовку, переломил стволы и заглянул в них.

Удивительно: правый ствол полностью забит, левый — пуст. Пендергаст положил винтовку и задумался. Затем снова вышел к лестнице.

— Морис!

Появился дворецкий.

— Да, сэр?

— Не знаете ли, после... смерти моей жены из «Кригхоффа» никто не стрелял?

— Вы ясно распорядились, сэр, чтоб никто оружие не трогал. Ключ хранится у меня. Никто даже к стойке не подходил.

— Спасибо, Морис.

— К вашим услугам, сэр.

Пендергаст вернулся в кабинет и на этот раз прикрыл за собой дверь. Взял из ящика письменного стола лист старой почтовой бумаги, расстелил на столе. Потом вставил шомпол в правый ствол, вытолкнул грязь на лист и стал разглядывать: обгоревшие кусочки и клочки какого-то материала, похожего на бумагу. Пендергаст достал из кармана лупу, с которой никогда не расставался, вставил ее в глаз и стал внимательно изучать клочки. Никаких сомнений: обгорелые съежившиеся остатки пыжа.

Но ведь в патронах пятидесятого калибра пыж не используется! Пуля, заряд, капсюль. Такой патрон, даже бракованный, подобных следов никогда не оставит!

Пендергаст изучил левый ствол, чистый и хорошо смазанный. С помощью шомпола он протолкнул через ствол тряпицу. Никакой грязи.

Пендергаст резко выпрямился, пораженный дикой мыслью. В последний раз из двустволки стреляли в тот страшный день. Он заставил себя вернуться мыслями в прошлое, хотя прежде всеми силами

избегал этого. Когда же он начал вспоминать, восстановить детали оказалось нетрудно. Каждый миг той охоты навсегда врезался в память.

Хелен выстрелила только один раз. У «Кригхоффа» два спусковых крючка — один позади другого. Передний крючок — для правого ствола, и первым обычно нажимают его.

Сделав по красному льву единственный выстрел, Хелен промахнулась. Пендергаст всегда объяснял это отклонением пули — пуля может значительно отклониться, если заденет, например, траву, — или тем, что Хелен волновалась.

Однако Хелен не из тех, кто паникует, даже в чрезвычайных обстоятельствах. Промахивалась она редко. И в последний раз она тоже не промахнулась… или не промахнулась бы, будь в правом стволе пуля. Вот разве что в стволе была не пуля, а холостой патрон… А чтобы холостой выстрел дал отдачу и прозвучал как настоящий, нужен большой плотный пыж, от которого в стволе остается именно такая грязь.

Если бы не самообладание, Пендергаст мог бы тронуться умом от потрясения, вызванного такими мыслями. В то утро в лагере, перед самым выходом, Хелен зарядила двустволку патронами пятидесятого калибра. Он сам это видел. И знал, что они были не холостые. Никто — и уж точно не Хелен — не спутает холостой патрон с патроном боевым. Он отлично помнил, как блеснула медь мягконосых пуль, когда жена засылала патроны в стволы.

В промежуток между тем, как она зарядила свой «Кригхофф», и выстрелом, кто-то вынул боевые патроны и вставил холостые. А потом, после охоты, кто-то убрал и холостой патрон, и стреляную гильзу, устраняя следы содеянного. Однако преступник допустил ошибку: не почистил ствол, оставил в нем улику — грязь.

Пендергаст откинулся на спинку стула. Прижал ко рту дрожащую руку.

Хелен погибла не из-за несчастного случая. Произошло убийство.

6

Нью-Йорк

Суббота, четыре часа утра. Лейтенант Винсент д’Агоста протолкался через толпу зевак, нырнул под заградительную ленту и подошел к телу, распростертому на тротуаре у дверей одного из бесчисленных индийских ресторанчиков на Шестой Восточной улице. Под трупом натекла большая лужа крови; нереально красивым казалось отражение в ней красных и лиловых огней пыльной витрины ресторана.

В злодея выпустили полдюжины пуль, не меньше. Он лежал на боку, откинув одну руку, а ствол валялся в двадцати футах. Криминалист измерял рулеткой расстояние от руки до оружия.

Убитый — сухопарый белый мужчина лет тридцати — походил на изломанную палку: колено одной ноги прижато к груди, другая нога отогнута в сторону, руки широко раскинуты. Двое стрелявших копов — здоровенный негр и жилистый латиноамериканец — стояли в сторонке и общались с уполномоченным отдела внутренних расследований полицейского управления.

Д’Агоста подошел, кивнул присутствующим, пожал руки копам, вспотевшим от волнения.

«Убийство — тяжелый груз на совести», — подумал д’Агоста.

— Лейтенант, — обратился к нему один из копов, которому не терпелось еще раз рассказать все свежему человеку, — этот тип только что грабанул с пушкой ресторан и бежал по улице. Мы назвались, показали наши полицейские жетоны, а он, гад, открыл огонь — стрелял на бегу, а на улице полно народу... У нас выбора не оставалось, пришлось его достать. Больше никак, никак.

Д’Агоста одобрительно похлопал копа по плечу и посмотрел на табличку с именем.

— Успокойся, Окампо. Вы сделали все как положено. Расследование это подтвердит.

— Он так палил, как будто завтра конец света.

— Для него — уже наступил.

Д’Агоста отвел в сторонку представителя отдела внутренних расследований.

— Какие-то проблемы?

— Вряд ли, сэр, — ответил уполномоченный, закрывая блокнот. — Слушания, конечно, не избежать. Но тут все ясно. — Лейтенант понизил голос: — Проследите, чтобы ребята получили психологическую помощь. И пусть, прежде чем давать показания, поговорят с адвокатом.

— Сделаем.

Д’Агоста задумчиво посмотрел на убитого.

— И сколько он взял?

— Долларов двести. Наркоман чертов. Высох уже от героина.

— Тяжелый случай. Опознать можем?

— Уоррен Забриски, из Фар-Рокауэй.

Глядя на место происшествия, д’Агоста покачал головой. Все прямо как по заказу: пара копов, и оба принадлежат к этническим меньшинствам; убитый преступник — белый, свидетелей — завались, происшествие снято камерой наблюдения. Все просто и ясно. Никакой Эл Шарптон[5] не поднимет вой, никаких тебе маршей протеста или криков о полицейском беспределе. Злодей получил по заслугам — всякий признает.

Д’Агоста огляделся. Несмотря на холод, за лентой собралась немалая толпа. Рокеры, яппи, метросексуалы — черт их разберет, как они теперь называются. У тела все еще суетились судмедэксперты, у обочины стояла «скорая», детективы допрашивали владельца ограбленного ресторана. Все работают, всё под контролем. Скверное дельце — пойдет теперь писанина, отчеты, допросы, показания, слушания, пресс-конференции… И все из-за паршивых двух сотен — на дозу героина.

Лейтенант подумывал, как бы незаметнее смыться, когда в дальнем конце ограждения поднялся шум. Кто-то поднырнул под ленту и вошел в огороженную зону. Д’Агоста сердито повернулся — и оказался лицом к лицу с особым агентом Алоизом Пендергастом, за которым спешили два полисмена в форме.

— Эй, вы! — крикнул один коп, грубо хватая агента за плечо. Пендергаст легким движением освободился, достал свой жетон и сунул полицейскому под нос.

— Какого… — начал коп, слегка отшатнувшись. — ФБР! Он из ФБР!

— А тут он что делает? — спросил другой.

— Пендергаст! — воскликнул д’Агоста, шагнув к нему. — Вас-то сюда каким ветром? Это убийство вроде бы не ваша…

Резким, нервным жестом Пендергаст прервал лейтенанта. Неоновый свет покрыл и без того бледное лицо Пендергаста смертельной, призрачной белизной. В своем черном, сшитом на заказ костюме агент, как всегда, выглядел словно преуспевающий владелец похоронного бюро. И все же сегодня он был другим — совершенно другим.

— Мне нужно с вами поговорить. Прямо сейчас.

— Конечно. Как только я закруглюсь…

— Немедленно, Винсент.

Д’Агоста уставился на агента. Перед ним стоял не тот собранный холодный Пендергаст, к которому он привык. Эту, другую сторону его натуры лейтенант увидел впервые: раздражительность, бесцеремонность, резкие движения. И не только — при ближайшем рассмотрении д’Агоста заметил, что всегда безупречный костюм агента помят и не чищен.

Пендергаст схватил д’Агосту за лацкан.

— Я прошу вас об одолжении. Больше чем об одолжении. Пойдемте со мной.

Потрясенному такой горячностью д’Агосте ничего не оставалось, как подчиниться. Пройдя через огороженную зону под пристальными взглядами подчиненных, лейтенант проследовал за Пендергастом через толпу к ожидавшему их «Роллс-ройсу». Проктор — шофер Пендергаста — с непроницаемым лицом сидел за рулем.

Д’Агосте пришлось почти бежать, чтобы не отстать.

— Вы же знаете — я сделаю все, чтобы вам помочь.

— Не говорите ничего, вообще молчите, пока не выслушаете до конца.

— Ну ладно, — поспешно согласился д’Агоста.

— Садитесь.

Пендергаст скользнул на заднее сиденье и открыл маленький бар. Схватив графин, плеснул в стакан на три пальца бренди, одним глотком выпил половину и повернулся к д’Агосте. Серебристые глаза Пендергаста сверкали от волнения.

— Это не обычная просьба. Если вы не сможете ее выполнить или не захотите, я пойму. Только не мучьте меня вопросами, Винсент, — у меня нет времени. Просто нет времени. Слушайте, а потом будете решать.

Д’Агоста кивнул.

— Мне нужно, чтобы вы взяли отпуск. Наверное, на целый год.

— На год?!

Пендергаст опрокинул в себя остатки бренди.

— Может, потребуется несколько месяцев, а может — недель. Заранее сказать нельзя.

— Потребуется на что?

Пендергаст ответил не сразу.

— Я вам рассказывал о Хелен, моей покойной жене?

— Нет.

— Она погибла двенадцать лет назад во время сафари в Африке. Ее загрыз лев.

— О Боже... сочувствую.

— Я всегда думал, что это был несчастный случай. Теперь знаю, что нет.

Д'Агоста ждал.

— Ее убили.

— Господи!

— Следов уже не осталось, Винсент. Вы мне нужны — ваш опыт, находчивость, ваше знание людей, ваше логическое мышление. Помогите мне найти того — или тех, — кто это сделал. Я, конечно, оплачу все расходы и позабочусь, чтоб ваш заработок и страховка не пострадали.

В салоне воцарилась тишина. Д'Агоста был ошеломлен. А как же его карьера, его отношения с Лорой, его будущее? Безответственный план. Мало того, просто безумный.

— Расследование официальное?

— Нет, только вы и я.

— А когда найдем убийцу?

— Позаботимся о правосудии.

— То есть?

Пендергаст яростным жестом плеснул в стакан бренди, проглотил и опять уставился на д'Агосту холодным, как платина, взглядом.

— Мы убьем его.

7

«Роллс-ройс» несся по Парк-авеню; мимо желтыми пятнами мелькали запоздалые такси. Д'Агоста сидел рядом с Пендергастом и старался не обращать любопытного взгляда в его сторону. Таким он его раньше не видел: нетерпеливый, взъерошенный...

— Когда вы это узнали? — отважился спросить д'Агоста.

— Сегодня вечером.

— И каким образом?

Машина резко свернула на Семьдесят седьмую улицу и понеслась к Центральному парку. Пендергаст убрал в бар стакан из-под бренди, который до сих пор, сам того не замечая, держал в руке. Глубоко вздохнул.

— Двенадцать лет назад в Замбии нас с Хелен попросили убить льва-людоеда, льва с необычайной красной гривой. Точно такой лев наводил ужас на местных жителей сорок лет назад.

— А почему попросили именно вас?

— Частично из-за того, что у меня была профессиональная лицензия на отстрел. В этом случае по требованию властей полагается убивать любых животных, угрожающих деревням или охотничьим лагерям. — Пендергаст не отрываясь смотрел в окно. — Лев убил немецкого туриста прямо в лагере сафари. Мы с Хелен выехали из нашего лагеря, чтобы покончить со зверем.

Машина двигалась по парку, сверху в тревожном ночном небе мелькали голые ветки.

— Лев бросился на нас из укрытия, напал на меня и следопыта. Когда зверь уходил в буш, Хелен выстрелила в него и как будто промахнулась. Она стала перевязывать следопыта... — У Пендергаста задрожал голос, и он замолчал, пытаясь взять себя в руки. — Стала перевязывать следопыта, и тут лев бросился второй раз. Он уволок Хелен. Больше я ее не видел. Живой не видел.

— Боже мой! — У д’Агосты по коже пробежали мурашки.

— Сегодня вечером в нашем поместье я случайно обратил внимание на ее винтовку. В то утро, двенадцать лет назад, кто-то вынул из винтовки боевые патроны и вставил холостые. Она не промахнулась. Пули просто не было.

— Вот черт! Вы уверены?

Теперь Пендергаст отвернулся от окна и тяжело уставился на лейтенанта.

— Винсент, стал бы я все это говорить... и был бы я сейчас здесь, не будь я полностью уверен?

— Простите.

Оба замолчали.

— Значит, вы это обнаружили сегодня вечером в Новом Орлеане?

Пендергаст коротко кивнул.

— Я заказал чартерный рейс.

«Роллс-ройс» затормозил на Семьдесят второй улице перед входом в «Дакоту». Едва автомобиль остановился, как Пендергаст выскочил наружу и пробежал мимо помещения охраны под сводчатую арку каретного подъезда, не обращая внимания на крупные капли дождя, что шлепались на асфальт. Д'Агоста рысил следом — в большой внутренний двор, мимо ухоженных растений и журчащих бронзовых фонтанов к узкому вестибюлю в юго-западной части здания. Пендергаст нажал кнопку лифта, и двери с шорохом разошлись. Поднимались молча. Через минуту двери опять раскрылись, и друзья попали в небольшое помещение с единственной дверью в торце. Замочной скважины д'Агоста не видел, но Пендергаст совершил у двери какую-то странную манипуляцию, и раздался звук открывающегося замка. За дверью оказалась тускло освещенная гостиная: три стены розовые, четвертая — черного мрамора, по которому плоской широкой струей текла вода.

Пендергаст указал на расставленные в комнате черные кожаные диваны.

— Присядьте. Я сейчас.

Д'Агоста откинулся на спинку и стал наслаждаться журчанием воды, видом деревьев бонсай и запахом цветов лотоса. Толстые стены «Дакоты» приглушали раскаты грома. Все в комнате навевало покой. Однако как раз покоя д'Агоста сейчас не испытывал. Он опять думал о том, как вывернется перед боссом и особенно перед Лорой Хейворд.

Пендергаст вернулся через десять минут — гладко выбритый, в чистом черном костюме.

— Спасибо, что подождали, Винсент. Продолжим.

Д'Агоста прошел за другом через длинный холл, с любопытством посматривая по сторонам: библиотека, галерея, от пола до потолка увешанная картинами, винный погреб. Пендергаст остановился перед единственной закрытой дверью и открыл ее таким же таинственным движением пальцев.

В комнате едва умещался длинный стол и два стула. Одну из стен почти полностью занимал банковский сейф не меньше четырех футов в ширину.

Пендергаст опять жестом пригласил лейтенанта сесть, а сам вышел. Через минуту он вернулся с кожаным саквояжем, водрузил его на стол и извлек набор лабораторных пробирок и флаконов со стеклянными пробками, которые аккуратно расставил на полированной столешнице.

Его рука слегка дрогнула, пробирки тихонько звякнули. Приготовив все, он шагнул к сейфу и отпер его, пять или шесть раз повернув диск. Тяжелая дверь распахнулась, и д’Агоста увидел, что внутри — выдвижные контейнеры, как в банковских хранилищах. Пендергаст вынул один контейнер и положил на стол. Потом, закрыв сейф, сел напротив лейтенанта.

Некоторое время он сидел неподвижно. Раздался еще один раскат грома — далекий и приглушенный, Пендергаст очнулся, вынул из саквояжа белый шелковый носовой платок и расстелил на столе. Придвинул стальной ящик, поднял крышку и извлек два предмета: клок жесткой красной шерсти и золотое кольцо с красивым звездчатым сапфиром. Пинцетом отодвинул шерсть и взял в руку кольцо — жест его был исполнен такой нежности, что д’Агоста растрогался до глубины души.

— Это я взял на память о Хелен, — пояснил Пендергаст. При слабом освещении его лицо казалось еще изможденнее. — Двенадцать лет я к ним не прикасался. Ее обручальное кольцо... и клок шерсти, который она вырвала из гривы льва.

Д’Агоста моргнул.

— Что вы намерены делать?

— Прислушаюсь к интуиции.

Откупорив флаконы, Пендергаст стал сыпать из них в пробирки какие-то порошки. Потом с помощью пинцета отделил красные шерстинки и опустил по несколько штук в каждую пробирку. Достал из саквояжа маленький коричневый флакон и капнул из него в пробирки. В первых четырех ничего не изменилось, зато в пятой жидкость немедленно пожелтела и стала похожа на зеленый чай. Пендергаст набрал пипеткой каплю жидкости и выпустил на извлеченную из саквояжа полоску бумаги.

— Уровень pH — три целых и семь десятых, — сообщил он, глядя на лакмус. — Как раз такая слабая концентрация кислоты и нужна, чтобы извлечь из растения природные нафтохиноны.

— Из какого растения? — не понял д’Агоста. — Что это?

Пендергаст перевел глаза на лейтенанта, потом обратно на бумажку.

— Можно провести и другие тесты, но нет смысла. Грива льва, который убил мою жену, выкрашена с помощью растения Lawsonia inermis, более известного под названием «хна».

— Хна? Вы хотите сказать, что гриву выкрасили хной?

— Именно. — Пендергаст опять поднял на него глаза. — Проктор отвезет вас домой. На сборы даю три часа, не больше.

— Не понял?

— Винсент, мы едем в Африку.

8

Д’Агоста в некоторой растерянности стоял в холле их с Лорой Хейворд трехкомнатной квартиры. Вообще-то квартира была ее, но с недавнего времени д’Агоста стал вносить свою долю квартплаты. Чтобы уломать на это Лору, ушло несколько месяцев. Теперь он страстно надеялся, что неожиданный оборот событий не пустит насмарку все усилия, которые он приложил для восстановления их отношений.

Лора сидела в постели, откинувшись на подушки, и выглядела прекрасно, хотя всего пятнадцать минут назад ее разбудили от сладкого сна. Часы на комоде показывали без десяти шесть.

С непроницаемым лицом она встретила взгляд д’Агосты.

— Так в чем дело? — спросила она. — Откуда ни возьмись является вдруг Пендергаст с какой-то сумасшедшей историей, и — нате вам! — ты позволяешь себя куда-то тащить.

— Лора, он сегодня узнал, что его жену убили. И считает, что помочь ему могу только я.

— Помочь? А себе помочь не хочешь? Ты до сих пор никак не выберешься из ямы, куда попал после истории с Диогеном. И между прочим, вырыл ее для тебя именно Пендергаст.

— Он мой друг, — ответил д’Агоста. Впрочем прозвучало это неубедительно, даже для него самого.

— Невероятно! — Лора возмущенно тряхнула головой; длинные черные локоны рассыпались по плечам. — Я ложусь спать — тебя вызывают на рутинное убийство. Просыпаюсь — а ты пакуешь вещи и даже не знаешь, когда вернешься!

— Милая, это ненадолго. Я ведь и работой своей дорожу.

— А мной? Как же я? У тебя здесь не только работа!

Д’Агоста шагнул в спальню и присел на край постели.

— Я поклялся никогда тебя не обманывать, потому-то и рассказываю тебе все. Пойми, ты для меня важнее всего. — Он перевел дух. — Если скажешь мне остаться — я останусь.

С минуту Лора смотрела на него. Потом ее лицо смягчилось.

— Ты знаешь, что я так не скажу. Не стану вклиниваться между тобой и... этим делом.

Д'Агоста взял ее за руку.

— Я вернусь, как только смогу. Буду звонить тебе каждый день.

Лора заправила за ухо иссиня-черную прядь.

— А Глену ты уже сказал?

— Нет, я сюда прямо от Пендергаста.

— Так лучше позвони ему и порадуй, что берешь отпуск на неизвестный срок. Он ведь может сказать «нет» — и как тогда быть?

— Нужно что-то придумать.

Лора откинула одеяло и спустила ноги на пол. Как же он оставит такую женщину даже на день, не говоря уже о неделе, месяце... или годе?

— Помогу тебе собраться.

Д'Агоста прокашлялся.

— Лора...

Она приложила палец ему к губам:

— Лучше помолчи.

Он согласно кивнул.

Лора прильнула к нему и легонько поцеловала.

— Обещай мне только одно.

— Все, что захочешь.

— Обещай себя беречь. Я переживу, если из-за этой дурацкой затеи погибнет Пендергаст. А вот если что-то стрясется с тобой, я сильно разозлюсь. А ты сам знаешь, какая я тогда противная.

9

«Роллс-ройс» с неизменным Проктором за рулем мчался по скоростному шоссе Бруклин-Квинс к югу от Бруклинского моста. Д'Агоста смотрел в окно: два буксира тянули гигантскую баржу, груженную штабелями побывавших под прессом автомобилей; за баржей оставалась пенистая дорожка. Все произошло так быстро, что у д'Агосты до сих пор не укладывалось в голове. Они с Пендергастом

направлялись в аэропорт Кеннеди, однако сперва предстояло сделать один краткий — но очень важный, по словам Пендергаста, — визит.

— Винсент, — предупредил лейтенанта Пендергаст, — нам придется набраться терпения. Моя тетя Корнелия, говорят, совсем плоха.

Д’Агоста поерзал.

— Боюсь, я не совсем понимаю, зачем нам к ней заезжать.

— Она может пролить некоторый свет на ситуацию. Хелен была ее любимицей. К тому же я должен проконсультироваться с тетей по поводу некоторых вопросов семейной истории, которые, как я опасаюсь, имеют отношение к убийству.

Д’Агоста хмыкнул. Корнелия — двоюродная бабушка Пендергаста — его не интересовала; по правде сказать, старую ведьму он не выносил, и несколько его визитов в больницу Маунт-Мёрси для душевнобольных преступников были не особенно приятными. Однако когда имеешь дело с Пендергастом, всегда лучше плыть по течению.

Свернув с шоссе, «роллс-ройс» двигался по боковым улочкам, потом миновал узкий мост на Губернаторский остров; дорога виляла теперь по топким лугам, затянутым утренней дымкой, плывущей над камышами.

По обеим сторонам высились старые дубы — некогда это была роскошная аллея, ведущая в большое поместье, а теперь лишь сухие ветви хищно тянулись к небу.

Проктор затормозил перед будкой охранника, и оттуда вышел служащий в форме.

— Как вы быстро, мистер Пендергаст.

И, не прибегая к обычным формальностям, дал знак проезжать.

— О чем это он? — спросил д’Агоста, оглядываясь на охранника.

— Понятия не имею.

Проктор припарковал «Роллс-ройс», и они вышли.

Дежурного за резной стойкой не было, а вокруг царила какая-то суета. Тут в мраморном вестибюле появилась дребезжащая каталка, которую толкали двое здоровенных санитаров. На ней лежало прикрытое черным покрывалом тело. У служебного подъезда затормозила «скорая помощь» — без сирены и мигалок.

— Доброе утро, мистер Пендергаст. — Через вестибюль, протягивая руку, спешил доктор Остром, лечащий врач тети Корнелии. Лицо у него было

сосредоточенное — и удивленное. — Э-э... Я как раз намеревался вам позвонить. Прошу вас пройти со мной.

Они двинулись за доктором по коридору — некогда роскошному, а теперь отличавшемуся казенной простотой.

— У меня печальная новость, — сказал Остром на ходу. — Меньше получаса тому назад ваша двоюродная бабушка скончалась.

Пендергаст остановился и медленно выдохнул, опустив плечи. Д'Агоста вздрогнул. Тело, которое везли на каталке, вероятно, принадлежало Корнелии.

— Смерть естественная? — ровным голосом поинтересовался Пендергаст.

— Более или менее. По правде сказать, последние дни ваша тетушка часто тревожилась и начинала бредить.

Пендергаст на миг задумался.

— О чем именно она бредила?

— Ничего особенного, обычные разговоры о семье.

— А можно поконкретнее?

Доктору явно не хотелось рассказывать.

— Она думала... думала, что некто по имени Амбергрис намерен явиться в Маунт-Мёрси и отомстить ей за злодеяние, которое она, по ее словам, учинила много лет назад.

— Подробностей о своем злодеянии она не сообщала? — спросил Пендергаст.

— Сплошная фантастика. Будто бы она бритвой разрезала какому-то ребенку язык, чтобы не дерзил.

Пендергаст скептически покачал головой. Д'Агоста невольно прикусил язык.

— Так или иначе, — продолжил Остром, — поведение вашей тетушки стало все более буйным, пришлось держать ее в смирительной рубашке и на препаратах. Точно в час якобы назначенной встречи с Амбергрисом с вашей тетушкой случился обширный инсульт, которого она не пережила... Ну, вот мы и пришли.

Доктор вошел в небольшую комнатку без окон, украшенную старинными холстами и мягкими безделушками: ничего такого, чем можно нанести увечье — себе или другим. Даже картины висели без

подрамников, на тонких бечевках. Д'Агоста окинул взглядом койку, стол, искусственные цветы в корзине, пятно на стене, очертаниями похожее на бабочку, — все было очень унылым. Он вдруг почувствовал жалость к сумасшедшей старой даме.

— Теперь вопрос о личном имуществе, — продолжал доктор. — Эти картины, как я понимаю, довольно ценные.

— Да, — ответил Пендергаст. — Продайте их на торгах у Кристи, а выручку примите в качестве благодарности за хорошую работу.

— Весьма великодушно с вашей стороны, мистер Пендергаст. Следует ли произвести вскрытие? Когда пациент умирает в больнице, у вас есть законное право...

Пендергаст жестом прервал его.

— Нет необходимости.

— А приготовления к похоронной церемонии?

— Церемонии не будет. По поводу погребения с вами свяжется поверенный нашей семьи, мистер Огилби.

— Хорошо.

Пендергаст окинул взглядом комнату, будто желая запомнить подробности, и повернулся к д'Агосте. Лицо его ничего не выражало, но в глазах застыла печаль, даже скорбь.

— Винсент, — сказан он. — Нам нужно успеть на самолет.

10

Замбия

Улыбающийся щербатый человек, встретивший путешественников у пыльной посадочной полосы, назвал свою машину «Лендровером». Держась изо всех сил за трубу каркаса, д'Агоста думал о том, что это более чем преувеличение — подобное устройство вообще не заслуживало называться автомобилем. Стекол в машине не было, верха тоже; ни радио, ни ремней безопасности. Капот прикручен проволокой. Под ржавым дырявым днищем мелькала грунтовая дорога.

Пендергаст — в тропической рубашке, шортах и шляпе-сафари от Тилли — объехал большую рытвину, зато угодил в яму поменьше. Д'Агосту тряхнуло; он сжал зубы и посильнее вцепился в каркас. Ну и кошмар! Жара адская, пыль набилась в нос, глаза, волосы, во все мыслимые и немыслимые места. Д'Агоста хотел попросить Пендергаста уменьшить

скорость, но вовремя передумал. Чем больше приближались они к месту гибели Хелен, тем мрачнее делался его друг.

Он лишь слегка сбросил скорость, подъезжая к деревне — очередной жалкой кучке хижин из глины и тростника, пропекшихся под жарким солнцем. Никакого электричества, один колодец на всю деревню — на перекрестке улиц. Повсюду свиньи, куры, дети.

— А я-то считал, что южный Бронкс — скверное местечко, — пробормотал д’Агоста скорее себе, чем спутнику.

— До лагеря Нсефу еще десять миль, — сказал Пендергаст, выжимая акселератор.

Машина опять попала в рытвину; д’Агоста подпрыгнул и больно приземлился на копчик. Руки после прививок болели, от тряски и жары раскалывалась голова. Единственное, что за последние тридцать шесть часов далось легко, так это звонок боссу — Глену Синглтону. Капитан утвердил его отпуск, почти не задавая вопросов, словно даже испытал облегчение оттого, что д’Агоста уезжает.

Через полчаса достигли Нсефу. Пендергаст вырулил на площадку под колбасными деревьями, и перед д’Агостой открылся лагерь фотосафари — аккуратные ряды опрятных тростниковых хижин, два навеса с надписями «Столовая» и «Бар», деревянные дорожки-настилы, соединяющие друг с другом все строения, и льняные тенты над удобными шезлонгами, в которых развалились толстые и довольные туристы с фотокамерами на груди. Вдоль хижин тянулись ряды ламп, в зарослях бодро урчал генератор.

— Ни дать ни взять диснеевский мультик, — удивился д’Агоста, выбираясь из машины.

— За двенадцать лет многое изменилось, — ровным голосом ответил Пендергаст.

Они чуть-чуть постояли в тени колбасного дерева, не двигаясь и не разговаривая. Д’Агоста ощутил запах костра, скошенной травы и — едва различимо — мускусный дух какого-то зверя. Напоминающий волынку гул насекомых смешивался с другими звуками: рокотом генератора, воркованием голубей, непрестанным журчанием реки Луангвы. Д’Агоста исподтишка глянул на спутника: Пендергаст согнулся, словно под тяжким грузом, глаза неестественно блестели, на лице застыло выражение нетерпения и страха, уголок рта подергивался. Он, должно быть, почувствовал взгляд д’Агосты, потому что выпрямился и одернул жилет. Глаза так и не утратили странного блеска.

— Идем.

Пендергаст двинулся мимо хижин и столовой к небольшому строению, расположенному особняком в подлеске на самом берегу Луангвы. Одинокий слон, стоя по колено в мутной, глинистой воде, втянул хоботом воду и вылил себе на спину, затем поднял морщинистую голову и испустил трубный звук.

В строении, видимо, помещалась администрация лагеря. Приемная была пуста, а в кабинете за столом сидел человек и что-то старательно строчил в блокноте. Ему было около пятидесяти — худой, жилистый, светлые, выбеленные солнцем волосы, очень загорелые руки.

— Чем могу… — При виде вошедших он умолк — явно ожидал увидеть кого-то из клиентов. — Кто вы?

— Андерхилл, — представился Пендергаст. — А это мой друг Винсент д’Агоста.

Хозяин кабинета перевел взгляд с одного на другого.

— Чем могу быть полезен?

Похоже, нежданные гости заглядывали сюда нечасто.

— Можно узнать ваше имя? — спросил Пендергаст.

— Рейз.

— Мы с другом приезжали сюда на сафари лет двенадцать назад. Нам случилось опять попасть в Замбию по дороге в лагерь Мганди, вот и решили заскочить к вам. — Пендергаст холодно улыбнулся.

Рейз выглянул в окно и посмотрел на парковочную площадку.

— Мганди, говорите?

Пендергаст кивнул.

Рейз кашлянул и протянул ему руку:

— Простите. У нас тут такие дела — повстанцы и всякое такое, поневоле запаришься.

— Понимаю.

Рейз показал на два обшарпанных деревянных стула.

— Садитесь, пожалуйста. Что вам предложить?

— Хорошо бы пивка, — мигом ответил д’Агоста.

— Конечно. Минуточку… — Рейз исчез и тут же вернулся с двумя бутылками пива «Моси». Д’Агоста пробормотал «спасибо» и сразу сделал большой глоток.

— Вы — директор лагеря? — спросил Пендергаст, когда Рейз опять уселся за стол.

Тот покачал головой.

— Я администратор. Вам нужен Фортнум. Он ушел утром, с группой.

— Фортнум, значит… — Пендергаст окинул взглядом кабинет. — Лагерь очень изменился.

— Приходится поддерживать конкурентоспособность, — объяснил Рейз с невеселой усмешкой. — Клиентам теперь подавай не только природу, но и удобства.

— Конечно. А жаль, правда, Винсент? Мы тут надеялись увидеть знакомых…

Д’Агоста кивнул.

Пендергаст как будто призадумался.

— А Алистер Уокинг? Он все еще окружной комиссар?

Рейз покачал головой.

— Умер, давно. Погодите-ка… Почти десять лет назад.

— Вот как? Что же случилось?

— Несчастный случай на охоте. У нас тут отбраковывали слонов, и он тоже присутствовал. Ему случайно выстрелили в спину. Такое вот несчастье.

— Достойно сожаления. Теперешнего директора, говорите, зовут Фортнум? А тогда был Уизли. Гордон Уизли.

— С ним-то все в порядке, — ответил Рейз. — Ушел от нас в позапрошлом году. Говорят у него теперь охотничья концессия у водопада Виктория… Живет как король. Его ребята просто по струнке ходят.

Пендергаст повернулся к д’Агосте:

— Винсент, а не припомните, как звали нашего оруженосца?

— Нет, — искренне ответил тот.

— Погодите… Вильсон Ньяла! С ним можно увидеться, мистер Рейз?

— Вильсон умер весной. Тропическая лихорадка. — Рейз нахмурился. — Минутку, вы говорите — оруженосец?

— Жаль. А наш следопыт, Джейсон Мфуни?

— Не слыхал. Впрочем, такие сотрудники часто меняются. Так погодите, что там насчет оруженосца? Ведь у нас, в Нсефу, только фотосафари.

— Наше сафари было особенное.

Слово «особенное» у Пендергаста прозвучало так, что д'Агоста, несмотря на жару, почувствовал озноб.

Рейз недоуменно нахмурился.

— Благодарю за гостеприимство. — Пендергаст встал, и д'Агоста последовал его примеру. — Значит, у Уизли теперь концессия у водопада Виктория? А название лагеря?

— Улами-Стрим. — Рейз тоже встал.

— Вы позволите нам пройтись по лагерю?

— Если угодно. Только не беспокойте гостей.

Выйдя наружу, Пендергаст посмотрел по сторонам, как будто пытался сориентироваться, и, не говоря ни слова, зашагал по утоптанной тропе прочь из лагеря. Д'Агоста поспешил следом.

Солнце жгло немилосердно, гул насекомых все нарастал. По одну сторону тропы простирались заросли кустов и деревьев, по другую текла река Луангва. Рубашка прилипла к спине и плечам д'Агосты.

— Куда мы?

— В заросли. Туда, где… — Пендергаст не договорил.

Д'Агоста сглотнул.

— Ну да, конечно. Ведите.

Неожиданно Пендергаст повернулся к спутнику. Никогда д'Агоста не видел у друга такого лица — печаль, мука, бесконечная усталость.

— Извините, Винсент, но это я должен сделать один.

Д'Агоста с облегчением перевел дух.

— Понимаю.

Пендергаст посмотрел на него своими светлыми глазами, коротко кивнул, повернулся и ушел твердой, решительной поступью — прямо в буш, скрывшись в густой тени деревьев.

11

Где находится хозяйство Уизли, знали все. Оно располагалось на невысоком холме в лесах к северо-западу от водопада Виктория, и вела к нему хорошая грунтовая дорога. Когда перед последним поворотом ветхое авто притормозило, д'Агосте показалось, что он слышит водопад. Далекий низкий рев ощущался не как звук, а скорее как вибрация.

Лейтенант взглянул на Пендергаста. От лагеря Нсефу пришлось ехать несколько часов, и за все это время его друг произнес лишь несколько фраз. Д'Агосте хотелось расспросить, дали ли что-нибудь поиски в зарослях, но, похоже, было не время. Когда Пендергаст захочет — сам расскажет.

За поворотом возник дом: белый, в колониальном стиле, с четырьмя невысокими колоннами и верандой. Строгие линии здания смягчались заботливо ухоженными кустами — азалиями, самшитом, бугенвиллеями. Все поместье — пять или шесть акров — будто вырезали из окружавших его джунглей. Перед гостями раскинулась изумрудно-зеленая лужайка, усеянная клумбочками с розами всех мыслимых оттенков. Если не считать удивительной яркости цветов, поместье выглядело бы вполне привычно в Гринвиче или, например, в Скарсдейле.

— Похоже, старина Уизли прекрасно устроился, — пробормотал д'Агоста себе под нос.

Пендергаст кивнул, устремив светлые глаза на дом.

— Тот парень, Рейз, говорил о каких-то ребятах, — продолжал д'Агоста. — А жена? Или он разведен?

Пендергаст выдавил ледяную улыбку.

— Полагаю, Рейз имел в виду нечто другое.

Он медленно подъехал к площадке перед домом, остановился и заглушил двигатель.

На веранде в огромном плетеном кресле, закинув ноги на табурет, сидел грузный мужчина лет шестидесяти. Белый льняной костюм подчеркивал красноту мясистого лица. Голову венчали подстриженные в кружок, как у монаха, редкие рыжие волосы. Мужчина отхлебнул из высокого стакана со льдом и со стуком поставил его на стол рядом с наполовину опорожненным графином. В его жестах чувствовалась пьяная вальяжность. По бокам плетеного кресла стояли худые африканцы средних лет в выцветших ситцевых рубашках. У одного через руку было перекинуто полотенце, как у официанта, другой держал веер на длинной палке и медленно обмахивал им сидящего.

— Это Уизли? — спросил д’Агоста.

Пендергаст медленно кивнул.

— Не слишком состарился.

— Это и есть его «ребята»?

Пендергаст опять кивнул.

— Тут, похоже, о двадцатом веке и не слыхали — не говоря уж о двадцать первом.

Медленно, очень осторожно он выбрался из машины, повернулся к дому и выпрямился во весь рост.

Уизли моргнул и открыл было рот, но потом безмятежность сменилась ужасом: он явно узнал гостя. С проклятием толстяк выскочил из кресла, сшибая со стола посуду, схватил прислоненное к перилам слоновое ружье, дернул дверь-ширму и исчез в доме.

— Что ж, доказательств вины не требу… — начал д’Агоста. — Вот черт!

Слуги спрятались за перилами. С веранды прогремел выстрел, и позади гостей взметнулся фонтанчик пыли.

Оба кинулись за машину.

— Ну и ну, — пробормотал д’Агоста, вытаскивая свой «Глок».

— Оставайтесь здесь. — Пендергаст вскочил и побежал.

— Эй!

Снова грохот; пуля с громким звоном ударила о джип, выпустив фонтанчик пыли. Сжимая ствол, д’Агоста глянул из-за покрышки на дом. Куда, черт возьми, делся Пендергаст?

Лейтенант прижался к земле, и тут прозвучал третий выстрел, срикошетивший от стальной рамы. Господи, да сколько же можно изображать из себя мишень! Над головой д’Агосты просвистела четвертая пуля, и он стал целиться поверх крыла джипа в стрелка, притаившегося за перилами. Лейтенант уже почти нажал на спусковой крючок, когда из кустов у веранды возник Пендергаст. Удивительно быстро он перескочил через перила, уложил стрелка сильным ударом в шею и направил пистолет на другого африканца. Тот медленно поднял руки.

Уизли прятался в погребе для фруктов. Он выстрелил в непрошеных гостей из своего слонового ружья, но промазал — то ли от страха, то ли спьяну — и растянулся на полу. Прежде чем он успел выстрелить снова,

Пендергаст прыгнул вперед, ударил ногой по стволу и окончательно свалил противника двумя сильными ударами в лицо. Второй удар сломал Уизли нос, и на крахмальную белую сорочку брызнула яркая струя крови. Пендергаст достал из кармана платок и протянул Уизли. А потом ухватил его за плечо и вытолкал из подвала наверх, к передней двери и затем на веранду, где сунул толстяка обратно в плетеное кресло.

Слуги застыли, словно онемев. Д'Агоста махнул им пистолетом.

— Отойдите на сто ярдов и стойте на дороге, на виду. И руки поднимите.

Пендергаст засунул «Лес-баер» за пояс и встал перед хозяином.

— Спасибо, за теплый прием.

Уизли прижал к носу платок.

— Я просто обознался. — Говорил он с акцентом — австралийским, как показалось д'Агосте.

— Напротив, я восхищен тем, как быстро вы меня узнали. Похоже, вам есть что рассказать.

— Нечего мне рассказывать, приятель.

Пендергаст скрестил руки на груди.

— Спрашиваю только один раз: кто организовал убийство моей жены?

— Понятия не имею, о чем вы, — глухо ответил Уизли.

Пендергаст презрительно скривил губы и взглянул на него сверху вниз.

— Позвольте кое-что вам объяснить, мистер Уизли, — сказал он после небольшой паузы. — Могу вас уверить, причем совершенно точно, что вы расскажете мне все, о чем я попрошу. А вот насколько вы пострадаете — до того, как расскажете, — предоставляю вам решать самому.

— Иди в задницу!

Пендергаст пристально посмотрел на окровавленную потную тушу, распростертую в кресле, и рывком поднял Уизли на ноги.

— Винсент, — попросил он, — сопроводите мистера Уизли к нашему автомобилю.

Вдавив ствол в жирную спину, д'Агоста толчками погнал толстяка к джипу и засунул на сиденье рядом с водителем. Потом сам забрался на заднее, смахнув с него клочья набивки. Пендергаст завел двигатель и поехал по дорожке мимо изумрудной травы и цветов, ярких, как в рекламном ролике, мимо слуг, стоявших недвижными статуями, — и в лес.

— Куда это вы меня везете? — спросил Уизли, когда дом скрылся за поворотом.

— Не знаю, — ответил Пендергаст.

— Что значит «не знаю»? — неуверенно осведомился толстяк.

— Устроим сафари.

Они ехали не спеша минут пятнадцать. У берега ленивой темно-коричневой реки резвилась пара бегемотов. С воды белым облаком поднялась большая стая птиц, похожих на аистов — длинные желтые ноги, огромные крылья. Солнце катило к горизонту, дневной жар спал.

Пендергаст снял ногу с педали газа, и джип остановился на поросшей травой обочине.

— Вот, подходящее место.

Д'Агоста растерянно огляделся: местность ничем не отличалась от той, по которой они ехали последние пять миль. А потом замер. В четверти мили, в стороне, противоположной от реки, он увидел львов, обгладывающих какой-то скелет. Желто-коричневые шкуры почти сливались с невысокой травой.

На переднем сиденье, не отрывая взгляда от хищников, застыл Уизли. Он-то сразу их заметил.

— Попрошу вас выйти из машины, мистер Уизли, — ласково сказал Пендергаст.

Уизли не двигался.

Д'Агоста приставил ему к затылку пистолет.

— Шевелись.

Медленно, на негнущихся ногах, Уизли вышел из джипа.

Д'Агоста перебрался на его место. Очень ему не нравилось, что машину остановили невдалеке от полудюжины львов, и тем более не хотелось вылезать наружу. Львами хорошо любоваться в зоопарке Бронкса, из-за двойной стальной решетки.

— Добыча у них, похоже, не первой свежести. Жалкие объедки… — Пендергаст указал оружием в сторону прайда. — Думаю, звери проголодались.

— Львы людей не едят, — проговорил Уизли, прижимая к носу платок. — Практически.

Он, однако, утратил остатки уверенности.

— Им и не нужно вас есть, мистер Уизли, — ответил Пендергаст. — Все и так пойдет как по маслу. Стоит им подумать, что вы интересуетесь их добычей, и они тут же на вас набросятся. Вам ли не знать львов?

Уизли не отрываясь смотрел на зверей.

Пендергаст выдернул у него платок. По лицу Уизли тут же потекла свежая кровь.

— Это их привлечет… Давайте, идите к ним.

— Вы спятили!

— Нет. Просто оружие — у меня. — Пендергаст поднял ствол. — Вперед.

В первый миг Уизли не шевельнулся. Потом, медленно переставляя ноги, двинулся ко львам. Пендергаст шагал сразу за ним. Д'Агоста, держась чуть позади, последовал за Пендергастом. Он был почти согласен с Уизли — это же нужно спятить! Львы с интересом смотрели на приближающихся людей.

Пройдя со скоростью черепахи ярдов сорок, Уизли опять замер.

— Не останавливайтесь, мистер Уизли, — попросил Пендергаст.

— Не могу.

— Тогда я выстрелю.

У бывшего владельца лагеря-сафари задергался рот.

— С вашим пистолетом и одного-то льва не одолеть, не говоря уж про весь прайд.

— Знаю.

— Они меня загрызут — и вас тоже.

— И это знаю. — Пендергаст повернулся к д'Агосте: — Винсент, держитесь подальше, хорошо? — Он порылся в кармане и кинул лейтенанту ключи от машины. — Если дело примет скверный оборот, отъезжайте на безопасное расстояние.

— Да ты псих?! — Голос Уизли дрожал. — Ты слышал, что я сказал? Ты тоже умрешь!

— Мистер Уизли, будьте благоразумны и шагайте вперед. Терпеть не могу повторять.

Уизли не двигался.

— Больше я просить не буду. Через пять секунд пускаю пулю вам в левый локоть. Идти вы сможете, а вот выстрел непременно встревожит львов.

Уизли сделал шажок и снова остановился. Сделал другой. Один из львов — крупный самец с роскошной темной гривой — неспешно поднялся, глядя на людей и облизывая окровавленные клыки. Д'Агоста, у которого в животе все перевернулось, попятился.

— Ладно! — сказал Уизли. — Ладно, я расскажу.

— Я весь внимание, — ответил Пендергаст.

Уизли бешено трясся.

— Давайте вернемся в машину.

— Мне и здесь неплохо. Говорите побыстрее.

— Все п-па... п-п... подстроили...

— Поподробнее, пожалуйста.

— Я подробностей не знаю. Уокинг был в курсе.

Вслед за львом поднялись две львицы.

— Прошу вас, умоляю... — дрожащим голосом заскулил Уизли. — Бога ради, пойдемте в машину.

Пендергаст на миг как будто задумался. Кивнул.

Они вернулись к джипу, причем гораздо быстрее, чем отходили. Забрались внутрь; д'Агоста передал ключи Пендергасту и увидел, что лев неторопливо направился к ним. Пендергаст включил зажигание. Лев перешел на бег. Мотор завелся, Пендергаст начал разворачиваться; в этот момент лев оказался рядом с машиной и проскрежетал когтями по крылу. Д'Агоста оглянулся. Сердце у него едва не выскочило.

Постепенно зверь отстал и исчез из виду.

Минут десять ехали молча. Потом Пендергаст остановил джип, вышел и знаком велел Уизли последовать за ним. Д'Агоста присоединился к компании, и они немного отошли от машины.

Пендергаст помахал перед Уизли пистолетом.

— На колени!

Толстяк повиновался.

Пендергаст вернул ему окровавленный платок.

— Ну вот. Теперь расскажите остальное.

Уизли все еще трясся.

— Я… я мало знаю. Их было двое. Один американец, другой — из Европы. Немец, кажется. Они… привезли льва-людоеда. Похоже, специально натасканного. В средствах они не стеснялись.

— Как вы узнали, откуда они?

— Я их слышал. Они разговаривали с Уокингом, за столовой. Ночью, накануне того, как погиб немецкий турист.

— А как они выглядели?

— Было темно, я не видел.

Пендергаст помолчал.

— Что конкретно сделал Уокинг?

— Подстроил, чтобы турист погиб. Он знал, где будет лев, и отправил туриста именно туда. Там, мол, можно сфотографировать бородавочников… — Уизли сглотнул. — Он… он заставил Ньялу зарядить ружье вашей жены холостым патроном.

— Значит, и Ньяла был замешан?

Уизли кивнул.

— А Мфуни? Следопыт?

— Все были.

— А те двое? По вашим словам, в средствах они не стеснялись. Откуда вы знаете?

— Они платили очень щедро. Уокинг получил пятьдесят тысяч. А я… я получил двадцать тысяч за то, что все произошло в моем лагере.

— Льва нарочно натаскали?

— По слухам — да.

— Как?

— Его якобы обучали нападать по команде — хотя только псих пойдет на такое.

— По-вашему, организаторов было только двое?

— Я слышал два голоса.

Лицо у Пендергаста стало жестким. Он взял себя в руки ценой величайшего усилия.

— Что-нибудь еще?

— Я все рассказал, клянусь.

— Отлично. — Неожиданно Пендергаст схватил Уизли за волосы и приставил ему к виску пистолет.

— Нет! — крикнул д'Агоста, хватая друга за плечо.

Пендергаст повернулся к нему, и лейтенанта буквально обжег его взгляд.

— Не дело это — убивать информантов, — произнес д'Агоста как можно естественнее. — Вдруг он еще не все рассказал. К тому же его все равно скоро доконает джин, избавит нас от хлопот. Не волнуйтесь, никуда эта жирная задница не денется.

Пендергаст еще некоторое время подержал пистолет у виска пленника, потом потихоньку отпустил жидкие рыжие волосы Уизли. Толстяк рухнул наземь, обмочив штаны.

Пендергаст молча сел в машину. Д'Агоста устроился рядом. Они выехали на дорогу и не оглядываясь направились к Лусаке.

Только через полчаса д'Агоста решился спросить:

— Что дальше?

— Прошлое, — ответил Пендергаст, не отводя глаз от дороги. — Прошлое — вот что дальше.

12

Саванна, штат Джорджия

Уитфилд-сквер мирно дремал в гаснущих вечерних сумерках. Зажглись уличные фонари, выхватывая из сгустившейся тьмы ажурные рельефы карликовых пальм и испанского мха, свисающего с сучковатых дубов. После пекла Центральной Африки влажная Джорджия показалась д'Агосте почти приятной.

Он шагал за Пендергастом по аккуратно подстриженной лужайке, в центре которой высился окруженный цветами павильон, увенчанный куполом. В павильоне, повинуясь командам фотографа, группа гостей окружила жениха и невесту.

Неспешно шли прохожие, люди сидели на черных скамейках, читали, разговаривали. Все показалось вдруг нечетким, размытым, и д'Агоста

потряс головой. После бешеного рывка из Нью-Йорка в Замбию, здесь, в этой обители состоятельных южан, он испытывал какое-то оцепенение.

Пендергаст остановился и указал на вычурный викторианский особняк на другой стороне Хабершем-стрит — безупречно белый, похожий на своих соседей. Агент и его спутник повернули к дому, и Пендергаст сказал:

— Имейте в виду, Винсент, он еще не знает.

— Понял.

Они перешли улицу и поднялись по деревянным ступеням. Пендергаст позвонил. Секунд через десять над входом загорелся свет, и дверь открыл мужчина лет под пятьдесят.

Д'Агоста глядел на него с любопытством. Обитатель особняка был высок и очень красив — высокие скулы, темные глаза, густые каштановые волосы. Его загар резко контрастировал с бледностью Пендергаста. В руке мужчина держал свернутый журнал «Американская нейрохирургия».

Солнце, которое опускалось за дома на другой стороне сквера, светило хозяину в глаза, и он не мог разглядеть гостей.

— Чем могу служить? — осведомился он.

— Джадсон! — сказал Пендергаст, протягивая руку.

Джадсон вздрогнул, и на лице его выразилось удивление и радость.

— Алоиз? Боже мой! Входите!

Он повел их через огромную переднюю, потом через узкий, заставленный книжными стеллажами коридор в небольшой уютный кабинет. Слово «уютный» было совсем не в духе д'Агосты, однако другого он подобрать не мог. Теплый желтый свет придавал приятный глянец старинной мебели красного дерева: сервант, письменный стол с выдвижной крышкой, оружейный шкаф, снова книжные полки. На полу — роскошные персидские ковры. На одной из стен — два диплома: врачебный и доктора философии. Мягкие, очень удобные на вид диваны. Везде, где только можно, древности со всех концов света: африканские статуэтки, нефритовые безделушки из Азии. Два окна, прикрытые легкими занавесками, выходили на сквер. Заполненный вещами кабинет не создавал впечатления загроможденного — напротив, выглядел как обиталище человека со вкусом, интеллигентного и много где бывавшего.

Пендергаст представил хозяину своего спутника. Узнав, что д’Агоста полицейский, Джадсон Эстерхази не смог скрыть удивления, но улыбнулся и дружески пожал ему руку.

— Приятный сюрприз. Хотите чего-нибудь? Чай, кофе, бурбон?

— Бурбон, пожалуйста, — сказал Пендергаст.

— Какой?

— Неразбавленный.

Хозяин повернулся к д’Агосте:

— А вам, лейтенант?

— С удовольствием выпью пива.

— Хорошо. — Все так же улыбаясь, Эстерхази подошел к серванту в углу, ловко налил порцию бурбона и, бормоча извинения, направился на кухню за пивом.

— Господи, Алоиз, — воскликнул он, вернувшись, — сколько же мы не виделись?! Лет семь?

— Восемь.

Пока Пендергаст и Эстерхази разговаривали, д’Агоста потягивал пиво и смотрел по сторонам. Пендергаст уже просветил его насчет Эстерхази — нейрохирург, исследователь; достигнув в своем деле вершин, он стал работать на общественных началах в местной больнице и в организации «Врачи на крыльях», или «ВНК», — благотворительной организации, которая посылает врачей в зоны катастроф в странах третьего мира. Убежденный спортсмен и — если верить Пендергасту — даже лучший стрелок, чем его сестра Хелен.

Разглядывая многочисленные охотничьи трофеи на стенах, д’Агоста понял, что Пендергаст не преувеличивал. Врач и одновременно страстный охотник — интересное сочетание.

— Итак, — сказал Эстерхази низким звучным голосом, — что привело вас в наши края? Расследуете дело? Попрошу все грязные подробности, — ухмыльнулся он.

Пендергаст сделал глоток бурбона и немного помолчал.

— Джадсон, боюсь, мне будет нелегко рассказывать. Речь идет о Хелен.

Смех замер на губах Эстерхази. Его патрицианские черты выражали растерянность.

— Хелен? А что — Хелен?

Пендергаст сделал большой глоток.

— Я узнал, что ее смерть была не случайной.

Эстерхази на минуту замер, пристально глядя на Пендергаста.

— Как тебя понимать?

— Твою сестру убили.

Эстерхази медленно поднялся, совершенно потрясенный. Он отвернулся и медленно, как во сне, побрел к книжному шкафу у противоположной стены. Взял первый попавшийся под руку предмет, повертел в руках и положил на место. Потом, после длинной паузы, повернул обратно. Подойдя к серванту, он дрожащей рукой наполнил свой бокал и сел напротив гостей.

— Зная тебя, Алоизий, думаю, нет смысла спрашивать, полностью ли ты уверен, — очень спокойно произнес он.

— Именно.

Весь облик Эстерхази совершенно изменился: Джадсон побледнел, у него сжимались и разжимались кулаки.

— И что ты… мы будем теперь делать?

— Я — с помощью Винсента — найду того, или тех, кто все организовал. И мы позаботимся, чтобы восторжествовала справедливость.

Эстерхази посмотрел Пендергасту в глаза.

— Я тоже хочу. Хочу видеть, как человек, убивший мою любимую сестру, заплатит за то, что сделал.

Пендергаст не ответил.

Д’Агосту до глубины души поразила ярость и возмущение, охватившие брата Хелен. Эстерхази откинулся назад; его темные глаза так и сверкали.

— А как ты это узнал?

Пендергаст коротко поведал ему о событиях последних дней. Эстерхази, хоть и был не в себе, слушал внимательно. Потом он поднялся и налил себе еще выпить.

— Я полагал… — Пендергаст сделал паузу. — Я полагал, что очень хорошо знаю Хелен. И вот кто-то убил ее, да еще прибег к таким необычным мерам и затратам, стараясь обставить ее смерть как несчастный случай. Значит, я ничего не знаю о некой стороне ее жизни, хотя мы прожили с ней вместе почти два года. Остается поверить, что

это неизвестное, чем бы оно ни было, относится к ее прошлому. И здесь мне нужна твоя помощь.

Эстерхази провел рукой по высокому лбу и кивнул.

— Есть у тебя хоть малейшее представление о том, кто желал ее смерти? Враги? Завистливые коллеги? Бывший возлюбленный?

Эстерхази молчал, двигая челюстью.

— Хелен была чудесной женщиной. Добрая. Обаятельная. Врагов у нее быть не могло. В Массачусетсском институте технологий ее все обожали. И в аспирантуре она не забывала воздать должное учителям и коллегам.

Пендергаст кивнул.

— А после института? Может, какие-нибудь конкуренты в «ВНК»? Кого-то она, например, обошла по службе?

— В этой организации так не делается. Все работают вместе. Никакого соперничества и карьеризма. Там ее очень ценили. — Он болезненно сглотнул. — Даже любили.

Пендергаст откинулся назад.

— За несколько месяцев до гибели Хелен совершала какие-то короткие поездки. Мне говорила, что занимается исследованиями, но в детали не вдавалась. Теперь мне это кажется странным. «Врачи на крыльях» — организация лечебная и просветительская, а не исследовательская. Нужно было расспросить Хелен получше. Ты — врач... ты знаешь, о каких исследованиях может идти речь?

Эстерхази задумался. Затем покачал головой:

— Извини, Алоиз, она мне ничего не говорила. Ей нравилось путешествовать, сам знаешь. И заниматься медицинскими исследованиями. Эти два увлечения и привели ее в «ВНК».

— А ваша семейная история? — спросил д’Агоста. — Какие-нибудь ссоры, старые обиды и тому подобное?

— Ее все любили. Я даже немного ревновал. Да и не было никаких семейных проблем. Родители наши умерли пятнадцать с лишним лет назад, я теперь последний из Эстерхази... — Он замялся.

— В чем дело? — Пендергаст подался вперед.

— Знаешь, задолго до того, как она познакомилась с тобой, у нее был неудачный роман. С каким-то проходимцем.

— Продолжай.

— Кажется, в аспирантуре. Она как-то раз приехала с ним из института на выходные. Блондин, лицо приятное, глаза голубые, высокий, спортивный. Все время носил светлые брюки и джемпера. Из старинного рода, вырос на Манхэттене, летний домик на Фишерс-Айленд. Говорил, что собирается стать инвестиционным банкиром… Полагаю, типаж ясен.

— А звали его как?

Долгая пауза.

— Черт. Не помню.

— Почему они расстались?

— Да были какие-то проблемы сексуального характера. Хелен об этом особо не распространялась… то ли извращенец, то ли садист.

— И что?

— Она его бросила. Он потом ей надоедал, звонил, письмами забрасывал… Впрочем, маниакального в этом ничего не прослеживалось. Ну а потом и забылось все. — Эстерхази махнул рукой. — Это произошло за шесть лет до того, как вы познакомились, и за девять до ее смерти. Вряд ли тут есть какая-то связь.

— Имени так и не вспомнишь?

Эстерхази потер виски.

— Фрэнк… Звали его Фрэнк. А фамилия… нет, наверное, я вообще фамилии не знал.

Воцарилось долгое молчание.

— Что-нибудь еще?

Эстерхази покачал головой.

— Не могу поверить, что кто-то намеренно причинил зло Хелен.

Пендергаст кивнул в сторону висевшей на стене гравюры, изображавшей ночь и белую сову на дереве.

— Одюбон?

— Да. Только, боюсь, репродукция. — Эстерхази посмотрел на гравюру. — Странно, что ты обратил внимание.

— Почему?

— Она висела в детской у Хелен. Сестра говорила, что, когда болеет, смотрит на нее по несколько часов подряд. Одюбона она обожала. Да ты наверняка это сам знаешь, — быстро добавил он. — Вот я и повесил на память.

На лице Пендергаста мелькнуло мимолетное удивление, и он спросил:

— А что ты можешь рассказать о жизни Хелен перед тем, как мы с ней познакомились?

— Для сестры не существовало ничего, кроме работы… Впрочем, одно время Хелен увлекалась альпинизмом. Каждые выходные отправлялась полазить.

— Куда?

— В горы Шаванганк. Она жила тогда в Нью-Йорке и много ездила. Отчасти по делам «ВНК» — в Бурунди, Индию, Эфиопию. А отчасти просто ради приключений. Помню, однажды я наткнулся на нее, когда она — лет пятнадцать или шестнадцать назад — в отчаянной спешке собиралась не куда-нибудь, а в Нью-Мадрид.

— Нью-Мадрид?

— Нью-Мадрид, штат Миссури. Зачем едет — не рассказывала; мол, я буду смеяться, если узнаю. Ты же помнишь, Алоиз, временами она никого не посвящала в свои тайны.

Д’Агоста украдкой взглянул на Пендергаста: похоже, Хелен обогнала мужа в скрытности и нежелании делиться своими мыслями.

— Жаль, что больше ничем не могу помочь. Если вдруг вспомню фамилию того парня, сообщу тебе.

Пендергаст поднялся.

— Спасибо, Джадсон. Прости, что огорошил правдой. К сожалению, у меня не было времени тебя подготовить.

— Я понимаю.

Доктор проводил их через коридор в переднюю.

— Постой, — начал он и осекся. Маска сдерживаемого гнева спала, на красивом лице отразилась сумятица чувств: неукротимая ярость, страдание, опустошение. — Помнишь, что я сказал? Я тоже хочу… я должен…

— Джадсон, — быстро заговорил Пендергаст, беря его за руку. — Послушай, я понимаю твое горе и гнев, но… В общем, этим делом займусь я.

Джадсон нахмурился, потом яростно дернул головой.

— Я тебя знаю, — мягко, но настойчиво продолжал Пендергаст. — И должен предупредить: не бери правосудие в свои руки. Прошу тебя.

Эстерхази перевел дух и ничего не ответил. Наконец Пендергаст коротко кивнул и вышел в ночь.

Закрыв за гостями дверь, Эстерхази минут пять простоял в темной передней, все еще тяжело дыша. Затем, оправившись от потрясения и гнева, он быстро отправился к себе в кабинет, подошел к оружейному шкафу, отпер его со второй попытки, от волнения уронив ключ. Коснулся начищенных до блеска винтовок и дрожащими руками снял со стойки «Холланд и холланд ройал делюкс» с выполненным на заказ оптическим прицелом «Леопольд» серии VX–III. Внимательно оглядев винтовку, он поставил ее на место и тщательно запер шкаф.

Пусть Пендергаст сколько угодно вещает о силе закона, но пора Джадсону и самому во всем разобраться, потому что лучший способ достичь результатов — это провести расследование самостоятельно.

13

Новый Орлеан

Пендергаст подогнал «Роллс-ройс» к частной парковке на Дофин-стрит, ярко освещенной натриевыми лампами. Охранник с оттопыренными ушами и помятой физиономией закрыл ворота и протянул Пендергасту талон, который тот засунул за солнцезащитный щиток.

— Налево и в самый конец, место тридцать девять, — проревел охранник с сильным местным акцентом, пуча глаза на «роллс-ройс». — Или ладно, ставьте на тридцать второе — там просторнее. За повреждения мы ответственности не несем. Можете, если хотите, поставить у Лассаля на Тулуз-стрит, там у них крытый гараж.

— Благодарю, я предпочитаю здесь.

— Как угодно.

Пендергаст провел автомобиль по тесной стоянке и поставил на указанное место. И он, и д’Агоста вышли. Парковка находилась как бы в замкнутом пространстве: со всех сторон ее окружало пестрое сборище старых домов.

Стояла теплая зимняя ночь; несмотря на поздний час, по тротуарам бродили юноши и девушки, прихлебывали пиво из пластиковых стаканов, смеялись, переговаривались, галдели. С улиц доносился приглушенный гул: смесь возгласов, криков, автомобильных гудков, джазовой музыки.

— Обычная ночь во Французском квартале, — сказал Пендергаст, прислонившись к машине. — Через квартал находится Бурбон-стрит — именно там сильнее всего проявляется моральное разложение местных жителей. — Он глубоко вдохнул ночной воздух, и на бледном лице появилась странная полуулыбка.

— Так мы идем? — не выдержал д’Агоста.

— Минутку, Винсент. — Пендергаст закрыл глаза и снова медленно вдохнул, словно пробуя воздух этого места.

Д’Агоста ждал; он напомнил себе, что странности его друга, его непонятные перепады в настроении потребуют терпения — и немалого. Однако дорога из Саванны была долгой и изматывающей — Пендергаст, судя по всему, держал тут такой же «роллс-ройс», как и в Нью-Йорке, — и лейтенант страшно проголодался. К тому же он давно мечтал выпить пива, а бредущие мимо бездельники с запотевшими стаканами не прибавляли хорошего настроения.

Прошла минута. Д’Агоста прокашлялся. Пендергаст открыл глаза.

— Так вы покажете вашу берлогу? — спросил д’Агоста. — Или хоть то, что от нее осталось?

— Разумеется. — Пендергаст повернулся к нему. — Здесь — одна из старейших частей Дофин-стрит, самый центр Французского квартала — настоящего Французского квартала.

Д’Агоста что-то проворчал. Служитель на другой стороне стоянки поглядывал на них с некоторым подозрением.

— Вот этот, к примеру, прекрасный особняк в неоклассическом стиле, — объяснил Пендергаст, — построил один из самых известных первых архитекторов Нового Орлеана, Джеймс Галлье-старший.

— Здесь, похоже, теперь гостиница, — заметил д’Агоста, глядя на вывеску.

— А вон то великолепное здание — знаменитый дом Ле Претра. Построили его для некоего зубного врача, который приехал сюда из Филадельфии еще во времена испанцев. В тысяча восемьсот тридцать девятом году его купил плантатор по имени Ле Претр за двадцать с лишним тысяч долларов — в ту пору целое состояние. Он принадлежал семье Ле Претр до семидесятых годов прошлого века, но потом семья пришла в упадок. Теперь здесь видимо, дорогие квартиры.

— Верно, — сказал д’Агоста.

Служитель, хмурясь, двинулся к ним.

— А через дорогу, — продолжал Пендергаст, — дом в креольском стиле, где некоторое время проживал Джон Джеймс Одюбон, вместе с супругой, Люси Бейквел. Теперь там небольшой, но интересный музей.

— Простите, — вмешался служитель. Он щурился и от этого стал похож на лягушку. — Здесь слоняться не положено.

— Мои извинения! — Пендергаст сунул руку в карман и выдернул пятидесятидолларовую купюру. — Очень опрометчиво с моей стороны — забыл вас поблагодарить. Я одобряю вашу бдительность.

Служитель расплылся в улыбке и взял банкноту.

— Я вовсе не… Большое вам спасибо, сэр. Можете не спешить.

Улыбаясь и кивая, он направился к своей будке.

Пендергаст, казалось, не спешил уходить. Он слонялся взад-вперед, заложив руки за спину, поглядывая в разные стороны, словно в музее, а лицо его выражало задумчивость, печаль — и что-то еще, совсем непонятное.

Д’Агоста старался подавить растущее раздражение.

— Так мы будем искать ваш старый дом? — не выдержал он.

Пендергаст повернулся к нему и пробормотал:

— Уже нашли, дорогой Винсент.

— Где?

— Прямо здесь. Рошнуар стоял на этом месте.

Д’Агоста сглотнул и посмотрел на залитую асфальтом площадку уже другими глазами.

Налетевший порыв ветра подхватил кучку грязных обрывков, закрутил, завертел. Где-то мяукала кошка.

— Когда дом сгорел, подземный склеп отсюда убрали, фундамент залили, развалины снесли бульдозером. Несколько лет это место пустовало, а потом я сдал его компании, которой принадлежит стоянка.

— Так земля все еще ваша?

— Пендергасты не торгуют недвижимостью.

— А.

Пендергаст повернулся.

— Рошнуар стоял чуть в глубине, перед ним был английский парк. Еще раньше это был монастырь — огромное здание с эркерами, башенками, площадкой на крыше. Неоготический стиль, довольно необычный для нашей улицы. Я занимал угловую комнату на втором этаже. — Он махнул рукой в пространство. — Одно окно выходило на дом Одюбона и реку, а другое — на дом Ле Претра. Эти Ле Претры… Часами я смотрел в их окна, словно на сцену: обитатели входили, выходили, скандалили… Весьма поучительный пример скверных семейных отношений.

— А с Хелен вы познакомились в музее Одюбона, что через дорогу? — Д’Агоста пытался перевести разговор в русло, более близкое к их задаче.

Пендергаст кивнул.

— Несколько лет назад я одолжил им первое издание одюбоновских «Птиц Америки», для выставки, и меня пригласили на открытие. Музей всегда мечтал прибрать к рукам этот экземпляр, принадлежавший нашей семье. Его получил еще мой прапрадед — по подписке, от самого Одюбона. — Пендергаст помолчал. В тусклом свете фонарей его лицо казалось призрачно-белым. — Как только я вошел в музей, то сразу заметил на другой стороне зала молодую женщину, которая смотрела на меня.

— Любовь с первого взгляда? — спросил д’Агоста.

На лице Пендергаста опять появилась слабая полуулыбка.

— И сразу как будто весь мир исчез, никого не стало. Она меня буквально сразила: белое платье, а глаза такие голубые… почти синие, с фиолетовыми искорками. Очень необычные, я таких не встречал. Она сразу подошла и представилась, сама взяла меня за руку, я едва успел опомниться. В ней не было ничего напускного… Только ей одной я и мог доверять. Безоговорочно… — сказал Пендергаст дрогнувшим голосом, потом заставил себя встряхнуться. — Не считая вас, мой дорогой Винсент.

Д’Агосту удивил брошенный подобным образом комплимент.

— Спасибо.

— Какой же умилительный вздор я тут лепетал, — живо продолжил Пендергаст. — Все ответы лежат в прошлом, но нам самим погружаться в прошлое не следует. И все же для нас — для нас обоих — важно начать именно отсюда.

— Начать? — повторил д’Агоста. — Скажите, Пендергаст…

— Да?

— Если говорить о прошлом, то я кое-чего не понимаю. Для чего им, кто бы они ни были, понадобилось так утруждаться?

— Боюсь, я вас не понимаю.

— Добыть натасканного льва, подстроить гибель немецкого фотографа, заманить вас с Хелен в лагерь, подкупать стольких людей — для этого понадобилось много времени и денег. Чрезвычайно сложный замысел. Гораздо проще похитить или устроить автомобильную аварию здесь, в Новом Орлеане... — Он осекся.

Пендергаст задумался, потом медленно кивнул:

— Именно. Очень интересный вопрос. Но не забывайте, что сказал наш друг Уизли: один из заказчиков говорил по-немецки. И турист, которого загрыз лев, был немец. Возможно, то, первое убийство — не просто маневр для приманки.

— Я и позабыл, — признался д’Агоста.

— И если так, то затраты более оправданны. Вашу гипотезу, Винсент, прибережем на потом. Я убежден, что в первую очередь нам следует как можно больше узнать о самой Хелен — если удастся.

Пендергаст извлек из кармана сложенный лист бумаги и протянул его д’Агосте.

Лейтенант развернул листок, на котором изящным почерком Пендергаста был написан адрес: «Мекэник-стрит, 12, Рокленд, штат Мэн».

— Что это?

— Прошлое, Винсент. То место, где она выросла. Ваша следующая задача. А моя... здесь.

14

Плантация Пенумбра

— Еще чашку чаю, сэр?

— Нет, Морис, благодарю. — Пендергаст взирал на остатки раннего ужина — кукурузный суп, зеленый горошек, окорок под кофейным соусом — с видом самым что ни на есть удовлетворенным.

За высокими окнами столовой на тсуги и кипарисы опускался вечер, где-то в сумерках выводил замысловатую погребальную песнь пересмешник.

Пендергаст провел по губам белой льняной салфеткой и поднялся из-за стола.

— Ну вот я и отужинал — теперь-то можно взглянуть на полученное сегодня письмо?

— Разумеется, сэр. — Морис вышел в холл и вскоре вернулся с изрядно потрепанным письмом — судя по всему, его многократно переадресовывали, и добиралось оно до адресата три недели. Даже если бы Пендергаст не узнал старомодный изящный почерк, он определил бы отправителя по китайским почтовым маркам: Констанс Грин, его подопечная, проживающая ныне в далеком тибетском монастыре вместе с новорожденным сыном.

Пендергаст вскрыл ножом конверт, вынул один-единственный листок и прочел:

Дорогой Алоиз!

Не знаю в точности, какая беда у Вас, но мне приснилось, будто Вы пережили — или скоро переживете — большое потрясение. Я очень Вам сочувствую.

Мы для богов — что мухи для мальчишек, себе в забаву давят нас они.[6]

Я скоро вернусь домой. Постарайтесь хранить спокойствие, ведь все под контролем. А что не под контролем — тоже скоро будет.

Знайте — я всегда о Вас помню. И молюсь — то есть молилась бы о Вас, если бы молилась вообще.
Констанс.

Пендергаст перечитал письмо, нахмурился.

— Что-то не так, сэр? — спросил Морис.

— Не могу понять… — Пендергаст обдумал прочитанное, затем отложил письмо и повернулся к верному слуге, протиравшему стол. — Надеюсь, Морис, вы посидите со мной в библиотеке.

Старый дворецкий замер от неожиданности.

— Простите, сэр?

— Неплохо бы после ужина выпить по стаканчику хереса, вспомнить старину. Нынче я в ностальгическом расположении духа.

Морис явно недоумевал, чем вызвано это весьма необычное приглашение.

— Благодарю, сэр. Позвольте мне только закончить уборку.

— Отлично. А я спущусь в погреб, подышу нам какую-нибудь заплесневевшую бутылочку получше.

Бутылочка нашлась не просто «получше» — херес «Идальго Олорозо» тридцатилетней выдержки.

Пендергаст отпил глоток, наслаждаясь сложным букетом: тона древесины и фруктов, послевкусие, которое, казалось, никогда не уйдет.

Морис присел на оттоманку, стоявшую на иранском шелковом ковре, и до смешного напряженно застыл, прямой и недвижный в своем наряде дворецкого.

— По вкусу ли вам херес? — поинтересовался Пендергаст.

— Очень хорош, сэр, — ответил старик и сделал второй глоток.

— Пейте, Морис, — это согревает.

Морис повиновался.

— Хотите, сэр, я добавлю в камин полено?

Пендергаст покачал головой, снова огляделся.

— Странно… когда я здесь, меня всегда одолевают воспоминания.

— Неудивительно, сэр.

Пендергаст указал на большой глобус в деревянной оправе.

— Например, вспомнилось, как мы однажды сильно поспорили с няней — остров Австралия или же континент.

Она считала, что остров.

Морис кивнул.

— А еще — тарелочки из веджвудского фарфора, которые украшали верхнюю полку вон того, — Пендергаст указал кивком, — шкафа. Помню, как мы с братом реконструировали взятие римлянами певкетского города Сильвия. Построенные Диогеном осадные машины оказались весьма совершенными: первый же снаряд угодил прямо в полку. — Он покачал головой. — Нас на месяц оставили без какао.

— Я отлично это помню, сэр, — сказал Морис, допив до конца. Херес, похоже, начал действовать.

Пендергаст быстро наполнил рюмки.

— Нет-нет, я настаиваю, — сказал он, когда Морис попытался возразить.

Дворецкий кивнул и пробормотал «спасибо».

— Библиотека всегда была центром дома, — сказал Пендергаст. — Именно тут мы устроили праздник, когда я сдал школьные экзамены на высший бал. А дед репетировал здесь речи… помните, как мы усаживались вокруг и изображали публику — хлопали или свистели?

— Как будто все было вчера.

Пендергаст сделал глоток.

— И еще мы принимали здесь гостей после нашей свадебной церемонии в саду.

— Да, сэр. — Суровая сдержанность дворецкого слегка подтаяла, и Морис сидел уже не так напряженно.

— Хелен тоже нравилась эта комната, — продолжал Пендергаст.

— Еще как.

— Помню, она все вечера здесь проводила, занималась своей научной работой, читала технические журналы.

Лицо старого дворецкого растянулось в задумчивой, понимающей улыбке.

Пендергаст посмотрел на рюмку с золотистой жидкостью.

— Мы сидели тут часами, не говоря ни слова, просто наслаждались обществом друг друга. — Пендергаст помолчал и как бы между прочим заметил: — Морис, она никогда вам не рассказывала о том, как жила раньше, до знакомства со мной?

Дворецкий допил херес и деликатно отставил рюмку в сторону.

— Нет, она была молчаливая.

— А что вам больше всего в ней запомнилось?

Морис на миг задумался.

— Она любила чай из шиповника.

Настала очередь Пендергаста улыбнуться.

— Да, она его обожала. В библиотеке даже пахло всегда шиповником. — Пендергаст принюхался: теперь здесь пахло пылью, сыростью и хересом. — Боюсь, я слишком часто уезжал. Я все думаю — чем, интересно, она себя занимала, сидя одна в этом холодном доме?

— Иногда она уезжала по делам, сэр. Но больше всего времени она проводила вот здесь. Она так без вас скучала.

— Правда? А держалась всегда весело.

Пендергаст поднялся и опять наполнил рюмки. Дворецкий на этот раз протестовал весьма слабо.

— Во время ваших отлучек я ее часто здесь заставал, — сказал он. — Она разглядывала птиц.

Пендергаст замер.

— Птиц?

— Да, сэр, знаете — ту книгу, которую любил ваш брат, до того как... как с ним начались все эти беды. Большая такая книга, с гравюрами птиц — она вон там, в нижнем ящике. — Дворецкий кивнул в сторону старого шкафа каштанового дерева.

Пендергаст нахмурился.

— Первое издание Одюбона?

— Оно самое. Я приносил ей чай, а она меня даже не замечала. Она его часами напролет листала.

Пендергаст довольно резко поставил рюмку.

— Хелен никогда не объясняла своего интереса к Одюбону? Быть может, о чем-то спрашивала?

— Иногда, сэр. Она очень интересовалась дружбой вашею прапрадеда с Одюбоном. Хорошо, когда так увлекаются семейной историей.

— Дед Боэций?

— Он самый.

— А когда это было? — спросил Пендергаст после секундной паузы.

— О, вскоре после вашей свадьбы. Она хотела посмотреть его архив.

Пендергаст с равнодушным видом отпил глоток.

— Архив? Что за архив?

— Там, в ящике, под гравюрами. Она часто просматривала и письма, и дневники. И гравюры.

— А она не говорила — зачем?

— Так ведь они такие красивые... Очень уж птицы славные, сэр. — Морис отпил из рюмки. — Вы же сами с ней познакомились в музее Одюбона на Дофин-стрит?

— Да, на выставке его гравюр. Странно, тогда она особого интереса к ним не выказала. Сказала мне, что пришла только ради бесплатного угощения.

— Вы ведь знаете женщин, мистер Пендергаст. У них свои маленькие тайны.

— Похоже на то, — прошептал Пендергаст.

15

Рокленд, Мэн

В обычных обстоятельствах таверна «Соленый пес» д'Агосте понравилась бы: все без претензий, дешево, посетители — простые работяги. Только сейчас обстоятельства обычными не назовешь: за четыре дня лейтенант побывал в четырех городах. Он летал и ездил; он скучал по Лоре Хейворд, он устал, устал смертельно. Да и Мэн в феврале был отнюдь не сказкой. Меньше всего лейтенанту сейчас хотелось наливаться пивом с толпой рыбаков.

Д'Агоста почти отчаялся. Рокленд оказался тупиком. С тех пор как двадцать лет назад Эстерхази уехали из города, их дом несколько раз сменил владельцев. Из всех соседей семью Эстерхази помнила только какая-то старая дева, которая захлопнула дверь у лейтенанта перед носом. В газетах, обнаруженных в библиотеке, Эстерхази не упоминались вообще, и в городском архиве о них — ничего стоящего, одни налоговые ведомости. Ни тебе соседских сплетен, ни пересудов.

Напоследок д'Агоста решил попытать счастья в таверне «Соленый пес», прибрежной забегаловке, где, как ему сказали, любят околачиваться старые морские волки.

Таверна оказалась убогой, обшарпанной постройкой, втиснутой меж двумя складами на рыболовном причале у самой воды. Надвигался шквал, с океана летели, кружась, первые снежные хлопья, ветер срывал с волн клочья пены, носил по каменистому берегу выброшенные газеты.

«За каким чертом я здесь?» — спрашивал себя д'Агоста. Вопрос был сугубо риторическим: Пендергаст ему все объяснил. «Боюсь, ехать придется вам, — заявил он. — Я имею личное касательство к делу, а потому не могу сохранять необходимую для расследования дистанцию и быть объективным».

В спертом воздухе полутемной таверны пахло пережаренной рыбой и несвежим пивом. Когда глаза лейтенанта привыкли к сумраку, он увидел, что местные обитатели — бармен и четверо завсегдатаев в бушлатах и зюйдвестках — замолчали и пялятся на него. Что ж, хоть

заведение и под стать постоянным клиентам, зато здесь тепло: посреди комнаты излучала жар дровяная печь.

Усевшись в самом дальнем углу, д'Агоста кивнул бармену и заказал бокал светлого пива. Успокоившись на его счет, посетители возобновили разговор, из которого лейтенант узнал, что все четверо — рыболовы, что рыба нынче ловится плохо и что рыба всегда ловилась плохо.

Прихлебывая пиво, д'Агоста стал осматриваться. Интерьер, естественно, выдержан в морском духе: на стенах — акульи челюсти, клешни огромного омара, фотографии рыбачьих лодок. С потолка свисали сети с разноцветными стеклянными шариками. Повсюду лежала патина старости — копоть и въевшаяся грязь.

Д'Агоста опорожнил бокал, затем другой и только после этого решился сделать первый шаг. Он запомнил, как посетители называли бармена, и обратился к нему по имени:

— Майк, позвольте мне всех здесь угостить. И сами присоединяйтесь.

Майк уставился на д'Агосту, потом пробормотал что-то в знак благодарности и повиновался. Завсегдатаи, получая выпивку, признательно ворчали и кивали.

Д'Агоста сделал большой глоток. Ему важно было показать, что он свой, а в таком заведении это означает не скромничать, когда дело касается выпивки. Он прокашлялся и громко сказал:

— Я вот тут подумал… может вы, ребята, мне поможете.

Все опять уставились на него — кто удивленно, кто подозрительно.

— Чем помочь-то? — поинтересовался седой мужчина, которого называли Гектором.

— Да жила здесь одна семья, Эстерхази их фамилия. Я пытаюсь их найти.

— А как вас звать, мистер? — спросил Нед, низкорослый рыбак с обветренным загорелым лицом и бицепсами толщиной с телеграфные столбы.

— Мартинелли.

— Коп? — нахмурился Нед.

Д'Агоста покачал головой.

— Частный детектив. Дело касается завещания.

— Какого завещания?

— Ну, там деньги немалые. Меня наняли душеприказчики — найти оставшихся Эстерхази. Если я их не найду — не смогу передать им наследство, так?

На минуту в таверне воцарилось молчание: присутствующие переваривали новость. У многих при упоминании о деньгах загорелись глаза.

— Давай, Майк, повторим. — Д'Агоста взял кружку с шапкой пены и сделал основательный глоток. — Душеприказчики назначили небольшое вознаграждение для тех, кто поможет найти оставшихся членов семьи.

Рыбаки посмотрели друг на друга, потом на д'Агосту.

— Так как, — спросил он, — можете что-нибудь рассказать?

— Нету здесь больше никаких Эстерхази, — сказал Нед.

— И вообще никаких Эстерхази в этой части света не водится, — прибавил Гектор. — После того, что тут было.

— А что было-то? — Д'Агоста старался не выказывать чрезмерного интереса.

Рыбаки опять переглянулись.

— Всего я не знаю, — сказал Гектор. — Но съехали они в большой спешке.

— Они держали на чердаке чокнутую тетку, — вмешался третий рыбак. — Пришлось ее запереть, а то она собак по всему городу убивала — и ела. Соседи слыхали, как она орала по ночам, в дверь колотила, все требовала собачатины.

— Да брось, Гэри, — усмехнулся бармен. — Это его жена кричала. Настоящая была гарпия. Тебе надо поменьше ужастиков смотреть.

— На самом деле, — вступил Нед, — жена хотела травануть мужа. Подсыпала ему в манную кашу стрихнину.

Бармен покачал головой.

— Выпей еще пива, Нед. Говорят, папаша проиграл все деньги на фондовой бирже. Потому-то семейка и слиняла — они ж задолжали всем и каждому.

— Темное дельце, — сказал Гектор, потягивая пиво. — Очень темное.

— А что они были за люди? — спросил д'Агоста.

Рыбаки с грустью разглядывали дно своих стаканов, опустевших с ужасающей быстротой.

— Майк, давай еще, если не затруднит, — попросил д’Агоста.

— Слыхал я, — сказал Нед, принимая бокал, — будто папашка, ублюдок эдакий, лупил жену проводом. Вот она его и отравила.

Чем дальше — тем невероятнее пошли истории; хорошо хоть д’Агоста точно знал от Пендергаста, что отец Хелен был врачом.

— А вот я слышал другое, — заявил бармен. — На самом деле чокнулась жена. Вся семья перед ней тряслась, ходили на цыпочках, боялись вывести ее из себя. А муж часто уезжал. Все время где-то ездил. В Южной Америке, кажется.

— Полиция их не трогала? Никого не арестовывали? — поинтересовался д’Агоста, хотя и сам знал, что в глазах властей Эстерхази были чисты как стеклышко: никаких трений с законом, никаких крупных семейных скандалов, о которых знала бы полиция. — Там же еще сын и дочь были...

Все на миг умолкли.

— Сын такой, со странностями, — после короткой паузы сказал Нед.

— Да нет, сыну доверили речь говорить, в школе, на выпускном, — возразил Гектор.

«Прощальная речь при выпуске. Это хоть можно проверить!»

— А дочь? Она что собой представляла?

Собеседники только плечами пожимали.

«Может, в школе сохранились документы», — подумал лейтенант.

— Кто-нибудь знает, где они сейчас?

Рыбаки переглянулись.

— Я слышал, сын где-то на юге, — сказал Майк. — А что с дочерью — понятия не имею. Эстерхази — фамилия редкая. Вы через Интернет не пробовали искать?

Д’Агоста смотрел на ничего не выражающие лица. Он не мог придумать вопросов, которые не вызвали бы новый шквал противоречивых слухов и бестолковых советов. Еще лейтенант понял — с некоторым испугом, — что слегка пьян.

Он встал, держась за барную стойку.

— Сколько с меня?

— Тридцать два пятьдесят.

Д’Агоста отыскал в бумажнике две купюры по двадцать долларов и положил на стойку.

— Спасибо всем за помощь. Хорошего вечера.

— Эй, а как насчет вознаграждения? — поинтересовался Нед.

Д’Агоста неспешно повернулся к нему.

— Да, вознаграждение. Давайте я оставлю номер моего сотового. Вспомните что-то еще — конкретное, а не просто слухи, — звоните. Если информация пригодится — может, вам и повезет.

Он положил перед собой салфетку и написал на ней номер.

Рыбаки покивали, Гектор помахал на прощание рукой.

Д'Агоста, подняв и придерживая воротник, вышел из таверны в стылую пургу.

16

Новый Орлеан

Больше всего Дезмонд Типтон любил именно это время — двери заперты на засов, посетителей нет, каждая мелочь на своем месте. Тихий промежуток с пяти до восьми: любители алкогольного туризма пока еще не ринулись на Французский квартал, как орды Чингисхана, и не наводнили все бары и музыкальные кабачки, наливаясь до потери сознания новоорлеанским сазераком. Каждую ночь на улице раздавались пьяные голоса, вопли, ругань, лишь отчасти приглушаемые старыми стенами музея Одюбона.

В тот вечер Типтон решил почистить восковую фигуру Джона Джеймса Одюбона — самый главный предмет экспозиции.

Фигура Одюбона в натуральную величину располагалась в диораме, изображавшей его кабинет с камином; в руках великий натуралист держал перо и планшет с зарисовкой мертвой птицы — красно-черной танагры. Подхватив ручной пылесос и метелочку из перьев, куратор перебрался через плексигласовое ограждение. Он пропылесосил одежду на восковой персоне, потом взялся за прическу и бороду, смахнул метелочкой пыль с красивого лепного лица.

Тут раздался какой-то звук. Типтон выключил пылесос, замер. Звук раздался снова — стучали в дверь.

Раздосадованный Типтон опять включил пылесос и продолжал чистить, но стук стал громче. И так — каждую ночь! Пьяные недоумки, прочитав на стене мемориальную табличку, начинают зачем-то стучать. Вот уже сколько лет днем посетителей все меньше и меньше, а шума и криков по ночам все больше. Только и была передышка, что несколько месяцев после урагана «Катрина».

Настойчивый стук, громкий и размеренный, продолжался.

Типтон опустил пылесос, перелез через ограждение и зашагал к двери на едва гнущихся ногах.

— Закрыто! — прокричал он через дубовую дверь. — Уходите, а то полицию вызову!

— Неужели это вы, мистер Типтон? — раздался приглушенный голос.

Куратор оцепенел, недоуменно приподняв седые брови. Это еще кто? Среди дня посетители не обращали на него никакого внимания, да и сам он старательно избегал общения — сидел за столом со строгим видом занятого человека.

— Кто там? — спросил он, — оправившись от изумления.

— Не могли бы мы поговорить внутри, мистер Типтон? На улице довольно прохладно.

Типтон нерешительно отворил дверь и увидел на пороге мертвенно-бледного худощавого господина в черном костюме. В сумеречном свете вечерней улицы посверкивали серебристые глаза посетителя. Было в этом человеке нечто, делавшее его незабываемым, и Типтон вздрогнул.

— Мистер Пендергаст? — изумленным шепотом отважился спросить куратор.

— Он самый. — Гость вошел и коротко, официально пожал Типтону руку.

Пендергаст указал на стул для посетителей рядом с письменным столом.

— Вы позволите?

Типтон кивнул, и Пендергаст уселся, закинув ногу на ногу. Куратор молча присел за свой стол.

— Вы как будто призрак увидели, — заметил Пендергаст.

— Э-э... мистер Пендергаст, — в смятении начал Типтон, — я думал... никого из семьи не осталось... Понятия не имел, что... — Голос его стих.

— Слухи о моей кончине сильно преувеличены.

Типтон нащупал карман в жилете своей поношенной шерстяной тройки, вынул платок и протер лоб.

— Счастлив видеть вас, просто счастлив. — И снова протер.

— Взаимно.

— А что — если мне позволено спросить — привело вас к нам? — Типтон сделал усилие и взял себя в руки. Почти пятьдесят лет он служил куратором музея Одюбона и многое знал о семействе Пендергастов. Меньше всего он ожидал увидеть во плоти кого-нибудь из них. Ту ужасную ночь, когда случился пожар, он помнил, словно это случилось вчера: толпа народу, крики с верхних этажей, пламя, рвущееся в ночное небо. Типтон, правда, слегка успокоился, когда съехали уцелевшие члены семьи — его от них в дрожь кидало, особенно от странного Диогена. Типтон слышал, что тот погиб где-то в Италии. И что Алоиз куда-то пропал. Эти слухи сомнений у него не вызвали — такая семейка, казалось, обречена на вымирание.

— Я хотел посмотреть, как тут наша недвижимость. И поскольку раз уж я оказался поблизости, решил навестить своего старинного знакомца. Как нынче дела в музейном бизнесе?

— Недвижимость? Вы хотите сказать…

— Именно так. Парковка, где когда-то находился Рошнуар. Я так и не смог его продать… Проклятая сентиментальность. — Эти слова сопровождались легкой улыбкой.

Типтон кивнул:

— Конечно-конечно. Что касается музея, сами видите, соседство наше переменилось к худшему. Посетителей много не бывает.

— Да, все переменилось. Как приятно видеть, что музей Одюбона все тот же.

— Мы стараемся сохранять все как есть.

Пендергаст поднялся, заложил руки за спину.

— Вы не возражаете? Я понимаю, музей сейчас закрыт, но мне все же очень хотелось бы посмотреть. По старой памяти.

Типтон поспешно вскочил.

— Разумеется. Вы уж простите, диорама не в порядке — я тут прибирался.

Куратор помертвел, вспомнив, что оставил пылесос на коленях Одюбона, а метелку сунул ему под мышку — словно какой-то шутник затеял сделать из великого человека уборщицу.

— А помните, — спросил Пендергаст, — выставку, которую устроили пятнадцать лет назад и для которой мы вам одолжили первое издание «Птиц Америки»?

— Конечно.

— Получился настоящий праздник.

— Да. — Типтон отлично помнил, какой ужас и потрясение он испытал при виде толп, бродящих по экспозиции с полными бокалами вина. Стоял прекрасный зимний вечер, светила полная луна, а он так измотался, что почти ничего не замечал. Первая специализированная выставка, которую он устроил, стала и последней.

Пендергаст расхаживал по залам музея, разглядывал в застекленных шкафах рисунки, гравюры и чучела птиц, вещи Одюбона, письма, наброски. Куратор ходил следом.

— Между прочим, я познакомился со своей женой именно здесь, на том самом открытии.

— Да что вы, мистер Пендергаст, а я и не знал, — скованно сказал Типтон. Пендергаст казался ему каким-то странно возбужденным.

— Хелен, моя жена, интересовалась Одюбоном.

— Да-да, припоминаю.

— А она... потом приходила в музей?

— О да. И раньше, и потом.

— Раньше?! — резко спросил Пендергаст.

Типтон смешался.

— Ну... да. Она то и дело приходила, занималась какими-то исследованиями.

— Исследованиями, — задумчиво сказал Пендергаст. — И задолго до того, как мы познакомились?

— Месяцев за шесть до той выставки, не меньше. Может, и больше. Очаровательная женщина. Я был так потрясен, узнав...

— Несомненно! — взволнованно перебил Пендергаст, но тут же успокоился и взял себя в руки.

«Странный он какой-то, — подумал Типтон, — в точности как и прочие Пендергасты».

Людей эксцентричных в Новом Орлеане хватает, город ими славится, но тут было что-то другое.

— Я мало знаю об Одюбоне, — продолжал Пендергаст. — Никогда толком не вникал в исследования Хелен. А вам про них известно?

— Немного, — ответил Типтон. — Ее привлекал период, когда Одюбон жил тут с Люси, в тысяча восемьсот двадцать первом.

Пендергаст остановился перед шкафом с затененными стеклами.

— Ее интересовало что-то конкретное? Она, кажется, собиралась писать статью или книгу?

— Вам лучше знать, но она, помнится, не раз спрашивала у меня про «Черную рамку».

— А что это?

— Ну как же, знаменитая утерянная картина, которую Одюбон написал в лечебнице.

— Простите, но мои знания об Одюбоне весьма скудны. Что это за утерянная картина?

— В ранней молодости Одюбон серьезно заболел. Пока выздоравливал, писал картину. Картина необычная, его первое выдающееся произведение. Потом она пропала. Любопытно, что никто из видевших ее, не упоминает, что именно на ней нарисовано, но все утверждают, что изображение — совершенно как живое и вставлено в необычную черную рамку. Жаль, но сюжета картины история, похоже, так и не узнает. — Оказавшись на знакомой почве, Типтон слегка успокоился.

— И Хелен интересовалась картиной?

— Этим интересуется любой, кто изучает творчество Одюбона. Именно с этой картины начался тот период его жизни, который завершился «Птицами Америки» — величайшим трудом по естественной истории. «Черная рамка», по всеобщему признанию, была первой работой настоящего гения.

— Понятно. — Пендергаст глубоко задумался. Неожиданно он вздрогнул и посмотрел на часы. — Ну… рад был вас повидать, мистер Типтон. — Пендергаст подал ему руку, и куратор в замешательстве почувствовал, что руки у гостя холодны, словно у покойника.

Куратор проводил гостя до двери и на самом пороге наконец-то решился тоже задать вопрос:

— Мистер Пендергаст, скажите, а то первое издание у вас сохранилось?

Пендергаст обернулся.

— Разумеется.

— О! Надеюсь, вы простите мою прямоту, но если вы по какой-то причине захотите найти для него подобающее место, где с ним будут должным образом обращаться и показывать публике, то мы, разумеется, сочтем для себя честью... — намекнул куратор.

— Буду иметь в виду. Спокойной вам ночи, мистер Типтон.

Старик порадовался, что Пендергаст больше не протянул ему руку.

Дверь закрылась; Типтон заложил засов и некоторое время постоял в раздумье. Жену лев съел, родители сгорели... Вот так семья! И этот, последний, с годами явно не стал нормальнее.

17

Расположенная на Тулейн-стрит школа медицины Тулейнского университета помещалась в непримечательном сером высотном здании, какие можно встретить в нью-йоркском финансовом квартале.

Пендергаст вышел из лифта на тридцать первом этаже и направился в отделение гинекологии; там, задав несколько вопросов, он нашел кабинет доктора Мириам Кендалл и деликатно постучал.

— Войдите, — ответил сильный звучный голос.

Пендергаст открыл дверь. Небольшой кабинет явно принадлежал профессору: два металлических шкафа, заполненных учебниками и научными журналами, на письменном столе высятся стопки экзаменационных тетрадей... Из-за стола поднялась женщина лет шестидесяти.

— Здравствуйте, доктор Пендергаст. — Она сдержанно пожала протянутую руку.

— Зовите меня Алоиз, — ответил он. — Благодарю, что согласились меня принять.

— Не стоит. Присаживайтесь, пожалуйста.

Она опять уселась за стол и стала пристально разглядывать Пендергаста — почти как врач пациента.

— А вы ни на день не состарились.

О ней самой этого нельзя было сказать. В золотистом утреннем свете, лившемся из высоких узких окон, Мириам Кендалл выглядела намного старше, чем в то время, когда делила кабинет с Хелен Эстерхази-Пендергаст. Однако вела она себя как прежде — холодно, жестко, по-деловому.

— Внешность обманчива, — ответил ей Пендергаст. — Однако благодарю. И долго вы уже в университете?

— Девять лет. — Она уперлась пальцами в стол. — Признаться, Алоиз, странно, что вы не обратились с расспросами к начальнику Хелен, Морису Блэклеттеру.

— Я обращался. Он уже не работает — вы, наверное, знаете. После «Врачей на крыльях» он консультировал различные фармацевтические компании, а теперь он отдыхает в Англии, вернется только через несколько дней.

— А как насчет «ВНК»?

— Я побывал у них сегодня утром. Настоящий бедлам, всех мобилизуют в Азербайджан.

— Ах да. Землетрясение, много жертв.

— Там нет никого старше тридцати — те, кто улучил минуту, чтоб поговорить, мою жену почти не помнят.

— Это работа для молодых, — подтвердила Кендалл. — Одна из причин, почему я оттуда ушла и стала преподавать гинекологию. — Не обращая внимания на внезапно зазвонивший телефон, профессор оживленно продолжила: — Конечно же, я с удовольствием поделюсь с вами своими воспоминаниями о Хелен. Странно, конечно, что вы решили обратиться ко мне спустя столько лет.

— Ничего удивительного. Я намерен написать о своей жене мемуары. Описание ее жизни — такое же короткое, как и сама жизнь. «Врачи на крыльях» — ее первое и единственное место работы после получения степени магистра биофармацевтики.

— Разве она не эпидемиолог?

— Биофармацевтика — ее первая специальность. — Пендергаст сделал паузу. — Я понял, как мало знал о работе Хелен в «ВНК»... Тут полностью моя вина, которую я теперь пытаюсь искупить.

При этих словах суровые черты Кендалл слегка смягчились.

— Рада слышать. Хелен была замечательной женщиной.

— Тогда расскажите мне, пожалуйста, о ее работе в «ВНК» И прошу вас, не нужно ничего ретушировать — недостатков у Хелен хватало. Я предпочитаю неприкрашенную правду.

Взгляд Кендалл переместился в какую-то точку позади Пендергаста, куда-то вдаль, словно она смотрела в прошлое.

— Как вы знаете, в «ВНК» мы занимались программами по обеспечению населения третьего мира санитарными условиями, питьевой водой, продовольствием. Помогали людям улучшить условия жизни и здоровье. А когда происходили катастрофы — как сейчас в Азербайджане, — мы мобилизовывали бригады врачей и работников здравоохранения и отправляли в районы бедствия.

— Это мне известно.

— Хелен... — Кендалл замялась.

— Продолжайте, — проговорил Пендергаст.

— Ваша жена была прекрасным сотрудником, с самого начала. И все же у меня часто возникало чувство, что в нашей работе ей больше всего нравятся приключения. Да, она месяцами терпела кабинетную работу, но больше всего ей хотелось попасть в эпицентр какой-нибудь катастрофы. Однажды... — Мириам Кендалл прервалась и с удивлением спросила: — Вы что, записывать не будете?

— У меня отличная память, профессор Кендалл. Продолжайте, прошу вас.

— Так вот, однажды в Руанде нас окружила толпа — человек пятьдесят, все пьяные, размахивают мачете... У Хелен в руках откуда ни возьмись появился двуствольный «Дерринджер», и она разогнала этот сброд. Велела им бросить оружие и проваливать. Они ее послушались, представляете! — Кендалл покачала головой. — Неужели она вам не рассказывала?

— Нет.

— Хелен очень умело обращалась с пистолетом. Она научилась стрелять в Африке?

— Да.

— Мне всегда это казалось немного странным.

— Что?

— Охота. Странное увлечение для биолога. Хотя каждый снимает стресс по-своему. Иногда, в экспедиции, бывает невыносимо тяжело: смерть, жестокость, дикость. — Кендалл умолкла, словно вспоминая что-то.

— Я надеялся посмотреть ее личное дело в «ВНК», но тщетно.

— Вы же себе представляете, с канцелярией им возиться некогда, да и некому. Так что документы они не хранят, тем более бумаги десятилетней давности. А папка с личным делом Хелен была бы самая тонкая.

— Почему?

— Она ведь работала на полставки.

— Это была… не основная ее работа?

— Ну, «полставки» — не совсем точно. То есть Хелен отрабатывала полных сорок часов в неделю, а в командировках — гораздо больше, но она часто уезжала, иногда сразу на несколько дней. Я всегда думала, что у нее есть и другая работа или она трудится над каким-то проектом, но раз вы говорите, что она больше нигде не работала… — Кендалл пожала плечами.

— Другой работы у нее не было. — Пендергаст помолчал и спросил: — А что вам запомнилось в характере Хелен?

— Она всегда поражала меня своей закрытостью, — нерешительно начала Кендалл. — Я даже не знала, что у нее есть брат — пока он однажды не пришел к нам в офис. Тоже очень красивый. И, припоминаю, тоже медик.

— Джадсон.

— Совершенно верно. Видно, медицина, — это у них семейное.

— Да. Врачом был и отец Хелен.

— Понятно.

— Она когда-нибудь говорила с вами об Одюбоне?

— О натуралисте? Нет, никогда. Забавно, что вы о нем упомянули.

— Почему же?

— Потому что это был один-единственный раз, когда она вышла из себя.

— Расскажите, пожалуйста, — заинтересованно попросил Пендергаст.

— Нас послали на Суматру, после катастрофического цунами. Жуткие разрушения…

— Ах да, помню ту поездку, всего через несколько месяцев после нашей свадьбы.

— Настоящий хаос, работали мы на износ. Как-то вечером я захожу в нашу палатку — мы жили с Хелен и еще с одной нашей сотрудницей. Хелен на складном стуле дремала с книгой, раскрытой на изображении какой-то птицы. Я решила потихоньку убрать книгу, но Хелен резко проснулась, вырвала у меня книгу и очень разволновалась. Потом как будто опомнилась, пыталась даже засмеяться. Сказала, что я ее напугала.

— А какая была птица?

— Маленькая, яркая такая. Название необычное... Там еще было название штата.

Пендергаст на миг задумался.

— Виргинский пастушок?

— Нет, это я бы запомнила.

— Калифорнийский бурый тауи?

— Нет, зеленая с желтым.

Последовало молчание.

— Каролинский попугай? — спросил наконец Пендергаст.

— Точно! Я еще тогда удивилась, не знала, что в Америке есть попугаи. А Хелен мои слова просто проигнорировала.

— Понятно. Спасибо, профессор Кендалл. — Пендергаст поднялся и протянул руку, прощаясь. — Благодарю вас за помощь.

— Мне хотелось бы получить экземпляр ваших мемуаров. Я очень любила Хелен.

— Непременно, как только их опубликуют, — с легким поклоном пообещал Пендергаст и вышел из кабинета.

Покинув здание, он в глубокой задумчивости побрел по улице.

18

Пендергаст пожелал Морису доброй ночи, взял початую за ужином бутылку «Романе-Конти» урожая 1964 года и отправился из большого зала в библиотеку.

С Мексиканского залива налетела буря; над домом выл ветер, бился в ставни, дергал деревья за голые ветви. Стучал по стеклам дождь, полную луну закрыли тяжелые разбухшие облака.

В застекленном книжном шкафу хранились самые ценные книги: второе издание шекспировского «Первого фолио»; двухтомный словарь Джонсона, изданный в 1755 году; выполненная в шестнадцатом веке копия «Великолепного часослова герцога Беррийского», иллюстрированного братьями Лимбург. Четыре тома первого издания «Птиц Америки» Одюбона располагались в отведенном для них отдельном ящике, в самом низу.

Облекши руки в белые хлопчатобумажные перчатки, Пендергаст вынул гигантские — размером три на четыре фута — фолианты и разложил их на длинном столе посреди комнаты. С исключительной осторожностью он раскрыл первый том на первой странице. Прекрасное изображение, словно только что отпечатанное, было как живое; казалось, самец дикой индейки вот-вот сойдет с листа. Этот экземпляр — один из двухсот — прапрадед Боэций получил по подписке от самого Одюбона. Экслибрис и подпись прапрадеда красовались на форзацах книг.

Самое дорогое издание за всю историю Нового Света — цена его теперь доходит до десяти миллионов долларов.

Пендергаст медленно перевертывал страницы. Желтоклювая кукушка, лимонный певун, пурпурный зяблик... Он внимательно разглядывал птиц одну за другой, пока не дошел до двадцать шестой страницы — каролинский попугай.

Пендергаст вынул из кармана листок со своими заметками.

Каролинский попугай (Conuropsis carolinensis)

Единственный вид попугая, обитавший на востоке Соединенных Штатов. Объявлен вымершим в 1939 году. Последний дикий экземпляр убит во Флориде в 1904 году, последний, живший в неволе — «Инка», — умер в зоопарке Цинциннати в 1918 году.

Причинами исчезновения популяции послужили вырубка лесов, уничтожение ради перьев, шедших на украшение шляпок, истребление фермерами в качестве вредителей, а также массовый отлов для содержания в неволе.

Основная причина вымирания — стайное поведение. Когда отдельных птиц отстреливали, остальные не улетали, а собирались вокруг убитых и раненых, словно желая помочь; в результате истреблялась вся стая.

Пендергаст отложил заметки, плеснул в бокал бургундского и пригубил, почти не чувствуя вкуса прекрасного вина.

К своему огромному разочарованию, он понял, что его знакомство с Хелен было не случайным. Неужели Хелен вышла за него замуж исключительно по причине приятельских отношений его предков с Одюбоном? Нет, она любила его! И все же стало ясно одно — его жена вела двойную жизнь. Какая ирония судьбы: Хелен, единственный человек, кому он научился доверять, перед кем мог полностью раскрыться, скрывала от него какую-то тайну! Подливая вина в бокал, Пендергаст думал, что именно из-за своего безоговорочного доверия он ни разу ничего не заподозрил. Будь на месте Хелен любой другой близкий человек, Пендергаст сразу бы догадался о существовании тайны.

Все это он понимал, но все это казалось пустяком по сравнению с вопросами, которые его буквально жгли.

Что крылось за одержимостью жены Одюбоном, и почему она столь тщательно скрывала свой интерес от мужа?

Какая связь между увлечением знаменитыми гравюрами Одюбона и птицей малоизвестной породы, вымершей почти сто лет назад?

Куда делась первая зрелая работа Одюбона, таинственная «Черная рамка», и для чего Хелен ее искала?

И наконец — самый трудный и самый важный вопрос: почему увлечение Хелен привело к ее трагической смерти? Хотя Пендергаст мало в чем был уверен, он ни секунды не сомневался: за этой завесой вопросов и предположений скрывается не только мотив убийства, но и тот, кто его совершил.

Отставив бокал, Пендергаст подошел к телефону, стоявшему неподалеку на столе. Поднял трубку, набрал номер.

Ответили почти сразу:

— Д’Агоста слушает.

— Здравствуйте, Винсент.

— Пендергаст! Как дела?

— Где вы сейчас?

— В отеле «Копли Плаза». Решил дать отдохнуть своим двоим. Вы хоть представляете, сколько Фрэнков училось в Массачусетсском институте технологий одновременно с вашей женой?

— Нет.

— Тридцать один. Шестнадцать мне удалось отыскать. Никто не признался, что был с ней знаком. Пятеро уехали из страны. Двое умерли. Восьмерых не нашел — в университете про них ничего не знают.

— Давайте покамест уберем старину Фрэнка в долгий ящик.

— Одобряю. А куда теперь? В Новый Орлеан? Или в Нью-Йорк? Мне бы хотелось побыть немного с...

— Плантация Окли, к северу от Батон-Ружа.

— Как-как?

— Поедете на плантацию Окли, неподалеку от Сент-Фрэнсисвилля.

Долгая пауза.

— И что я там буду делать? — опасливо спросил д’Агоста.

— Осматривать чучела попугаев.

Еще более долгая пауза.

— А вы?

— Я тоже приеду в Луизиану, на поиски пропавшей картины. Остановлюсь в отеле «Байю-Гранд».

19

Байю-Гула, штат Луизиана

Пендергаст сидел в обсаженном пальмами внутреннем дворике роскошной гостиницы. Ноги в черных брюках он заложил одну на другую и скрестил руки — недвижный, словно гипсовые статуи, украшающие интерьер отеля. Ночную бурю сменил теплый солнечный день, притворявшийся весенним.

На подъездной дорожке из белого гравия парковщики отгоняли на стоянку дорогие автомобили, кедди толкали сверкающие тележки для гольфа. Чуть дальше сверкал лазурью бассейн — без пловцов, но зато окруженный любителями загорать, потягивающими «Кровавую Мэри». За бассейном раскинулось обширное поле для гольфа: безукоризненные лужайки, ямы с песком, среди которых прохаживались мужчины в блейзерах пастельных тонов и женщины в белых костюмах для гольфа. На горизонте широкой коричневой полосой тянулась Миссисипи.

Пендергаст заметил краем глаза какое-то движение.

— Мистер Пендергаст? — обратился к нему невысокий пухлый человечек лет шестидесяти, в темном костюме, застегнутом на все пуговицы, и кроваво-красном галстуке с еле заметным узором. Лысая макушка незнакомца сверкала на солнце, словно позолоченная, седые волосы были зачесаны за уши двумя одинаковыми запятыми. На румяном лице глубоко сидели маленькие синие глазки, тонкие губы сложились в официальную улыбку.

Пендергаст поднялся.

— Доброе утро.

— Я — Портби Шоссон, главный управляющий гостиницы.

Агент пожал протянутую руку.

— Рад познакомиться.

— Взаимно, — ответил Шоссон и махнул розовой ладошкой в сторону гостиницы: — Мой кабинет вон там.

Он повел Пендергаста через двор в гулкий вестибюль, облицованный мрамором кремового цвета. Они прошли мимо упитанных бизнесменов и холеных женщин к неприметной двери позади стойки портье. За дверью оказался роскошный кабинет в стиле французского барокко. Управляющий усадил Пендергаста в кресло у изящного письменного стола.

— По вашему произношению я вижу, что вы из этой части страны, — сказал Шоссон, усевшись за стол.

— Новый Орлеан, — ответил Пендергаст.

— А! — Шоссон потер ладошки. — У нас, полагаю, вы впервые? — Он проверил по компьютеру. — Точно. Благодарю вас, мистер Пендергаст, что выбрали для отдыха наше заведение. У вас, позвольте заметить, замечательный вкус: «Байю-Гранд» — самый роскошный курорт в дельте Миссисипи.

Пендергаст наклонил голову.

— Далее. По телефону вы сказали, что вас интересуют наши программы отдыха и гольф. У нас есть две программы: недельная «платиновая» и двухнедельная «алмазная». Недельные программы стоят от двенадцати с половиной тысяч долларов, я могу предложить продлить ее до двух недель, потому что…

— Простите меня, мистер Шоссон, — мягко остановил его Пендергаст, — если вы позволите мне сказать, думаю, мы оба сэкономим наше бесценное время.

Главный управляющий замолчал, глядя на Пендергаста с выжидательной улыбкой.

— Я и вправду выказал некоторый интерес к вашему гольфу. Надеюсь, вы простите мне этот маленький обман.

— Обман? — растерялся Шоссон.

— Именно. Я просто хотел привлечь ваше внимание.

— Не понимаю.

— Не знаю даже, как выразиться яснее, мистер Шоссон.

Управляющий недоуменно нахмурился:

— Вы хотите сказать, что вам без надобности номер люкс в «Байю-Гранд»?

— Увы, гольф не моя стихия.

— Так вы обманули меня только для того, чтобы я вас принял?

— Ну наконец-то вы все поняли!

— В таком случае, мистер Пендергаст, нам нечего более обсуждать. Всего хорошего.

Пендергаст секунду разглядывал свои безупречно наманикюренные ногти.

— Вообще-то есть.

— Тогда следовало обратиться ко мне без всяких фокусов.

— В таком случае я почти наверняка не попал бы в ваш кабинет.

Шоссон побагровел от возмущения.

— С меня хватит. Я человек занятой. Прошу простить, но мне нужно заняться настоящими клиентами.

Однако Пендергаст, явно не собираясь вставать, со вздохом сожаления вытащил из кармана небольшой кожаный чехольчик, рывком раскрыл его и показал золоченый жетон.

Шоссон уставился на значок.

— ФБР?

Пендергаст кивнул.

— Совершено какое-то преступление?

— Да.

На лбу управляющего выступили капельки пота.

— Вы что, намерены… арестовывать кого-то в моей гостинице?

— Я имею в виду нечто другое.

Шоссон несколько успокоился.

— Речь идет о преступлении?

— С гостиницей оно не связано.

— У вас есть ордер или предписание?

— Нет.

К управляющему вернулось самообладание.

— Боюсь, мистер Пендергаст, прежде чем отвечать на ваши вопросы, мне придется проконсультироваться с адвокатами. Такова политика компании. Сожалею.

— Какая жалость, — заметил Пендергаст, убирая жетон.

Шоссон вновь принял самодовольный вид.

— Мой помощник вас проводит. — Он нажал кнопку. — Джонатан!

— А верно ли, мистер Шоссон, что здание гостиницы — бывший особняк хлопкового магната?

— Да-да, — подтвердил управляющий и обратился к вошедшему молодому человеку: — Будьте добры, проводите мистера Пендергаста.

— Хорошо, сэр.

Пендергаст не двинулся.

— Как вы думаете, мистер Шоссон, как отреагируют ваши гости, если узнают, что в этом здании на протяжении многих лет располагалась лечебница?

Лицо управляющего моментально вытянулось.

— Понятия не имею, о чем вы.

— Лечебница для инфекционных больных. Холера, туберкулез, малярия, желтая лихорадка…

— Джонатан! Мистер Пендергаст пока не уходит. Пожалуйста, закройте за собой дверь.

Молодой человек покинул кабинет, а Шоссон повернулся к Пендергасту. Отвислые щеки управляющего тряслись от негодования.

— Как вы смеете мне угрожать?

— Угрожать? Какое скверное слово. Правда, мистер Шоссон, делает человека свободным. Я вовсе не желаю угрожать вашим гостям, я просто собираюсь открыть им путь к свободе.

Шоссон напряженно замер, затем медленно откинулся на спинку кресла. Прошла минута, другая.

— Что вам нужно? — тихо спросил он.

— Причина моего визита — лечебница. Я хочу посмотреть все архивы, особенно имеющие отношение к одному пациенту.

— И кто этот пациент?

— Джон Джеймс Одюбон.

Шоссон сморщился и с нескрываемой досадой шлепнул ухоженной ладошкой по столу.

— Господи, так вы из этих?!

Пендергаст с удивлением смотрел на него.

— Простите?

— Как только я думаю, что про этого несчастного наконец-то позабыли, является очередной любопытствующий! Про картину тоже будете расспрашивать?

Пендергаст промолчал.

— Я скажу вам то же самое, что и прочим. Со времени пребывания здесь Джона Джеймса Одюбона прошло почти сто восемьдесят лет. Леч... медицинское учреждение закрылось больше века назад. Никаких записей — и уж точно картин — тут нет и в помине.

— Вот так?

— Вот так! — Шоссон кивком дал понять, что разговор окончен.

— Что ж, весьма прискорбно. Всего хорошего, мистер Шоссон, — сказал Пендергаст, с опечаленным видом поднимаясь из кресла.

— Минуточку! — встревоженно заметил управляющий. — Вы ведь не расскажете гостям, что...

Пендергаст стал еще печальнее.

— Весьма, весьма прискорбно, — повторил он.

Шоссон сделал останавливающий жест.

— Погодите, не торопитесь. — Он вынул из кармана платок и утер взмокший лоб. — Может, кое-какие бумаги и остались. Идемте со мной. — С длинным прерывистым вздохом управляющий вышел из кабинета.

Пендергаст последовал за ним — мимо изысканно обставленного ресторана, мимо сервировочной — в огромную кухню. Мрамор и позолота сменились белым кафелем и прорезиненными ковриками. За металлической дверью в дальнем углу кухни обнаружилась старая железная лестница, ведущая в холодный, сырой, едва освещенный подвальный коридор, который, казалось, пронизывал насквозь всю Луизиану. С потолка осыпалась штукатурка, кирпичный пол покрывали щербины.

Наконец управляющий остановился перед обитой железом дверью. Шоссон толкнул ее — раздался скрип — и шагнул в темноту. В спертом воздухе пахло гнилью и плесенью. Шоссон повернул старинный выключатель по часовой стрелке; взорам вошедших открылось огромное помещение. Тараканы с шорохом разбежались по замусоренному полу, покрытому обломками асбестовых труб и пыльным, заплесневелым хламом.

— Здесь раньше была бойлерная, — пояснил Шоссон, пробираясь среди крысиных экскрементов и прочей дряни.

В углу лежали развалившиеся связки бумаг — отсыревших, обгрызенных, потемневших от времени. С одного боку устроили себе гнездо крысы.

— Вот все, что осталось от архива лечебницы, — торжествующе объявил Шоссон. — Я же говорил: обрывки и клочки. Понятия не имею, почему это не выбросили много лет назад — верно, потому, что сюда никто исходит.

Пендергаст опустился на колени и стал внимательно изучать бумаги — брал каждую, перевертывал и разглядывал. Прошло десять минут, двадцать. Шоссон несколько раз нервно смотрел на часы, но Пендергаста это не смущало. Наконец он поднялся, держа в руках небольшую стопку документов.

— Можно их забрать?

— Берите. Все забирайте.

Пендергаст сложил бумаги в желтый конверт.

— Вы упоминали, что Одюбоном и его картиной, интересовались и другие.

Шоссон кивнул.

— Картину называли «Черная рамка»?

— Да.

— А эти люди? Кто они были и когда приходили?

— Первый... дайте подумать... дет пятнадцать назад. Вскоре после того, как я стал главным управляющим. А второй раз — примерно через год.

— Значит, я третий, — заключил Пендергаст. — А по вашему тону мне показалось, будто их было больше. Расскажите мне о первом.

— Какой-то владелец художественного салона, — со вздохом начал Шоссон. — Совершенно отвратительный тип. За долгие годы в гостиничном бизнесе я научился определять характер человека по его манерам, по тому, что и как он говорит. Этот визитер доверия к себе не вызвал, напротив, мне стало жутковато. Его интересовала картина, которую Одюбон предположительно написал, пока находился здесь. Негодяй даже намекнул, что, мол, вознаградит меня за потраченное время. Однако я не смог ему сказать ничего вразумительного, и он вышел из себя, мерзкую сцену устроил.

— Бумаги он видел?

— Нет. Я тогда сам про них не знал.

— Как его зовут, вы запомнили?

— Да. Трапп. Такое имечко не забудешь.

— Понятно. А второй?

— Женщина. Молодая, темноволосая, худенькая. Очень симпатичная. Она разговаривала гораздо любезнее — и убедительнее. Только я мало что мог ей сообщить — как и Траппу. Бумаги она просмотрела.

— Взяла какие-нибудь?

— Я не разрешил, думал, вдруг они важные. А теперь сам не знаю, как от них избавиться.

Пендергаст задумчиво кивнул.

— А имени женщины вы не помните?

— Нет. Забавно — она так и не назвалась. Я это сообразил, только когда она уехала.

— Она говорила с таким же акцентом, как и я?

— Нет, выговор у нее был северный, как у Кеннеди. — Управляющий вздрогнул.

— Ясно. Спасибо, что уделили мне время. — Пендергаст повернулся. — Я сам найду дорогу.

— Нет-нет, — быстро сказал Шоссон. — Позвольте, я провожу вас до машины.

— Не волнуйтесь, мистер Шоссон, вашим гостям я ни слова не скажу.

С легким поклоном и еще более легкой печальной улыбкой Пендергаст быстро направился по коридору к внешнему миру.

20

Сент-Фрэнсисвилль, штат Луизиана

Д'Агоста остановился перед особняком, гордо возвышавшимся над высохшими клумбами среди голых деревьев. С зимнего неба брызгал дождь, на асфальте стояли лужи. Д'Агоста посидел несколько секунд в прокатном автомобиле, дослушивая последние слова осточертевшей песни и пытаясь преодолеть раздражение: гоняют его, как мальчика на посылках! Разве ж он разбирается в дохлых птицах?!

Наконец песня кончилась, и д'Агоста заставил себя оторвать зад от сиденья, схватил зонт и вылез из машины. Он поднялся по ступеням плантаторского дома и оказался на веранде — ставни-жалюзи были закрыты из-за дождя.

Сунув мокрый зонт в стойку, лейтенант скинул плащ, повесил его на вешалку и вошел в дом.

— Вы, наверное, доктор д'Агоста, — сказала, вставая из-за стола, яркая, похожая на птичку женщина и устремилась к нему, топая короткими ножками в туфлях без каблуков. — В это время посетителей у нас мало. Я — Лола Маршан. — Она протянула руку.

Д'Агоста взял ее и почувствовал на удивление крепкое пожатие. Женщина — сплошные румяна, пудра и помада — была маленькая, полненькая и энергичная, лет шестидесяти на вид.

— Это вы нам привезли плохую погоду! — Она переливчато рассмеялась. — Но все равно, исследователям Одюбона мы рады всегда. А то у нас в основном туристы.

Д'Агоста последовал за ней в зал с выкрашенными в белый цвет деревянными панелями на стенах и массивными потолочными балками. Лейтенант уже начал жалеть о том, что наговорил по телефону. Он очень мало знал и про Одюбона, и про птиц, а потому самый простой разговор мог вывести его на чистую воду. Лучше вообще рта не раскрывать.

— Итак, все по порядку. — Маршан подошла к другому столу и подвинула д'Агосте огромную книгу для посетителей: — Пожалуйста, напишите ваше имя и цель визита.

Д'Агоста написал имя и выдуманную заранее причину.

— Спасибо. Теперь начнем. Что именно вы хотели бы видеть?

Лейтенант прокашлялся.

— Я — орнитолог. — Это слово он запомнил правильно. — Мне хотелось бы посмотреть чучела работы Одюбона.

— Прекрасно. Как вы, конечно, знаете, Одюбон провел здесь только четыре месяца — в качестве учителя рисования Элизы Пирри, дочери мистера и миссис Джеймс Пирри, владельцев плантации Окли, — радостно затараторила Маршан. — После размолвки с миссис Пирри он вернулся в Новый Орлеан, забрав отсюда все чучела и рисунки. Однако когда сорок лет назад нам присвоили статус государственного музея, нам передали рисунки Одюбона, письма и некоторые чучела птиц — эту коллекцию мы потом пополнили, и теперь она одна из лучших в Луизиане!

Свой рассказ Маршан сопроводила радостной улыбкой.

— Совершенно верно, — пробормотал д'Агоста, доставая из кармана блокнот в надежде, что это придаст сцене правдоподобия.

— Прошу сюда, доктор д'Агоста.

«Доктор»! Д'Агоста даже сам себя зауважал.

Маршан повела его к лестнице по анфиладе комнат с крашеными сосновыми полами. Поднявшись на второй этаж, они миновали несколько залов, уставленных исторической мебелью и всевозможными экспонатами, и подошли к запертой двери, за которой оказалась узкая и крутая лестница на чердак. Следом за Маршан д'Агоста двинулся наверх. На чердаке — просторном, безупречно чистом и ухоженном помещении — пахло свежей краской. Вдоль стен стояли старинные дубовые шкафы с

рифлеными стеклами, а у дальней стены — более современные стеллажи. Через запотевшие окна лился прохладный белый свет.

— У нас тут около ста птиц из личной коллекции Одюбона, — сообщила Маршан, живо двигаясь по проходу. — К сожалению, таксидермистом Одюбон был неважным… большинство чучел в плохом состоянии. Их, конечно, дополнительно обрабатывали, но… Впрочем, вы сами увидите.

Они остановились перед большим серым металлическим шкафом, больше похожим на сейф. Маршан повернула круглую ручку, потянула за рычаг, и тяжелая дверь с чмоканьем отворилась, открыв деревянное нутро: каждый выдвижной ящик был снабжен табличкой, вставленной в медный держатель. На д'Агосту хлынул запах нафталина. Маршан вытянула один ящик, и лейтенант увидел три ряда птичьих чучел: пожелтевшие бирки на лапках, из глазниц торчат клочья ваты…

— Бирки делал Одюбон, собственноручно, — с гордой улыбкой пояснила Маршан. — Птиц я буду доставать сама, и прошу не прикасаться к ним без моего разрешения. Итак, что именно вы хотели бы посмотреть?

С веб-сайта, где перечислялись все работы Одюбона и места их хранения, д'Агоста предусмотрительно переписал в блокнот названия некоторых птиц и теперь мог щегольнуть познаниями.

— Давайте начнем с луизианского речного певуна.

— Прекрасно. — Она вернула ящик на место и вытащила другой. — Будете смотреть на столе или прямо в ящике?

— Можно и в ящике.

Д'Агоста вставил в глазницу лупу и стал пристально разглядывать птицу, непрерывно что-то бормоча и хмыкая. Чучело было старое, выцветшее и побитое молью, перышки обтрепались и повыпадали, набивка вылезла. Д'Агоста как мог изображал заинтересованность и иногда неразборчиво строчил в блокноте.

Наконец он выпрямился.

— Дальше у меня в списке американский чиж.

— Уже достаю.

Лейтенант опять изобразил, что разглядывает птицу, — щурился сквозь лупу, писал, бормотал себе по нос.

— Надеюсь, вы нашли, что вам нужно, — с намеком произнесла Маршан.

— Да-да, спасибо. — Д’Агосте уже начинало надоедать, да и от запаха нафталина подташнивало. Он сделал вид, будто смотрит в блокнот. — А еще я бы взглянул на каролинского попугая.

В комнате наступила тишина. К удивлению д’Агосты, Маршан вдруг слегка покраснела.

— Простите, этого чучела у нас нет.

На д’Агосту накатила волна раздражения: здесь нет птицы, ради которой он приехал!

— Однако если верить справочникам, попугай у вас, — бесцеремонно заявил он. — И не одно чучело, а целых два.

— Теперь нет ни одного.

— А где же они? — Д’Агоста уже не скрывал недовольства.

— Исчезли, — неохотно призналась Маршан после долгого молчания.

— Как исчезли? Потерялись?

— Нет, не потерялись. Их украли. Много лет назад, я тогда работала ассистентом. Осталось только несколько перышек.

Д’Агосте вдруг стало интересно: сработало его чутье копа. Наконец-то он не бродит на ощупь в потемках.

— Расследование проводили?

— Проводили, но чисто формально. Не станет же полиция суетиться из-за двух птичьих чучел, пусть даже это вымерший вид.

— Копии отчета у вас не осталось?

— У нас прекрасный архив.

— А можно взглянуть?

— Простите, доктор д’Агоста, но зачем? — удивленно спросила Маршан. — Птиц украли больше десяти лет назад.

«Ага, обстоятельства изменились!» — подумал д’Агоста и решительно достал из кармана полицейский жетон.

— Боже мой! — испуганно воскликнула Маршан. — Вы не орнитолог, вы полицейский!

— Верно. Отдел расследования убийств, нью-йоркское управление полиции. А теперь, будьте добры, принесите мне документы.

Маршан с готовностью кивнула и спросила, с трудом скрывая волнение:

— А что случилось?

— Убийство, ясное дело, — улыбнулся лейтенант.

Маршан вышла и через несколько минут вернулась с тонкой папкой, в которой обнаружился великолепный экземпляр полицейской отписки — несколько коряво нацарапанных строк, из которых явствовало, что при очередной проверке коллекции была обнаружена пропажа. Признаков взлома не имеется, ничего другого не украли, свидетелей нет, отпечатков нет, подозреваемых нет. Единственная полезная информация: проверка проводится раз в месяц, а значит, преступление совершено между первым сентября и первым октября.

— Вы записываете всех научных работников, которые получают доступ к коллекции?

— Да. И всегда проверяем коллекцию, когда они уходят, — чтобы убедиться, что ничего не прихватили.

— Тогда круг сужается. Принесите мне, пожалуйста, записи.

— Сию минуту. — Маршан торопливо убежала, громко шлепая туфлями по ступенькам.

Через несколько минут она принесла толстый регистрационный журнал в клеенчатой обложке, раскрыла его на нужном месяце. Лейтенант просмотрел записи. За месяц с коллекцией работали трое исследователей; последний — двадцать второго сентября. Имя было написано размашистым почерком с завитушками.

Матильда В. Джонс, 18 Агассис-драйв, Куперстаун,

Нью-Йорк, 27490

«И имя фальшивое, и адрес, — подумал д'Агоста. — Агассис-драйв, черта с два. И все почтовые индексы в штате Нью-Йорк начинаются с единицы».

— Скажите-ка, а посетители показывают вам какое-нибудь служебное удостоверение, права или еще что-нибудь?

— Нет, мы людям доверяем. Наверное, зря. Но конечно, присматриваем за посетителями. И как это кто-то ухитрился украсть птиц прямо у нас из-под носа!

«Влегкую», — усмехнулся про себя д'Агоста, но вслух ничего не сказал. Дверь на чердак запиралась на старый замок, а шкаф с чучелами был дешевой модели с шумным запорным механизмом; опытный взломщик легко бы с таким справился. Да и в этом нет нужды... Д'Агоста припомнил, что перед тем, как подниматься по лестнице, Маршан

повесила связку ключей на стену в приемной. Наружная дверь не заперта; стоит подгадать момент, когда куратор отлучится — например, в уборную, — и дорога в зал открыта. А там проще простого снять ключи с гвоздика — и прямиком к птичкам. Да вот хотя бы только что Маршан оставила посетителя у незапертого шкафа и пошла за документами. «Имей эти чучела хоть какую-нибудь ценность, их бы давно поперли», — уныло думал д'Агоста.

Он ткнул пальцем в запись:

— А вы ее видели?

— Я тогда ассистентом работала. Посетителей принимал куратор, мистер Хочкисс.

— А где он теперь?

— Скончался несколько лет назад.

Д'Агоста вернулся к регистрационному журналу. Если кражу совершила Матильда В. Джонс, то вряд ли она такая уж ушлая штучка. Имя, конечно же, не настоящее, а вот почерк на измененный не похож. Видимо, кража произошла двадцать третьего сентября, на следующий день после того, как дамочка под видом исследователя установила точное местонахождение чучел. Ночевала она наверняка в каком-нибудь местном мотеле, это можно проверить по регистрационным записям гостиниц.

— А где обычно останавливаются приезжие орнитологи? — спросил лейтенант.

— Мы им рекомендуем мотель «Хума-хаус», в Сент-Фрэнсисвилле. Единственное приличное место, — объяснила Маршан и взволнованно поинтересовалась: — Ну что? Есть зацепки?

— Сделайте мне, пожалуйста, копию этой страницы, — уклончиво ответил д'Агоста.

— Разумеется. — Она сняла со стола тяжеленный регистрационный журнал и удалилась, оставив лейтенанта в одиночестве. Он тут же набрал номер на мобильнике.

— Пендергаст слушает.

— Привет, это Винни. Вам знакомо имя Матильда В. Джонс?

После непродолжительного молчания Пендергаст холодно произнес:

— Где вам встретилось это имя, Винсент?

— Некогда сейчас объяснять. Так вы его знаете?

— Да. Так звали кошку моей жены. Русская голубая порода.

— А какой у вашей жены был почерк? — ошарашенно спросил д’Агоста. — Крупный и с завитками?

— Да. Может, объясните мне, в чем дело?

— Два чучела каролинского попугая работы Одюбона хранились в Окли, так? От них осталось только несколько перышек. И представьте — украла их ваша жена!

Секунда молчания, потом спокойный ответ:

— Понятно.

Тут на лестнице послышалось шлепанье туфель.

— Все, закругляюсь, — быстро сказал д’Агоста и закрыл телефон.

Из-за угла возникла Маршан с копиями записей регистрационного журнала.

— Вот, лейтенант, — сказала куратор, кладя бумаги на стол. — Так вы раскроете нам преступление? — Она одарила его жизнерадостной улыбкой. Д’Агоста заметил, что она успела подрумяниться и подкрасить губы.

«Все-таки для нее это поинтереснее, — подумал он, — чем непрерывно смотреть „Она написала убийство“». Лейтенант сложил копии в портфель и поднялся.

— Похоже, след простыл. Давным-давно. Впрочем, огромное вам спасибо за помощь.

21

Плантация Псиумбра

— Вы уверены, Винсент? Абсолютно?

— Я проверил местную гостиницу, «Хума-хаус», — пояснил д’Агоста. — После изучения птиц в доме на плантации Окли — под именем своей кошки — ваша жена переночевала в гостинице. Там она назвалась настоящим именем: наверное, у нее потребовали какой-нибудь документ, особенно если она расплачивалась наличными. Зачем ей там ночевать, если она не запланировала на следующий день вернуться потихоньку в музей и стащить чучела? — Он протянул Пендергасту листок. — Вот копия записи в регистрационном журнале.

Пендергаст мельком глянул.

— Почерк моей жены. — Он отодвинул страничку; лицо у него было неподвижно, как маска. — А насчет даты кражи вы тоже уверены?

— Двадцать третье сентября, плюс-минус пару дней.

— Примерно через полгода после нашей свадьбы.

В кабинете на втором этаже повисло неловкое молчание. Д'Агоста смущенно разглядывал звериные головы на стенах, шкуру зебры на полу. Потом взгляд его упал на громоздкий деревянный шкаф, в котором красовались замечательные мощные винтовки с прекрасной гравировкой. Какая же из них принадлежала Хелен?

В кабинет заглянул Морис.

— Не угодно ли еще чаю, господа?

Д'Агоста покачал головой. Морис казался ему слегка надоедливым — старый дворецкий хлопотал над ними как наседка.

— Нет, спасибо, Морис, — сказал Пендергаст.

— А вы что раздобыли? — спросил д'Агоста.

Пендергаст ответил не сразу. Медленно сплетя пальцы, он положил руки на колени.

— Я был в отеле «Байю-Гранд» — там раньше размещалась лечебница «Мез Сен-Клер», где Одюбон написал свою «Черную рамку». Моя жена и там побывала, расспрашивала про картину. Это, видимо, произошло через несколько месяцев после того, как мы познакомились. И еще один человек — то ли коллекционер, то ли торговец, весьма сомнительной репутации, — тоже узнавал про картину, примерно годом раньше, чем Хелен.

— Выходит, «Черной рамкой» интересовались и другие.

— И похоже, весьма активно. В подвале лечебницы мне удалось найти несколько интересных документов, в которых описаны история болезни Одюбона, курс лечения и прочее. — Пендергаст достал из портфеля обернутый в пленку пожелтевший обрывок ветхой страницы. — Отчет доктора Арне Торгенссона, лечащего врача Одюбона. Я прочитаю нужную часть.

Состояние больного улучшилось, как физическое, так и душевное. Он находится на амбулаторном лечении и развлекает пациентов рассказами о своих приключениях на Фронтире. На прошлой неделе он послал за красками, холстами и подрамниками и начал писать — да как! Смелые мазки, удивительные краски! Он изобразил совершенно необычн...

Пендергаст аккуратно вложил листок в портфель.

— Как видите, недостает важнейшей части — описания картины. Сюжет ее никому не известен.

Д'Агоста отхлебнул чаю, жалея, что это не пиво.

— А тут и гадать нечего: на картине изображен каролинский попугай.

— Аргументы, Винсент?

— Потому Хелен и украла чучела в Окли. Чтобы отследить — точнее, идентифицировать — картину.

— Логика хромает. Зачем их непременно красть? Достаточно просто изучить.

— Вовсе нет. Если за картиной охотятся конкуренты и ставки высоки, то важно самое незначительное преимущество. Вдобавок ни к чему оставлять весомые доказательства, которые могут попасть в руки соперников. Кстати, вполне возможно, что это наведет нас на след убий... — д'Агоста осекся, не желая высказывать вслух догадки.

Пендергаст испытующе взглянул на лейтенанта и, понизив голос до шепота, произнес:

— Похоже, эта загадочная «Черная рамка» и есть то, чего до сих пор мы не знали, — причина преступления.

В комнате наступила тишина.

Наконец Пендергаст шевельнулся.

— Впрочем, не будем забегать вперед. — Он достал из портфеля еще одну бумагу. — Я нашел также и вот это — видимо, фрагмент отчета о выписке Одюбона.

...был выписан из лечебницы ноября четырнадцатого дня

1821 года. Перед отъездом он передал только что законченную картину доктору Торгенссону, директору лечебницы «Мез Сен-Клер» — в благодарность за возвращенное ему здоровье.

При выписке присутствовало несколько врачей и пациентов,

и все проща...

Пендергаст убрал листок и с решительным видом закрыл портфель.

— А где же картина теперь? — спросил д'Агоста.

— Доктор Торгенссон вышел на пенсию и поселился в Порт-Ройяле. Туда я и направлюсь. Есть и еще один вопрос, имеющий косвенное отношение к делу. Помните, Джадсон упомянул, что Хелен как-то ездила в Нью-Мадрид, штат Миссури?

— Да.

— В тысяча восемьсот двенадцатом году там произошло мощное землетрясение — больше восьми баллов по шкале Рихтера. В результате образовалось несколько озер, изменилось русло Миссисипи, город лежал в руинах... А вдобавок...

— Что?

— Во время землетрясения Джон Джеймс Одюбон находился в Нью-Мадриде.

— А в чем суть? — Д’Агоста непонимающе пожал плечами.

— Совпадение? Возможно.

— Я старался разузнать про Одюбона как можно больше, но, по правде сказать, студент из меня никудышный, — сказал д’Агоста. — А вам что про него известно?

— Теперь — очень много. Расскажу вам вкратце. — Пендергаст помолчал, собираясь с мыслями. — Одюбон, незаконнорожденный сын французского морского офицера и его возлюбленной, родился на Гаити, детство провел во Франции у мачехи. Когда ему исполнилось восемнадцать, его послали в Америку, чтобы он не попал в наполеоновскую армию. Одюбон поселился в Филадельфии, где и занялся изучением и рисованием птиц. Он женился на местной девушке, Люси Бейквелл. Супруги переехали в Кентукки, к самой границе Фронтира и открыли лавку. Однако Одюбон большую часть времени посвящал птицам — охотился, обрабатывал, изготовлял чучела. Он увлекался их рисованием, но его ранние работы были слабыми и неуверенными. Сохранившиеся ранние наброски столь же безжизненны, как и мертвые птицы, которых он рисовал. Торговец из него не вышел; в тысяча восемьсот двадцатом году он обанкротился и перевез семью в Новый Орлеан, в развалюху на Дофин-стрит, где они жили в нищете.

— Дофин-стрит, — пробормотал д’Агоста. — Так вот как он познакомился с вашей семьей?

— Да. Человек он был обаятельный: красивый, темпераментный, прекрасный стрелок, ловкий фехтовальщик. Он подружился с моим прапрадедом Боэцием, и они часто вместе охотились. В начале тысяча восемьсот двадцать первого года Одюбон заболел — настолько серьезно, что потерял сознание. Его увезли в лечебницу «Мез Сен-Клер», где он

долго выздоравливал. Во время лечения, как вы уже знаете, он написал картину, которую называют «Черная рамка». Что на ней изображено — неизвестно.

Пендергаст отпил чаю и продолжил:

— Когда Одюбон поправился, то, по-прежнему не имея ни цента, вдруг задумал изобразить — в натуральную величину — всех представителей американской птичьей фауны и таким образом составить огромный труд по естественной истории. Люси работала учительницей и кормила семью, а Одюбон бродил по стране с ружьем, красками и планшетом. Он нанял себе помощника и спустился по Миссисипи. Одюбон изобразил сотни птиц в их естественной среде — как живых; ничего подобного раньше не создавалось. В тысяча восемьсот двадцать шестом году он уехал в Англию и нашел там гравера, который изготовил по его акварелям медные пластины для гравюр. Потом Одюбон объездил Америку и Европу в поисках подписчиков на издание, которое назвал «Птицы Америки». Последний том вышел в тысяча восемьсот тридцать восьмом, и к этому времени Одюбон уже прославился. Несколько лет спустя он приступил к работе над другим грандиозным проектом — «Живородящие четвероногие Северной Америки». Однако разум у него начал слабеть, и работу пришлось заканчивать его сыновьям.

В последние годы жизни Одюбон страдал от буйного помешательства и умер в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году, в Нью-Йорке.

— Интересная история! — воскликнул д'Агоста.

— Несомненно.

— И никто понятия не имеет, куда девалась «Черная рамка»?

— Похоже, что для исследователей творчества Одюбона это прямо-таки святой Грааль. Завтра я побываю в доме, где жил Арне Торгенссон, всего в пяти милях к западу от Порт-Аллена. Надеюсь найти там след картины.

— Если судить по датам, которые вы упоминали, то… — д'Агоста замолчал, пытаясь подобрать слова потактичнее, — ваша жена интересовалась Одюбоном и «Черной рамкой» еще до вашего знакомства?

Пендергаст не отвечал.

— Раз уж я вам помогаю, — сказал лейтенант, — нечего вам всякий раз замолкать, как только я касаюсь какой-нибудь щекотливой темы.

— Вы совершенно правы, — со вздохом согласился Пендергаст. — Похоже, Хелен была увлечена, а точнее — одержима, Одюбоном с самого

детства. Ее желание узнать о нем как можно больше частично и привело к нашему знакомству. Видимо, больше всего ее интересовала «Черная рамка».

— Но для чего было скрывать этот интерес от вас?

— Она не хотела, чтобы я узнал, что наше знакомство состоялось не благодаря счастливой случайности, а было спланировано заранее — и довольно ловко. — Лицо у Пендергаста потемнело, и д’Агоста пожалел, что спросил.

— Наверное, она опасалась конкурентов, — заметил он. — Как она вела себя в последние недели? Нервничала, волновалась?

— Да, — медленно ответил Пендергаст. — Я всегда объяснял это проблемами на работе, подготовкой к сафари.

— А что еще необычного вы заметили?

— В те дни я совсем мало бывал в Пенумбре.

За спиной д’Агосты кто-то кашлянул. Опять этот Морис!

— Я только хотел предупредить, что иду спать, — сказал дворецкий. — Не будет ли каких распоряжений?

— Один вопрос, Морис. Перед нашей последней с Хелен поездкой я почти не бывал дома.

— Вы месяц провели в Нью-Йорке, — кивнул дворецкий. — Готовились к сафари.

— За время моего отсутствия Хелен не совершала каких-нибудь странных, нехарактерных для нее поступков? Быть может, она получила взволновавшее ее письмо или же ее расстроил какой-нибудь телефонный звонок?

Старый слуга задумался.

— Не припоминаю, сэр. Хотя она вообще нервничала, особенно после той поездки.

— Поездки? Какой?

— Однажды рано утром, часов около семи, я проснулся от шума ее мотора — он громкий был, помните? Она мне ничего не сказала, не предупредила — уехала невесть куда и возвратилась через двое суток, сама не своя. Что-то ее расстроило, но она и словом не обмолвилась — ни куда ездила, ни что произошло.

— Понятно, — сказал Пендергаст, переглядываясь с д’Агостой. — Спасибо, Морис.

— Не за что, сэр. Доброй ночи. — Старый слуга повернулся и бесшумно скрылся.

22

Д’Агоста свернул с 10-й трассы на шоссе Бель-Шасс и несся по почти пустой дороге. Стоял теплый февральский день, и лейтенант, опустив стекла, включил радиостанцию, которая крутила рок-н-ролл. Сегодня он пребывал в наилучшем расположении духа. Машина со свистом неслась по дороге, а он тем временем с удовольствием отхлебывал кофе из картонного стаканчика. Съеденные чуть раньше пончики радовали желудок. «Самое то, и плевать на калории!» — довольно подумал д’Агоста.

Вчера лейтенант целый час проболтал с Лорой Хейворд, что значительно улучшило его настроение, и впервые за последнюю неделю он прекрасно выспался. Проснувшись, обнаружил, что Пендергаст уже уехал, а Морис приготовил яичницу с беконом и овсянку. После обильного завтрака д’Агоста двинул в город и отлично управился в департаменте новоорлеанской полиции Шестого округа. Вначале, когда лейтенант завел речь о семействе Пендергастов, его слушали настороженно, но потом увидели, что он свой парень, и отношение к нему изменилось. Ему разрешили воспользоваться компьютером, и часа через полтора д’Агоста отыскал того самого торговца, который интересовался «Черной рамкой», — Джон В. Трапп, проживает в Сарасоте, штат Флорида. Тип явно гнусный. За последние десять лет — пять арестов: подозрение в вымогательстве, подозрение в подлоге, хранение краденого, хранение запрещенных продуктов животного происхождения, словесные оскорбления и оскорбления действием. То ли у него денег много, то ли хорошие адвокаты, но он всякий раз отмазывался.

Д’Агоста распечатал нужное и засунул бумаги в карман пиджака — Пендергасту эта информация очень понравится.

Прежде чем возвратиться в Пенумбру, лейтенант заскочил в пончиковую: завтрак завтраком, но голод давал о себе знать.

Поднимаясь по дорожке к дому, д’Агоста увидел, что Пендергаст его опередил: в тени кипарисов стоял «Роллс-ройс». Припарковавшись рядышком, лейтенант прошел по дорожке из гравия, поднялся на крытую веранду и заглянул в холл.

— Пендергаст?

Тишина.

Д’Агоста прошел через холл, распахивая все двери. Везде было темно и тихо.

— Пендергаст!

Быть может, вышел прогуляться? Сегодня отличный денек.

Лейтенант взбежал по лестнице, мигом оказался на площадке и замер, заметив краем глаза в полутемном кабинете знакомый недвижный силуэт: Пендергаст сидел в том же кресле, что и вчера.

— Пендергаст? Я думал, вы куда-то вышли и… — Лейтенант осекся: лицо Пендергаста выражало полную опустошенность.

Д’Агоста присел рядом. Хорошего настроения как не бывало.

— В чем дело?

Пендергаст медленно перевел дыхание.

— Я был в доме Торгенссона, Винсент. Картины нет.

— Нет?

— В доме теперь похоронное бюро. Внутри все перестроили, остались только стены и балки — в соответствии с теперешним его назначением. Не осталось ничего. Ничего! — Пендергаст поджал губы. — След оборвался.

— А как же сам доктор? Он, наверное, куда-то переехал… можно поискать и там.

Опять пауза, еще более долгая.

— Доктор Торгенссон умер в тысяча восемьсот пятьдесят втором году. В нищете; заболел сифилисом и сошел с ума. А перед смертью распродал по частям имущество — неизвестным покупателям.

— Если он продал картину, должна сохраниться запись!

Пендергаст смотрел на него каким-то недобрым взглядом.

— Записей нет. Он мог расплатиться картиной за уголь. Мог в приступе безумия разорвать. А если она каким-то чудом и сохранилась после смерти доктора, то скорее всего ее уничтожили во время перестройки дома. Мы зашли в тупик.

«Значит, он сдался, — решил д’Агоста. — Вернулся домой — и сидит один в темном кабинете. Страдает». За все годы знакомства лейтенант ни разу не видел Пендергаста таким подавленным. И все же положение не давало оснований для подобного отчаяния.

— Хелен тоже искала картину, — сказал д’Агоста несколько более резко, чем хотел. — Вы сколько искали? Пару дней? А она несколько лет не сдавалась.

Пендергаст не отвечал.

— Ладно, давайте попробуем иначе. Будем искать след вашей жены, а не картины. Когда ее не было почти три дня — куда она поехала? Быть может, это связано с «Черной рамкой»?

— Даже если вы и правы, — сказал Пендергаст, — с той поездки прошло двенадцать лет.

— Попытаться-то можно. А потом нанесем визит мистеру Джону В. Траппу, бывшему владельцу художественного салона, ныне проживающему в Сарасоте.

В глазах Пендергаста мелькнул слабый интерес.

Д’Агоста похлопал себя по карману.

— Да-да, поедем к тому самому типу, который тоже искал «Черную рамку». Так что вы не правы — мы вовсе не зашли в тупик.

— Но ведь Хелен могла поехать куда угодно.

— Да какого черта! Вы что — сдаетесь? — Д’Агоста пристально посмотрел на Пендергаста и выглянул в дверной проем. — Морис! Эй, Морис!!

В кои-то веки старик нужен — и надо же, куда-то запропастился!

В дальнем конце дома раздалось слабое шарканье, затем по лестнице прошлепали шаги, и Морис появился из-за угла.

— Прошу прощения? — выговорил он, задыхаясь и пуча глаза.

— Вы вчера упоминали о поездке Хелен. Ну, когда она уехала без предупреждения и ее не было две ночи.

— Да-да, — кивнул Морис.

— А следов этой поездки никаких не осталось? Может быть, вы видели гостиничный счет, например, или чек со станции заправки?

Морис погрузился в задумчивость.

— Нет, сэр.

— И, вернувшись, она ничего не сказала? Ни единого слова?

— Ничего, сэр.

Пендергаст неподвижно сидел в кресле. В кабинете воцарилась тишина.

— Впрочем, если подумать, есть кое-что, — вспомнил Морис. — Хотя это вряд ли вам пригодится.

— Что? — накинулся на него д’Агоста.

— Ну… — замялся старый дворецкий.

Лейтенанту захотелось схватить его за лацканы и встряхнуть.

— Дело в том… Я припомнил, сэр, что она мне позвонила. В самое первое утро, с дороги.

Пендергаст медленно поднялся.

— Продолжайте, Морис, — тихо сказал он.

— Время шло к девяти. Я пил кофе в маленькой столовой. Зазвонил телефон; на линии была миссис Пендергаст. Она забыла свою карточку автомобильной страховки. У нее спустила шина, и понадобился номер карточки — вызвать помощь. — Морис взглянул на Пендергаста. — Вы ведь помните, сэр, она не очень-то ладила с машинами.

— И это все?

— Я нашел карточку и прочитал номер. Она меня поблагодарила.

— А больше ничего? — наседал д’Агоста. — Какие-нибудь шумы? Голоса?

— Прошло столько лет, сэр. — Морис глубоко задумался. — Какие-то уличные звуки были. Может, автомобильный гудок. Должно быть, она звонила из телефонной будки.

На секунду все замолчали. Из д’Агосты как будто выпустили воздух.

— А ее голос? — заговорил наконец Пендергаст. — Взволнованный? Возбужденный?

— Нет, сэр. Помню, она сказала, будто ей повезло, что она проколола шину именно там.

— Повезло? Почему?

— Потому что она, пока ждала, успела выпить молочно-шоколадного коктейля.

Пендергаст на миг застыл, а потом ринулся действовать. Он пронесся мимо Мориса и д’Агосты, выскочил на площадку и слетел вниз по лестнице.

Д’Агоста поспешил за ним. В холле было пусто, но из библиотеки раздавались какие-то звуки: Пендергаст лихорадочно шарил по полкам, второпях сбрасывая на пол книги. Наконец он отыскал что хотел — атлас

дорог Луизианы, — бросился к ближайшему столу, яростным движением отгреб все в сторону и стал листать страницы. В руке у Пендергаста очутилась линейка и карандаш, и, согнувшись над картой, он принялся что-то вымерять и помечать.

— Вот! — затаив дыхание, шепнул он и ткнул пальцем в карту. Не сказав больше ни слова, Пендергаст выскочил из библиотеки.

Д’Агоста метнулся за ним — через столовую, кухню, кладовую, буфетную — к задней двери дома. Пендергаст пробежал через большой сад, к белой конюшне, перестроенной под гараж на полдюжины машин. Распахнув дверь, он исчез в темноте.

Лейтенант вошел следом. В большом неосвещенном помещении слегка пахло сеном и моторным маслом. В полумраке виднелись силуэты трех автомобилей, накрытых чехлами. Пендергаст подбежал к одному из них и сдернул брезент, под которым оказался красный двухместный автомобиль с откидным верхом, низкий, хищного вида. Он сверкал даже в полумраке бывшей конюшни.

— Ничего себе! — Д’Агоста присвистнул от восхищения. — «Порше», классика. Красота какая!

— «Порше-спайдер» тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года. Машина Хелен.

Д’Агоста уселся на пассажирское сиденье; Пендергаст достал из-под коврика ключ, вставил его в зажигание и повернул. С душераздирающим ревом мотор завелся.

— Вот так Морис! — прокричал сквозь грохот Пендергаст. — Все-то у него в лучшем виде.

Несколько секунд он грел мотор, потом вывел машину из гаража и нажал на газ. Автомобиль рванулся вперед, чиркнув гравием по стене, словно картечью. Д’Агосту вжало в сиденье, будто космонавта при старте. «Порше» шумно пронесся по подъездной дорожке.

Морис в своем неизменном черном одеянии дворецкого стоял на ступенях особняка, провожая взглядом удаляющуюся машину.

— Куда мы едем? — спросил лейтенант.

Пендергаст взглянул на него. Отчаяние испарилось, в глазах появился блеск, слабый, но заметный — предвкушение добычи.

— Благодаря вам, Винсент, мы отыскали стог. Теперь посмотрим — не удастся ли отыскать иголку.

Автомобиль несся по тихим дорогам сельской Луизианы. Мелькали мангровые рощи, протоки, болота, пышные плантации. Иногда Пендергаст слегка замедлял ход, проезжая деревни; звериный рев мотора притягивал любопытные взоры. Пендергаст не позаботился поднять верх, и д'Агосту основательно продуло; кожу на лысинке саднило от сильного ветра. В машине с низкой посадкой лейтенант чувствовал себя каким-то незащищенным. Зачем вообще Пендергаст взял этот автомобиль, а не удобный «Роллс-ройс»?

— Может, все же расскажете, куда едем? — прокричал он сквозь свист ветра.

— Пикайюн, штат Миссисипи.

— Зачем?

— Хелен звонила Морису оттуда.

— Вы уверены?

— На девяносто пять процентов.

— Почему?

Дорога впереди делала крутой поворот, Пендергаст переключил скорость.

— Хелен пила молочно-шоколадный коктейль, пока ждала машину помощи.

— И что?

— А вот что: коктейль, приготовленный по такому рецепту, — это слабость северян-янки. Хелен от нее так и не излечилась. За пределами Новой Англии и штата Нью-Йорк его мало где найдешь.

— Продолжайте.

— Поблизости существует — или существовало — только три места, где его подают. Хелен все их отыскала и то и дело ездила не в одно, так в другое. Иногда вместе со мной. Так или иначе, сейчас с помощью карты я подсчитал — учитывая день недели, время суток и склонность Хелен ездить очень быстро, — что наиболее вероятный вариант — Пикайюн.

Д'Агоста кивнул. Когда ему объяснили, все оказалось очень просто.

— А почему — девяносто пять процентов?

— Есть вероятность, что в то утро она по какой-то причине остановилась раньше. Или ее остановили. Штрафы за превышение скорости она набирала пачками.

Пикайюн, стоявший на самой границе с Луизианой, оказался чистеньким городком с небольшими каркасными домиками. Надпись на въезде в город объявляла его «Драгоценной монетой в кошельке Юга»; рядом красовался стенд с яркими фотографиями с прошлогоднего карнавала Марди-Гра. Д'Агоста с любопытством разглядывал тихие зеленые улицы. Они подъехали к торговому району, и Пендергаст притормозил.

— Кое-что изменилось, — сказал он, поглядывая в разные стороны. — Интернет-кафе, конечно, новое. И ресторан с креольской кухней. А вот это местечко, где подают вкуснейшие бутерброды с раковыми шейками, мне знакомо.

— Вы бывали здесь с Хелен?

— Не с Хелен. Я позднее несколько раз проезжал через город. В нескольких милях отсюда — тренировочный лагерь ФБР. А... вот и то, что нам нужно.

Пендергаст свернул на небольшую улочку и съехал на обочину. Дома по всей улице были жилые, за исключением одноэтажного здания из шлакобетона, стоявшего в глубине от дороги, посреди площадки из потрескавшегося асфальта. Вывеска гласила, что это «Янки-хаус Джейка», но табличка выгорела и облупилась: ресторанчик закрылся много лет назад. Однако окна в задней части здания были завешены ситцевыми занавесками, а на бетонной стене красовалась спутниковая антенна-тарелка: похоже, в доме кто-то жил.

— Попробуем самый простой способ, — пробормотал Пендергаст. Сжав губы, он еще раз оглядел улицу и принялся давить на педаль. С каждым нажатием мотор ревел громче и громче. Из-под машины вылетел ворох листьев; корпус автомобиля яростно трясся, словно реактивный самолет.

— Господи! — завопил д'Агоста. — Вы что — хотите и мертвых поднять?

Агент ФБР еще секунд пятнадцать подержал педаль, пока из окон и дверей по всей улице не высунулось не меньше дюжины голов.

— Нет, — сказал он, отпустив наконец газ. — Думаю, хватит и живых. — Он быстро оглядел повернутые к ним лица. — Слишком молод... а этот... бедняга явно глуп. — Пендергаст покачал головой. — О, вон тот, возможно, пригодится. Вперед, Винсент.

Он вышел из машины и направился к третьему дому с правой стороны, перед которым хмуро взирал на пришельцев мужчина лет шестидесяти в застиранной футболке, сжимавший в одной руке пульт от телевизора, а в другой — банку пива.

До д’Агосты вдруг дошло, зачем Пендергаст взял для поездки машину жены.

— Простите, сэр, — сказал агент. — Позвольте поинтересоваться, знаком ли вам этот автомобиль?

— А пошел бы ты в задницу, — буркнул мужчина и вернулся в дом, хлопнув дверью.

Д'Агоста поддернул брюки и провел языком по губам.

— Может, выволочь этого козла обратно?

— Незачем, Винсент. Вот и наша добыча. — Пендергаст повернулся и посмотрел на ресторан. Из кухни вышла пожилая толстуха в легком домашнем платье и остановилась на крыльце, рядом со стайкой пластиковых розовых фламинго. Водной руке у нее был журнал, в другой — сигарилла. Женщина щурилась на Пендергаста через старомодные очки-капельки.

Пендергаст и д’Агоста вернулись к ресторанчику. Толстуха, не меняя выражения лица, смотрела, как они приближаются.

— Добрый день, мэм, — с легким поклоном сказал Пендергаст.

— И вам добрый.

— Не вы ли, случайно, хозяйка этого прекрасного заведения?

— Возможно, — ответила она, глубоко затягиваясь сигариллой в белом пластмассовом мундштуке.

Пендергаст махнул рукой в сторону «Порше».

— А не приходилось ли вам, случайно, видеть эту машину раньше?

Сквозь захватанные стекла очков толстуха внимательно поглядела на автомобиль.

— Возможно, — повторила она.

Наступило молчание. Соседние двери и окна начали захлопываться.

— Какое упущение с моей стороны, — сказал вдруг Пендергаст. — Отнимаю ваше бесценное время без всякой компенсации. — Он протянул женщине двадцатидолларовую купюру, словно по волшебству появившуюся в его ладони.

К удивлению д’Агосты, толстуха выхватила бумажку из пальцев агента и сунула между своих не слишком упругих, но еще пышных грудей.

— Я видела ее три раза. Мой сын был помешан на таких заграничных тачках. Он у меня продавал прохладительные напитки. Погиб несколько лет назад — попал за городом в аварию. Когда он первый раз увидал эту тачку, чуть умом не двинулся. Заставил нас все бросить и бежать любоваться.

— А водителя вы помните?

— Молодая женщина. Хорошенькая такая.

— А что она заказала — тоже помните?

— И не забуду. Молочно-шоколадный коктейль. Сказала, что для того и приехала — аж из Нового Орлеана. Это за коктейлем!

Опять настала тишина, теперь совсем ненадолго.

— Вы сказали — три раза, — напомнил Пендергаст. — Расскажите про последний.

Его собеседница опять глубоко затянулась, припоминая.

— Сначала она пришла пешком. Проколола покрышку.

— У вас, мэм, прекрасная память.

— Говорю же — такую машину, да и женщину, не позабудешь. Мой Генри угостил ее бесплатно коктейлем. Потом она приехала и разрешила ему посидеть за баранкой... прокатиться не дала, сказала — торопится.

— Так, значит, она куда-то ехала?

— Сказала, что уже давно нарезает круги, не может найти поворот на Де Сото.

— Де Сото? Не знаю такого города.

— Да не город, я вам толкую про национальный заповедник Де Сото. На чертовом повороте как не было, так и нет указателя.

Если Пендергаст и взволновался, он этого не показал, а вяло, расслабленно поднес женщине зажигалку, когда она решила закурить еще сигариллу.

— Значит, она направлялась именно туда? — спросил он, убирая зажигалку в карман. — В заповедник?

Толстуха вынула сигариллу изо рта, пожевала губами и опять сунула мундштук в рот, словно гвоздь забила.

— Не-а.

— А могу я узнать — куда?

— Дайте подумать… Столько времени прошло. — Ее прекрасная память, казалось, ослабла.

Появилась другая двадцатка — и так же быстро исчезла в том же самом месте.

— Санфлауэр, — сказала женщина.

— Санфлауэр? — переспросил агент.

— Санфлауэр, штат Луизиана. Повернуть на Богалусу, не доезжая до болот. — Она показала направление.

— Весьма вам обязан, — поблагодарил ее Пендергаст и повернулся к лейтенанту: — Винсент, не будем терять время.

Они устремились к машине, а женщина крикнула вслед:

— Когда проедете старую шахту — сверните направо!

24

Санфлауэр, штат Луизиана

— Уже выбрали, мальчики? — спросила официантка.

Д'Агоста бросил меню на стол.

— Зубатку.

— Жареную, запеченную, на гриле?

— Наверное, на гриле.

— Прекрасный выбор. — Она сделала пометку в блокноте и повернулась к Пендергасту: — А вам, сэр?

— Буайбесс из сома, пожалуйста. Только без кукурузных клецек.

— Как пожелаете. — Она сделала еще одну пометку, эффектно развернулась и, виляя бедрами, убежала на кухню.

Д'Агоста вздохнул и отпил пива. День был долгий и тяжелый. Санфлауэр оказался городком с трехтысячным населением; с одной стороны к нему примыкали дубовые леса, с другой — обширное кипарисовое болото под названием Черная Топь. Городок был ничем не примечательный: облезлые домишки за штакетными оградами, давно не чиненые тротуары и повсюду на крылечках — рыжие енотовые гончие. Трудящийся городишко — заскорузлый и обветшалый, отрезанный от внешнего мира.

Путешественники остановились в единственной городской гостинице и отправились каждый сам по себе — узнавать, для чего Хелен Пендергаст совершила трехдневное странствие в это затерянное местечко.

На въезде в Санфлауэр полоса везения кончилась. Пять часов д'Агоста попусту ходил по городу: кругом равнодушные лица и пути, ведущие в тупик, — ни торговцев картинами, ни музеев, ни частных коллекций, ни исторических обществ. Никто не помнил Хелен Пендергаст — все равнодушно скользили взглядами по фотографии, которую показывал д'Агоста. Даже автомобиль не пробудил у горожан никаких воспоминаний. И, как выяснилось, Джон Джеймс Одюбон никогда не бывал в этой части штата Луизиана.

За ужином в небольшом гостиничном ресторанчике д'Агоста чувствовал себя почти таким же опустошенным, как незадолго до этого — Пендергаст в своем темном кабинете. Словно под стать настроению лейтенанта чистое небо затянули грозовые тучи — того и гляди, начнется буря.

— По нулям, — сказал он в ответ на вопрос Пендергаста и описал ему свои утренние похождения. — Наверное, толстуха ошиблась. Или пудрила мозги, чтобы урвать вторую двадцатку. А у вас как?

Им принесли заказ.

— А вот и ужин, — весело сказала официантка, ставя перед ними тарелки. — Прошу!

Пендергаст уставился на свою тарелку, зачерпнул ложкой содержимое, чтобы разглядеть получше.

— Можно мне еще пива? — улыбаясь попросил д'Агоста.

— А как же! А вам еще содовой? — спросила она у Пендергаста.

— Благодарю вас, мне достаточно.

Официантка опять унеслась.

— Ну так что у вас?

— Одну секунду. — Пендергаст достал телефон и набрал номер. — Морис? Мы будем ночевать в Санфлауэре. Именно. Спокойной ночи. — Он убрал телефон. — Похоже, мои успехи столь же невелики, как и ваши.

Этим словам, однако, противоречили блеск в его глазах и улыбка, чуть тронувшая уголки губ.

— Как-то не очень верится, — сказал д'Агоста.

— А вот посмотрите — я сейчас проведу над нашей официанткой небольшой эксперимент.

Официантка принесла пиво и свежую салфетку. Когда она поставила бутылку перед д’Агостой, Пендергаст заговорил самым сладким голосом, не скупясь на южный акцент:

— Дорогая моя, можно вам задать вопрос?

Она игриво улыбнулась:

— Ну давай, приятель.

Пендергаст показным жестом извлек из кармана блокнот.

— Я — репортер из Нового Орлеана, разыскиваю информацию об одной проживавшей здесь семье. — Он раскрыл блокнот и выжидающе посмотрел на официантку.

— Конечно, а что за семья?

— Доаны.

Если бы Пендергаст крикнул «Ограбление!», вряд ли эффект был бы сильнее. Лицо женщины вдруг потеряло всякое выражение, глаза прикрылись, игривое настроение улетучилось.

— Не знаю таких, — пролепетала она. — Ничем не могу помочь. — Повернулась и ушла на кухню, толчком распахнув дверь.

Пендергаст убрал блокнот в карман и повернулся к д’Агосте:

— Что скажете о моем эксперименте?

— Откуда вы, черт возьми, знали, как она себя поведет? Она же явно что-то скрывает!

— В том-то и дело, мой дорогой Винсент! — Пендергаст отпил содовой. — Она не одна такая. Все в городе реагируют точно так же. Не пришлось ли вам во время ваших сегодняшних расспросов столкнуться с некоторой подозрительностью и недоверчивостью?

Д’Агоста задумался. Он и вправду ни от кого ничего не добился, но приписывал это деревенской скрытности местных жителей: явился тут какой-то чужак янки и расспрашивает.

Пендергаст тем временем продолжил:

— Я тоже заметил весьма подозрительную скрытность и склонность к отрицанию. А потом я надавил на одного пожилого джентльмена, и он стал горячо убеждать меня, что все слухи о семействе Доан — чушь

собачья. Я, естественно, стал расспрашивать о Доанах. И повсюду сталкивался с такой вот реакцией.

— Ну и?..

— В редакции местной газеты я попросил показать мне старые выпуски, примерно того времени, когда сюда приезжала Хелен. Со мной разговаривали неохотно, и мне пришлось предъявить вот это… — Пендергаст достал свой жетон. — Оказалось, что из некоторых газет того периода отдельные страницы аккуратно вырезаны. Записав номера, я отправился в соседний городок Карнс — в библиотеку. Там все страницы газет оказались на месте, и я узнал всю историю.

— Какую?

— Странную историю семьи Доан. Мистер Доан зарабатывал на жизнь литературной деятельностью и привез свое семейство в Санфлауэр, чтобы вдали от соблазнов цивилизации написать великий американский роман. Доаны купили один из самых больших и лучших городских домов, построенный одним торговцем древесиной — еще до того, как закрылась местная лесопилка. У Доанов было двое детей. Сын окончил в Санфлауэре школу: лучший ученик за всю ее историю, по всем отзывам — умный мальчик. Дочь считалась способной поэтессой, ее стихи печатали иногда в местных изданиях. Я читал их — очень хорошие. Миссис Доан писала замечательные пейзажи. Город этой талантливой семьей гордился; о Доанах то и дело писали в газетах. Они занимались благотворительностью, принимали участие в общественных мероприятиях и тому подобное.

— Пейзажистка… — сказал д’Агоста. — А как насчет птиц?

— Насчет птиц мне ничего не известно. Как и про их интерес к Одюбону или естественной истории. А вот через несколько месяцев после приезда Хелен поток хвалебных публикаций о Доанах начал иссякать.

— Может, они просто устали от внимания.

— Не думаю. Была еще одна статья о Доанах — самая последняя, примерно через полгода после того, как Хелен здесь побывала. В ней говорилось, что Уильям — Доан-младший — схвачен полицией, которая долго преследовала его по лесу, и помещен в одиночную камеру местной тюрьмы по обвинению в двух убийствах, совершенных с помощью топора.

— Это отличник-то? — не поверил д’Агоста.

Пендергаст кивнул.

— Прочитав статью, я стал расспрашивать о Доанах жителей Карнса. Тамошние горожане в отличие от здешних совершенно не скрытничали. На меня обрушился целый водопад слухов и сплетен. Убийца-маньяк, который появлялся только ночью. Злой безумец, который преследовал и пугал людей. Трудно отличить факты от вымысла, городские толки от правды. Единственное, что я точно узнал: вся семья умерла, каждый по-своему, и все — нехорошей смертью.

— Все?

— Мать совершила самоубийство. Сын умер в камере смертников, дожидаясь казни за те убийства, о которых я говорил. Дочь умерла в лечебнице для душевнобольных, после того как две недели не соглашалась спать. Последним погиб отец — его застрелил местный шериф.

— Как же это случилось?

— Он взял привычку шататься по городу и приставать к молодым женщинам, угрожать прохожим. Вандализм, уничтожение имущества, какие-то пропавшие младенцы. По мнению людей, с которыми я беседовал, то было не убийство, а, можно сказать, казнь — с молчаливого одобрения отцов города. Шериф и его помощники застрелили мистера Доана у него дома, когда он оказал сопротивление при аресте. Расследования не проводили.

— Господи, — сказал д’Агоста. — Тогда понятна реакция официантки. И общая враждебность.

— Именно.

— А почему же эти чертовы Доаны вот так все сразу?.. Семейное проклятие?

— Понятия не имею. Но скажу вам одно: я убежден, что Хелен приезжала именно к ним.

— Немалое, однако, допущение.

Пендергаст кивнул.

— Судите сами: Доаны — единственная необычная семья в этом совершенно банальном городишке. Больше здесь нет ничего интересного. Так или иначе, они — связующее звено.

К столику подошла официантка, забрала тарелки и торопливо удалилась — хотя д’Агоста и пытался сделать заказ.

— Нельзя ли раздобыть мне чашечку кофе?

— Почему-то я сомневаюсь, Винсент, что в этом заведении вам дадут кофе — или еще что-нибудь.

Лейтенант вздохнул и спросил:

— А кто теперь живет в их доме?

— Никто. С тех пор как мистера Доана застрелили, дом стоит пустой.

— Там мы идем туда, — скорее констатировал, чем спросил д’Агоста.

— Непременно!

— Когда?

Пендергаст поднял руку, призывая официантку.

— Как только получим счет от нашей неразговорчивой, но очень красноречивой официантки.

25

Однако счет подала не официантка — его принес управляющий гостиницей. Положив бумажку на стол, он, даже не напуская на себя сожалеющего вида, объявил, что мест в гостинице нет.

— Как понять? — удивился д’Агоста. — Мы заказали комнаты, вы списали номера наших кредиток.

— Сегодня будет большой заезд. Они сделали заказ раньше, а наш администратор просмотрел. Гостиница, сами видите, маленькая.

— Не повезло им, — сказал д’Агоста. — Мы-то уже здесь.

— Вы еще не устроились. Мне сказали, что вы даже багаж в комнаты не внесли. Оплату за номера я отменил. К сожалению, больше ничем помочь не могу, — объяснил управляющий, явно ни о чем не сожалея. Д’Агоста уже готов был взяться за него всерьез, но Пендергаст вдруг похлопал друга по руке.

— Понимаю. — Пендергаст достал бумажник и оплатил ресторанный счет наличными. — Всего вам хорошего.

Управляющий ушел, и д’Агоста повернулся к спутнику:

— И вы дадите этому уроду нас поиметь? Он же явно нас выпихнул только из-за вашего вопроса — потому что мы ворошим прошлое.

Вместо ответа Пендергаст повернул голову к окну. Проследив за его взглядом, д’Агоста увидел, как управляющий перешел улицу, миновал несколько домов и скрылся в конторе шерифа.

— Вот чертов городишко! — возмутился д’Агоста. — Того и гляди, явятся крестьяне с вилами.

— Здесь нет ничего интересного. Незачем все осложнять. Предлагаю ехать немедленно — пока шериф не нашел предлога выставить нас из города.

Они вышли из ресторана и направились на стоянку. Буря быстро приближалась: ветер трепал верхушки деревьев, где-то далеко рокотал гром. Пендергаст поднял верх «Порше», и д’Агоста поспешил забраться внутрь. Пендергаст завел мотор, развернулся в переулке и поехал по небольшим улочкам, стараясь держаться подальше от оживленных трасс.

К дому Доанов, стоявшему в двух милях за городом, вела подъездная дорожка — некогда ухоженная, а теперь больше похожая на грунтовую. Пендергаст ехал осторожно, боясь зацепиться днищем за засохшую грязь. Голые ветви придорожных деревьев сплетались в хмуром небе. Д’Агоста, клацая от тряски зубами, подумал, что тут больше подошел бы их африканский «Лендровер».

Пендергаст миновал поворот, и перед путниками возник особняк, четко вырисовывавшийся на фоне затянутого тучами неба. Д’Агоста смотрел на дом с удивлением. Он ожидал увидеть изящное здание, столь же изысканное, сколь просты остальные дома в городе, но особняк, хоть и большой, оказался далек от изящного и, скорее, походил на форт, уцелевший со времен присоединения Луизианы к США.

В торцах особняка, сложенного из огромных бревен, торчали высокие башенки, а на приземистом главном фасаде красовались бесчисленные маленькие оконца. Фасад венчала площадка с шипастой железной оградой в совершенно ином стиле. Дом одиноко стоял на небольшом холме; за ним, на востоке, простирался густой темный лес, а дальше — обширная Черная Топь. Над лесом полыхнула молния, и особняк осветился призрачно-желтоватым светом.

— Помесь замка и сруба, — сказал д’Агоста.

— В конце концов, строил его торговец древесиной. — Пендергаст кивнул на площадку. — Наверное, осматривал сверху свои владения. По слухам, у него было поместье в шестьдесят акров, включая часть кипарисовых рощ в Черной Топи. Потом правительство выкупило эти земли, там устроили государственный заповедник.

Пендергаст подъехал к особняку и остановился. Посмотрел в зеркало заднего вида и только тогда заехал задом и выключил двигатель.

— Ждем гостей? — спросил д’Агоста.

— Незачем привлекать внимание.

Начался дождь. По ветровому стеклу и поднятому верху застучали здоровенные капли. Пендергаст вышел; д’Агоста выбрался следом. Оба бросились под навес заднего крыльца. Лейтенант тревожно поглядывал на странное сооружение. Именно такое оригинальное здание должно привлекать писателя. Крошечные окна были все до единого закрыты ставнями, на двери висела цепь с замком. Вокруг дома, смягчая грубые линии фундамента, буйно разрослись сорняки. Некоторые бревна покрылись мхом и лишайниками.

Пендергаст в последний раз огляделся и занялся замком на цепи. Взялся рукой за дужку, повертел так и сяк, вставил в скважину отмычку… Одно быстрое движение — и дужка с громким скрипом отпала. Пендергаст снял цепь и с помощью отмычки легко разобрался с замком двери. Он толкнул створку, и та с недовольным взвизгом растворилась. Вынув из кармана фонарик, Пендергаст ступил внутрь. Д’Агоста давным-давно усвоил: коль работаешь с особым агентом, без пистолета и фонарика не ходи. И теперь, достав собственный фонарик, он последовал за Пендергастом в дом.

Они оказались в просторной, старомодно обставленной кухне. В середине стоял большой обеденный стол, а вдоль стены белели ровным рядом плита, холодильник и стиральная машина. На этом вид обычной кухни и кончался. Все дверцы шкафчиков были раскрыты, столовая и кухонная посуда — почти вся перебитая — валялась на столах и на полу. Крысы растащили и разбросали остатки припасов — повсюду лежали сморщенные заплесневелые бобы, горстки круп и риса. Стулья поломаны, перевернуты, на стенах — следы ударов то ли кувалдой, то ли кулаком. С потолка насыпалась штукатурка; она лежала на полу горками белой пудры, испещренной следами насекомых. Д’Агоста поводил лучом фонарика по кухне, по которой словно пролетел ураган. В одном из углов луч замер — там лейтенант увидел засохшее пятно чего-то похожего на кровь, а рядом, на стене, на высоте груди, — несколько отверстий от пуль крупного калибра и кровавые брызги.

— Думаю, именно здесь наш мистер Доан и встретил свой конец — по любезности местного шерифа. Похоже, дрались всерьез.

— Да, застрелили его, видимо, здесь, — пробормотал Пендергаст. — Но борьбы не было. Весь этот разгром учинен раньше.

— Что же случилось?

Прежде чем ответить Пендергаст еще раз огляделся.

— Сумасшествие. — Он посветил на дверь в дальней стене. — Пойдемте, Винсент, — давайте продолжим.

Они медленно прошли по первому этажу, осмотрели столовую, кабинет, буфетную, гостиную, ванные и прочие комнаты разного назначения. Повсюду они встречали такой же хаос: перевернутая мебель, побитая посуда, книги, изорванные в клочья и разбросанные по полу. В камине в кабинете оказались сотни мелких косточек. Внимательно их изучив, Пендергаст объявил, что они беличьи и, судя по положению, белок этих затолкали в дымоход, а потом, разложившись, они попадали вниз. В другой комнате обнаружился грязный засаленный матрац, окруженный остатками многочисленных трапез: пустые жестянки из-под ветчины и сардин, обертки шоколадных батончиков, смятые пивные банки. Один угол, по-видимому, использовался вместо туалета, причем не убирался и не чистился.

Никаких картин на стенах не было — ни в черных рамах, ни в других. Единственное, что украшало стены, — это бесконечные узоры, начерканные фиолетовым маркером: масса завитушек и закорючек, вид которых вызывал тревогу.

— Господи, что же могло Хелен здесь понадобиться?

— Крайне любопытно, — ответил Пендергаст, — особенно учитывая, что во время ее визита семья Доан считалась гордостью Санфлауэра. Злобное помешательство обрушилось на них гораздо позже.

Снаружи зловеще грохотала гроза, за ставнями мелькали багровые вспышки.

Пендергаст и д’Агоста спустились в пустой подвал, который тоже подвергся вспышкам сумасшедшей ярости, бушевавшей на первом этаже. После тщательных, но бесплодных поисков детективы поднялись на второй этаж. Здесь разрушений было немного меньше, однако зрелище все равно удручало. В комнате сына одну стену почти полностью закрывали похвальные грамоты — за успехи в учебе и общественной деятельности. Выдали их, судя по датам, в течение года-двух до и после визита Хелен Пендергаст. Зато противоположную стену украшали иссохшие головы животных — свиней, собак, крыс, — попросту прибитые к дереву. Их никак не обработали, даже не обескровили — под ними застыли широкие потеки крови.

Комната дочери пугала еще больше — полным отсутствием индивидуальности. Единственной характерной чертой оказался ряд книг в красных переплетах; кроме них и антологии стихов, на полке ничего не было.

Приятели медленно прошли по пустым комнатам. Д’Агоста тщетно пытался найти смысл в этой бессмыслице.

В самом конце холла оказалась запертая дверь. Пендергаст вынул отмычки и принялся орудовать ими в замке. Дверь, однако, не открывалась.

— Ну, начинается, — сказал д’Агоста.

— Если вы, дружище, взглянете на верхний косяк, то увидите: дверь, помимо того что заперта, еще и привинчена шурупами. — Пендергаст убрал руку. — Мы сюда вернемся. Давайте сначала осмотрим мансарду.

Мансарда состояла из комнатушек, приютившихся под карнизом, полных отсыревшей мебели и старых вещей. Д’Агоста и Пендергаст проверили все ящики и чемоданы, подняли тучи пыли, но нашли только старомодное поношенное тряпье, множество собранных в стопки и перевязанных бечевками газет. Пендергаст порылся в старом ящике с инструментом, разыскал там отвертку и положил в карман.

— Проверим башни, — предложил он, с видимым недовольством отряхивая пыль с черного костюма, — а потом пойдем в закрытую комнату.

В башенках были винтовые лестницы да ниши для хранения, полные всякой дряни: пауки, мышиный помет, стопки старых пожелтевших книг. Обе лестницы вели в крошечные смотровые комнатки с узкими, словно бойницы, окошками, выходящими на лес, над которым полыхали молнии. Д’Агоста начал терять терпение. Ничего они не найдут в этом доме, полном безумия и тайн. Для чего могла Хелен сюда приезжать — если она вообще приезжала?

Не найдя в башнях ничего интересного, детективы спустились в дом к запертой двери. Д’Агоста посветил фонариком, а Пендергаст отвинтил два длинных шурупа. Повернув ручку, агент раскрыл дверь и шагнул внутрь.

Д’Агоста двинулся за ним и от удивления едва не отшатнулся.

Они словно попали внутрь яйца Фаберже. Комната оказалась небольшая, но напомнила д’Агосте ювелирное украшение — полная сокровищ, которые словно излучали собственный свет. Забитые досками окна делали комнату почти герметично закрытой. Когда-то все тут натерли до блеска — с любовью и тщанием, — и, несмотря на многолетнюю заброшенность дома, глянец не потускнел. Каждый дюйм стен покрывали картины, все пространство занимала великолепная мебель ручной работы и статуи. Пол устилали прекрасные ковры, в черных бархатных футлярах сверкали драгоценные украшения.

В середине стоял диван роскошной темной кожи с изумительным тисненым цветочным орнаментом. Узоры ручной выделки были так совершенны, так завораживали, что д’Агоста с трудом отвел взгляд.

Прочие предметы в комнате тоже заслуживали внимания. В одном углу теснились какие-то фантастические статуэтки с продолговатыми головами, вырезанные из неизвестного экзотического дерева, а рядом — целая выставка изящных ювелирных изделий: золото, камни, блестящий черный жемчуг.

Д’Агоста в изумленном молчании прошелся по комнате. Он едва успевал сосредоточиться на каком-то предмете, как его внимание отвлекали другие чудеса. На одном из столов он увидел несколько переплетенных вручную книг — изящная кожа с золотым тиснением. Лейтенант раскрыл один томик и увидел стихи, написанные от руки красивым шрифтом; под каждым стихотворением проставлена дата и стоит имя Карен Доан.

На полу в несколько слоев лежали коврики ручной работы — яркий геометрический рисунок слепил глаза.

Д’Агоста водил фонариком по стенам, любуясь написанными маслом картинами: полные жизни изображения лесных полян и заброшенных кладбищ, великолепные натюрморты и какие-то сказочные, фантастические пейзажи. Лейтенант подошел к ближайшей картине; щурясь и водя по ней лучом, он разглядел внизу подпись — «М. Доан».

Пендергаст тихо подошел и встал рядом.

— Мелисса Доан, — пробормотал он. — Жена писателя. Похоже, все эти картины написала она.

— Все?! — Д’Агоста поводил фонариком по другим стенам. Картин в черных рамках или без подписи Мелиссы Доан не было.

— Боюсь, «Черной рамки» здесь нет.

Лейтенант медленно опустил руку с фонариком. Он вдруг заметил, что дышит очень часто и у него колотится сердце. Какой абсурд… нет, больше чем абсурд!

— Вот чертово местечко! И как это его до сих пор не ограбили?

— Город надежно хранит свои тайны. — Серебристые глаза Пендергаста бегали по комнате, не пропуская ничего, а лицо выражало крайнюю сосредоточенность. Он в очередной раз медленно прошел по комнате, остановился перед столом с книгами, быстро их осмотрел, перелистал и поставил на место. Потом вышел из комнаты и направился в комнату Карен; д’Агоста — за ним. Там Пендергаст вернулся к полке с одинаковыми красными томиками, длинными пальцами снял с полки самый последний том. Все страницы там оказались чистыми. Тогда агент поставил книгу на место и взял предпоследнюю, заполненную

горизонтальными черточками, прочерченными по линейке — так густо, что страницы получились почти черные.

Пендергаст взял следующий том, пролистал и увидел такие же черточки, а в самом начале — неразборчивые, словно детские, каракули. Еще в одном томе оказались разрозненные записи, сделанные неровным почерком, скакавшие вверх-вниз по страницам. Пендергаст стал читать вслух — наугад. То была проза, записанная строфами, как стихи.

Я не могу

Спать мне нельзя

Спать. Приходят они и шепчут

Мне. Показывают

Мне. Я не могу

Не слышать их. Я не могу

Не слышать их. Если я снова усну, я

Умру. Сон = Смерть.

Сны = Смерть.

Смерть проклятие я не могу

Не слышать их.

Пендергаст перевернул несколько страниц. Везде был такой же бред, постепенно переходящий в набор не связанных между собой слов и неразборчивых каракулей. В глубокой задумчивости агент вернул книгу на полку, взял другую и раскрыл посередине: строки написаны твердым и ровным почерком, явно девичьим; на полях — цветочки и смешные рожицы; вместо точек — энергичные кружочки.

Пендергаст прочел дату.

Д’Агоста быстро подсчитал в уме.

— За полгода до визита Хелен, — сказал он.

— Доаны тогда еще не освоились в Санфлауэре.

Пендергаст перелистал книгу, просмотрел заметки и выбрал отрывок.

Мэтти Ли опять смеялся надо мной из-за Джимми. Он, может, и хороший, только я терпеть не могу готскую одежду и трэш-металл, от которого он тащится. Волосы зализывает назад, когда курит — сигарету держит чуть ли не за самый горящий кончик. Думает, он

сразу делается крутой. А по-моему, так он похож на «ботаника», который старается выглядеть круто. Даже хуже — на придурка, который похож на «ботаника», который старается выглядеть круто.

— Обычная старшеклассница, — нахмурился д’Агоста.

— Может, чуть язвительнее прочих. — Пендергаст продолжал листать и вдруг остановился на записи, сделанной месяца три спустя. — Ага! — воскликнул он с неожиданной заинтересованностью.

Когда я пришла из школы, мама и папа стояли на кухне, склонившись над столом.

Угадайте, что у них было? Попугай! Толстый серый попугай с коротким красным хвостиком, а на лапке — здоровенное кольцо с номером, но без имени. Он оказался ручной и садился прямо на плечо. Попугай наклонил голову и поглядел мне в глаза, как будто старался прочитать мои мысли. Папа посмотрел в энциклопедии и сказал, что это африканский серый попугай.

А еще он сказал, что попугай наверняка жил у кого-то дома: слишком уж он ручной. Его нашли примерно в полдень — он сидел на персиковом дереве у задней двери и кричал, чтобы на него обратили внимание. Я упрашивала папу оставить его у нас, но он решил сначала найти хозяина. Сказал, что нужно дать объявление. Я посоветовала написать в «Тимбукту таймс» — он засмеялся. Надеюсь, хозяина он не найдет. Папа хочет поехать в зоомагазин, купить ему хорошую клетку. Попугай скакал по кухне, а потом нашел мамины пончики, завопил от радости и давай их трескать. Я его назвала Пончиком.

— Попугай... — пробормотал д’Агоста. — Нет, надо же!

Пендергаст медленно листал страницы и наконец добрался до конца книги. Тогда он взял следующий том и стал методично изучать даты записей. И вдруг слегка вздохнул.

— Винсент, вот запись, сделанная девятого февраля — в день, когда сюда приехала Хелен.

Самый-самый плохой день в моей жизни!

После завтрака явилась какая-то леди и постучала в парадную дверь. У нее была красная спортивная машина, сама вся такая разодетая, в шикарных кожаных перчатках. Она узнала про нашего попугая и попросила разрешения посмотреть. Отец показал ей Пончика (прямо в клетке), а она и говорит, откуда он, мол, у нас. Она вообще много вопросов задавала про попугая — давно ли он у нас, не дикий ли, идет

ли на руки, кто с ним играет и всякое такое. Уйму времени его разглядывала и все спрашивала, спрашивала…

Еще она захотела посмотреть поближе кольцо на лапке, а папа спросил, ее ли это птица. Она сказала, что ее; она его заберет. Но папа не поверил. Он спросил, знает ли она номер на кольце. Она не знала. И доказать, что попугай ее, тоже не могла. Потом она сказала, что занимается наукой, а попугай улетел из лаборатории. Папа, кажется, не поверил ни единому слову. Он заявил, что если она представит доказательства, что птица ее, он с радостью отдаст, а пока Пончик будет у нас. Женщина не слишком-то удивилась и как-то грустно поглядела на меня и спросила: «Это ты с ним играешь?» Я сказала: «Да». Она немного подумала и попросила папу посоветовать какую-нибудь хорошую гостиницу у нас в городе. Он сказал, что гостиница только одна и он сейчас узнает номер телефона. И пошел на кухню за телефонным справочником. Едва он вышел, как она засунула клетку с Пончиком в мешок для мусора и выскочила за дверь. Бросила мешок на сиденье и рванула прямо с места! Пончик все время вопил. Я тоже закричала и выскочила, и папа побежал, мы сели в машину и хотели ее догнать, но она успела уехать. Папа позвонил шерифу, но тот не захотел искать какую-то птицу, тем более что эта женщина и вправду могла быть хозяйкой. Теперь Пончика у нас нет, вот так.

Я ушла к себе и плакала и никак не могла остановиться.

Пендергаст закрыл дневник и опустил к себе в карман.

В этот миг молния осветила черные деревья за окном, и дом сотрясся от раската грома.

— Невероятно, — произнес д’Агоста. — Хелен похитила попугая. И еще она похитила попугаев Одюбона. О чем она вообще думала?

Пендергаст промолчал.

— А вы видели этого попугая? Она не привозила его в Пенумбру?

Пендергаст покачал головой.

— А что там насчет лаборатории?

— Не было у нее лаборатории. Она работала в «ВНК».

— Но вы хоть представляете, чем она занималась?

— Впервые в жизни я в полном и совершенном недоумении.

Снова полыхнула молния и осветила лицо Пендергаста — потрясенное и растерянное.

26

Нью-Йорк

Капитан Лора Хейворд из отдела убийств полицейского управления Нью-Йорка старалась не закрывать дверь своего кабинета — в знак того, что помнит: начинала она как простой коп в транспортной полиции, патрулировала станции подземки. По служебной лестнице Хейворд поднялась быстро и высоко. И хотя она это заслужила, ей было не слишком приятно сознавать, что помог и тот факт, что она женщина: несколько лет назад произошел ряд крупных скандалов по поводу дискриминации женщин в полиции.

Однако в это утро, придя на работу в шесть часов, она неохотно закрыла дверь, хотя никого, кроме нее, еще не было. Расследование череды убийств на Кони-Айленде, совершенных русской наркомафией, обернулось для департамента жутким геморроем — куча бумажной работы и сплошные совещания. И вот расследование достигло этапа, когда кому-то — то есть ей — придется сесть, разобрать уйму документов, чтобы хоть один человек был в курсе всего и мог двинуть дело вперед.

К полудню у Хейворд буквально закипели мозги — такие пришлось разбирать зверства. Лора вышла из-за стола и решила подышать воздухом, прогуляться в скверике по соседству созданием полицейского управления на Полис-плаза. Она открыла дверь, вышла из кабинета и оказалась среди толкущихся в холле копов.

С ней поздоровались несколько теплее, чем обычно, с какими-то косыми неловкими взглядами.

Хейворд ответила на приветствия и остановилась.

— Ну и в чем дело?

Выразительное молчание.

— Никогда не видала таких бездарных притворщиков, — как бы между прочим произнесла она. — Нет, правда, в покер вам ни за что не выиграть.

Шутка повисла в воздухе. Несколько секунд все молчали, потом один сержант решился:

— Капитан, тут это… в общем, дело касается агента ФБР. Пендергаста.

Хейворд замерла. О ее неприязни к Пендергасту знал весь департамент — так же как и об отношениях Лоры с д’Агостой, который иногда работал с Пендергастом в паре.

Пендергаст вечно ухитрялся затащить Винсента по уши в дерьмо, и у Хейворд зрело предчувствие, что их поездка в Луизиану кончится скверно, так же как предыдущие. Вообще-то, может, уже и кончилась. Пока у Хейворд в голове проносились эти мысли, она старалась сохранять непроницаемое лицо.

— И что там с особым агентом Пендергастом?

— То есть не сам Пендергаст, — поправился сержант. — Это его родственница. Женщина по имени Констанс Грин. С нее снимают показания, и она назвала Пендергаста как своего ближайшего родственника. Она ему то ли племянница, то ли еще как.

Опять наступило неловкое молчание.

— Ну! — не выдержала Хейворд.

— Она была за границей. Приплыла в Нью-Йорк из Саутгемптона на «Куин Мэри-2». Села на корабль с ребенком.

— С ребенком?

— Точно. Двухмесячным, не больше. Она родила за границей. А когда корабль прибыл, ее задержала иммиграционная служба, потому что ребенок пропал. Они связались с нью-йоркской полицией, и мы взяли ее под стражу. Ее обвиняют в убийстве.

— В убийстве?

— Да. Похоже, где-то по дороге она выбросила ребенка в Атлантический океан.

27

Мексиканский залив

Самолет авиакомпании «Дельта», казалось, завис на высоте тридцать четыре тысячи футов; небо было ясное и безоблачное, внизу голубело бескрайнее море, посверкивая под полуденным солнцем.

— Вам принести еще пива, сэр? — спросила стюардесса, заботливо склоняясь к д’Агосте.

— Конечно, — ответил он.

Девушка повернулась к его спутнику:

— А вам, сэр? Все в порядке?

— Нет, — ответил Пендергаст. И он жестом попросил унести тарелку с копченым лососем, стоявшую перед ним на откидном столике. — Это

блюдо — комнатной температуры. Не затруднит ли вас принести мне охлажденное?

— Нисколько. — Девушка с профессиональной ловкостью подхватила тарелку.

Д'Агоста подождал, пока она принесет заказ, и устроился поудобнее, вытянув ноги. Первым классом он летал, только когда путешествовал с Пендергастом, но к хорошему привыкаешь быстро.

Раздался сигнал системы оповещения, и командир экипажа объявил, что через двадцать минут самолет приземлится в международном аэропорту Сарасота-Брадентон.

Д'Агоста отхлебнул пива. От Санфлауэра его отделяли сотни миль и восемнадцать часов пути, но странный дом Доанов так и не шел у него из головы — особенно удивительная комната чудес, окруженная разгромленными в буйной ярости помещениями. Пендергаст же, казалось, был не склонен это обсуждать и пребывал в молчании и задумчивости.

Д'Агоста сделал еще одну попытку:

— Есть у меня мыслишка.

Агент взглянул на спутника.

— Думаю, Доаны — ложный след.

— Вот как? — Пендергаст осторожно попробовал кусочек лососины.

— Подумайте. Они спятили через несколько месяцев, даже лет, после визита Хелен. Какое отношение имеет ее приезд к тому, что случилось потом? Или попугай?

— Возможно, вы и правы, — неуверенно ответил Пендергаст. — Но меня озадачивает неожиданный расцвет творческих способностей перед… самым концом. У всех Доанов.

— Известно же, что сумасшествие — болезнь наследственная… — Тут д'Агоста задумался, как бы поудачнее выкрутиться. — Именно талантливые люди часто сходят с ума.

— «Блажен поэт, покуда молод он, за что в конце безумьем награжден».[7] — Пендергаст повернулся к д'Агосте. — Так, по вашему, к безумию их привели таланты?

— С дочерью Доанов произошло именно это.

— Понятно. А визит Хелен и похищение попугая не имеют отношения к тому, что затем случилось с Доанами — такова ваша гипотеза?

— Более или менее. А вы как считаете? — Д’Агоста все же надеялся вытянуть из Пендергаста его мнение.

— Не нравятся мне эти совпадения, Винсент.

Д’Агоста задумался.

— Кстати, вот еще что, — начал он. — А не была ли Хелен… то есть я имел в виду… она ведь совершала иногда странные поступки… или непонятные?

Пендергаст, казалось, напрягся.

— Я не уверен, что понял вас.

— Ну вот эти ее… — д’Агоста опять замялся. — Неожиданные поездки в странные места. Тайны. Кража птиц — двух чучел из музея, а потом живого попугая у Доанов. Быть может, у Хелен случился какой-то срыв или она перенесла нервное потрясение? В Рокленде я слышал, что семья у нее была не совсем нормальная…

Лейтенант замолчал: температура в пространстве между ним и собеседником словно бы понизилась на несколько градусов.

Лицо у Пендергаста не изменилось, но заговорил он самым официальным голосом:

— Хелен Эстерхази, возможно, была необычной. Однако она была самой разумной, самой нормальной из всех, кого я знаю.

— Да я не сомневаюсь. Я просто…

— И она не поддавалась ничьему давлению.

— Конечно, — поспешно сказал д’Агоста. Зря он об этом заговорил.

— Думаю, гораздо полезнее будет обсудить более насущное дело. — Пендергаст повернул разговор в другое русло. — Есть нечто, что вы должны узнать вот о ком… — Он выдернул из кармана пиджака тонкий конверт и извлек из него листок бумаги. — Джон Вудхауз Трапп. Пятьдесят восемь лет. Место рождения — Флоренс, штат Южная Каролина. Теперешнее место проживания — Сиеста-Ки, Бич-роуд — 4112. Профессий у него много: торговец произведениями искусства, владелец галереи, экспортно-импортные операции… Да, еще он занимался граверским делом. — Пендергаст убрал бумагу в конверт. — Гравюры его довольно любопытные.

— Какие именно?

— С портретами президентов.

— Так он фальшивомонетчик?

— Им занималась наша секретная служба. Доказать ничего не удалось. Было еще расследование по поводу контрабанды слоновой кости и рогов носорога — и то и другое запрещено в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году Конвенцией о вымирающих видах. Опять же ничего не доказали.

— Тип скользкий, как угорь.

— Очень изобретательный, решительный — и опасный. — Пендергаст помолчал. — Есть еще одна важная вещь. Его имя — Джон Вудхауз Трапп.

— Ну и?..

— Он прямой потомок Джона Джеймса Одюбона — через его сына Джона Вудхауза Одюбона.

— Вот черт…

— Джон Вудхауз и сам был художник. Он окончил последнюю работу Одюбона «Живородящие четвероногие Северной Америки», нарисовал больше половины гравюр, после того как его отец неожиданно заболел.

Д’Агоста присвистнул.

— Так Трапп, видимо, считает, что «Черная рамка» принадлежит ему по праву!

— Я так и предположил. Оказывается, большую часть жизни он посвятил ее поискам, но в последние годы вдруг сдался.

— А чем он теперь занимается?

— Мне не удалось выяснить. Свои дела он не афиширует. — Пендергаст посмотрел в окно. — Нам нужно быть осторожными, Винсент. Очень осторожными.

28

Сарасота, штат Флорида

Городок Сиеста-Ки приятно поразил д’Агосту: неширокие, засаженные пальмами улицы, изумрудно-зеленые лужайки, спускающиеся к лазурным бухточкам, похожим на драгоценные каменья, извилистые каналы, по которым неспешно скользят прогулочные лодки. Берег — широкий, песок — белый и мелкий, как сахар; края песчаной полосы теряются в туманной дымке. С одной стороны — розовый закатный океан, с другой — роскошные отели и жилые дома, а меж ними — бассейны, особняки, рестораны.

Солнце садилось. Загорающие, строители песчаных замков и прочие пляжные бездельники — все как по сигналу замерли, глядя на запад. Развернули шезлонги, подняли видеокамеры.

Д'Агоста посмотрел, куда и все. Солнце — огненный оранжевый полукруг — погружалось в Мексиканский залив. До сих пор д'Агоста видел лишь, как солнце садится за нью-йоркские небоскребы да за нью-джерсийские заводские трубы, и теперь удивлялся: вот только что солнце было здесь, садилось, на глазах опускалось за бесконечную ровную линию горизонта... и вдруг пропало, только розовые полосы тянулись вслед за ним по воде. Он облизнул губы и почувствовал слабый вкус моря. Не нужно большого воображения, чтоб представить, как он поедет в какое-нибудь такое место с Лорой — когда все будет позади.

Квартира Траппа располагалась на верхнем этаже шикарной высотки, стоящей над пляжем. Детективы поднялись на лифте, и Пендергаст позвонил в дверь. После долгой тишины послышался легкий шорох: в двери открылся смотровой глазок. Еще одна пауза, затем щелкнули запоры, и дверь распахнулась.

За порогом стоял мужчина — невысокий, хилого телосложения, густые черные волосы зачесаны назад и смазаны бриллиантином.

— Слушаю вас.

Пендергаст показал свой жетон, д'Агоста — тоже.

— Мистер Трапп?

Тот посмотрел на один жетон, потом на другой и перевел взгляд на агента. На лице Траппа волнения или страха не было — только легкое любопытство.

— Можно войти?

Хозяин помедлил, потом открыл дверь пошире.

Детективы прошли через холл в гостиную, обставленную богато и кричаще: венецианские окна, обрамленные тяжелыми золотыми шторами, выходят на океан, пол устлан белым ворсовым ковром, в воздухе витает тонкий запах благовоний. С тахты на гостей смотрели два шпица — черный и белый.

Д'Агоста опять переключил внимание на хозяина. Тот ничем не походил на своего предка Одюбона. Маленький, шустрый, с тоненькими усиками и, учитывая жаркий климат, на удивление незагорелый. Его движения — быстрые, легкие — никакие сочетались с декадентским декором комнаты.

— Не присядете ли? — предложил он, указывая на массивные кресла, обтянутые темно-красным бархатом. В его речи слышалась едва заметная южная протяжность.

Пендергаст и д’Агоста уселись. Хозяин опустился на белый кожаный диван напротив них.

— Как я понимаю, вы не по поводу моего участка на Шелл-роуд?

— Совершенно верно, — ответил Пендергаст.

— Так чем могу служить?

Агент дал вопросу несколько секунд повисеть в воздухе, потом сказал:

— Мы здесь по поводу «Черной рамки».

Трапп почти не выразил удивления, только пошире раскрыл глаза. В следующий миг он улыбнулся, показывая мелкие белые зубы. Улыбка вышла не очень-то дружеская. Д’Агосте пришел на ум хорек — юркий и готовый куснуть.

— Вы хотите продать?

Пендергаст покачал головой:

— Нет, мы хотим ее осмотреть.

— Никогда не помешает знать конкурента в лицо, — заметил Трапп.

Пендергаст закинул ногу на ногу.

— Интересно, что вы упомянули о конкуренции. Это вторая причина нашего визита.

Трапп недоуменно наклонил голову.

— Хелен Эстерхази-Пендергаст, — четко выговорил агент.

На этот раз хозяин оставался совершенно спокоен. Он перевел взгляд на д’Агосту, потом обратно на Пендергаста.

— Простите, но раз уж речь зашла об именах, нельзя ли узнать ваши?

— Особый агент Пендергаст. А это — мой коллега, лейтенант д’Агоста.

— Хелен Эстерхази-Пендергаст, — повторил хозяин. — Ваша родственница?

— Она была моей женой, — холодно ответил агент.

Коротышка развел руками:

— Никогда не слышал этого имени. Сожалею. И если у вас все... — Он поднялся.

Пендергаст тоже быстро встал. Д'Агоста замер: он испугался, что Пендергаст набросится на хозяина, но агент заложил руки за спину, подошел к окну, выглянул наружу. Потом прошелся по комнате, разглядывая одну за другой картины, словно в картинной галерее. Трапп стоял на месте не двигаясь, только следил взглядом за Пендергастом. Агент вышел в холл, постоял немного перед закрытой дверью в гардероб. Затем он вдруг сунул руку в карман, что-то вытащил, коснулся замка на двери и — так же неожиданно — распахнул ее.

Трапп кинулся к нему.

— Какого дьявола?.. — сердито крикнул он.

Пендергаст сунул руку в гардероб, покопался там и вытащил снизу длинное манто, на котором были знакомые черно-желтые полосы — тигр.

— Да как вы смеете вторгаться в мою жизнь? — подскочил к нему Трапп.

Пендергаст встряхнул манто, оглядел сверху вниз.

— Такое и принцессе надеть не стыдно, — заметил он, с улыбкой поворачиваясь к Траппу. — Натуральный мех.

Агент опять сунул руку в гардероб и вытянул еще несколько манто, а Трапп стоял рядом, багровый от злости.

— Оцелот, маргай... целая галерея вымирающих видов. И ведь не старые — явно моложе Конвенции о вымирающих видах восемьдесят девятого года, не говоря уж о Законе семьдесят второго. — Пендергаст вернул меха на место и закрыл дверь. — Ведомство по охране рыбных ресурсов и диких животных непременно заинтересуется вашей коллекцией. Может, позвонить им?

Лейтенанта реакция Траппа удивила. Вместо того чтобы возмущаться, он вдруг заметно расслабился. Скаля в улыбке зубы, он сверху донизу разглядывал Пендергаста, словно заново оценивая.

— Прошу вас. Вижу, нам есть о чем поговорить. Садитесь.

Агент вернулся на свое место, Трапп — на свое.

— Если я смогу вам помочь... как тогда будете моей маленькой коллекцией? — Он кивнул в сторону гардероба.

— Это зависит от того, насколько удачно сложится наша беседа.

Трапп выдохнул с долгим свистящим звуком.

— Позвольте напомнить вам имя, — сказал Пендергаст. — Хелен Эстерхази-Пендергаст.

— Да-да, я хорошо помню вашу супругу. — Он сложил наманикюренные ручки. — Простите мой недавний обман. Мой опыт научил меня не болтать лишнего.

— Продолжайте, — холодно сказал Пендергаст.

Трапп пожал плечами:

— Мы с вашей женой были конкурентами. Почти двадцать лет я искал «Черную рамку». И мне стало известно, что некая женщина тоже что-то вынюхивает, задает вопросы. Мне это не понравилось, если не сказать больше. Как вы, конечно, знаете, я — праправнук Одюбона. Картина моя по закону. Никто другой не имеет права на ней наживаться. Одюбон написал эту вещь в лечебнице, но с собой не взял. Наиболее вероятно, решил я, что он отдал ее одному из трех лечивших его докторов. Про одного из них ничего не известно. Другой переехал в Берлин — если картина была у него, она или уничтожена или безвозвратно утеряна во время войны. Я сосредоточил поиски на третьем докторе — Торгенссоне, больше в надежде, чем в уверенности. — Трапп развел руками. — Так я и столкнулся с вашей супругой. Мы встречались только однажды.

— Где и когда?

— Лет пятнадцать назад, наверное. Да-да, ровно пятнадцать. В старом поместье Торгенссона в пригороде Порт-Аллена.

— И что именно произошло во время этой встречи? — Голос Пендергаста звучал холодно.

— Я сказал ей то же самое, что и вам: картина принадлежит мне, как наследнику, и потребовал бросить поиски.

— А что сказала Хелен? — спросил агент совсем ледяным голосом.

Трапп сделал глубокий вдох.

— Она сказала забавную вещь.

Пендергаст ждал. Казалось, сам воздух замерз.

— Помните, как вы сами начали разговор? «Мы хотим осмотреть картину», — сказали вы. То же самое говорила и она. Мол, приобретать ее она не хочет, продавать не собирается, хочет только осмотреть, и я могу забирать ее себе. Я был очень рад это слышать, и мы обменялись рукопожатием. Расстались, можно сказать, друзьями. — Еще одна легкая улыбка.

— Каковы были ее точные слова?

— Я отлично помню. Она сказала: «Я понимаю, что вы долго искали картину. Поймите, пожалуйста, — мне не нужна картина, я лишь хочу ее осмотреть. Кое в чем убедиться. Если я найду ее — передам вам. И вы пообещайте — если найдете картину первым — дать мне ее осмотреть». Я от такого предложения был в восторге.

— Чушь собачья! — Д'Агоста поднялся с кресла. Терпение у него лопнуло. — Хелен несколько лет искала картину, чтобы только взглянуть на нее? Не может быть. Вы лжете!

— Как хотите, но это правда. — Трапп улыбнулся своей улыбочкой хорька.

— Что произошло дальше? — спросил Пендергаст.

— Ничего. Мы разошлись. То была наша первая и единственная встреча. Больше я никогда ее не видел. И это чистая правда.

— Никогда? — переспросил Пендергаст.

— Никогда. Вот и все, что мне известно.

— Вам известно гораздо больше. — Пендергаст неожиданно улыбнулся. — Но прежде чем вы заговорите дальше, мистер Трапп, позвольте мне сообщить вам нечто, о чем вы не знаете, — в знак доверия.

«Сначала кнут, потом пряник», — подумал д'Агоста. Интересно, что на уме у Пендергаста?

— У меня есть доказательство, что Одюбон передал картину Торгенссону, — сообщил агент.

Трапп неожиданно подался вперед с выражением живейшего интереса на лице.

— Доказательство, говорите?

— Да.

Воцарилось долгое молчание. Трапп откинулся назад.

— Тогда картина, я убежден, пропала. Сгорела во время пожара в его доме.

— Вы говорите о его поместье в Порт-Аллене? Я ничего не знал о пожаре.

Трапп глянул на агента.

— Тогда вы многого не знаете, мистер Пендергаст. Доктор Торгенссон умер не в Порт-Аллене.

Пендергаст не смог скрыть удивления.

— Вот как?

— В последние годы жизни у Торгенссона были значительные денежные затруднения. Его преследовали кредиторы: банки, местные торговцы, даже городская налоговая служба. В конце концов его выселили из поместья. Он поселился в каком-то домишке у реки.

— Откуда вы все это узнали? — спросил д'Агоста.

Вместо ответа Трапп поднялся и вышел из комнаты. Послышался звук растворяемой двери, потом Трапп, видимо, выдвинул ящик стола. Минуту спустя он вернулся и вручил Пендергасту папку.

— Это документы кредиторов. Посмотрите верхнее письмо.

Пендергаст взял из папки пожелтевший лист с неровно оторванным краем — письмо на бланке агентства Пинкертона.

«Она у него, это точно. Но мы не смогли ее найти. Мы обыскали его халупу сверху донизу — пусто, так же как и в доме под Порт-Алленом. Там нет ничего ценного, и уж точно нет картины Одюбона».

Пендергаст убрал бумагу, просмотрел другие документы и закрыл папку.

— Вы, конечно же, похитили документ, чтобы помешать конкурентам.

— Какой смысл помогать соперникам? — Трапп забрал папку и положил на диван. — Все равно это уже не актуально.

— А почему?

— Несколько месяцев спустя после его переезда в дом ударила молния и сожгла его дотла — вместе с Торгенссоном. Если он спрятал «Черную рамку» где-то еще, это место уже не найти. А если она была в доме — сгорела вместе с ним. — Трапп пожал плечами. — К сожалению, мистер Пендергаст, «Черной рамки» больше нет. Уж я-то знаю — я потратил на нее двадцать лет жизни.

— Не верю ни единому слову, — высказался д'Агоста, когда детективы спускались на лифте. — Он просто хочет уверить нас, что у него не было мотива убивать, вот и доказывает, что Хелен не собиралась завладеть картиной. Прикрывает задницу, боится, как бы его не заподозрили в убийстве, — вот и все.

Пендергаст не отвечал.

— Парень явно себе на уме, мог бы придумать историю поумней. Они оба охотились за картиной, и Хелен его опережала. А Траппу не хотелось уступать свое законное наследство. Ясно как день. И потом эти его делишки — меха, слоновая кость… Определенно у него есть связи в Африке, и он мог ими воспользоваться, чтобы организовать убийство.

Двери лифта отворились, и приятели через вестибюль вышли в пахнущую морем ночь. Вздыхали волны; тысячи светящихся окон превратили темный пляж в играющую разноцветными огнями полосу. Из ближайшего ресторана доносилась мексиканская музыка.

— А как вы узнали про это барахло? — спросил д’Агоста, когда они зашагали по дороге.

Пендергаст как будто очнулся.

— Простите?

— Ну — вещи в гардеробе? Меха?

— По запаху.

— По запаху?

— Любой, кто имел такие вещи, скажет вам, что у меха больших кошек есть слабый запах — не то чтобы неприятный, скорее напоминает мускус, и его ни с чем не спутаешь. Мне это хорошо известно: в детстве мы с братом часто прятались в гардеробе, где у матери хранились меха. Известно, что Трапп занимается контрабандой слоновой кости и носорожьего рога — отсюда и до мехов недалеко.

— Понятно.

— Послушайте, Винсент, тут в двух кварталах ресторан «Карамино». Я слышал, там подают лучшие на побережье залива клешни каменного краба. Особенно хороши они с холодной водкой. А мне как раз очень нужно выпить.

29

Нью-Йорк

Капитан Хейворд вошла в помещение для допросов в цокольном этаже полицейского управления, и двое вызванных по делу свидетелей вскочили. Вскочил и сержант из отдела убийств. Хейворд нахмурилась.

— Так, все сели и расслабились. Я вам не президент. — Она понимала, как действуют на людей золотые капитанские лычки, особенно на моряков, но это было уж слишком; Хейворд даже становилось не по себе. — Извините, что пришлось потревожить вас в воскресенье. Сержант, пригласите свидетелей по очереди, в любом порядке.

Капитан прошла в кабинет из тех, что получше: в таких беседуют с доброжелательно настроенными свидетелями, а не разбираются с упрямыми подозреваемыми. Тут стояли кофейный столик, письменный стол и пара стульев. Инженер звуко- и видеозаписи был на месте и кивнул ей, показывая большой палец.

— Спасибо, что все так быстро организовали — сказала Хейворд.

На Новый год она дала себе зарок обуздать свой нрав с теми, кто ниже ее по служебной лестнице, а с теми, кто выше — не церемониться. «С подчиненными — помягче, с начальством — построже» — вот отныне ее девиз.

Хейворд выглянула из кабинета.

— Пригласите, пожалуйста, первого.

Сержант ввел первого свидетеля. Тот все еще был в форме. Хейворд усадила его.

— Я знаю, что вас уже опрашивали, но, надеюсь, вы не против поговорить еще раз. Постараюсь побыстрее. Кофе, чаю?

— Нет, спасибо, капитан, — ответил моряк.

— Вы — начальник службы безопасности судна?

— Да.

Начальник службы безопасности, добродушный пожилой джентльмен с шапкой седых волос, говорил с приятным британским акцентом. Он выглядел как отставной полицейский инспектор из какого-нибудь английского городка. «А скорее всего, — подумала Хейворд, — он и есть отставной инспектор».

— Итак, что произошло? — Лора предпочитала начинать с самых общих вопросов.

— Все началось вскоре после отплытия. Мне доложили, что одна из пассажирок, Констанс Грин, странно себя ведет.

— Как понять — странно?

— Она взяла на борт своего ребенка, трехмесячного младенца. Это уже необычно — я и не припомню, чтобы пассажиры брали в плавание таких малышей. Тем более — одна мать, без отца. И как только она оказалась на борту, какая-то общительная пассажирка захотела взглянуть на младенца и, наверное, наклонилась к нему слишком близко, а мисс Грин ей пригрозила.

— И как вы поступили?

— Я побеседовал с мисс Грин в ее каюте и пришел к выводу, что она лишь чересчур осторожная мать. Такое иногда случается, и никакой реальной угрозы не было. Женщина, которая пожаловалась, по-видимому, просто назойливая старая дама.

— И как она вам показалась? Мисс Грин, в смысле.

— Спокойная, собранная, держалась весьма официально.

— А ребенок?

— Находился там же, в ее каюте, — наша хозяйственная служба предоставила им кроватку. При мне он спал.

— А потом?

— Мисс Грин не выходила из каюты три или четыре дня. Оставшуюся часть пути ее видели часто. Ни о каких других происшествиях я не знаю, но на иммиграционном контроле она не смогла показать ребенка. Младенец, понимаете ли, был вписан в ее паспорт — обычная процедура, если ребенок родился за границей.

— Она показалась вам нормальной?

— Абсолютно нормальной, во всяком случае, во время единственного нашего с ней разговора. И необычно сдержанная для такой молодой девушки.

Следующим свидетелем был казначей, который подтвердил показания начальника службы безопасности: пассажирка взошла на борт с ребенком, никого к нему не подпускала и несколько дней просидела в каюте. Затем, в середине плавания, стала обедать в ресторане и прогуливаться по кораблю без ребенка. Все думали, что у нее либо есть няня, либо она воспользовалась помощью корабельного бюро услуг. Держалась она особняком, ни с кем не разговаривала, любые попытки общения пресекала.

— Я думал, — сказал казначей, — она из тех богатых чудаков, у которых полно денег, и они ведут себя, каким вздумается, и никто им слова не скажет. И еще… — Он замялся.

— Говорите.

— К концу плавания мне показалось, что она не совсем нормальная.

У двери в камеру Хейворд помедлила. Констанс Грин она никогда не видела, но много слышала о ней от Винни. Он всегда говорил о ней как о человеке старше себя, но, когда дверь открылась, Лора, к своему удивлению, увидела молодую девушку не старше двадцати двух или

двадцати трех лет с элегантной, хоть и старомодной, короткой стрижкой. Констанс, выпрямившись, сидела на откидной койке в том же платье, в котором была на корабле.

— Можно войти?

Констанс Грин посмотрела на Хейворд. Капитан гордилась умением читать по глазам, но эти глаза были непроницаемы.

— Прошу вас.

Хейворд присела на единственный стул в камере. Неужели вот эта женщина выбросила в океан собственного ребенка?

— Я — капитан Хейворд.

— Весьма рада нашему знакомству, капитан.

Столь старомодно-вежливое приветствие в подобных условиях заставило Лору содрогнуться.

— Я — друг лейтенанта д’Агосты, с которым вы знакомы, и еще мне приходилось работать с вашим... дядей, особым агентом Пендергастом.

Констанс педантично поправила:

— Он мне не дядя. Алоиз — мой официальный опекун. Мы не состоим в родстве.

— Понятно. У вас есть семья?

— Нет, — последовал резкий ответ. — Давно нет никого.

— Простите. Во-первых — не поможете ли мне выяснить кое-какие детали? Нам не удалось найти никаких ваших данных. Вы, случайно, не помните вашего номера по системе социального страхования?

— У меня нет номера.

— Где вы родились?

— Здесь, в Нью-Йорке. На Уотер-стрит.

— В какой больнице?

— Я родилась дома.

— Понимаю. — Хейворд решила оставить эту тему; юридический отдел и так все выяснит, а если подозреваемая признается, можно будет обойтись без неудобных вопросов.

— Констанс, я из отдела убийств, но ваше дело я не веду. Мне только нужно установить кое-какие факты. Вы никоим образом не обязаны

отвечать на мои вопросы, и разговор у нас неофициальный. Вы понимаете?

— Благодарю вас, я прекрасно понимаю.

Хейворд не переставала удивляться старомодному тону ее речи, и манере держаться, и выражению глаз — старых и умных, очень странных на таком молодом лице. Она глубоко вздохнула.

— Вы вправду бросили вашего ребенка в океан?

— Да.

— Почему?

— Потому что он был воплощением зла. Как и его отец.

— А его отец…

— Мертв.

— Как его звали?

В комнате воцарилась тишина. Констанс смотрела в лицо Лоре своими холодными фиалковыми глазами. Ее взгляд лучше всяких слов дал понять: на этот вопрос она никогда и ни за что не ответит.

— А почему вы вернулись? Вы ведь жили за границей… Почему вернулись именно теперь?

— Потому что Алоизу понадобится моя помощь.

— Помощь? В чем именно?

Констанс не шевельнулась.

— Он не готов к предательству, которое его подстерегает.

30

Саванна, штат Джорджия

Джадсон Эстерхази стоял в своем кабинете, набитом антиквариатом и мебелью, и смотрел в одно из окон, выходящих на Уитфилд-сквер, теперь пустынный. Шел холодный дождь; вода, стекая с пальм и беседки в центре сквера, собиралась в лужи на мощеной Хабершем-стрит. Д’Агосте брат Хелен сегодня казался совсем другим: изящные манеры исчезли, лицо печально, красивые черты искажены.

— Она никогда не проявляла интереса к попугаям, в частности к каролинскому?

— Никогда, — ответил Эстерхази.

— А к «Черной рамке»? Она никогда о ней не упоминала, хотя бы мимоходом?

Эстерхази покачал головой.

— Все это для меня новость. Я, как и ты, теряюсь в догадках.

— Понимаю, как тебе тяжело.

Эстерхази отвернулся от окна. У него двигалась челюсть, и д’Агосте показалось, что он едва сдерживает гнев.

— И вполовину не так тяжело, как узнать про этого Траппа. Его, говорите, уже привлекали?

— Арестовывали, но виновным не признали.

— Это не значит, что он невиновен, — заметил Эстерхази.

— Еще как виновен, — вставил д’Агоста.

Эстерхази глянул в его сторону.

— И не только в подлоге и вымогательстве. Вы еще упоминали словесные и физические оскорбления.

Лейтенант кивнул.

— И он тоже хотел отыскать картину… «Черную рамку»?

— Больше, чем кто-либо другой, — сказал д’Агоста.

Эстерхази повернулся к окну и сжал кулаки.

— Джадсон, — сказал Пендергаст, — помни, что я тебе говорил.

— Ты потерял жену, — бросил через плечо Эстерхази, — а я — любимую младшую сестру. Забыть о таком нельзя, хотя можно как-то смириться. Но теперь, зная такое… — Он с трудом перевел дух. — Да еще этот бандит тоже, возможно, причастен…

— Мы пока не установили, — напомнил Пендергаст.

— Но, будьте уверены, все докажем, — вставил д’Агоста.

Эстерхази не отвечал. Он смотрел в окно отсутствующим взглядом, медленно двигая желваками.

31

Сарасота

На триста тридцать миль южнее стоял у окна другой человек.

Джон Вудхауз Трапп смотрел с десятого этажа на бродящих по пляжу и загорающих людей; к берегу тянулись длинные белые полосы прибоя, а сам пляж, казалось, не имел конца.

Отвернувшись от окна, он пересек комнату, недолго помедлил у зеркала в позолоченной раме. На него смотрело перекошенное от страха лицо со следами бессонной ночи.

А ведь он был осторожен, очень осторожен. Как же такое могло случиться? Так неожиданно возник в дверях бледный как призрак ангел мести... Трапп всегда играл по малой, никогда не рисковал. И это помогало... до сих пор.

Царившую в комнате тишину разорвал телефонный звонок. Трапп рванулся к телефону, схватил трубку. Два шпица на тахте не сводили с него глаз.

— Это Виктор. Что там стряслось?

— Господи, Виктор, наконец-то! Куда ты запропастился?

— Выходил прогуляться, — ответил грубый резкий голос. — Есть проблема?

— Еще какая. Очень скверное дело, просто дерьмо. Явился вчера вечером агент из ФБР, вынюхивал тут.

— Знакомый?

— Его зовут Пендергаст. А с ним коп из Нью-Йорка.

— И что им надо было?

— А как по-твоему? Он знает слишком много, Виктор, слишком! Нужно этим заняться, и немедленно.

— Ты имеешь в виду?.. — Грубый голос замолчал.

— Именно. Пора все сворачивать.

— Все?

— Все. Ты знаешь, как быть, Виктор. Проследи, чтоб все было сделано как надо. Проследи, чтобы все было сделано немедленно. — Трапп бросил трубку и стал смотреть в окно, на бескрайний голубой горизонт.

32

Грунтовая дорога вилась через сосновый лес и выходила на большой луг на краю мангрового болота. Стрелок оставил «Рейнджровер» на лугу и взял с заднего сиденья чехол с ружьем, папку и рюкзак. Эти вещи он отнес к небольшому холмику посреди луга и уложил в спутанной траве.

Затем вынул из папки бумажную мишень и пошел к болоту, отсчитывая шаги. Полуденное солнце жгло даже сквозь ветки кипарисов, бросало желтые пятна на зелено-коричневую воду.

Выбрав толстый ствол поровнее, стрелок прибил к нему обойным молоточком мишень. Стоял довольно теплый для зимы день, градусов за шестьдесят по Фаренгейту; от болота пахло водой и гниющим деревом, в ветвях шумно возились и каркали вороны. До ближайшего жилья было десять миль. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка.

Стрелок вернулся к своим вещам, отсчитывая шаги. Все верно, до мишени — примерно сто ярдов. Он открыл кейс-футляр «Пеликан» и вынул оттуда тактическую винтовку «Ремингтон 40 XS». Тяжелая, зараза, фунтов пятнадцать, зато кучность стрельбы — отличная. Стрелок некоторое время ею не пользовался, но оружие было вычищено, смазано и готово к работе.

Он встал на колени, щелчком раскрыл двуногу, расправил, установил. Потом улегся в высокой траве, установил винтовку перед собой, подвигал, убедился, что она стоит прочно. Потом закрыл один глаз и прицелился в закрепленную на дереве мишень. Пока все нормально. Сунул руку в задний карман, достал коробку с патронами «винчестер», положил справа. Вытащил один патрон, загнал в патронник, потом другой — пока не наполнил внутренний магазин, рассчитанный на четыре патрона. Закрыл затвор и снова посмотрел в прицел.

Потом он, затаив дыхание, прицелился, подождал, пока сердце станет биться ровнее. Мышцы полностью расслабились, и прекратилось даже легкое подрагивание оружия, едва заметное по движению мишени в перекрестии прицела. Стрелок положил палец на спусковой крючок, слегка прижал. Легко выдохнул, посчитал удары сердца и в промежутке между ними — надавил. Щелчок — и несильная отдача. Он извлек гильзу, перевел дыхание, снова расслабился и опять медленно надавил на спуск. Опять щелчок и отдача. Звук быстро раскатился над болотами. Еще два выстрела, и магазин опустел. Стрелок собрал гильзы, положил в карман и отправился смотреть мишень.

Кучность неплохая — пули легли близко, образуя неровную дыру чуть левее и ниже центра мишени. Вынув из кармана линейку, он измерил отклонение пули, повернулся и медленно, чтобы не потерять расслабленности, зашагал обратно. Лег, взял винтовку, отрегулировал вертикальную и горизонтальную наводку прицела, учитывая расположение отметин на мишени. Опять выстрелил четыре раза, так же неспешно. Все четыре пули вошли в «яблочко», почти в одно отверстие. Довольный, стрелок снял с дерева мишень, скатал в шарик и сунул в карман. Потом вернулся на середину луга и снова занял огневую позицию. Теперь можно было и поразвлечься. Когда он начал стрелять,

стая ворон с шумом взлетела и опустилась ярдах в трехстах на дальнем конце луга. Теперь они топтались под большой сосной — расхаживали по хвойному ковру, раскапывали шишки, выклевывали из них семена.

Глядя в прицел, стрелок выбрал птицу и навел на нее перекрестие: ворона трепала и ковыряла шишку, долбила клювом. Палец замер на стальном крюке… выстрел — и птица исчезла в облаке черных перьев, а ствол ближайшего дерева забрызгало красными ошметками. Стая с воплями махнула вверх, поднялась в небо и понеслась прочь над кронами деревьев.

Стрелок поискал другую цель; на этот раз — на болоте. Он поводил прицелом и на краю болота нашел: ярдах в ста пятидесяти на маленьком солнечном пятачке сидела на листе лилии здоровенная лягушка-вол. Он опять прицелился, расслабился и выстрелил. Вспыхнуло розовое облачко с каплями зеленой воды и кусочками листа. Оно эффектно осело на воду, поиграв радугой.

Третья пуля срезала голову мокасиновой змее, которая в перепуге торопилась удрать.

Остался один патрон. Теперь нужно найти что-нибудь потруднее. Стрелок оглядывал болото, уже не через прицел, но выстрелы растревожили местную живность, и вокруг стало пусто. Придется подождать.

Он вернулся к «Рейнджроверу», взял с заднего сиденья мягкий холщовый чехол, расстегнул и извлек чешскую двустволку двенадцатого калибра с резьбой на ложе: недорогое, но отличное оружие. Стрелку было тошно делать то, что он затеял. Он порылся в багажнике, отыскал переносные тиски и новехонькую ножовку. Потом положил ружье на колени, натер стволы оружейным маслом и разложил рядом бумажную мерную ленту. Сделав гвоздем пометку, взял ножовку и приступил к работе.

Дело оказалось долгое и нудное. Закончив, стрелок удалил напильничком заусенцы и слегка скосил край, зачистил металлической мочалкой и опять протер маслом. Затем переломил стволы, тщательно вычистил оттуда остатки опилок и загнал два патрона. Спустился к болоту, захватив двустволку и отпиленные стволы, которые закинул как можно дальше в воду, потом прижал оружие к поясу и нажал на спуск. Выстрел получился оглушительный, с бешеной отдачей. Даже изуродованная, двустволка действовала отлично. Второй ствол разрядился с таким же результатом. Стрелок снова переломил стволы, убрал в карман гильзы, протер оружие и снова зарядил. Второй раз оно тоже сработало отлично. Стволов было жаль, но результат радовал.

Вернувшись к машине, стрелок убрал оружие в чехол, чехол — в машину и достал из пакета термос и бутерброды. Ел он медленно, смакуя паштет из гусиной печени с трюфелями и прихлебывая из термоса горячий чай со сливками и сахаром. Он старался не думать о предстоящей задаче, а наслаждаться свежим воздухом и солнцем. Трапеза подходила к концу, когда над болотом взлетела самка канюка — она снялась с гнезда и лениво кружила над деревьями. До нее было примерно две с половиной сотни ярдов. Вот наконец-то задача, достойная его мастерства. Стрелок занял позицию — на этот раз со снайперской винтовкой — и стал целиться. Однако обзор у оптического прицела был маленький, и пришлось воспользоваться механическим. Он смотрел на птицу, следуя стволом за ее движениями. Тоже не дело: винтовка слишком тяжелая, а канюк движется быстро. Птица летала кругами, и нужно просто заранее прицелиться в рассчитанную точку, решил он. Через миг канюка в небе не стало, только несколько перышек покачивались на ветру.

Стрелок сложил двуногу, пересчитал стреляные гильзы, спрятал оружие в чехол, упаковал термос и остатки завтрака, поднял сумку. В последний раз огляделся; о его визите свидетельствовала лишь примятая в одном месте трава.

К машине он вернулся с чувством глубокого удовлетворения. Теперь можно дать себе волю: пусть ликует все тело, пусть подскочит адреналин, нужный для предстоящей охоты.

33

Порт-Аллен, штат Луизиана

В яркий, солнечный полдень д’Агоста стоял у дверей справочно-информационного центра на Корт-стрит и смотрел на реку. Кроме самого центра — прекрасного старинного кирпичного здания в отличном состоянии, — все казалось с иголочки новым: магазины, учреждения, жилые дома, разбросанные по берегу реки. С трудом верилось, что почти сто пятьдесят лет назад где-то здесь, совсем рядом, жил и умер врач Джона Джеймса Одюбона.

— Сначала город назывался Сен-Мишель, — сообщил стоявший рядом Пендергаст. — Порт-Аллен заложили в тысяча восемьсот девятом, но за пятьдесят лет большую часть города поглотила Миссисипи. А не совершить ли нам прогулку вдоль реки?

Он взял быстрый темп, и лейтенант поспешил следом, стараясь не отставать. Д’Агоста уже измучился и не понимал, как его товарищу удается сохранять энергию после недели непрерывных поездок — то автомобиль, то самолет, то один город, то другой, — да еще ложась спать за полночь и поднимаясь на рассвете. Порт-Аллен — это уже перебор.

Сначала напарники побывали в предпоследнем жилище доктора Торгенссона: красивый кирпичный дом в западной части города, ныне — похоронное бюро. Потом зашли в муниципалитет, где Пендергаст очаровал секретаршу, и она разрешила им покопаться в старых картах и подшивках документов.

И вот они здесь — на берегу Миссисипи, где, как сказал Трапп, провел в дощатом домишке последние месяцы несчастный доктор, сходя с ума от пьянства и сифилиса.

С величественной набережной открывался прекрасный вид. На противоположном берегу раскинулся Батон-Руж, по широкой шоколадно-коричневой реке деловито двигались буксиры и баржи.

— Это шлюз Порт-Аллена, — сказал Пендергаст, указывая на проем в насыпи, оканчивающийся желтыми воротами. — Самое большое сооружение подобного типа. Соединяет реку и Внутренний береговой канал.

Детективы прошли несколько кварталов; свежий ветерок с реки оживил д’Агосту. Они зашли в справочное бюро, и Пендергаст стал изучать объявления и рекламу.

— Как обидно — мы пропустили Праздник цимбал, — заметил он.

Д’Агоста искоса глянул на агента: тот так тяжело переживал, узнав, что жену его убили, зато новость, которую сообщила вчера Хейворд о Констанс Грин, воспринял с удивительным спокойствием. И хотя лейтенант был знаком с Пендергастом достаточно долго, он по-настоящему никогда его и не знал. Агент заботился о Констанс, но к известию о том, что она арестована по обвинению в детоубийстве, отнесся почти безразлично.

Пендергаст прошагал по зеленой травке к реке, остановился у наполовину затопленных развалин старого шлюза.

— В начале девятнадцатого века деловой центр был в двух или трех кварталах отсюда, вон там. — Он указал на вихрящиеся воды. — Теперь он принадлежит реке.

Пендергаст повел лейтенанта через набережную, через Коммерс-авеню; на Корт-стрит повернул налево, на Ачафалайя — направо.

— Когда доктору Торгенссону пришлось сюда переселиться, Сен-Мишель уже превратился в Западный Батон-Руж. Здесь был убогий рабочий поселок — между железнодорожной станцией и паромной переправой. — Пендергаст опять свернул, снова посмотрел в карту, прошел еще немного и остановился. — Полагаю, мы прибыли.

Прибыли они к небольшому торговому центру. Три здания стояли в ряд: закусочная «Макдоналдс», магазин сотовых телефонов и приземистое кричаще-яркое здание, принадлежащее местной сети пончиковых магазинов. Перед пончиковой стояли только две машины, зато у «Макдоналдса» дела шли вовсю.

— Здесь?! — воскликнул д’Агоста.

Пендергаст кивнул, показывая на магазин сотовых телефонов:

— Именно здесь стоял домишко Торгенссона.

Д'Агоста по очереди посмотрел на три дома. Дух его, воспрянувший после прогулки, опять упал.

— Трапп прав. Безнадежно, — пробормотал он.

Пендергаст сунул руки в карманы и двинулся к торговому центру. Он зашел во все магазины, один за другим. Д’Агоста не нашел в себе сил пойти следом и остался ждать на автомобильной стоянке.

Агент вернулся через пять минут.

Ничего не сказав, он стал внимательно оглядывать горизонт, едва заметно поворачиваясь, пока не повернулся на все триста шестьдесят градусов. Затем он проделал это еще раз, но остановился на полпути.

— Взгляните вон на то здание, Винсент.

Д’Агоста посмотрел в указанном направлении — в сторону справочного бюро, которое они прошли в самом начале прогулки.

— А что такое?

— Там раньше была насосная станция. Судя по неоготическому стилю, здание относится к периоду строительства Сен-Мишеля. — Пендергаст сделал паузу. — Да, я уверен, так и есть.

Д’Агоста ждал. Пендергаст обернулся и указал в противоположном направлении.

С этой точки хорошо просматривались и набережная, и развалины старого шлюза, и раскинувшаяся за ними Миссисипи.

— Любопытно, — заметил агент, — что наш торговый центр лежит на одной линии между насосной станцией и старым затопленным шлюзом.

Пендергаст быстро двинулся в направлении реки. Д’Агоста ковылял позади.

Остановившись почти у самой воды, агент наклонился и стал разглядывать старый водосток, от которого шла большая каменная труба, заделанная цементом и частично засыпанная.

Пендергаст выпрямился.

— Так я и думал. Здесь был старый акведук.

— Да? И что?

— Его перестали использовать и заделали, когда восточную половину Сен-Мишеля поглотила вода. Замечательно!

Д'Агоста не разделял энтузиазма своего спутника по поводу этой исторической подробности.

— Теперь понимаете, Винсент? Дом, в котором жил Торгенссон, построили после того, как закрыли акведук!

Лейтенант пожал плечами. Хоть убей, непонятно, к чему клонит Пендергаст.

— В этих краях так было принято — если строили здание над старым водопроводом или акведуком, то использовали его как фундамент. Ведь иначе яму под фундамент пришлось бы рыть вручную.

— Так вы думаете, труба все еще там?

— Именно. В тысяча восемьсот пятьдесят пятом, когда строили дом, в качестве фундамента, вероятно, использовал и секцию закрытого тоннеля, уже сухого. Старые акведуки были не круглые, а квадратные и возводились из камня, скрепленного известковым раствором. Строителям оставалось только укрепить конструкцию, возвести две кирпичные стены — перпендикулярно двум уже существующим, и вуаля! — фундамент готов!

— Вы полагаете, мы найдем там «Черную рамку»? — затаив дыхание, спросил д'Агоста. — В подвале у Торгенссона?

— Нет. Не в подвале. Помните, записку, которую показывал Трапп? «Мы обыскали весь дом сверху донизу. Там нет ничего ценного, и уж точно нет картины Одюбона».

— Если не в подвале, то чего тогда суетиться?

Сдержанность Пендергаста иногда его просто бесила.

— Подумайте: несколько домов над старым тоннелем, под каждым — отдельный сектор фундамента. И еще, Винсент, не забывайте о пустотах между домами. Подвалы примерно такого же размера, как и дома над ними.

— То есть… между подвалами есть пустоты?

— Несомненно. Секторы старого акведука между домами, заложенные кирпичом. Именно там Торгенссон мог спрятать «Черную рамку».

— Для чего ее прятать?

— Коль скоро картина была так ему дорога, что доктор не продал ее даже в самой большой нужде, можно предположить, что он вообще не мог с ней надолго расстаться. И в то же время приходилось прятать ее от кредиторов.

— Так ведь в дом ударила молния. Он сгорел дотла.

— Именно. Но если мы рассуждаем верно, то картина невредима — в каком-нибудь тайнике, в бывшем акведуке, между подвалом Торгенссона и соседним.

— То есть нам только и нужно, что забраться в подвал магазина сотовых трубок.

Пендергаст успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Увы, в магазине нет подвала. Я проверил, когда заходил туда. Должно быть, его засыпали после пожара.

Из д’Агосты словно опять выпустили воздух.

— Тогда какого черта нам делать? Не можем же мы взять бульдозер, снести магазин и раскопать подвал!

— Не можем. Зато можем проникнуть в тайник из соседнего подвала, который, как я убедился, существует.

В глазах агента снова промелькнул блеск, которого недоставало в последние дни, — блеск азарта.

— Я бы не отказался от пончиков, — заявил он. — А вы?

34

Сент-Фрэнсисвилль, штат Луизиана

Доктор философии Моррис Блэклеттер очень осторожно подключил сервопривод к задним колесам. Он проверил их, проверил еще раз, потом вынул USB-кабель из блока контроля направления движения и воткнул его в ноутбук — и включил диагностику. Написал программку из четырех строчек, загрузил ее в блок контроля и запустил. Маленький робот, довольно нелепая конструкция из процессоров, моторчиков, сенсоров, задрал толстенькие колеса, включил передний мотор, поехал по полу и ровно через пять секунд резко остановился.

Это достижение вызвало у Блэклеттера приступ непомерной гордости. За весь свой отпуск — а он и английскими соборами налюбовался, и в полутемных пабах посидел — он ни разу так не наслаждался моментом.

Много лет назад Блэклеттер прочитал научную статью, в которой объяснялось, почему люди, уйдя на покой, часто увлекаются вещами, совершенно отличными оттого, чем они занимались на работе. Это, уныло подумал он, как раз его случай. Долгие годы работы в системе здравоохранения — сначала в «ВНК», потом в фармацевтических и исследовательских фирмах — Блэклеттер был поглощен мыслями о человеческом теле, о том, как оно работает, отчего возникают сбои, как сохранить здоровье или вылечить болезнь. А теперь он играет с роботами — полная противоположность человеческой плоти.

Если робот испортится — его просто выбрасывают и покупают другого. Ни смерти, ни скорби.

Как все это отличается от тех времен, когда он ездил по странам третьего мира, опаленный солнцем, искусанный москитами... да еще повстанцы, да еще продажные чиновники... Иногда и сам больной, он сражался с эпидемиями. Он спас сотни, а может, и тысячи жизней, но гораздо, гораздо больше людей умерли. Не по его вине, конечно. Впрочем, была еще одна вещь, о которой Блэклеттер старался не думать. Именно потому он бежал от плоти и крови и занялся пластиком и кремнием...

Теперь он снова об этом вспомнил. Блэклеттер потряс головой, словно хотел стряхнуть с себя ужасную вину, и посмотрел на робота. Чувство вины медленно уходило — что сделано, то сделано, а его намерения всегда были чисты.

На лице доктора появилась улыбка. Он поднял руку и щелкнул пальцами.

Звуковой сенсор среагировал на звук, и робот повернулся.

— Робо хочет крекер, — проскрипел он безжизненным металлическим голосом.

Испытывая дурацкое удовольствие, Блэклеттер поднялся и прошел в кухню — выпить последнюю чашечку чаю, перед тем как отправиться на боковую. Взявшись за чайник, он замер и прислушался. Вот опять — скрипнуло дерево.

Блэклеттер поставил чайник на стол. Ветер? Нет, ночь стояла тихая, безветренная.

Кто-то на улице? Нет, звук слишком близкий и четкий.

Может, показалось? Такое случается — когда нет живых собеседников, мозг создает собственных. Ведь он же прокопался в своем кабинете несколько часов, а теперь...

Опять скрип. Теперь стало ясно: звук идет из дома.

— Кто это? — крикнул Блэклеттер.

Скрип прекратился.

Грабитель? Маловероятно. По соседству есть дома побольше и побогаче. Тогда — кто?

Скрип возобновился: размеренный, неторопливый, он шел из гостиной у входной двери.

Блэклеттер поискал телефон и увидел только пустую подставку. Черт бы побрал эти беспроводные трубки!.. Куда он ее задевал? Ну ясно — в кабинете, на столе возле ноутбука. Он быстро прошел в кабинет, схватил трубку. И замер. В холле оказался человек. Из темноты выступил высокий мужчина в длинном плотном плаще.

— Что вы делаете в моем доме? — возмутился Блэклеттер. — Что вам нужно?

Незваный гость не отвечал. Он распахнул плащ, обнажив обрез с двумя стволами. Приклад у обреза был черного дерева с резным орнаментом. Стволы слегка блеснули синевой.

Блэклеттер не мог отвести глаз от оружия. Он отступил назад.

— Постойте! Не нужно! Вы совершаете ошибку... мы же можем поговорить...

Стволы дернулись кверху. Громко бабахнуло: выстрелы из обоих стволов прозвучали почти одновременно. Блэклеттер с грохотом обрушился на стену и сполз на пол. С полок посыпались картины в рамках и разные безделушки.

А входная дверь уже закрывалась.

Робот, у которого сработали звуковые сенсоры, повернулся к своему недвижному создателю.

— Робо хочет крекер, — приглушенно сказал он: в его миниатюрный динамик попала капелька крови. — Робо хочет крекер.

35

Порт-Аллен

Насколько вчерашний день был хороший, настолько же сегодняшний — пасмурный и дождливый. Д'Агосту это устраивало — в пончиковой будет меньше посетителей. Новый план Пендергаста вообще вызывал у него глубокие опасения.

«Роллс-ройс» с Пендергастом за рулем, шурша колесами по мокрому асфальту, свернул с 10-й трассы на Порт-Аллен. Д'Агоста сидел рядом с водителем, листая новоорлеанскую газету «Стар Пикайюн».

— Не понимаю — почему ночью-то нельзя? — спросил он.

— В магазине есть сигнализация. И шум тоже услышат.

— Разговаривать лучше вам. Чувствую, мой нью-йоркский акцент здесь не ко двору.

— Отлично, Винсент. — Пендергаст взглянул в зеркало заднего вида.

— Мы не одни? — спросил д'Агоста.

Пендергаст в ответ только улыбнулся. Сегодня на нем был не привычный черный костюм, а рабочая рубашка в клетку и джинсы. Он походил не на владельца похоронного бюро, а на могильщика.

Д'Агоста перевернул страницу и увидел заголовок: «Бывший ученый убит в своей квартире».

— Пендергаст, — сказал он, просматривая строки, — гляньте-ка: этого самого типа, с которым вы хотели поговорить, бывшего босса Хелен, нашли сегодня убитым в его доме.

— Убит? Как?

— Застрелен.

— Полиция подозревает, что это ограбление?

— Тут не написано.

— Он ведь недавно вернулся с отдыха. Жаль, что мы не попали к нему раньше, — он мог сильно пригодиться.

— Кто-то нас опередил. И догадываюсь — кто именно. — Д'Агоста покачал головой. — Может, нам лучше бы вернуться во Флориду и прижать Траппа.

Пендергаст повернул на Корт-стрит и направился вниз, к реке.

— Возможно, — заметил он. — Но у Траппа нет явных мотивов.

— Еще как есть. Хелен могла рассказать Блэклеттеру, что Трапп ей угрожал. — Лейтенант свернул газету и воткнул сбоку за сиденье. — Мы

встречаемся с Траппом. А на следующую ночь Блэклеттера убивают. Вы же сами не верите в совпадения.

Пендергаст задумался, но ничего не сказал. Он свернул с Корт-стрит и втиснул «роллс-ройс» на стоянку в квартале от места назначения. Детективы вышли под моросящий дождь, и Пендергаст открыл багажник. Он вручил д'Агосте желтую строительную каску и большой холщовый мешок. Потом достал еще одну каску и водрузил на голову. Напоследок он вынул пояс с инструментами, в котором торчали фонарики, рулетки, кусачки и тому подобное, и надел его.

— Пойдем? — сказал он.

В пончиковой было тихо: за прилавком стояли две пышные девицы; один-единственный покупатель заказывал десяток шоколадных пончиков с шоколадной глазурью.

Пендергаст подождал, пока покупатель расплатится и уйдет, и шагнул к прилавку, звякнув инструментами.

— Менеджер далеко? — сурово спросил он; интеллигентные интонации мягкого южного выговора сменились простецкими нотками.

Одна из девушек молча ушла в служебное помещение и через минуту вернулась с мужчиной средних лет. Несмотря на прохладный день, он был весь в поту; толстые руки заросли светлым волосом.

— Слушаю, — сказал он, вытирая ладони о засаленный фартук.

— Это вы менеджер?

— Ну?

Пендергаст вытащил корочки из кармана джинсов.

— Мы из окружного департамента строительства, отдел контроля. Меня зовут Аддисон, а моего коллегу — Стил.

Менеджер изучил удостоверение, которое Пендергаст изготовил накануне вечером, и проворчал:

— И что вам нужно?

Пендергаст убрал удостоверение и предъявил какие-то бумажки с печатями.

— Наше учреждение проводит проверку зданий и разрешений на строительство в Сен-Мишеле. Выяснилось, что кое-где, в том числе и у вас, есть проблемы. Серьезные.

Менеджер посмотрел на протянутые ему бумаги и нахмурился.

— Какие такие проблемы?

— Разрешение на строительство оформлено неправильно. Нарушение строительных технологий.

— Не может быть. Нас регулярно проверяют — и пищевики, и санитарный контроль.

— Мы вам не пищевики, — с сарказмом прервал его Пендергаст. — Судя по документам, строительство осуществлялось без должного разрешения.

— Постойте-постойте. Мы тут уже лет десять...

— Как по-вашему, с чего делается проверка? — Пендергаст не переставал трясти бумажками перед потным лицом собеседника. — Обнаружены нарушения. Не исключена коррупция.

— Так вам не со мной нужно говорить. Главный офис...

— Здесь сейчас именно вы. — Пендергаст подался вперед. — Нам нужно попасть в подвал и посмотреть, насколько скверно обстоит дело. — Он убрал бумаги в карман. — Причем немедленно.

— В подвал? Да пожалуйста! — Менеджер истекал потом. — Если и есть какие-то проблемы — это не моя вина. Я лишь наемный работник.

— Вот и хорошо. Пойдемте.

— Джоан, проводи их, а Мери-Кейт обслужит покупателей...

— Нет-нет, — опять прервал его Пендергаст. — Нет, и еще раз нет. Никаких покупателей — пока мы не закончим.

— Никаких покупателей? — переспросил менеджер. — Вообще-то мы торгуем пончиками.

Пендергаст нагнулся к нему.

— Ситуация нехорошая, возможно, даже опасная. Наша проверка показала, что здание с дефектами. Вы обязаны закрыть доступ для покупателей, пока мы не закончим проверку фундамента и несущих конструкций.

— Ну не знаю... — Менеджер нахмурился сильнее. — Я тогда позвоню в главный офис. Мы в рабочие часы никогда не закрывались, а в контракте у меня написано, что...

— Вы не понимаете? Некогда нам ждать, пока вы там будете созваниваться с кем ни попадя. — Пендергаст придвинулся вплотную. — Чего вы уперлись? Представляете, каково будет, если под кем-то из ваших покупателей провалится пол — как раз когда он поедает ваши... —

агент кинул взгляд на вывешенное над прилавком меню, — шоколадно-банановые с двойной глазурью?

Менеджер только головой потряс.

— Вам предъявят обвинение. Лично вам — в преступной небрежности. Убийство второй степени. Может… даже и первой!

Менеджер отступил, хватая ртом воздух; по лицу потекла свежая струя пота.

Пендергаст выдержал напряженную паузу.

— Я вот что сделаю, — неожиданно свеликодушничал он. — Пока вы закрываетесь, мы с мистером Стилом быстренько проверим подвал. Если ситуация не так плоха, как мы полагаем, сможете продолжать бизнес, пока мы делаем полный осмотр.

На лице менеджера выразилось неимоверное облегчение. Он повернулся к своим служащим:

— Мери-Кейт, мы на несколько минут закрываемся. Джоан, проводи людей в подвал.

Пендергаст и д’Агоста прошли следом за Джоан через кухню, кладовую и комнату отдыха к двери без таблички. За ней открылась крутая бетонная лестница, уходящая в темноту. Девушка включила свет, и они увидели целый склад старого оборудования, приготовленного для ремонта: промышленные миксеры, огромные мощные фритюрницы. Подвал был очень старый, фасадные стены сложены из камня и кое-как забелены известью; зато две другие — кирпичные, явно старше и сложены поаккуратнее. У лестницы стояли в ряд контейнеры для мусора, а в углу грудой валялись полотнища брезента и пластиковой пленки.

Пендергаст повернулся к девушке:

— Спасибо, Джоан. Работать мы будем одни. Пойдете — закройте, пожалуйста, за собой дверь.

Девушка кивнула и удалилась наверх.

Пендергаст подошел к одной из кирпичных стен.

— Винсент, — сказал он уже со своим обычным акцентом. — Или я сильно ошибаюсь, или за этой стеной через двенадцать футов есть другая стена, а за ней — фундамент дома Торгенссона. А между ними — секция старого акведука, в которой наш славный доктор, возможно, кое-что спрятал.

Д’Агоста со стуком бросил мешок на пол.

— Думаю, у нас пара минут, не больше, а потом этот осел, который наверху, позвонит своему боссу и полетит дерьмо во все стороны.

— Как вы сочно выражаетесь, — пробормотал Пендергаст, разглядывая кирпичную стену через лупу и постукивая плотницким молотком. — Думаю, я добуду нам чуть больше времени.

— Да ну? И как?

— Придется сообщить нашему приятелю-менеджеру, что положение еще ужаснее, чем мы думали. Нужно не просто закрыть магазин, следует эвакуировать всех сотрудников — пока мы все не проверим.

Легкие шаги Пендергаста стихли наверху. Д’Агоста ждал в холодной тьме. Через миг наверху раздались громкие возмущенные голоса, однако почти так же быстро умолкли. На лестничной площадке возник Пендергаст. Закрыв и тщательно заперев дверь, он спустился и подошел к мешку с инструментами. Порывшись там, он вынул кувалду с короткой ручкой и протянул д’Агосте.

— Ну, Винсент, — сказал он с намеком на улыбку, — уступаю место вам.

36

Д’Агоста поднял кувалду, а Пендергаст придвинулся к стене и стал постукивать по камням — то по одному, то по другому — и внимательно прислушивался. В тусклом свете д’Агоста все время щурился. Через несколько секунд Пендергаст довольно хмыкнул.

— Здесь, — указал он на середину стены.

Д’Агоста приблизился и сделал пробный замах, как отбивающий в бейсболе.

— Я добыл нам минут пять, — сообщил Пендергаст. — Самое большее — десять. А потом наш друг-менеджер непременно вернется. И на этот раз — не один.

Д’Агоста ударил кувалдой в стену. По нужному кирпичу он не попал, но удар был такой силы, что он почувствовал его всем телом. Второй удар получился точнее, третий тоже. Д’Агоста, опустив кувалду, вытер руки о штаны, перехватил рукоять поудобнее и снова взялся за дело. Еще десяток таких же сильных ударов, и Пендергаст жестом велел ему остановиться.

Запыхавшийся лейтенант отступил.

Агент взмахнул рукой, разгоняя цементную пыль. Поводив фонарем по стене, он опять стал постукивать по кирпичам.

— Они уже шатаются. Продолжайте, Винсент.

Д’Агоста шагнул вперед и сделал еще несколько сильных ударов. На последнем раздался громкий треск и один кирпич подался. Пендергаст метнулся вперед с зубилом в одной руке и молотком в другой. Пощупал прогнувшуюся стену и нанес несколько точных ударов по слою старого цемента и известки. Зашатались еще несколько кирпичей, и Пендергаст с усилием выдернул их. Бросив молоток и зубило, он стал водить по стене фонарем. Дыра была размером с пляжный мяч. Агент сунул в нее голову и посветил фонарем по сторонам.

— Ну что там? — спросил д’Агоста.

Пендергаст вместо ответа отступил от стены.

— Еще, пожалуйста. — Он указал на кувалду.

Теперь д’Агоста стучал возле краев дыры, в основном у верхнего. Полетели кирпичи, обломки, куски известки. Наконец Пендергаст сделал знак остановиться. Д’Агоста, тяжело дыша, с радостью повиновался.

Из-за двери над лестницей раздался шум: вернулся менеджер.

Пендергаст подошел к зияющей дыре; д’Агоста топтался сзади. Пронизав тучи пыли, лучи их фонарей осветили за разбитой стеной небольшую полость, шириной футов двенадцать и длиной около четырех футов. Д’Агоста вдруг перестал дышать. Желтый луч уткнулся в плоский деревянный ящичек, прислоненный к дальней стене и укрепленный двумя планками.

«Как раз такого размера, — подумал д’Агоста, — как картина». Больше ничего в облаке пыли он не увидел.

Наверху уже дергали дверную ручку.

— Эй, — раздался напористый голос менеджера. — Какого черта вы там делаете?

Пендергаст быстро огляделся.

— Винсент, — сказал он, направив фонарь на кучу пленки и брезента в дальнем углу. — Быстрее!

Больше ничего говорить не понадобилось. Д’Агоста кинулся в угол, перерыл все и нашел кусок брезента подходящего размера, а Пендергаст нырнул в дыру.

— Я спускаюсь! — крикнул менеджер, тряся дверь. — Откройте!

Пендергаст вытянул ящик из укрытия. Д’Агоста помог ему протащить его через дыру, и вместе они завернули добычу в брезент.

— Я звонил в главный офис в Новом Орлеане, — донесся голос менеджера. — Вы не имеете никакого права закрыть магазин. Они никогда не слыхивали, чтоб явилась так называемая проверка...

Д’Агоста ухватился за один конец ящика, Пендергаст — за другой, и они стали подниматься по лестнице. В замке уже поворачивался ключ.

Поднимаясь из облака пыли, Пендергаст проревел:

— Дорогу!

Деревянный ящик, обернутый брезентом, был у них в руках.

— Дорогу, быстро!

Дверь распахнулась, за ней маячило красное лицо менеджера.

— Что там у вас такое?

— Вещественное доказательство возможного преступления. — Детективы поднялись на площадку лестницы. — Дела ваши все хуже и хуже, мистер... — Пендергаст посмотрел на бейджик менеджера, — мистер Бона.

— Мои? Да я тут только полгода. Меня перевели сюда из...

— Вы — ответственное лицо. Если имело место преступление — а я все больше в этом уверен, — вам придется давать показания. Так как, отойдете, или мне к перечню обвинений добавить сопротивление следственным действиям?

Несколько мгновений никто не шевелился. Потом Бона неохотно шагнул в сторону. Пендергаст пронесся мимо, держа ящик; д’Агоста быстро шел следом.

Выходя на улицу, Пендергаст едва слышно сказал:

— Нужно спешить.

Менеджер уже спускался в подвал, нажимая кнопки телефона.

Детективы побежали к автомобилю. Пендергаст открыл багажник, и они положили в него завернутый в брезент ящик. За ящиком последовали каски и мешок с инструментами.

Захлопнув багажник, оба поспешно сели на передние сиденья. Пендергаст даже не стал снимать монтажный пояс.

Когда агент заводил машину, из пончиковой выскочил менеджер. В руке он все еще сжимал сотовый телефон.

— Эй! — вопил он так, что слышно было за квартал. — Эй, вы! Стойте!

Пендергаст включил передачу и нажал на газ. «Роллс-ройс» с визгом развернулся на сто восемьдесят градусов и понесся в сторону Корт-стрит и автострады.

Пендергаст посмотрел на д'Агосту.

— Отличная работа, дорогой Винсент. — На этот раз он улыбался не слегка, а настоящей улыбкой.

37

Они повернули на Александер-драйв, потом на 10-ю трассу и мост Горация Уилкинсона. Д'Агоста с удовольствием откинулся на спинку сиденья. Внизу катила волны широкая Миссисипи, под свинцовым небом казавшаяся зловещей.

— Так что там, по-вашему? — спросил д'Агоста. — «Черная рамка»?

— Несомненно.

За мостом они въехали в Батон-Руж. Время было полуденное, машин попадалось немного. По переднему стеклу широкими полосами полз дождь, стучал по верху автомобиля. Одна за другой оставались позади машины, идущие на юг. «Роллс-ройс» проехал развязку с 12-й автострадой; д'Агоста беспокойно поерзал. Возможно — всего лишь возможно, — что ждать встречи с Лорой Хейворд осталось не так уж долго. Он и не представлял, какой трудной будет эта вынужденная разлука. Ежевечерние разговоры с ней, разумеется, помогали, но не могли заменить...

— Винсент, — сказал Пендергаст, — посмотрите, пожалуйста, в зеркало заднего вида.

Д'Агоста сначала не увидел ничего особенного, только ряд машин, но потом, когда Пендергаст сменил полосу, еще один автомобиль — седан последней модели, темно-синий или черный — повторил маневр.

Пендергаст чуть прибавил скорость, обошел несколько машин и вернулся на прежнюю полосу. Через минуту-две темный седан сделал то же самое.

— Вижу, — пробормотал д'Агоста.

Прошло несколько минут. Преследователь не отставал, держась сзади и стараясь не мозолить глаза.

— Думаете — менеджер? — спросил д'Агоста. — Бона?

Пендергаст покачал головой.

— Этот тип пасет нас с самого утра.

— Что будем делать?

— Вот выедем из города, а там посмотрим. Местные дороги могут оказаться кстати.

Они проехали луизианский торгово-развлекательный комплекс, несколько парков и загородных клубов. Городские кварталы сменились предместьем, а потом сельскими пейзажами. Д'Агоста вынул свой «Глок», зарядил.

— Это — крайнее средство, — сказал Пендергаст. — Мы не можем рисковать повредить картину.

«А нас повредить — можно?» — подумал д'Агоста. Он посмотрел в зеркало, но разглядеть, кто сидит в темном автомобиле, не смог. Они проехали поворот на Сорренто, и машин стало еще меньше.

— Прижмем его? — спросил лейтенант. — Перехватим инициативу?

— Я предпочитаю оторваться, — сказал Пендергаст. — Вы не поверите, на какие подвиги способен «Роллс-ройс».

— Да, верно...

Пендергаст вдавил педаль в пол и резко повернул руль вправо. «Роллс-ройс», удивительно чуткий для такого большого автомобиля, рванулся вперед, срезал две полосы и, не понижая скорости, пошел по съезду.

Д'Агосту прижало к двери. Посмотрев в зеркало, он увидел, что «хвост» повторил их маневр и, подрезав грузовик, несется вслед за ними к съезду.

В конце съезда Пендергаст, не обращая внимания на останавливающий знак, вылетел на 22-е шоссе, причем зад «Роллс-ройса» занесло на сто двадцать градусов. Взвизгнули шины. Мастерски вписавшись в поворот, Пендергаст перестроился на нужную полосу и снова нажал на газ. Они понеслись по шоссе, оставив позади грузовичок с краской, «Бьюик» и рефрижератор с лангустами. Вслед им неслись возмущенные гудки.

Д'Агоста обернулся. Седан продолжал преследование, уже не скрываясь.

— Еще держится, — сказал лейтенант.

Пендергаст кивнул.

Прибавив скорости, «Роллс-ройс» пролетел через небольшой торговый комплекс — три квартала скобяных лавок и магазинчиков с садовыми инструментами пронеслись одной полосой. Впереди горел светофор — там 22-я трасса пересекалась с шоссе Эйрлайн. Плотный поток машин помигивал тормозными огнями. «Роллс-ройс», чуть подпрыгнув, проскочил железнодорожный переезд и приближался к перекрестку. В этот миг загорелся желтый свет, а за ним и красный.

— Боже мой, — пробормотал д’Агоста, крепко вцепившись в ручку двери.

Мигая фарами и гудя, Пендергаст втиснулся в щель между машинами своего ряда и встречными. Раздался целый хор гудков; «Роллс-ройс» мчался по мокрому асфальту, едва не столкнувшись с огромной фурой, въехавшей на перекресток. Пендергаст даже не убрал ногу с акселератора, и стрелка спидометра уже перескочила за сто.

— Может, лучше остановимся и разберемся с ним? — предложил д’Агоста. — Спросим, на кого он работает.

— Слишком банально. Мы и так знаем, на кого он работает.

Они пронеслись мимо одной машины, другой, третьей — автомобили казались неподвижными пятнами на дороге. Наконец они обогнали всех, и дорога опустела. Жилые дома, офисы, редкие, унылого вида, продуктовые магазинчики остались позади; впереди лежали болота. Промелькнула группа черных деревьев — они стояли, словно часовые под темно-серым небом. Отбивали ритм дворники на ветровом стекле.

Д'Агоста, державшийся за ручку двери, позволил себе слегка ослабить хватку и оглянулся. Все чисто.

Внезапно из-за размытых контуров машин возник знакомый силуэт: темный седан быстро приближался.

— Вот черт! — выругался д’Агоста. — Он проскочил перекресток. Упрямый, гад.

— Значит, то, что ему нужно, у нас, — ответил Пендергаст. — Тем больше оснований не дать ему нас догнать.

Они летели дальше, в болота; дорога сужалась. Д’Агоста все время смотрел назад. «Роллс-ройс» с визгом повернул, и седан пропал из виду — скрылся за поворотом, за высокими болотными травами. «Роллс-ройс» замедлил ход.

— Теперь у нас есть шанс... — начал д’Агоста.

Автомобиль неожиданно резко завалился набок. Д’Агоста с трудом удержался, чтобы не улететь в самый зад машины. Они съехали с шоссе

на узкую грунтовую дорогу, которая, извиваясь, уходила в болота. Грязная щербатая табличка гласила:

«Заповедник Дезмирейл. Проезд только для служебного транспорта»

Они неслись по грунтовой дороге, и машина резко дергалась из стороны в сторону. Д’Агоста то падал на дверь, то парил над сиденьем и только благодаря ремню безопасности не стучал головой о верх. «Еще минута такой езды, — мрачно подумал он, — и переломаем обе оси». Лейтенант отважился посмотреть в зеркало, но из-за изгибов дороги мог видеть не дальше чем на сотню ярдов.

Дорога по-прежнему сужалась; впереди была развилка. От главной дороги отделялась тропа для пешеходов и уходила вдоль протоки, а поперек тропы висела стальная цепь и табличка с надписью «Проезда нет».

Вместо того чтобы замедлить скорость перед поворотом, Пендергаст нажал на педаль.

— Эй, куда?! — завопил д’Агоста. — Господи!

Цепь разлетелась со звуком выстрела. С заросших золотарником полей, с болотных кипарисов взмыла целая туча возмущенно кричащих, галдящих, гогочущих цапель, грифов, уток.

Машина металась — влево, вправо, снова влево; у д’Агосты в глазах все мелькало, дробно стучали зубы.

Они въехали в заросли зонтичной травы, и толстые стебли бились о капот со странным чавкающим звуком. Д’Агосте приходилось участвовать в таких погонях, что дух захватывало, но ничего подобного с ним не случалось. Болотная трава, густая и высокая, не позволяла видеть дальше чем на несколько метров вперед. Однако Пендергаст, вместо того чтобы замедлить ход, включил фары, не снижая при этом скорости.

Д’Агоста держался из последних сил, боясь оторвать взгляд от переднего стекла даже на миг.

— Пендергаст, хватит! — вопил он. — Он отстал! Ради Бога, тормо…

И вдруг, совершенно неожиданно, «Роллс-ройс» выехал на открытое место. Преодолев небольшое возвышение, автомобиль буквально влетел на окруженную глубокими топями площадку, на которой виднелись какие-то строения, ограды и прудики. Только теперь, будучи в состоянии разглядеть окружающее и сориентироваться, д’Агоста понял, как же быстро они ехали. Он увидел большую потрескавшуюся вывеску:

КРОКОВИЛЛЬ, США Экологически чистая ферма аллигаторов Реслинг с аллигаторами, экскурсии Выделка шкур от восьми футов длиной Самые низкие цены Мясо аллигаторов на вес.

Ниже было накарябано от руки:

ЗАКРЫТО НА ЗИМУ.

«Роллс-ройс» стукнулся о землю, резко подскочил и дернулся вперед. Пендергаст неожиданно затормозил, и машина юзом проехала по двору. Взгляд д’Агосты уперся в шаткий деревянный сарай прямо перед ними, покрытый ржавой жестью, с распахнутыми дверями. Табличка на окне гласила: «Цех выделки». Он понял: остановиться они никак не успеют.

Автомобиль, уже тормозя, влетел в сарай и врезался во что-то; д’Агосту вдавило в кожаное сиденье. Наконец машина остановилась. Вокруг нее клубилось огромное облако пыли. Когда вид прояснился, оказалось, что автомобиль въехал в штабель пластиковых контейнеров для мяса и частично их расшвырял. На капот и переднее стекло упали несколько крокодилих туш — бледно-розовых, с белыми прожилками жира.

Наступила тишина. Пендергаст смотрел сквозь переднее стекло, залитое дождем, усыпанное клочками болотной травы и испанского мха, запачканное крокодильими потрохами, а потом взглянул на д’Агосту.

— Не забыть бы, — сказал он сквозь шипение и потрескивание мотора. — Как-нибудь вечерком нужно заказать Морису этуффе из аллигатора. Видите ли, его семья жила на реке Ачафалайя, и у него есть чудесный семейный рецепт.

38

Сарасота

К вечеру небо стало проясняться. В Мексиканском заливе среди неустанно катящихся волн игриво запрыгали проблески лунного света. По небу быстро проносились тучи, все еще разбухшие от воды. Прибой беспрерывно гнал на берег пенистые волны, которые с ревом уползали обратно.

Джон Вудхауз Трапп ничего этого не замечал. Он все время шагал взад-вперед, поминутно останавливаясь — посмотреть на часы.

Уже половина одиннадцатого. Почему же такая задержка? Дело-то нехитрое: пришел, все устроил, ушел. Ему уже доложили, что все на мази, причем с опережением графика — даже лучше, чем он надеялся. С тех пор прошло шесть часов. А теперь, когда надежда воскресла, ожидание стало еще мучительнее.

Трапп подошел к бару, взял с полки хрустальный бокал, бросил в него пригоршню кубиков льда и налил на несколько пальцев скотча. Сделал большой глоток, выдохнул, сделал еще глоток, поменьше. Подошел к белому кожаному дивану, поставил бокал на инкрустированную перламутром подставку, собрался сесть.

Напряженную тишину разорвал телефонный звонок, и Трапп даже подскочил от неожиданности. Он побежал к аппарату, чуть не сшиб бокал, схватил трубку.

— Ну?! — Он запыхался, собственный голос звенел у него в ушах. — Все сделано?

На другом конце провода молчали.

— Алло! У тебя что — дерьмо в ушах? Я спрашиваю — дело сделано?!

Опять молчание. А потом короткие гудки.

Трапп уставился на телефон. Какого такого черта? Этот деловой набивает себе цену? Ладно, мы тоже так умеем. Если кто попробует отыметь Траппа за здорово живешь — пожалеет, что на свет родился.

Трапп присел на диван и сделал глоток виски. Жадный сукин сын на другом конце провода ждет, явно ждет, когда Трапп перезвонит и предложит больше. Да скорее в аду снег выпадет! Трапп знает, почем такая работа, и — а это еще важнее! — знает, где нанять другого работника, поопытнее, если вдруг какие-то колесики перестанут крутиться...

Тут позвонили в дверь.

Трапп позволил себе улыбнуться. Он снова взглянул на часы: две минуты. Только две минуты с того момента, как зазвонил телефон. Значит, сукин сын решил поговорить. Не дурак, однако. Трапп сделал еще глоток, откинулся на си инку.

Опять позвонили.

Трапп не спеша поставил бокал. Пусть теперь мерзавец подергается, его черед. Может, даже удастся сбить цену. Такое и прежде случалось.

Звонок зазвонил в третий раз. Трапп поднялся, провел пальцем по тонким усикам и направился к двери. Распахнул.

И в удивлении отшатнулся. В дверях стоял не гнусный слизняк, которого он ожидал увидеть, а какой-то высокий мужик — глаза темные, красивый, как кинозвезда. На нем был длинный плащ, слегка затянутый поясом. Трапп понял, что совершил серьезную ошибку: не нужно было

открывать. Однако не успел он захлопнуть дверь, как гость шагнул вперед и сам ее закрыл.

— Мистер Трапп?

— А вы кто такой?

Вместо ответа высокий двинулся вперед так резко и решительно, что Траппу пришлось отступить. Испуганные шпицы, поскуливая, убежали в спальню.

Вошедший оглядел Траппа с головы до ног, причем глаза его блеснули — от волнения или злости?

Трапп сглотнул. Он понятия не имел, зачем явился гость, но какой-то инстинкт самосохранения, шестое чувство, которое он развил за годы игр с законом, подсказывало ему: он в опасности.

— Что вам нужно? — спросил Трапп.

— Меня зовут Эстерхази, — ответил тот. — Ничего не напоминает?

Траппу напоминало, и еще как. Тот тип, Пендергаст, тоже называл это имя. Хелен Эстерхази-Пендергаст.

— Впервые слышу.

Гость резким движением развязал пояс, и плащ распахнулся, открыв ружье с обрезанными стволами.

Трапп отпрянул. В крови у него взыграл адреналин, а время словно замерло. Как завороженный, он не мог отвести взгляда от оружия; приклад черного дерева покрывал резной орнамент.

— Постойте, — сказал он. — Погодите… не знаю, в чем дело, но можно же договориться. Я разумный человек. Скажите, в чем дело.

— Речь о моей сестре. Что вы с ней сделали?

— Ничего! Ничего, мы просто поговорили.

— Поговорили? — Эстерхази улыбнулся. — О чем?

— Да ни о чем. Ничего особенного. Вас Пендергаст послал? Я уже рассказал ему все, что знаю.

— А что вы знаете?

— Она хотела посмотреть на картину. В смысле — на «Черную рамку». Сказала, у нее есть теория.

— Теория?

— Не помню я. Правда, не помню. Это же давно было. Поверьте, пожалуйста.

— Я хочу знать про теорию.

— Да я бы рассказал, если бы помнил!

— Вы точно больше ничего не знаете?

— Клянусь, это все, что я помню, все!

— Спасибо.

С жутким грохотом один из стволов изрыгнул дым и пламя. Траппа приподняло, бросило назад и со страшной силой ударило об пол. В груди у него все отнялось, но было совершенно не больно, и на миг возникла сумасшедшая надежда, что Эстерхази промахнулся… И тут Трапп увидел свою разорванную грудь. Словно издалека он смотрел, как стрелок — какой-то слегка расплывчатый, нечеткий — подошел и встал над ним. От его очертаний отделился длинный контур стволов и повис над головой Траппа. Трапп хотел крикнуть, но вдруг почувствовал в горле странное приятное тепло… и голос у него пропал.

А потом опять раздался страшный грохот, полыхнул огонь, и больше ничего не стало.

39

Нью-Йорк

Несмотря на ранний час — четверть восьмого утра, — в отделе убийств кипела работа: там вносили в базу случившиеся ночью убийства — умышленные и непредумышленные, собирались кучками — обсудить, как идут дела с расследованиями.

Капитан Лора Хейворд составляла очередной, на редкость подробный ежемесячный отчет комиссару, которого недавно перевели из Техаса с повышением — приходилось прилагать массу усилий, чтобы ввести его в курс дел.

Дописав и сохранив документ, Лора взялась за свой остывший кофе — за отчетом она просидела больше часа. Как только Лора поставила чашку, у нее зазвонил сотовый телефон — личный, не служебный. Номер его знали только четыре человека: ее мать, сестра, семейный адвокат и Винсент д’Агоста.

Хейворд посмотрела на номер, высветившийся на дисплее аппарата. Будучи ярой поборницей дисциплины, на личные звонки в служебное время она не отвечала. Однако сейчас затворила дверь кабинета и быстро открыла крышку телефона.

— Алло?

— Лора, — раздался в трубке голос д’Агосты. — Это я.

— Винни! Все в порядке? Ты вчера не позвонил, и я немного волновалась.

— Все нормально, извини. Просто вчера… пришлось туговато.

Хейворд села за стол.

— Расскажи.

После небольшой паузы д’Агоста сказал:

— Мы нашли «Черную рамку».

— Ту самую картину?

— Да. По крайней мере, я так думаю.

Особой радости в его голосе не слышалось. Скорее раздражение.

— И где нашли?

— Не поверишь — она была замурована за стеной подвала в магазине пончиков.

— Как же вы ее добыли?

Опять пауза.

— Проломили стену.

— Проломили?

— Ага.

В голове Лоры зазвенел сигнал опасности.

— И как — прокрались туда ночью?

— Нет, вчера после обеда.

— Дальше.

— Все спланировал Пендергаст. Мы прикинулись строительными инспекторами, и он…

— Так, я передумала. Ничего не хочу знать. Давай с того места, как картина оказалась у вас.

— Из-за нее я и не смог позвонить как обычно. Когда мы выехали из Батон-Ружа, за нами шел «хвост». Получилась настоящая погоня — по полям и болотам...

— Постой, Винни! Погоди-ка. — Этого-то она и боялась! — Ты ведь обещал быть поосторожнее, не ввязываться в разные Пендергастовы авантюры!

— Лора, я помню. Я не забыл. — Д’Агоста опять помолчал. — Просто, когда почувствовал, что картина близко — совсем близко, я уже на все был готов, только бы поскорее со всем разделаться и вернуться к тебе.

Хейворд вздохнула.

— А потом что было?

— Мы их стряхнули. Вернулись в Пенумбру уже за полночь. Нашу добычу — деревянный ящик — внесли в библиотеку и поставили на стол. Пендергаст над ним так и трясся. Нет бы открыть ломом — стал возиться со всякими тоненькими проволочками, от которых и ювелир бы ослеп. Прокопались не один час. Картина, наверное, местами отсырела, потому что холст прилип к ящику, пришлось еще дольше отделять.

— Так это она, «Черная рамка»?

— Рамка-то на ней черная, точно. Но холст заплесневел и такой грязный, что ничего не разберешь. Пендергаст взял какие-то щеточки, тряпочки, кучу всяких растворителей и стал ее очищать. Меня к ней даже не подпустил. Минут через пятнадцать очистил маленький кусочек, и тогда...

— Что?

— Вдруг совсем уперся — я и понять ничего не успел, как он меня выпроводил из комнаты и дверь запер.

— То есть как?

— А вот так. И стоял я в холле. Картины так и не видел.

— Я давно говорю — у него не все дома.

— В какой-то степени — да, не спорю. В общем, часа в три ночи я послал все к черту и вырубился. Проснулся только утром. Он все еще там, трудится.

Хейворд постепенно закипала.

— Пендергаст есть Пендергаст. Тоже мне приятель выискался.

Д’Агоста вздохнул:

— Я все время себе напоминаю, что мы расследуем убийство его жены и для него это большой шок. Все-таки он мой друг, пусть и ведет себя странно. — Лейтенант помолчал и спросил: — А как там Констанс?

— Она под арестом, в больнице Бельвю. Я с ней разговаривала. Она утверждает, что бросила ребенка за борт.

— Причину объясняет?

— Да. Якобы младенец — воплощение зла, как и его отец.

— Господи, она и раньше мне казалась ненормальной, но чтобы до такой степени…

— А как Пендергаст воспринял новость?

— Его не поймешь. Внешне держится спокойно, словно его это не касается.

Хейворд хотелось надавить на Винсента, заставить вернуться домой, но она решила не усложнять ему жизнь.

— И еще одна новость, — сказал д’Агоста.

— Какая?

— Помнишь того типа, Блэклеттера? Бывшего босса Хелен Пендергаст в «ВНК»?

— А что с ним?

— Убит у себя дома позапрошлой ночью. Два дробовых патрона двенадцатого калибра; стреляли с близкого расстояния, вышибли ему все кишки.

— Боже мой!

— Это еще не все. Трапп, тот скользкий тип из Сарасоты. Помнишь, он тоже интересовался «Черной рамкой»? Я думал, это он у нас на хвосте, но только что услышал в новостях: его тоже застрелили, как раз вчера, примерно в то время, когда мы добывали картину. И представь — опять два дробовых патрона двенадцатого калибра.

— Есть какие-нибудь догадки?

— Когда я услышал, что Блэклеттера застрелили, думал, за этим стоит Трапп. Но теперь и он мертв.

— Скажи спасибо Пендергасту. Где он, там и все беды.

— Подожди-ка… — д’Агоста пропал секунд на двадцать. — Только что ко мне постучался Пендергаст. Говорит, очистил картину, хочет узнать мое мнение. Лора, я тебя люблю. Вечером позвоню.

И отключился.

40

Плантация Пенумбра

Лейтенант открыл дверь; в устланном роскошными коврами коридоре стоял, заложив руки за спину, Пендергаст. Он до сих пор был в клетчатой рубашке и джинсах, в которых совершал набег на пончиковую.

— Прошу прощения, Винсент, — сказал он. — Мой поступок, должно быть, показался вам верхом грубости и неуважения.

Д’Агоста не ответил.

— Возможно, вы поймете, в чем дело, если взглянете на картину. Не возражаете? — Он сделал приглашающий жест в сторону лестницы.

Д’Агоста двинулся вслед за ним через холл.

— Трапп убит, — сообщил он. — Из такого же оружия, что и Блэклеттер.

— Застрелили? — Пендергаст на миг остановился и тут же пошел дальше, только чуть медленнее.

Из открытых дверей библиотеки лился желтый свет. Картина, прикрытая плотным бархатным покрывалом, стояла в середине комнаты на мольберте.

— Встаньте перед картиной, — попросил Пендергаст. — Мне нужна ваша непредвзятая реакция.

Д’Агоста встал.

Пендергаст подошел сбоку к мольберту и сдернул покрывало.

Д’Агоста в изумлении вытаращил глаза. На картине оказался вовсе не каролинский попугай, и вообще не птица и не животное. На ней была средних лет женщина — обнаженная, худая, она лежала на больничной койке. От крошечного окошка в стене над койкой легла косая полоса света. Женщина скрестила ноги, руки лежали на груди, словно у покойницы. Под пергаментного цвета кожей проступали ребра. Женщина явно была больна, и, возможно, больна душевно. И все же исходил от нее какой-то непостижимый призыв… На маленьком столике стоял графин с водой, а у кровати лежала одежда. Черные волосы рассыпались по наволочке из грубого льна. Крашеные стены, дряблое

тело, скомканные простыни, даже пылинки в воздухе — все прорисовано тщательно, выписано уверенной кистью с безжалостной четкостью — суровое, строгое и грустное зрелище. И хотя д'Агоста в живописи не разбирался, картина потрясла его до глубины души.

— Винсент, — тихонько позвал Пендергаст.

Д'Агоста провел кончиками пальцев по черной рамке картины.

— Не знаю, что и думать, — сказал он.

— Именно. — Пендергаст помедлил. — Когда я начал ее очищать, то прежде всего на свет появилось вот это. — Он показал на глаза женщины, смотрящие прямо на зрителя. — Увидев их, я понял: все наши домыслы неверны. Мне следовало дочистить ее одному; я не хотел показывать вам картину по частям, нужно было, чтоб она предстала пред вами целиком, сразу вся. Мне требовалось увидеть естественную реакцию. Потому я и выставил вас так грубо. Еще раз приношу вам извинения.

— Удивительная вещь... Но вы уверены, что это именно Одюбон?

Пендергаст показал на уголок картины: там была нечеткая подпись. Потом он показал на другой — там съежилась, словно ожидая чего-то, мышь.

— Подпись подлинная. Более того, никто, кроме Одюбона, не мог нарисовать такую мышь. Картина, я уверен, писалась с натуры — в лечебнице. Иначе и быть не может, слишком уж хорошо все подмечено.

Д'Агоста медленно кивнул.

— Я-то не сомневался, что на картине окажется каролинский попугай. А при чем тут голая женщина?

Пендергаст недоуменно развел бледные ладони, и д'Агоста увидел в его глазах разочарование. Отвернувшись от мольберта, агент сказал:

— Винсент, взгляните, пожалуйста, сюда.

На обеденном столе были разложены литографии, гравюры, акварели. С левой стороны лежали зарисовки животных, птиц, насекомых, натюрморты, портреты; сверху — акварель, изображающая мышь. Справа лежали другие рисунки. Они совершенно не походили на первые. Тут были в основном птицы, выписанные с такой точностью, столь живо, что, казалось, вот-вот взлетят с листа. Попадались и животные, и лесные пейзажи.

— Вы видите разницу?

— Еще бы. Слева — барахло, а справа… очень красиво.

— Я взял их в бумагах моего прадеда, — сказал Пендергаст, показывая на грубые зарисовки слева. — Вот это подарил прапрадеду Одюбон, когда жил в доме на Дофин-стрит в тысяча восемьсот двадцать первом году, до того как заболел. Так он рисовал до того, как попал в лечебницу «Мез Сен-Клер». — Затем Пендергаст повернулся к рисункам справа. — А так он рисовал потом. После того, как выписался. Видите загадку?

Д’Агоста никак не мог забыть изображение в черной рамке.

— Он совершенствовал свою технику. Как и все художники. Чего же тут загадочного?

Пендергаст покачал головой:

— Совершенствовал технику? Нет, Винсент, это полная метаморфоза. Настолько усовершенствоваться невозможно. Его ранние зарисовки — убогие, ремесленнические, примитивные, корявые. В них нет ни малейшего намека на художественный дар.

Не согласиться д’Агоста не мог.

— Что же тогда произошло?

Пендергаст посмотрел на рисунки своими светлыми глазами, медленно прошел к креслу, стоявшему перед мольбертом, и сел.

— Эта женщина явно была пациенткой лечебницы. Возможно, ее любил доктор Торгенссон. Возможно, их связывали какие-то отношения. Наверное, поэтому он так упорно цеплялся за картину даже в самой глубокой нищете. К сожалению, это не объясняет, почему же картиной так сильно интересовалась Хелен.

Д’Агоста опять посмотрел на женщину, вытянувшуюся — с какой-то покорностью — на больничной койке.

— А может, она — кто-то из предков Хелен? — спросил он. — Может, она — Эстерхази?

— Я об этом думал, — ответил Пендергаст. — Но все равно — отчего такая одержимость поиском?

— Семья Хелен уехала из Мэна в тяжелых обстоятельствах, — сказал д’Агоста. — Быть может, в семейной истории есть какое-то пятно, которое картина помогла бы смыть.

— Да, но какое? — Пендергаст указал на женщину. — Такой противоречивый образ, я бы сказал, скорее запятнает, а не обелит

семейное имя. Зато теперь можно судить о том, почему никогда не упоминался сюжет картины — такая в ней чувственность и дерзость…

Наступило молчание.

— А зачем она понадобилась Траппу? — вслух поинтересовался д'Агоста. — Ведь это всего лишь картина. Почему же он столько лет ее искал?

— Тут как раз все понятно. Он из рода Одюбонов и считал, что картина принадлежит ему. Она стала для него идеей фикс, наградой стал сам поиск. Думаю, увидев полотно, он удивился бы не меньше нас. — Пендергаст прижал ко лбу кончики пальцев.

Д'Агоста продолжал смотреть на картину. Было в ней нечто, чего он никак не мог осознать. Картина словно пыталась что-то сказать ему. Он уставился на женщину.

И вдруг понял, в чем дело.

— Эта картина… Посмотрите-ка. Она такая же, как и вон те акварели на столе. Которые он написал после.

Пендергаст сказал, не поднимая глаз:

— Боюсь, я не улавливаю вашу мысль.

— Ну вы же сами говорили. Мышь на картине — точно кисти Одюбона.

— Да, очень похожа на тех, что он нарисовал в «Живородящих Северной Америки».

— Вот. А теперь посмотрите на мышь среди ранних рисунков.

Пендергаст медленно поднял голову. Посмотрел на картину, потом на рисунки, повернулся к д'Агосте.

— И что, Винсент?

— Та мышь, ранняя… — д'Агоста махнул рукой в сторону стола. — Я бы никогда не подумал, что ее нарисовал Одюбон. И всю прочую дребедень — натюрморты, зарисовки. Вообще на Одюбона не похоже.

— То же самое говорил и я. В том-то загадка.

— Не уверен.

Пендергаст с любопытством прищурился.

— Продолжайте.

— Значит, у нас есть ранние средненькие рисунки. А потом — вот эта женщина. Что произошло в промежутке?

Глаза у Пендергаста блеснули еще ярче.

— Он заболел!

Д'Агоста кивнул.

— Верно. Его изменила болезнь. Разве может быть другой ответ?

— Блестяще, дорогой Винсент! — Пендергаст шлепнул по подлокотникам и вскочил, зашагал по комнате. — Прикосновение смерти, неожиданное напоминание о том, что мы не вечны, каким-то образом его изменило. Наполнило творческой энергией… Это был переломный момент его карьеры художника.

— Мы все время думали, что Хелен интересовалась сюжетом картины, — сказал д'Агоста.

— Именно. А помните слова Траппа? Хелен не жаждала владеть картиной. Она хотела только посмотреть. Она хотела узнать, когда именно с Одюбоном произошла такая метаморфоза.

Пендергаст умолк, замедлил шаги, а потом остановился. На него как будто нашел какой-то ступор, глаза словно смотрели внутрь.

— Ну вот, — сказал д'Агоста. — Загадка разгадана.

Серебристые глаза посмотрели на него.

— Нет.

— То есть?

— Почему Хелен скрывала все от меня?

Д'Агоста пожал плечами:

— Стеснялась того, как вы познакомились, стеснялась своей маленькой невинной лжи.

— Маленькой невинной лжи? Не верю. Она таилась от меня по куда более серьезной причине. — Пендергаст опять уселся в кресло и вперил взор в картину. — Прикройте ее.

Д'Агоста набросил на картину покрывало. Он уже начинал беспокоиться. Агент казался ему не совсем нормальным.

Пендергаст прикрыл глаза. В библиотеке стояла тишина, нарушаемая тиканьем старинных высоких часов с маятником.

Д’Агоста тоже присел. Иногда Пендергасту нужно дать побыть Пендергастом.

Глаза агента медленно открылись.

— С самого начала мы смотрели на этот вопрос под неверным углом.

— Как так?

— Мы полагали, что Хелен интересовалась художником Одюбоном.

— Ну? А кем же?

— Она интересовалась пациентом Одюбоном.

— Пациентом?

— Вот именно. Это же была ее страсть — медицинские исследования.

— Тогда зачем искать картину?

— Затем, что он написал ее сразу после выздоровления. Она хотела проверить свою теорию.

— Какую теорию?

— Мой дорогой Винсент, известно ли нам, от какой болезни страдал Одюбон?

— Нет.

— Именно. А его болезнь — ключ ко всему! Хелен хотела узнать о самой болезни. О том, как она изменила Одюбона. Ведь именно болезнь, видимо, и сделала гения из весьма посредственного художника. Она знала, что он отчего-то изменился — и потому побывала в Нью-Мадриде, где он пережил землетрясение. Хелен повсюду искала то, что его изменило. И как только она узнала о его болезни, тут-то ее поиски и кончились. Ей нужно было посмотреть на картину и подтвердить свою теорию: болезнь Одюбона каким-то образом изменила его сознание. Она чудесным образом подействовала на его психику.

— Как-то я не врубаюсь.

Пендергаст вскочил.

— И именно потому она скрывала все от меня! Потому что это могло стать важнейшим, ценнейшим открытием в медицинской науке. И наши с ней отношения здесь ни при чем. — В порыве чувств он схватил д’Агосту за руки. — Я так и топтался бы на месте, если бы не ваша, дорогой Винсент, гениальная догадка!

— Ну, это уж вы чересчур…

Отпустив лейтенанта, Пендергаст быстро направился к дверям библиотеки.

— Пойдемте, времени у нас мало.

— А куда мы? — спросил д’Агоста, поспевая за ним. Все еще в недоумении, он пытался проследить ход мыслей своего коллеги.

— Подтвердить ваши подозрения — и узнать в конце концов, что все это значит.

41

Стрелок — он лежал в негустой тени — изменил позу, отпил воды из солдатской фляжки. Потер по очереди виск***и*** надетым на запястье напульсником. Двигался он медленно, методично, полностью погруженный в лабиринт растительности.

Впрочем, предосторожности были излишни: объект его никак не сможет увидеть. Однако годы охоты на другую добычу — четвероногую, самую разную, очень осторожную и сверхъестественно чуткую — приучили его к осмотрительности.

Укрытие нашлось отличное: густой дубовый валежник затянутый, словно пеной, густым испанским мхом; лишь кое-где виднелись небольшие прорехи, в одну из которых стрелок и высунул ствол своего «ремингтона». Отличным оно было потому, что было естественным — в местных лесах и болотах ураган «Катрина» оставил множество подобных следов, и на них никто не обращал внимания.

На это стрелок и рассчитывал.

Дуло «Ремингтона» торчало не больше чем на дюйм. Сам стрелок полностью находился в тени, стволы прикрыл специальным черным неотражающим полимером — а вот объект будет освещен утренним солнцем. Оружия не увидят даже во время выстрела: для этого на дуле установлен пламегаситель.

Свою машину — полноприводный «Ниссан» — стрелок завел в заросли и лежал на площадке, опустив задний борт.

Машина стояла на старой лесовозной дороге, ведущей на восток. Если его кто-то увидит и пустится в погоню, ему хватит тридцати секунд, чтоб добраться до кабины, завести двигатель и рвануть по дороге. Две мили — и он на автостраде, в безопасности.

Сколько придется ждать, снайпер не знал — может, десять минут, а может десять часов, — да и не важно. У него есть стимул, какого никогда раньше не было. Впрочем, нет. Один раз был.

Утро выдалось туманное, росистое, воздух в темном укрытии казался душным и мертвым. Тем лучше. Стрелок опять потер виски. Кругом монотонно гудели насекомые. Суетливо попискивали и шуршали полевки. Должно быть, у них рядом гнездо. В последнее время чертова мелкота расплодилась по всем болотам — прожорливые, как лабораторные кролики, и людей почти не боятся.

Стрелок опять отпил воды, еще раз осмотрел оружие. Двунога была тщательно установлена и закреплена. Открыл затвор, проверил, хорошо ли вставлены патроны — калибра.308, — и закрыл. Как большинство истинных снайперов, он предпочитал винтовки со скользящим затвором — за их точность и устойчивость. Во внутреннем магазине имелось на всякий случай еще три патрона, но благодаря снайперскому стрелковому комплексу достаточно будет одного выстрела, а остальные он даже не собирался использовать.

Важнее всего тут был оптический прицел «Леопольд Марк 4 М1». Стрелок посмотрел в него, подержал крест визира на двери плантаторского дома, затем на дорожке, потом на «Роллс-ройсе».

Семьсот или семьсот пятьдесят ярдов. Один выстрел — одно попадание.

Глядя на автомобиль, снайпер почувствовал, что сердце забилось чуть быстрее. Он еще раз прокрутил в голове свой план: подождать, пока объект сядет за руль и заведет двигатель; автомобиль двинется по закругленной дорожке, и перед поворотом на выезд слегка притормозит — тогда и стрелять.

Снайпер лежал абсолютно неподвижно, стараясь замедлить биение сердца. Нельзя волноваться, нельзя, чтобы его отвлекали разные чувства — нетерпение, злость, страх. Только спокойствие. Оно выручило его раньше, в вельде, в высокой траве, в положении, куда более опасном, чем теперешнее. Глазами он приник к прицелу; палец лег на предохранитель. Стрелок опять напомнил себе, что это — просто задание. Нужно смотреть на все именно так. Сделать последнее дело — и кончено, и теперь уже навсегда.

Словно в награду за его выдержку, дверь открылась, и вышел человек. Снайпер затаил дыхание. То был не объект, а другой — коп. Палец медленно, очень медленно — казалось, он и не двигался — переместился с предохранителя к спуску, такому легкому, что достаточно прикосновения. Приземистый коп постоял на широком крыльце, осторожно огляделся. Снайпер не волновался: укрытие у него надежное.

Из темного дома вышел объект, и оба спустились с крыльца на гравийную дорожку. Снайпер смотрел на них в прицел, держа перекрестие на голове объекта. Он не хотел выстрелить раньше времени; у него отличный план, нужно его придерживаться. Те двое шагали быстро — видно, куда-то спешили.

«Действуй по плану», — приказал себе стрелок.

Он смотрел в прицел, как они подходят к машине. Объект, как и предполагалось, сель за руль, завел двигатель, повернулся и, сказав что-то спутнику, вырулил на дорожку. Снайпер напряженно ждал; он выдохнул, постарался замедлить сердцебиение. В промежутке между ударами сердца он выстрелит.

«Роллс-ройс» на скорости примерно пятнадцать миль описал мягкую кривую и, приблизившись к выезду на дорогу, замедлил ход. Пора. Все приготовления, выдержка, опыт прошлого — все вылилось в этот единый завершающий миг. Объект занял нужную позицию. Легко-легко снайпер коснулся спускового крючка: не нажал, а погладил — потом чуть сильнее, еще сильнее.

И в ту самую секунду по руке его пробежала с удивленным писком и яростным царапаньем коричнево-серая мышь. И одновременно — темное на темном — мелькнула над укрытием большая неровная тень.

«Ремингтон» громко разрядился, произведя легкую отдачу. Стрелок с проклятием отшвырнул мышь и уставился в прицел, одновременно берясь за затвор. В переднем стекле «Роллс-ройса» виднелась дырка — дюймов на шесть выше и левее того места, куда он целился. Машина уходила за поворот; из-под быстро вращающихся колес полетел белым градом гравий. Снайпер, стараясь не паниковать, смотрел на машину через прицел; в перерыве между ударами сердца он опять нажал на спуск.

Однако в тот момент в машине происходило быстрое движение: коп метнулся вперед, схватился за руль, загородил своей тушей стекло. И снова прозвучал выстрел. «Роллс-ройс» развернулся и встал под каким-то странным углом — поперек дороги. По переднему стеклу текла тремя струями кровь, образуя красную перевернутую корону, из-за которой не было видно, что происходит внутри.

В кого хоть он попал?

Тут из машины вылетело облачко дыма, и щелкнул выстрел. Через долю секунды меньше чем в трех футах от стрелка просвистела пуля. Второй выстрел — на этот раз пуля с лязгом ударила в «Ниссан». Снайпер мигом кинулся назад, в кабину. Свистнула еще одна пуля — в тот самый момент, когда он заводил мотор, швырнув винтовку на сиденье рядом с

водительским, где лежало другое оружие: обрез-двустволка с резным орнаментом на прикладе из черного дерева. Дернув передачу и взвизгнув шинами, стрелок рванул по дороге, волоча за собой испанский мох и пыль.

Повернул один раз, другой, разгоняясь до шестидесяти миль в час — хотя дорога тут напоминала стиральную доску. Оружие сползло к нему, и он его отодвинул, набросил сверху красное покрывало. Еще один поворот, опять скрип шин — и вот впереди автострада. Только теперь, оказавшись в безопасности, он позволил прорваться досаде и разочарованию.

— Черт побери! — кричал Джадсон Эстерхази, стуча и стуча кулаком по приборной доске. — Черт, черт побери!!!

42

Нью-Йорк

Доктор Джон Фелдер, сопровождаемый охранником, шел подлинному холодному коридору отделения для заключенных больницы Бельвю. Невысокий, стройный, изящный, Фелдер отлично понимал, как сильно он выделяется на фоне общего убожества и хаоса стражного отделения.[8] Ему предстояла вторая беседа с пациенткой. Во время первой он собрал все основные данные, задал положенные вопросы, сделал все необходимые записи. Как судебный психиатр, Фелдер выполнил все, что требовалось по закону, и составил свое мнение. Он пришел к твердому решению: эта женщина не отличает реальность от вымысла и, стало быть, не может нести ответственность за свои поступки.

И все же доктор испытывал сильное чувство неудовлетворенности. У него было много необычных пациентов. Он видел такое, что видит мало кто из врачей, — самые необычные проявления патологий. Однако с подобным он не сталкивался никогда. Впервые за свою профессиональную карьеру он чувствовал, что не может проникнуть вглубь психики своего пациента — совершенно не может.

Для бюрократических процедур это значения не имело. Техническую часть работы Фелдер выполнил, однако не стал спешить с окончательным выводом и заключением, оставляя себе шанс побеседовать с ней еще раз. «Теперь, — решил доктор, — мы с ней просто побеседуем. Самый обычный разговор, ничего особенного».

Фелдер повернул за угол и опять пошел по бесконечным коридорам. Шум, крики, запахи и звуки стражного отделения почти не доходили до его сознания, занятого таинственной пациенткой. В первую очередь вставал вопрос об установлении личности молодой женщины. Несмотря

на тщательные поиски, сотрудники прокуратуры так и не смогли найти ни ее свидетельства о рождении, ни номера в системе социального страхования, ни каких-либо документов, свидетельствующих о том, что Констанс Грин вообще существует, — лишь несколько намеренно невразумительных бумажек, выданных в Институте Февершема округа Патнэм. Найденный у нее британский паспорт был настоящий, вот только выдал его в бостонском британском консульстве какой-то мелкий чиновник, которого весьма ловко обманули. Казалось, Констанс появилась на свет уже взрослой личностью, словно Афина из головы Зевса.

Слушая эхо своих шагов, Фелдер старался не думать о предстоящем разговоре. Раз уж официальные расспросы поднять завесу не помогли, возможно, подействует непринужденная беседа.

Он повернул за последний угол и оказался у комнаты для свиданий. Дежурный открыл перед ним серую металлическую дверь с маленьким окошечком и проводил в маленькую скромную, но не сказать, чтоб совсем убогую комнатку, в которой стояли несколько стульев и журнальный столик с настольной лампой. На стене висело огромное зеркало. Пациентка уже сидела рядом с полицейским. Когда доктор вошел, оба поднялись.

— Добрый день, Констанс, — бодро сказал Фелдер. — Офицер, снимите, пожалуйста, с нее наручники.

— Мне нужна санкция, доктор.

Фелдер извлек из портфеля бумагу и отдал офицеру. Тот взглянул, что-то согласно пробормотал, снял наручники с пациентки и подвесил к своему ремню.

— Если понадоблюсь — буду за дверью. Просто нажмите на кнопку.

— Благодарю.

Коп вышел, и Фелдер повернулся к пациентке, Констанс Грин. Она стояла перед ним, прямая, в простой тюремной одежде, сложив руки впереди. Доктора опять поразило ее спокойствие и суровый вид.

— Как вы себя чувствуете, Констанс? — спросил он. — Вы садитесь, пожалуйста.

— Прекрасно, доктор. А вы?

— Отлично. — Он улыбнулся и положил ногу на ногу. — Рад случаю с вами повидаться. Мне хотелось кое о чем спросить. Не для протокола. Вы согласны поговорить несколько минут?

— Разумеется.

— Очень хорошо. Надеюсь, я не покажусь излишне любопытным. Наверное, это издержки моей профессии. Не могу сразу отключиться, даже когда все сделаю. Вы родились на Уотер-стрит?

Она кивнула.

— Дома?

Опять кивок.

Доктор посмотрел в свои записи.

— Сестра по имени Мэри Грин, брат — Джозеф, мать — Честити, отец — Гораций. Все верно?

— Совершенно.

«Совершенно». Произношение у нее такое… необычное.

— Когда вы родились?

— Я не помню.

— Помнить вы, разумеется, не можете, но должны же вы знать дату своего рождения?

— К сожалению, нет.

— Наверное, где-то в конце восьмидесятых?

По ее лицу мелькнула тень улыбки — и пропала; Фелдер едва ее заметил.

— Скорее в начале семидесятых.

— Вы же говорили, что вам двадцать три.

— Примерно. Как я уже упоминала, своего точного возраста я не знаю.

Фелдер слегка прокашлялся.

— Констанс, вам известно, что ваша семья не была зарегистрирована на Уотер-стрит?

— Быть может, вы недостаточно тщательно искали.

Он подался вперед.

— По какой причине вы скрываете от меня правду? Помните — я здесь для того, чтобы вам помочь.

Молчание. Он смотрел на фиалковые глаза, прекрасное юное лицо в обрамлении золотистых волос; это незабываемое выражение он помнил с первой встречи: надменность, безмятежное осознание своего

превосходства, возможно, даже презрение. У нее был вид… королевы? Нет, не совсем то. Ничего подобного Фелдер никогда не встречал.

Он убрал свои записи, постарался принять непринужденный вид.

— А как вы стали подопечной мистера Пендергаста?

— Когда умерли мои родители и сестра, я осталась бездомной сиротой. Дом мистера Пендергаста на Риверсайд-драйв… — пауза, — много лет пустовал. Я жила там.

— Почему же именно там?

— Он большой, удобный, там есть где спрятаться. И еще там хорошая библиотека. Когда мистер Пендергаст унаследовал дом, он обнаружил там меня и стал моим официальным опекуном.

— Почему он стал вашим опекуном?

— Из чувства вины.

Молчание.

Фелдер прокашлялся.

— Чувство вины? Почему вы так говорите?

Констанс не отвечала.

— Быть может, мистер Пендергаст — отец вашего ребенка?

На этот раз она ответила, причем неестественно спокойно:

— Нет.

— А каковы ваши обязанности в его доме?

— Я его стенографистка. Помощница. Я знаю языки.

— Языки? И на каких языках вы говорите?

— Только на английском. Я умею бегло читать и писать на латыни, древнегреческом, французском, итальянском, испанском и немецком.

— Интересно. Вы, должно быть, способная ученица. Где вы учились?

— Я училась самостоятельно.

— То есть вы хотите сказать — вы самоучка?

— Я хочу сказать, что училась самостоятельно.

«Неужели такое возможно?» — удивлялся Фелдер. В наши дни, в наш век — неужели кто-то может родиться и вырасти в городе и быть для

властей невидимкой? Неофициальная беседа тоже ни к чему не привела. Пора действовать более прямо, чуть надавить на пациентку.

— Как умерла ваша сестра?

— Ее убил серийный убийца.

Фелдер помедлил.

— Полиция об этом знает? Убийцу нашли?

— Нет и нет.

— А ваши родители? С ними что случилось?

— Они оба умерли от чахотки.

Тут Фелдер воспрянул. Это проверить легко, в Нью-Йорке все случаи смерти от туберкулеза тщательно регистрируются.

— В какой больнице они умерли?

— Ни в какой. Где умер отец, мне неизвестно. Знаю только, что мать умерла прямо на улице и ее похоронили в общей могиле кладбища для бедных, на Харт-Айленде.

Констанс сидела, сложив руки на коленях.

— Вернемся к вашему рождению, — разочарованно продолжил Фелдер. — Вы не помните даже в каком году родились?

— Нет.

Фелдер вздохнул.

— Мне хотелось бы задать несколько вопросов о вашем ребенке.

Констанс молчала.

— Вы бросили его в море, потому что он — само зло. Почему вы так решили?

— Таким был его отец.

— А вы расскажете мне, кто он?

Никакого ответа.

— Значит, вы считаете, что зло можно унаследовать?

— В геноме человека существуют совокупности… наборы генов, которые отвечают за криминальные склонности, и они передаются по наследству.

Вы, конечно же, читали о недавних исследованиях «черной триады» в человеческом характере?

С этим исследованием Фелдер был знаком; такой ясный и грамотный ответ его удивил.

— И потому вы решили убрать из генофонда его гены, бросив ребенка в Атлантический океан?

— Верно.

— А его отец? Он жив?

— Он умер.

— Каким образом?

— Был низвергнут в пирокластический поток.

— Низвергнут… куда, простите?

— Это геологический термин. Он упал в вулкан.

Доктору потребовалось время, чтобы вникнуть в ее слова.

— Он был геологом?

Никакого ответа. С ума можно сойти — вот так топтаться и топтаться по кругу и ничего не добиться!

— Вы сказали «низвергнут». То есть его туда столкнули?

И снова никакого ответа. Понятно: дикая фантазия, которую не следует поощрять и развивать.

Фелдер сменил тему:

— Констанс, когда вы бросили ребенка за борт, вы понимали, что совершаете преступление?

— Естественно.

— Вы подумали о последствиях?

— Да.

— То есть вы понимали, что убивать ребенка — неправильно?

— Напротив. Это был единственный правильный выход, единственный возможный.

— Почему единственный?

Последовало молчание. Со вздохом, чувствуя, что опять ловил черную кошку в темной комнате, доктор закрыл блокнот и поднялся.

— Спасибо, Констанс. Наше время истекло.

— Пожалуйста, доктор Фелдер.

Доктор нажал кнопку. Дверь немедленно отворилась, вошел полицейский.

— Я закончил, — сказал Фелдер. Он повернулся к Констанс Грин и вдруг сказал то, чего не собирался: — На днях поговорим с вами еще.

— С большим удовольствием.

Шагая подлинному коридору стражного отделения, Фелдер засомневался в верности своего первоначального вывода. Она, разумеется, не нормальна, но можно ли говорить о психическом нездоровье с точки зрения ответственности перед законом? Если отнять от ее личности все нормальное, все предсказуемое, присущее здоровому человеку, что останется? Ничего.

Только ее личность. То есть — ничего.

43

Батон-Руж

Лора Хейворд двигалась по второму этажу центральной больницы Батон-Ружа, стараясь не переходить на бег. Она все контролировала: и дыхание, и выражение лица, и жесты. Все. Уезжая из Нью-Йорка, она облачилась в джинсы и рубашку, волосы распустила, форму брать не стала. Здесь она — частное лицо, и только.

Мимо проносились врачи, сестры, просто служащие; Лора спокойно приблизилась к двойным дверям, ведущим в хирургическое отделение, толкнула створки, стараясь удерживать медленный и размеренный шаг. Справа была стойка администрации, но Лора, проигнорировав вежливое «Чем могу помочь?», шагала вперед. Она вошла в комнату ожидания; в другом конце поднялась одинокая мужская фигура

и направилась к ней.

Лора плавно отвела назад правую руку и ударила Пендергаста в челюсть.

— Ублюдок!

Он отшатнулся, но защититься не пытался. Хейворд ударила снова.

— Ублюдок, заносчивый эгоист! Мало тебе было испортить ему карьеру, теперь ты его угробил, сукин сын!

Она замахнулась и ударила в третий раз, но теперь он поймал ее руку, слово в тиски, повернул Лору к себе и мягко, но сильно обхватил. Сопротивлялась она недолго. Гнев и ненависть растаяли так же быстро, как пришли. Лора обмякла в руках Пендергаста; она совершенно выдохлась. Он усадил ее в кресло. Она едва воспринимала окружающую суету, топот бегущих шагов, крики. Подняв голову, Лора увидела, что рядом стоят три охранника, что-то кричат, приказывают, не слушая друг друга, а за ними стоит сестра, закрыв ладонью рот.

Пендергаст показал всем свой жетон.

— Я сам разберусь. Не беспокойтесь.

— Но ведь на вас напали, — сказал охранник. — У вас кровь.

Пендергаст сердито шагнул к ним.

— Я справлюсь сам. Спасибо вам, что так быстро среагировали. Доброго всем вечера.

После некоторого замешательства охранники ушли, оставив одного, который встал у дверей комнаты, подозрительно глядя на Хейворд.

Пендергаст присел рядом с ней.

— Он уже несколько часов в хирургии. Как я понимаю, положение весьма серьезное. Я попросил известить меня, как только будет что-то ясно... О, вот и хирург.

В комнату с мрачным видом вошел доктор. Он перевел взгляд с Хейворд на Пендергаста, у которого по лицу текла кровь, но комментировать не стал.

— Особый агент Пендергаст?

— Да. А это капитан Хейворд из нью-йоркской полиции, близкий друг пациента. Можете говорить с нами совершенно откровенно.

— Понятно... — Врач посмотрел на планшет, который держал в руке. — Пуля вошла под углом сзади, задела сердце и застряла в ребре.

— Сердце? — переспросила Хейворд; она, хотя уже взяла себя в руки и привела в порядок мысли, едва вникала в слова доктора.

— Среди прочего пуля частично разорвала клапан аорты; поступление крови к сердцу ограничено. Мы как раз пытаемся зашить клапан и не дать сердцу остановиться.

— А каковы его шансы… шансы выжить? — спросила Хейворд.

Хирург замялся.

— Раз на раз не приходится. Хорошо то, что пациент не успел потерять много крови. Пройди пуля на полмиллиметра ближе — пробила бы аорту. Правда, сердце серьезно повреждено. Однако если операция пройдет удачно, у него будут все шансы полностью поправиться.

— Послушайте, — сказала Хейворд. — Я — коп. Не нужно топтаться вокруг да около. Я хочу знать, каковы его шансы.

Врач смотрел на нее светлыми запавшими глазами.

— Операция очень сложная и долгая. Пока мы говорим, там работает бригада лучших хирургов штата. Однако даже при самых благоприятных обстоятельствах — крепкий пациент, отсутствие осложнений… такая операция не часто проходит удачно. Это все равно, что ремонтировать работающий автомобильный мотор.

— Не часто? — Хейворд вдруг стало нехорошо. — Как это понимать?

— Я не знаю, существует ли статистика, но я, как хирург, дам в лучшем случае процентов пять… или меньше.

Последовало долгое молчание.

«Пять процентов или меньше…» — повторила про себя Лора.

— А как насчет пересадки сердца?

— Если бы у нас было сердце — подходящее и готовое к операции, тогда — да. Но у нас его нет.

Хейворд нащупала подлокотник и опустилась в кресло.

— У мистера д’Агосты есть родные, которых следует известить?

Лора ответила не сразу.

— Бывшая жена и сын… в Канаде. Больше никого. И не «мистер», а «лейтенант д’Агоста».

— Прошу прощения. Теперь — извините, мне пора в операционную. Операция продлится не меньше восьми часов — если все пойдет хорошо. Вы можете ждать здесь, только новости будут не скоро.

Хейворд слабо кивнула. У нее в голове не укладывалось. Казалось, она растеряла все способности нормально мыслить.

Доктор слегка тронул ее за плечо.

— Скажите, а лейтенант — человек верующий?

Она не сразу поняла вопрос, потом ответила:

— Католик.

— Может, стоит пригласить больничного священника?

— Священника? — Лора неуверенно посмотрела на Пендергаста, не зная, что ответить.

— Да, — сказал Пендергаст. — Нам очень бы хотелось, чтобы пришел священник. Мы хотим с ним поговорить. И, учитывая обстоятельства, попросите его, пожалуйста, провести соборование.

Вдруг раздалось негромкое пиканье; врач автоматическим движением снял с ремня пейджер. Тут же включилась система оповещения, и мягкий женский голос из невидимых динамиков произнес:

— Синий код, операционная два-один. Синий код, операционная два-один. Бригаде пройти в операционную два-один.

— Простите, — торопливо сказал врач. — Мне нужно идти.

44

С мелодичным сигналом система оповещения отключилась. Хейворд сидела на месте, словно окаменев. Мысли ее блуждали. Она не могла заставить себя взглянуть на Пендергаста, на сестер — только на пол. Думала она лишь о том, какое выражение лица было у доктора, когда он уходил.

Спустя пять минут явился священник — с черным портфелем, похожий больше на врача, — невысокий человек с седыми волосами и аккуратно подстриженной бородкой. Пронзительными птичьими глазками он посмотрел на Лору, потом на Пендергаста.

— Я — отец Белл. — Он поставил портфель и протянул ладошку Хейворд, но, вместо того чтобы пожать ей руку, ласково коснулся пальцев. — Вы, значит...

— Капитан Хейворд. Лора Хейворд. Я... близкий друг лейтенанта д’Агосты.

Отец Белл слегка поднял брови.

— Так вы сотрудник полиции?

— Нью-йоркское управление.

— Он ранен при исполнении?

Хейворд замялась.

— В какой-то степени, — мягко вмешался Пендергаст. — Я — особый агент ФБР Пендергаст, коллега лейтенанта.

Священник бодро кивнул и пожал ему руку.

— Я пришел, чтобы совершить над лейтенантом д'Агостой надлежащие таинства, в частности помазание болящего.

— Помазание болящего… — повторила Хейворд.

— Мы обычно называем его соборованием, но слово это неточное. Понимаете, таинство помазания совершается во имя жизни, а не смерти, оно врачует от телесных недугов, — негромко, мелодично продолжил священник.

Хейворд опустила голову, сглотнула.

— Надеюсь, вы не против, что я вдаюсь в детали? Мой приход иногда пугает людей. Священника якобы зовут, только если кто-то при смерти, но это отнюдь не так.

Хейворд, хоть она и не была католичкой, успокоила его прямота.

— А «синий код», который объявили… Он не означает…

— С лейтенантом работает бригада отличных хирургов. Если есть возможность его спасти, они спасут. Если нет… на все Божья воля. А теперь скажите — могут ли у лейтенанта быть причины не желать соборования?

— По правде говоря, он никогда не был ревностным католиком. — Хейворд растерялась. Она и не помнила, когда Винни в последний раз ходил в церковь. И все же сама мысль о том, что его посетит священник, как-то утешала… да и д'Агосте это, наверное, понравилось бы. — Я бы не отказалась. Винсент бы это одобрил.

— Ну и хорошо. — Священник взял ее за руку. — А вам я могу чем-нибудь помочь? Может, вам нужно о чем-то распорядиться? Позвонить? Не хотите ли исповедаться? У нас при госпитале есть часовня.

— Нет, спасибо. — Хейворд посмотрела на Пендергаста, но тот промолчал.

Отец Белл взял свой черный портфель и пошел по коридору в служебную зону — шагом бодрым и уверенным, слегка даже торопливым.

Лора закрыла лицо руками. Пять процентов… или меньше. Один шанс из двадцати. Слабая надежда, которую принес священник, улетучилась.

Лучше бы ей свыкнуться с мыслью, что Винни ничего этого не понадобится. Погибнуть вот так, впустую! Ему даже сорока пяти нет... Тут же нахлынули воспоминания, обрывочные, тяжкие; плохие воспоминания — терзали, хорошие... мучили еще больше.

Откуда-то издалека раздался голос Пендергаста:

— Я хочу, если все кончится плохо, чтоб вы знали: Винсент отдал жизнь не просто так.

Хейворд, не отвечая, смотрела сквозь пальцы на пустой коридор, в сторону, куда ушел священник.

— Капитан, офицер полиции каждый день рискует жизнью. Вас могут убить в любой момент, где угодно, при любых обстоятельствах — будь то бытовая ссора или задержание террориста. Смерть на службе всегда почетна. Винсент выполнял самый почетный долг — он помогал покарать виновного. В расследовании этого убийства его помощь оказалась жизненно необходимой, решающей.

Хейворд ничего не сказала. Она никак не могла забыть про «синий код». С того момента прошло четверть часа. Быть может, священник опоздал.

45

Саут-Маунтин, штат Джорджия

Дорога вышла из леса и поднялась на вершину горы. Джадсон Эстерхази остановился у края поляны — как раз вовремя, чтобы увидеть, как за поросшие соснами холмы, заливая туманный вечер красноватым сиянием, опускается солнце. Белым золотом посверкивало в сумерках озеро.

Джадсон даже не запыхался. Саут-Маунтин — горы лишь по названию, «лежачий полицейский» да и только; узкая и длинная гряда, а сверху — пятачок голого гранита с остатками старой пожарной вышки.

Поднявшись, Джадсон огляделся. Никого. Он прошел мимо сосен, двинулся по заросшей дороге к вышке и скоро добрался до развалин. Прислонился к ржавой металлической опоре, достал из кармана трубку и кисет, набрал табаку, уминая его большим пальцем; ноздри ему защекотал запах латакии. Потом стряхнул приставшие к ободку крупинки, щелкнул зажигалкой и поднес огонь к трубке — все медленными, спокойными движениями.

В сумерках поплыл голубой дымок. Только Эстерхази закурил, как на дальнем конце с южной стороны поляны возникла фигура. К вершине Саут-Маунтин вели несколько дорог — с разных трасс.

Аромат дорогого табака, успокаивающее воздействие никотина и привычный ритуал успокоили Джадсона. Он не стал следить за приближающейся фигурой, а повернулся на запад; над холмами, где только что было солнце, разливалось оранжевое сияние. Джадсон не отводил от него глаз, пока не услышал шорох шагов по траве и прерывистое дыхание. Тогда он и повернулся к человеку, которого не видел лет десять. Тот почти не изменился, несмотря на второй подбородок и слегка поредевшие волосы: все такой же крепкий и жилистый. На нем были хлопчатобумажная рубашка и дорогие болотные ботинки.

— Добрый вечер, — сказал пришедший.

Эстерхази приветственно помахал трубкой.

— Привет, Майк.

Майк встал против света, и лицо его оказалось в тени.

— Похоже, — начал он, — ты хотел слегка подчистить, а вместо того напачкал еще больше.

Эстерхази не желал, чтобы с ним так разговаривали, тем более — Майк Вентура.

— Когда речь идет о Пендергасте, подчищать приходится не «слегка», — жестко сказал он. — Случилось как раз то, чего я столько лет боялся. Нужно было что-то делать — и я сделал. По сути, это твоя работа. Только ты еще больше дров наломал бы.

— Вряд ли. В таких делах я спец.

Воцарилось долгое молчание. Эстерхази слегка затянулся, выдохнул тонкую струйку дыма, пытаясь успокоиться.

— Много времени прошло, — сказал Вентура. — Давай не будем спешить.

Эстерхази кивнул.

— Я просто... Я думал, все уже в далеком прошлом. Давно похоронено.

— Никогда это не будет в прошлом. Пока есть Испанский остров.

На лице Эстерхази выразилась озабоченность.

— Все в порядке, так?

— Да.

Опять молчание.

— Слушай, — начал Вентура уже мягче. — Я знаю, что тебе нелегко. Ты принес самую большую жертву, и мы тебе очень благодарны.

Эстерхази вынул трубку изо рта.

— Давай к делу, — сказал он.

— О'кей. Только я хочу понять. Вместо того чтобы убить Пендергаста, ты убил его напарника.

— Д’Агосту. Тоже хорошо — не будет путаться под ногами. И еще пару помех я убрал — Траппа и Блэклеттера. Этих двоих давно следовало изъять из обращения.

Вентура сплюнул в траву.

— Я с тобой не согласен, — сказал он. — И всегда был против. Блэклеттеру за молчание хорошо заплатили. А Трапп причастен лишь косвенно.

— Все равно его следовало убрать.

Вентура только головой покачал.

— Теперь сюда явилась подружка д’Агосты. Подружка, которая, между прочим, самый молодой капитан отдела по расследованию убийств полицейского управления Нью-Йорка.

— И?.. — холодно осведомился Эстерхази. — Майк, ты понятия не имеешь, насколько этот Пендергаст опасен. Я его хорошо знаю. Нужно было действовать немедленно. К сожалению, с первого раза его убить не удалось. Вторая попытка будет гораздо труднее. Ты понимаешь или нет, что тут либо мы, либо он?

— И много ему известно?

— Он нашел «Черную рамку», ему известно про болезнь Одюбона, и как-то он разузнал про семью Доан.

Вентура резко втянул воздух.

— Не морочь голову! Что именно он знает про Доанов?

— Трудно сказать. Он был в Санфлауэре. Заходил в дом. Он умный и упрямый. Не сомневайся: он знает — или узнает — все.

— Вот сукин сын. Как же они докопались?

— Не имею представления. Мало того что Пендергаст — блестящий сыщик, теперь у него есть личный мотив, да еще какой!

Вентура покачал головой.

— А сейчас он дудит в уши этой капитанше о своих подозрениях — так же как до того своему напарнику д’Агосте. Они обязательно нанесут визит нашему общему другу — это лишь вопрос времени.

Пауза.

— Думаешь, он проводит расследование официально?

— Непохоже. Скорее — на общественных началах. Вряд ли другие в курсе.

Вентура на миг задумался и сказал:

— Значит, будем заканчивать.

— Точно. Убери и Пендергаста, и капитаншу. И побыстрее. Всех убей.

— А коп, в которого ты попал, д’Агоста, — он точно умер?

— Думаю, да. Получил в спину пулю. — Джадсон нахмурился. — Если он сам не умрет, придется протянуть ему руку помощи. Это оставь мне.

Вентура кивнул.

— А я подтянусь с прочими.

— Делай. Помощь нужна? Деньги?

— Деньги не проблема, сам знаешь. — Вентура двинулся через поле — к розовому вечернему небу, и вскоре его силуэт исчез вдалеке за соснами.

Джадсон Эстерхази еще минут пятнадцать постоял, прислонившись к башне, покуривая трубку и размышляя. Наконец он выбил пепел о железную перекладину и убрал трубку в карман. Он еще раз взглянул на тающий на западе свет, повернулся и пошел вниз — к дороге по другую сторону горы.

46

Батон-Руж

Сколько прошло времени — пять часов, а может, пятьдесят, — Лора Хейворд не знала. Медленную череду минут прерывали зловещие сигналы системы оповещения, резкие торопливые голоса, писк приборов. Иногда рядом появлялся Пендергаст. Сначала Лора желала, чтобы время шло побыстрее. После некоторого ожидания ей захотелось задержать бег минут. Чем дольше Винсент д’Агоста лежит на операционном столе, тем меньше у него шансов выжить.

Потом — совершенно неожиданно — рядом возник хирург. Голубой халат на нем измялся, сам он побледнел и осунулся. Позади него стоял отец Белл.

При виде священника сердце у Лоры куда-то нырнуло. Она знала, что этот миг настанет. И вот он настал, и она боялась не выдержать. Нет, нет, не может быть...

Пендергаст взял ее за руку.

Доктор прокашлялся.

— Я пришел сказать, что операция прошла хорошо. Сорок пять минут назад мы закончили и все это время его наблюдали. Признаки обнадеживающие.

— Я вас провожу к нему, — сказал отец Белл.

— Одну минуту, — остановил доктор. — Он едва пришел в сознание и очень слаб.

Лора сидела, оторопев, ничего не понимая. Пендергаст что-то говорил, но слова до нее не доходил и. Потом она почувствовала, как ее поднимают — агент с одной стороны, священник — с другой — и ведут по коридору. Они повернули налево, потом направо, шли мимо закрытых дверей, залов с носилками и креслами на колесах. Затем они оказались в небольшом помещении, перегороженном ширмами. Сестра отодвинула одну, и за ней был Винни. Он лежал с закрытыми глазами; к нему подключили десяток аппаратов. Под простыней извивались трубки: плазма, физраствор. Несмотря на плотное телосложение, д’Агоста сейчас казался каким-то тонким и хрупким.

Лора задержала дыхание. И тут его веки, дрожа, поднялись и опустились, потом снова поднялись. Он по очереди посмотрел на пришедших и наконец увидел Лору.

Глядя на д’Агосту, она почувствовала, что последние остатки самообладания — командирской ясности духа, которой она всегда так гордилась, — рассыпались в прах. По щекам покатились горячие слезы.

— Винни! — зарыдала она.

Глаза д'Агосты наполнились слезами. И медленно закрылись.

Пендергаст успокаивающе обнял Лору, и на миг она прислонилась лицом к его рубашке — подчинилась чувствам, дала волю слезам. Только теперь, когда Лора увидела Винни живым, она окончательно осознала, что чуть не потеряла его.

— Боюсь, вам нужно уходить, — тихонько сказал врач.

Хейворд выпрямилась, вытерла глаза и издала долгий прерывистый вздох облегчения.

— Он еще в тяжелом состоянии. У него серьезно повреждено сердце. При первой же возможности требуется пересадка клапана аорты.

Хейворд отодвинулась от Пендергаста, еще раз взглянула на д’Агосту и отвернулась.

— Лора... — прохрипел вдруг он.

Она оглянулась. Винсент все еще лежал с закрытыми глазами. Показалось?

Д’Агоста слегка шевельнулся, веки, дрогнув, поднялись. Губы шевелились, но беззвучно.

Хейворд шагнула к койке и наклонилась, и он почти неслышным шепотом произнес:

— Мою работу доделай.

47

Плантация Пенумбра

В большом камине в библиотеке развели огонь. Хейворд наблюдала за Морисом, который подавал им послеобеденный кофе. Старый сгорбленный дворецкий двигался по комнате без всякого выражения на лице. Он старался не смотреть на синяк на подбородке у Пендергаста. Наверное, за годы службы старикан частенько видел своего хозяина слегка подпорченным.

Дом и окружение были как раз такими, как она представляла: покрытые испанским мхом древние дубы, галерея с белыми колоннами, потемневшая старинная мебель. Имелось даже семейное привидение, которое, как уверил ее старый дворецкий, бродит по болотам, — еще один непременный штрих. Единственное, что удивляло, — запущенное состояние Пенумбры. Это казалось странным — ведь денег у Пендергаста полно. Впрочем, Хейворд гнала подобные мысли: дела Пендергаста и его семьи совершенно ее не касаются.

Вчера вечером, перед тем как уехать из больницы, Пендергаст расспросил Хейворд о кое-каких подробностях ее беседы с Констанс Грин. Потом он предложил ей пожить в Пенумбре. Хейворд отказалась — она предпочитала остаться в гостинице, поближе к медицинскому центру.

Однако визит к д’Агосте на следующее утро только подтвердил слова доктора: поправляться пациент будет медленно и долго. С работы Хейворд отпросится без проблем — у нее накопилось навалом выходных, но невыносимо же торчать целыми днями в гостиничном номере. И потом — агент настоял, чтобы Винни из соображений безопасности, как

только позволит его состояние, перевели в охраняемое отделение: туда Лору уже не пустят.

В то утро, придя ненадолго в сознание, Винни опять просил ее взяться за расследование и полностью добить это дело. И потому, когда Пендергаст после завтрака прислал за ней машину, Хейворд решила принять его приглашение и выписалась из гостиницы. Она еще не дала согласия помогать, но решила выяснить подробности. Кое-что д’Агоста уже рассказывал ей по телефону. Обычное пендергастовское расследование: сплошные тупики, тыканье вслепую, противоречивые улики — все собрано воедино путем сомнительных умозаключений.

Однако в Пенумбре, когда Пендергаст рассказал все — начал за ужином, закончил во время кофе, — Хейворд поняла, что в его нелепой истории есть некая логика.

Агент рассказал о своей жене, которая увлеченно изучала Одюбона, о том, как они с д’Агостой узнали о ее странном интересе к каролинскому попугаю, рассказал о «Черной рамке», о попугае Пончике и о жуткой судьбе семейства Доан. Пендергаст прочитал отрывок из дневника младшей Доан — страшную повесть о впадении в безумие. Передал беседу с Траппом, еще одним охотником за «Черной рамкой», недавно убитом, как и бывший начальник Хелен в «ВНК» — Моррис Блэклеттер. Напоследок он рассказал о своих открытиях и выводах, благодаря которым и нашлась «Черная рамка».

Когда Пендергаст наконец умолк, Хейворд откинулась на спинку кресла и, попивая кофе, стала перебирать в уме все эти странные факты, искать логические связи, недостающие звенья, почти ничего не находя. Чтобы заполнить пробелы, придется выполнить уйму работы.

Лора посмотрела на картину, известную под названием «Черная рамка». На нее падал слабый свет огня, но детали были хорошо различимы: женщина на койке, пустая комната, белая холодная нагота тела. Картина, мягко говоря, нервирует.

Она перевела взгляд на Пендергаста, одетого в свой обычный черный костюм.

— Значит, вы считаете, что ваша жена заинтересовалась болезнью Одюбона? Болезнью, которая превратила его в творческого гения.

— Да, путем неизвестного психического эффекта. Для человека с ее интересами это было бы важным научным открытием.

— И картину она искала только для того, чтобы подтвердить свою теорию?

Пендергаст кивнул:

— «Черная рамка» — связующее звено между ранним, посредственным Одюбоном и Одюбоном поздним, гениальным. Доказательство случившегося с ним превращения. Но самое главное в этой загадке — птицы.

— Птицы? — нахмурилась Лора.

— Каролинские попугаи. И попугай Доанов.

Хейворд и сама тщетно пыталась понять их связь с болезнью Одюбона.

— И что?

Пендергаст отпил кофе.

— Полагаю, мы имеем дело с необычным случаем Grippus avium.

— То есть? Птичий грипп?

— Такова, я думаю, болезнь, поразившая Одюбона, едва его не убившая и способствовавшая его творческому расцвету. Ее симптомы — сильный жар, головная боль, лихорадка, кашель — характерны для гриппа. Одюбон заразился, препарируя каролинского попугая.

— Подождите. Откуда вы знаете?

В ответ Пендергаст достал тетрадь в потертом кожаном переплете.

— Это дневник моего прапрадеда Боэция Пендергаста. Он дружил с молодым Одюбоном.

Открыв тетрадь на странице, заложенной шелковой закладкой, агент отыскал нужные строки и прочел:

Август, двадцать первое.

Д. Д. О. опять был у нас вечером. А до того он занимался препарированием двух каролинских попугаев — это птицы с любопытной окраской, ничем более не примечательные. Он изготовил из них чучела, набил кипарисовыми опилками.

Мы отобедали и пошли прогуляться по парку. В половине одиннадцатого или около того он ушел. На следующей неделе О. намеревается предпринять путешествие вверх по реке, у него будто бы там какие-то дела.

Пендергаст закрыл дневник.

— Одюбон в путешествие так и не отправился. На следующей неделе у него появились признаки болезни, из-за которой он и попал в лечебницу «Мез Сен-Клер».

Хейворд кивнула на тетрадь:

— Думаете, ваша жена это читала?

— Уверен. Зачем тогда ей было похищать образцы каролинского попугая — те самые, которые препарировал Одюбон? Она хотела проверить их на вирус птичьего гриппа. — Агент сделал паузу. — И не только проверить. Она надеялась извлечь живой вирус. Винсент сказал, что от похищенных образцов осталось несколько перьев. Утром я съездил на плантацию Окли, очень осторожно изъял их и отдал исследовать, чтобы подтвердить свое предположение.

— Это не объясняет, какое отношение имеет к делу семья Доан.

— Скорее всего Доаны заболели той же болезнью, что и Одюбон.

— Почему вы так считаете?

— Слишком много совпадений, капитан, другого и быть не может: неожиданный расцвет творческих способностей, а потом — полный распад психики. Совпадений много — и Хелен о них знала. Потому она и забрала у них птицу.

— Когда она забирала попугая, Доаны были еще здоровы. Они не болели гриппом.

— В одном из дневников Доанов мимоходом упоминается, что вскоре после появления птицы вся семья переболела гриппом.

— Боже…

— А потом, довольно быстро, у них стали проявляться блестящие творческие способности. — Он опять сделал паузу. — Хелен поехала к ним забрать птицу, я уверен. Быть может, хотела предотвратить распространение болезни. Ну и, конечно, проверить птицу и подтвердить свою теорию.

Вспомните, что писала Карен Доан в дневнике про Хелен. Та была в кожаных перчатках и птицу вместе с клеткой спрятала в пластиковый мешок для мусора. Зачем? Я сначала думал — чтобы не держать на виду. Но нет, она просто боялась заразиться сама или занести инфекцию в машину.

— А кожаные перчатки?

— Разумеется, для того, чтобы скрыть надетые под ними резиновые. Хелен хотела избавить людей от инфекции. Без сомнений, и клетку, и птицу, и мешок потом сожгли, после того, разумеется, как взяли все образцы.

— Сожгли? — переспросила Хейворд.

— Обычная процедура. И все образцы тоже сожгли.

— Зачем? Ведь если Доаны заразились, они могли передать инфекцию и другим. Сжечь птицу — все равно что запирать конюшню, когда коня уже украли.

— Не совсем. Видите ли, птичий грипп легко передается от птицы к человеку, но с большим трудом от человека к человеку. Соседям ничто не грозило. А для самих Доанов было уже поздно.

Пендергаст допил кофе.

— Однако остается главная загадка: откуда прилетел попугай Доанов? — сказал он. — И, что еще важнее, каким образом он стал носителем инфекции?

Несмотря на скептическое отношение ко всей истории. Лоре стало интересно.

— Быть может, вы ошибаетесь. Вирус находился в латентном состоянии, птица заразилась естественным путем.

— Маловероятно. Не забывайте — попугай был окольцован. Нет, этот вирус тщательно искали, а потом модифицировали в лабораторных условиях — с помощью материала, полученного от похищенных образцов. А потом привили живой птице.

— Значит, птица улетела из лаборатории.

— Именно. — Пендергаст поднялся. — Остается самый главный вопрос: как все это связано с гибелью Хелен, с недавними убийствами и с покушением на нас, и связано ли вообще?

— А вы не забыли еще один вопрос? — спросила Хейворд.

Пендергаст посмотрел на нее.

— Хелен украла попугаев, которых препарировал Одюбон и от которых предположительно заразился. Хелен побывала у Доанов и похитила их попугая, поскольку, как вы говорите, знала, что он заражен. Вывод: Хелен и есть связующее звено. Разве вам не интересно, какую роль она играла в этом исследовании и заражении птицы?

Пендергаст отвернулся, но Хейворд успела заметить на его лице выражение боли и почти пожалела, что спросила.

В комнате опять повисла пауза. Наконец агент повернулся к собеседнице:

— Нам нужно начать с того места, где мы с Винсентом остановились.

— Нам?

— Я полагаю, вы выполните его просьбу. Мне нужен подходящий партнер. А вы, я припоминаю, как раз из этих мест. Уверяю вас, вы отлично справитесь.

До чего же раздражало его высокомерие и покровительственные интонации! А еще Хейворд отлично знала про его нетрадиционные методы расследования, легкомысленное отношение к существующим правилам и привычку обходить законы. Просто отвратительно, можно сказать — невыносимо! Она испортит себе карьеру. Хейворд ответила на его настойчивый взгляд. Если бы не этот человек, Винни не лежал бы сейчас на больничной койке, смертельно раненный, не ждал бы пересадки клапана.

Вот только... Винни сам попросил ее. Два раза.

Хейворд поняла, что уже приняла решение.

— Ладно. Я помогу вам расследовать дело. Ради Винни, не ради вас... — Она помедлила. — У меня есть условие. И оно не обсуждается.

— Конечно, капитан.

— Вы должны пообещать, что когда — или если — мы найдем человека, виновного в смерти Хелен, вы не станете его убивать.

Пендергаст замер.

— Вы же понимаете, что речь идет о хладнокровном убийстве моей жены.

— Я не верю в самосуд. Слишком уж много ваших подследственных не доживает до суда. На этот раз пусть решает закон.

Опять пауза.

— То, о чем вы просите... выполнить нелегко.

— Иначе я не участвую, — просто сказала Хейворд.

Пендергаст долго смотрел на нее. А потом — почти незаметно — кивнул.

48

В темном гараже за машиной, накрытой белым полотняным чехлом, прятался человек. Было семь вечера; солнце уже зашло. Воняло полировочной пастой, моторным маслом, резиной. Вынув из-за ремня девятимиллиметровую полуавтоматическую «Беретту», человек открыл магазин, очередной раз убедился, что тот полон. Сунув пистолет обратно

за ремень, он покрутил кистями рук, сжимая и разжимая пальцы. Объект может явиться в любой момент. По затылку у него тек пот, в затекшем бедре дергался нерв, но он ничего не чувствовал — так сосредоточился на предстоящем деле.

Фрэнк Хадсон рыскал по плантации Пенумбра уже два дня, изучал местность, передвижения людей. К его удивлению, тут не оказалось никакой охраны: по утрам дверь отпирал странноватого вида подслеповатый дворецкий, на ночь он же запирал, причем так регулярно, что впору часы проверять. Главные ворота, хоть и притворенные, днем не закрывались на засовы, и их никто не охранял. Тщательные поиски не выявили ни камер наблюдения, ни сигнализации, ни сенсоров, ни инфракрасных лучей. Ветхий плантаторский дом стоял далеко от разбитой дороги, и полицейских патрулей можно было не опасаться. Кроме объекта, в доме почти никто не жил — только старый слуга и хорошенькая женщина с шикарной фигурой — ее Хадсон видел несколько раз.

Объект, человек по имени Пендергаст — единственный, кто нарушал строгое расписание Пенумбры, — уходил и возвращался в любое время. И все же Хадсон, пронаблюдав достаточно долго, установил, что некая закономерность в его передвижениях есть, и связана она с вином. Если шаркающий дворецкий начинает готовить еду и откупоривает бутылку, значит, Пендергаст явится домой не позднее половины восьмого — к ужину. А если дворецкий вино не открывает, значит, Пендергаст ужинает не дома и вернется поздно, а то и вовсе не вернется.

Сегодня на сервировочном столике красовалась откупоренная бутылка — Хадсон увидел ее через окно столовой. Он посмотрел на часы. Потом прокрутил в уме, как все будет, что нужно делать. И замер: снаружи раздался шорох колес по гравию. Ну все. Хадсон затаил дыхание и ждал. Машина остановилась перед гаражом, звук мотора изменился. Дверь машины открылась, раздались шаги. Потом раскрылись двери гаража — сначала одна створка, затем другая: дверь была не автоматическая. Шаги направились к машине, хлопнула дверь, и мотор заработал чуть громче. В гараж, наполнив его светом фар и ослепив Хадсона, вполз капот «Роллс-ройса». Через миг фары погасли, мотор умолк, и гараж погрузился в темноту.

Хадсон поморгал, пытаясь восстановить зрение. Сжав рукоять пистолета, он вытянул его из-за ремня и осторожно двинул рычажок предохранителя. Теперь он ждал, когда объект включит свет в гараже, но ничего не происходило.

Пендергаст вроде бы сидел в машине. Почему? Сердце у Хадсона заколотилось; он старался контролировать дыхание и сохранять ясность

мысли. Спрятался он хорошо: развернул чехол до самой земли, так что даже ног было не видно.

Может, Пендергасту позвонили по сотовому? Или он просто решил немного посидеть и отдохнуть, как делают некоторые, прежде чем выйти из машины.

С бесконечной осторожностью Хадсон высунул голову из-за чехла: в сумраке вырисовывались очертания неподвижного «Роллс-ройса», тишину нарушало только тиканье остывающего мотора. За темными стеклами ничего не было видно.

Хадсон ждал.

— Потеряли запонку? — спросили сзади.

С изумленным воплем Хадсон вскочил, рука инстинктивно дернулась, выстрел в маленьком гараже прогремел как взрыв. Хадсон попытался обернуться, но почувствовал, что из руки у него выкручивают пистолет, а горло сжимают железной хваткой; затем его развернули и прижали к машине.

— «В человеческой жизни, сей великой игре, — продолжил голос, — иной начинает как простофиля, а кончает как негодяй».[9]

Хадсон тщетно пытался вырваться.

— А каково, друг мой, ваше место в сем славном диапазоне?

— Не знаю, что вы там несете, — едва сумел выдохнуть Хадсон.

— Если будете держать себя в руках, я вас выпущу. Расслабьтесь.

Хадсон перестал дергаться и сразу почувствовал, что хватка противника ослабла — теперь он мог пошевелить руками и ногами. Повернувшись, Хадсон оказался лицом к лицу с Пендергастом — одетым в черное высоким человеком, светлые волосы которого светились в темноте, словно у призрака. В руке он держал нацеленный на Хадсона его собственный пистолет.

— Простите, мы еще не представлены. Моя фамилия — Пендергаст.

— Клал я на тебя, Пендергаст.

— Это выражение, употребленное в ругательном смысле, я всегда находил весьма необычным. — Пендергаст оглядел Хадсона с головы до ног и сунул его пистолет себе за ремень. — Не продолжить ли нам разговор в доме?

Хадсон уставился на агента.

— Прошу. — Пендергаст жестом указал на боковую дверь.

Помедлив, Хадсон подчинился. Быть может, удастся что-нибудь выгадать. Он вышел — Пендергаст шагал следом, — и по гравийной подъездной дорожке направился к облезлому крыльцу. Дворецкий открыл дверь.

— Джентльмен к нам? — спросил Морис, надеясь на отрицательный ответ.

— Только на несколько минут, Морис. Мы выпьем по рюмочке хереса в кабинете.

Пендергаст жестом показал Хадсону дорогу в небольшую гостиную. В камине там горел огонь.

— Садитесь.

Хадсон осторожно присел на старый кожаный диван. Пендергаст уселся напротив, посмотрел на часы.

— У меня всего несколько минут. Спрашиваю еще раз: ваше имя?

Хадсон попытался взять себя в руки и приспособиться к новому повороту событий. Он все еще надеялся что-нибудь выгадать.

— Имя не имеет значения. Я — частный детектив, работал на Траппа. Хватит с вас и этого, а остальное — не ваше дело.

Пендергаст снова оглядел его.

— Картина у вас, я знаю, — продолжал Хадсон. — «Черная рамка». И знаю, что вы убили Траппа.

— Как вы догадливы.

— Трапп мне задолжал. Я лишь хочу получить свое. Вы платите — я забываю про смерть Траппа. Понятно?

— Да. Вы решили экспромтом организовать шантаж. — Бледное лицо Пендергаста растянулось в улыбке, открывающей белые ровные зубы.

— Просто хочу взять свое. И заодно вам помочь — если вы улавливаете мою мысль.

— Мистер Трапп плохо разбирался в людях.

Не совсем понимая, к чему это сказано, Хадсон наблюдал за Пендергастом; тот вынул пистолет, проверил магазин и нацелил оружие на собеседника. Тут вошел дворецкий, неся серебряный поднос с двумя маленькими рюмками, наполненными хересом; одну за другой он поставил их на стол.

— Морис, херес, видимо, не понадобится. Я провожу этого джентльмена на болота, прострелю ему затылок его же пистолетом, а крокодилы уничтожат все улики. К ужину вернусь.

— Как вам угодно, сэр, — отвечал дворецкий, убирая рюмки, которые только что поставил.

— Хватит ерунду пороть, — сказал Хадсон, у которого вдруг заболела рука. Наверное, ее слишком сильно вывернули.

Пендергаст словно и не слышал. Он поднялся, повел пистолетом.

— Идемте.

— Не будь идиотом, ты же потом не расхлебаешь. Меня ждут мои люди. Им известно, где я.

— Ваши люди? — Опять эта бледная улыбка. — Бросьте, мы оба знаем, что вы свободный художник и никому не сказали, куда отправились. Вперед, в болота!

— Постойте. — Хадсон запаниковал. — Вы делаете ошибку!

— Вы думаете, убив одного человека, я не захочу убить другого, который узнал о моем преступлении и теперь требует денег? Встать!

Хадсон подскочил.

— Пожалуйста, выслушайте! Забудьте про деньги, я просто хотел объяснить.

— Нет необходимости. Вы даже не назвались, за что я, впрочем, благодарен. Мне всегда как-то неловко помнить имена людей, которых я убил.

— Хадсон, — быстро сказал тот. — Фрэнк Хадсон. Прошу вас, не надо.

Пендергаст дернул в его сторону дулом и подтолкнул к двери. Хадсон словно зомби вышел в холл, а потом, через переднюю дверь, на крыльцо. Снаружи царила ночь, глубокая и черная, наполненная кваканьем лягушек и пением сверчков.

— Господи, не надо! — Теперь Хадсон понял, какую ужасную ошибку совершил.

— Попрошу не останавливаться.

У Хадсона подогнулись колени, и он опустился на деревянный пол.

— Пожалуйста. — По лицу у него текли слезы.

— Тогда прямо здесь. — В затылок Хадсону уперлось холодное дуло. — Придется Морису прибрать.

— Не надо! — простонал Хадсон.

Пендергаст взвел курок «Беретты».

— Почему это?

— Когда меня не найдут, копы обнаружат мою машину. Ома недалеко, и полиция непременно сюда заявится.

— Ваш автомобиль я уберу.

— Там останутся образцы вашей ДНК, этого не избежать.

— Тогда Морис уберет. Между прочим, у меня есть друзья в полиции.

— Болота прочешут.

— Как я уже сказал, вашим трупом займутся аллигаторы.

— Мало же вы знаете о трупах, если так говорите. У них есть привычка всплывать — несколько дней, а то и недель спустя. Даже в болоте.

— Только не в моем болоте и не у моих аллигаторов.

— Аллигаторы не уничтожат костей — кости целиком выйдут через кишечник.

— Ваши познания в биологии впечатляют.

— Послушайте. Копы выяснят, что я работал на Траппа, свяжут Траппа с вами и вас — со мной. Я тут недалеко заправлялся, платил кредиткой. Поверьте, они все прочешут.

— И как же меня свяжут с Траппом?

— Свяжут, и не надейтесь, — с жаром выпалил Хадсон. — Я знаю все. Трапп мне рассказал о вашем визите. Как только вы ушли, он свернул все свои дела с мехами. Рисковать он не стал: как только вы ушли, схватился за телефонную трубку.

— А как насчет «Черной рамки»? Это вы за ней охотились?

— Да. Трапп нарочно вас науськал. Хотел, чтобы вы ее нашли. Понимал: там, где он сел в лужу, у вас хватит ума добиться своего. Вы на него произвели впечатление. Только полицейские все равно раскопают, если еще не раскопали; они узнают, каких дел вы наворотили в пончиковой. Поверьте, если я исчезну, они явятся сюда с поисковыми собаками.

— Они не свяжут меня с Траппом.

— Свяжут обязательно. Он говорил — вы обвиняли его в убийстве вашей жены. Да вы по уши завязли!

— А Трапп убил мою жену?

— Сказал — нет, никакого отношения не имел.

— Вы ему верите?

Хадсон старался говорить как можно быстрее, у него сильно колотилось сердце.

— Трапп был не убийца, хотя и не святой — так, мелкий проныра, жулик, интриган. У него бы духу не хватило кого-нибудь убить.

— В отличие от вас. Вы прятались в моем гараже с пистолетом.

— Нет-нет! Я не хотел убивать, только договориться. Я просто частный детектив, который пытается заработать на жизнь. Вы должны мне поверить! — Голос у него надломился.

— Должен? — Пендергаст убрал пистолет. — Можете встать, мистер Хадсон.

Хадсон поднялся. По лицу у него текли слезы, он весь трясся, но ему было все равно. Ведь появилась надежда!

— Вы чуть-чуть умнее, чем я предполагал. Вместо того чтобы вас убивать, пойдемте-ка лучше в дом, выпьем херес и обсудим условия вашего найма.

Хадсон, сидя на диване у камина, истекал потом. Он был выжат, опустошен, зато жив; он дрожал, словно только что заново родился и ходил по земле другим человеком.

Пендергаст со странной полуулыбкой откинулся на спинку кресла.

— Теперь, мистер Хадсон, если вы согласны на меня работать, вам придется все мне рассказать. Про Траппа, про ваше задание.

— Трапп позвонил мне после вашего визита, — зачастил Хадсон. — Вы его серьезно напугали разговорами про незаконный ввоз меха. Он решил немедленно заморозить все дела на неопределенный срок. А еще сказал, что вы напали на след «Черной рамки» и я должен за вами последить; если вы найдете картину, забрать ее у вас.

Сложив ладони домиком, Пендергаст смотрел поверх них на Хадсона.

— Как я уже упоминал, Трапп хотел, чтобы вы привели его к «Черной рамке». Я следил за вами, видел как вы поработали в пончиковой. Рванул следом, но вы ушли.

Пендергаст кивнул.

— Я пошел отчитаться перед Траппом, нашел его уже мертвым. Распахали его хорошо — два выстрела дробовыми патронами. Он мне задолжал за работу пять кусков плюс расходы. Я понял — вы его убили. Вот и решил вас. Навестить, взять то, что мне причитается.

— Увы, Траппа убил не я. С ним покончил кто-то другой.

Хадсон кивнул, не зная — то ли верить, то ли нет.

— А что вам известно о его бизнесе?

— Мало. Он занимался нелегальной торговлей — шкуры продавал. Но самым важным для него была «Черная рамка». Он на ней помешался.

— А каким образом он вас нанял, мистер Хадсон?

— Я — бывший коп; из-за диабета меня перевели на бумажную работу. А я такой работы не выношу, вот и стал частным детективом. Лет пять тому назад. Я много работал на Траппа, в основном приглядывал за его... партнерами по бизнесу и поставщиками. Он всегда смотрел, с кем связывается. На этом рынке полно копов под прикрытием и аферистов. Он в основном имел дело с каким-то типом по имени Виктор.

— Виктор — а дальше?

— Фамилию я не знаю.

Пендергаст взглянул на часы.

— Пора ужинать, мистер Хадсон. Сожалею, не могу вас пригласить.

Хадсон тоже сожалел.

Пендергаст вынул из кармана тонкую пачку купюр.

— По поводу того, что задолжал вам Трапп, говорить не буду, — сказал он. — А вот это — за первые два дня работы. По пятьсот в день, плюс расходы. Теперь вы работаете без оружия и работаете исключительно на меня. Понятно?

— Да, сэр.

— К востоку от Черной Топи есть городок под названием Санфлауэр. Достаньте карту, начертите окружность радиусом пятьдесят миль с центром в Санфлауэре и узнайте обо всех фармацевтических компаниях и исследовательских лабораториях, существовавших в пределах этой окружности за последние пятнадцать лет. Я хочу, чтобы вы заехали в каждую из них — под предлогом, что вы сбились с пути. Подберитесь как можно ближе, но границ не нарушайте.

Никаких записей, фотографий — все держать в голове. Выполните и доложите мне в течение двадцати четырех часов. Таково ваше первое задание. Вам понятно?

— Да, сэр. Спасибо, — согласно закивал Хадсон.

Открылась входная дверь, в холле послышались голоса: кто-то пришел.

Плата за такое пустяковое дело оказалась больше, чем частный детектив получал от Траппа. И хорошо, что не придется забираться в саму Черную Топь; слишком много слухов ходило про это место.

Пендергаст проводил его до дверей кухни. Хадсон вышел в ночь; сыщика переполняла глубокая благодарность к человеку, который пощадил его жизнь.

49

Сент-Фрэнсисвилль, штат Луизиана

Вслед за полицейской машиной Лора Хейворд ехала на юг, в сторону Миссисипи. За рулем автомобиля Хелен Пендергаст — коллекционного «Порше» с откидным верхом — она чувствовала себя неловко, как-то слишком на виду. Агент ФБР предложил ей машину своей жены с такой любезностью, что у Хейворд не хватило духу отказаться.

Двигаясь по извилистой дороге, над которой нависали ветви дубов и ореховых деревьев, Лора вспоминала свою первую работу в новоорлеанском отделении полиции. Хейворд была там всего лишь помощником диспетчера, но именно тогда утвердилась в своем желании стать копом. Это произошло еще до того, как она отправилась на север, в Нью-Йорк, чтобы поступить в колледж уголовного права имени Джона Джэя, а потом получить работу в транспортной полиции. Прошло без малого пятнадцать лет, почти ничего не остаюсь от ее южного акцепта: Хейворд до мозга костей стала дочерью Нью-Йорка.

Вид Сент-Фрэнсисвилля — белые, крытые жестью домики с галереями и тяжелый аромат магнолий — растопил ее нью-йоркский панцирь. К ее удивлению, дела в местной полиции решились без всякой бюрократической волокиты, с которой она столкнулась во Флориде, когда в отделе убийств пыталась добыть сведения про Траппа. Все-таки есть что сказать о галантности старого Юга.

Полицейская машина свернула с дороги; Хейворд последовала за ней и припарковала «Порше» рядом, у скромного невысокого домика с аккуратными клумбами, возле которого росли две магнолии.

К дому Блэклеттера Лору провожали сержант из отдела убийств и простой полицейский. Первого звали Кринг; вид он имел на редкость

серьезный и к работе относился с чрезвычайным рвением. Его подчиненный, рыжеволосый и краснолицый Филд, все время потел.

Домик был, как и его соседи, выбелен известью, чистый, ухоженный. Ветер оторвал один конец ленты ограждения, и она реяла над лужайкой, обвивала столбики крыльца. Замок на двери был запечатан оранжевой лентой.

— Капитан, будете осматривать участок или пойдем в дом? — осведомился Кринг.

— В дом.

Вслед за копами Хейворд поднялась на крыльцо. Ее неожиданный визит в полицию Сент-Фрэнсисвилля стал событием, правда, поначалу не слишком радостным. Никого не привело в восторг появление капитана из Нью-Йорка, да еще женщины, да еще без всяких официальных полномочий — приехала на кричаще-дорогой машине и расспрашивает про местное убийство; хоть бы ради приличия позвонили заранее, эти северяне.

Однако Хейворд, непринужденно поболтав о прежней работе в Новом Орлеане, развеяла их настороженность и стала здесь своей. Во всяком случае, так ей хотелось думать.

— Сейчас пройдемся, — сказал Кринг, разрезая карманным ножичком ленту на замке. Дверь тут же распахнулась: замок был сломан.

— А как же?.. — Д’Агост, указывая настоящий у входа ящик с разовыми бахилами.

— Незачем, — ответил сержант. — Криминалисты уже обследовали место преступления.

— Как скажете.

— Дело-то несложное, — пояснил Кринг, когда они вошли в прихожую. Воздух в доме был несвежий, слегка затхлый.

— В каком смысле «несложное»? — не поняла Хейворд.

— Очевидное убийство с целью ограбления.

— Почему вы так решили?

— В доме все вверх дном, забрали уйму всякой электроники — плазменный телевизор, пару компьютеров, стереосистему. Да сейчас сами увидите.

— Да, конечно.

— Преступление совершено между девятью и десятью вечера. Злоумышленник, как вы, наверное, заметили, проник внутрь с помощью монтировки, прошел через холл в кабинет — вон туда; Блэклеттер возился там со своими роботами.

— Роботами?

— Он роботами увлекался. Хобби.

— Значит, грабитель прямиком пошел отсюда в кабинет?

— Похоже. Видно, услышал, что хозяин там, вот и решил с ним разделаться, прежде чем обобрать дом.

— А машина Блэклеттера стояла у дома?

— Да.

Вслед за Крингом Хейворд вошла в кабинет. Длинный стол был завален железными и пластмассовыми деталями, проводами, платами, разнообразными механическими штуковинами. На полу темнело большое пятно, шлакобетонную стену испещряли дробинки и брызги крови. Кругом виднелись нарисованные мелом стрелки и пометки.

«Из дробовика, — подумала Хейворд. — Как Траппа».

— Стреляли из обреза, — сообщил Кринг. — Судя по следам крови и рассеиванию дроби — дробовые патроны двенадцатого калибра. Дробь крупная.

Хейворд кивнула. Она разглядывала дверь кабинета: толстая, металлическая, изнутри — слой звукоизоляции. На потолке и стенах тоже звукоизоляция. Интересно, Блэклеттер, когда работал, закрывал дверь? Если он был человек аккуратный — а похоже, что так, — то скорее всего закрывал, чтобы в кухню не летела пыль и мусор.

Сержант продолжил объяснение:

— Застрелив жертву, взломщик вернулся в кухню — там обнаружены кровавые отпечатки ботинок, — а потом через холл прошел в гостиную.

Хейворд хотела кое-что сказать, но прикусила язык. Тут, конечно, не ограбление, но говорить об этом не стоит.

— А можно взглянуть на гостиную?

— А как же. — Кринг повел ее через кухню в холл, потом в гостиную. Тут ничего не прибирали, везде был беспорядок. Секретер стоял выпотрошенный, кругом валялись письма и фотографии. Грабитель сбросил книги с полок, распорол диван.

В стене, где раньше крепился кронштейн телевизора, зияла дыра.

Хейворд заметила на полу старинный серебряный нож для разрезания бумаг — с рукояткой, инкрустированной опалом. В кабинете осталось множество золотых и серебряных вещиц: пепельницы, шкатулки, чайнички, ложки, подносы, колпачки для свечей, чернильницы, статуэтки — все очень хорошей работы, многие с инкрустацией из драгоценных камней. Все это добро просто расшвыряли по полу.

— А из серебра и золота что-нибудь пропало? — поинтересовалась Хейворд.

— По-видимому, нет.

— Странно.

— Подобные вещи сбыть нелегко, особенно в наших краях. Преступник скорее всего наркоман, который искал какое-нибудь барахло, чтоб загнать за дозу.

— То есть Блэклеттер был известным коллекционером?

— Да, конечно. Он даже в местное историческое общество вступил и время от времени жертвовал что-нибудь в музей. Он собирал серебро начала девятнадцатого века.

— Откуда же у него деньги?

— Ну, он же врач все-таки.

— Как я понимаю, он работал в организации «Врачи на крыльях» — некоммерческой и небогатой. А это серебро стоит целое состояние, и коллекция, похоже, нетронута.

— После «ВНК» он работал консультантом в разных фармацевтических компаниях. В здешних краях их несколько — оплот местной экономики.

— А досье на доктора у вас есть? Мне бы хотелось посмотреть.

— Оно у нас в отделе. Вернемся — сделаю вам копию.

Хейворд задержалась в кабинете. Ее не покидало какое-то чувство неудовлетворенности, как будто она что-то проглядела. Взгляд ее остановился на разбросанных по полу фотографиях в серебряных рамках, которые, видимо, стояли раньше на книжной полке.

— Вы позволите?

— Пожалуйста. Криминалисты уже все прочесали мелким гребнем.

Хейворд подобрала с пола несколько снимков. На большинстве из них скорее всего были родственники и друзья. На некоторых — сам

Блэклеттер: в Африке, ведет самолет, делает прививки местным жителям, позирует на фоне передвижной больницы. Кое-где доктор снялся в обществе привлекательной светловолосой женщины на несколько лет моложе его; на одном снимке он ее даже обнимал.

— Доктор Блэклеттер был женат?

— Ни разу, — ответил Кринг.

Хейворд повертела снимок в руках. При падении на пол стекло в рамке треснуло. Она вытащила фотографию и посмотрела на оборот, где виднелась надпись, сделанная размашистым почерком с завитушками: *«Моррису, на память о полете над озером. С любовью, М.»*.

— Можно это взять? Только фотографию.

— Ну... — замялся сержант. — В таком случае ее следует зарегистрировать в списке вещдоков. А зачем вам она?

— Снимок может иметь отношение к моему расследованию. — Хейворд все время старалась не проговориться о своем настоящем расследовании, и здешние копы, сделав несколько несмелых попыток выяснить правду, тактично прикрыли тему.

Теперь Кринг вернулся к этому вопросу.

— Если вы, конечно, не возражаете — мы тут призадумались, отчего вдруг капитан из нью-йоркского отдела убийств интересуется таким рядовым случаем. Мы не собираемся выпытывать, мы хотим знать, чем вы занимаетесь, чтобы вам помочь.

Больше Хейворд увиливать не могла и решила пустить их по ложному следу.

— Речь идет о терроризме.

Пауза.

— Понятно.

— Терроризм... — Стоявший у нее за спиной Филд впервые подал голос. Он ходил за ними так тихо, что Хейворд почти забыла о его присутствии. — Я слышал, у вас в Нью-Йорке этого дела хватает.

— Да, — подтвердила Хейворд. — Сами понимаете, я не могу вдаваться в подробности.

— Конечно.

— Мы о таких вещах не распространяемся. Потому-то я здесь неофициально.

— Ну разумеется, — сказал Филд. — А роботы к делу имеют отношение?

Хейворд подарила ему мимолетную улыбку.

— Чем меньше про это говорить, тем лучше.

— Ясно, мэм. — Полицейский зарделся, довольный своей сообразительностью.

Хейворд ненавидела себя за ложь. Она встала на скверную дорожку, и, если все откроется, она запросто потеряет работу.

— Давайте мне фото, — потребовал Кринг, бросив на своего подчиненного предостерегающий взгляд. — Прослежу, чтоб его зарегистрировали, и сразу отдам вам.

Он убрал фотографию в конверт, заклеил и надписал.

— Думаю, больше тут делать нечего, — оглядевшись, сказала Хейворд. Ее грызло чувство вины за столь откровенное вранье. Не дай Бог еще перенять методы Пендергаста.

Она вышла из полутемного дома на яркий свет и огляделась. Примерно через полмили улица упиралась в реку.

— Сержант! — окликнула Хейворд Кринга, который запечатывал дверь.

— Слушаю, мэм?

— Вы понимаете, что о нашем разговоре нельзя никому рассказывать?

— Да, мэм.

— Думаю, вы также понимаете, почему я считаю это ограбление липовым.

Кринг почесал подбородок.

— Липовым?

— Инсценировка. — Хейворд кивнула в сторону реки. — Если поискать, то украденные вещи найдутся вон там, в конце улицы, на дне Миссисипи.

Кринг перевел взгляд с Хейворд на реку и обратно. Медленно кивнул.

— Я заеду за фотографией после обеда, — сказала Хейворд, садясь в «Порше».

50

Плантация Пенумбра

Старый дворецкий Морис открыл дверь, и Хейворд вступила в полумрак дома. И опять подумала, что именно таким и должно быть жилище Пендергаста — старинное семейное гнездо, приходящее в упадок, — начиная с заброшенных комнат и кончая скорбным дворецким в строгом костюме.

— Пожалуйте сюда, капитан Хейворд. — Морис указал рукой на кабинет.

У камина сидел Пендергаст с рюмкой в руке. Он встал и жестом пригласил ее сесть.

— Хереса?

Лора опустила портфель на диван и села рядом.

— Нет, спасибо. Не мой напиток.

— Тогда что? Пиво? Чай? Мартини?

Хейворд посмотрела на Мориса. Не хотелось его затруднять, но она так устала с дороги…

— Чаю, пожалуйста. Крепкого и горячего, с сахаром и сливками.

Почтительно склонив голову, дворецкий удалился.

Пендергаст сел, закинул ногу на ногу.

— Как ваша поездка в Лонгбоут-Кей и Сент-Фрэнсисвилль? — спросил он.

— Удачно. Но сначала — как там Винни?

— На удивление хорошо. Его перевезли в частную клинику; никаких осложнений не возникло. Потом провели операцию по пересадке свиного клапана аорты. Все прошло отлично, и он на пути к выздоровлению.

Хейворд откинулась на спинку дивана: с души у нее свалилась огромная тяжесть.

— Слава Богу. Хочу навестить его.

— Это было бы опрометчиво. Ему даже звонить не стоит. Мы имеем дело с очень умным убийцей, у которого, как я подозреваю, есть свой источник информации. — Агент отпил хереса. — Кроме того, я только что получил результаты исследования перьев из музея на плантации Окли. Птицы и вправду были заражены вирусом птичьего гриппа, но материала слишком мало, и он уже испорчен, так что получить живую культуру не удалось. И все же специалист, которому я поручил провести анализы, сделал важное открытие. Это нейроинвазивный вирус.

— Объясните попроще, — со вздохом попросила Хейворд.

— Он поражает нервную систему и обладает высокой вирулентностью. И это, капитан, последний кусочек в нашей мозаике.

Тут явился чай; Морис наполнил Лоре чашку.

— Продолжайте, — попросила она.

Пендергаст встал и начал расхаживать перед камином.

— Вирус поражает человека, как любой грипп. И, как и многие вирусы, он обитает в нервных клетках, подальше от кровеносной системы — прячется от иммунных клеток. Однако тут сходство и кончается, потому что этот вирус еще и воздействует на нервные клетки. Эффект весьма необычен: повышается активность мозга, наступает расцвет умственных способностей. Мой специалист, человек очень грамотный, говорит, что такое воздействие может быть вызвано просто-напросто размягчением проводящих путей нервной системы. Вирус повышает чувствительность нервных окончаний, и они с особой силой реагируют на малейшую стимуляцию, шлют импульсы как сумасшедшие. А еще вирус подавляет выработку ацетилхолина. Сочетание таких двух эффектов выводит нервную систему из равновесия, поскольку наступает сенсорная перегрузка.

Хейворд нахмурилась. Это уже слишком, даже для Пендергаста.

— Вы уверены?

— Чтобы подтвердить мою теорию, понадобятся дополнительные исследования, но другого ответа нет. — Он помолчал. — Вот, например, вы, капитан Хейворд. Вы сидите на диване. Вы чувствуете спиной его поверхность. Знаете, что чашка у вас в руках — теплая. Вы чувствуете запах седла ягненка, которое готовится к обеду. Слышите множество звуков: пение сверчков и птиц, потрескивание огня в камине, шаги Мориса.

— Конечно, — сказала Хейворд. — К чему вы клоните?

— Вы осознаете эти ощущения, и сотню других — если обратите на них внимание, заметите. Но дело вот в чем: вы их не замечаете. Определенный участок вашего мозга — таламус — действует как регулировщик, дает вам осознать только те ощущения, которые нужны в данный момент. Представьте себе, что станется, если регулировщик исчезнет. Вы будете постоянно перегружены ощущениями, будете не в состоянии игнорировать ни одно. На короткий срок такое состояние повысит ваши когнитивные функции и творческие способности, а в перспективе сведет вас с ума. Буквально. Именно так и произошло с Одюбоном. И с Доанами — только у них процесс шел быстрее. Мы

подозревали, что заболевание Одюбона и сумасшествие Доанов не простое совпадение, но у нас отсутствовало связующее звено. Теперь оно есть.

— Попугай Доанов! — воскликнула Хейворд. — Он тоже был носителем вируса. Как и образцы, похищенные из музея.

— Безусловно. Должно быть, моя жена случайно обнаружила удивительный эффект вируса. Она поняла, что болезнь полностью изменила Одюбона, и, будучи эпидемиологом, имела возможность выяснить почему. Ее гениальная догадка состояла в следующем: речь не просто об изменении психики, вызванном столкновением со смертью, это изменение физиологическое! Вы спрашивали, какова была ее роль. Как я имею основания полагать, Хелен, действуя из лучших побуждений, поделилась своим открытием с какой-нибудь фармацевтической компанией, которая попыталась разработать на его основе какой-то препарат, к примеру, таблетки для стимуляции мозговой деятельности, своеобразные «пилюли гениальности».

— И что же с препаратом? Почему его не удалось изготовить?

— Когда мы это выясним, будет проще понять, почему убили мою жену.

— Я сегодня узнала, — медленно начала Хейворд, — что после «ВНК» Блэклеттер работал консультантом в нескольких фармацевтических компаниях.

— Отлично! — Пендергаст перестал ходить. — Я готов выслушать ваш доклад.

Хейворд вкратце рассказала о своих поездках во Флориду и Сент-Фрэнсисвилль.

— И Трапп, и Блэклеттер убиты из обреза дробовыми патронами двенадцатого калибра, размер дроби — тридцать три сотых дюйма. Убийца в обоих случаях вошел в квартиру, убил жертв, а потом перевернул все вверх дном и забрал кое-какие вещи, чтобы имитировать ограбление.

— А в каких фармацевтических компаниях работал Блэклеттер?

Хейворд открыла портфель, вынула желтый конверт, извлекла из него листок бумаги и протянула Пендергасту.

— Вам удалось раскопать какие-нибудь связи Блэклеттера?

— Только одну — фото его давней пассии.

— Прекрасное начало.

— По поводу Траппа меня смущает одна вещь.

Пендергаст отложил фото.

— Да?

— Довольно очевидно, что Траппа убил тот же, кто убил Блэклеттера. Только вот зачем? Ведь он не имел отношения к этим делам с птичьим гриппом, так ведь?

Агент покачал головой:

— Не имел. Вопрос очень хороший. Думаю, все дело в разговоре, который был у него с Хелен. По словам Траппа, когда они столкнулись с Хелен по поводу ее интереса к «Черной рамке», она сказала: «Мне не нужна картина, я лишь хочу ее осмотреть». Теперь нам ясно: Трапп не лгал. Однако организатор убийства моей жены не мог знать, о чем именно они говорили. Ведь Хелен могла сказать и больше, гораздо больше. Например, про Одюбона и птичий грипп. И потому было надежнее Траппа убить. Он знал не слишком много, но кое-что знал.

— Это спорно, — заметила Хейворд.

— Разумеется.

Вошел Морис и с легкой гримасой отвращения объявил:

— К вам мистер Хадсон, сэр.

— Пригласите.

В комнату с подобострастным видом вошел коренастый коротышка — спортивного покроя плащ, мягкая шляпа, костюм в полосочку, туфли в дырочку. С головы до ног — ни дать ни взять пародия на частного сыщика, каковым Хадсон себя, видимо, и считал. Хейворд удивилась, что у Пендергаста дела с такой личностью.

— Надеюсь, я не помешал... — Хадсон снял шляпу и поклонился.

— Отнюдь, мистер Хадсон. — Пендергаст даже не представил их с Хейворд друг другу. — Вы принесли список фармацевтических компаний, который я просил?

— Да, сэр. И побывал в каждой...

— Благодарю вас. Пожалуйста, подождите в восточной гостиной, я выслушаю ваш отчет там. — Пендергаст взял список и обратился к дворецкому: — Устройте мистера Хадсона поудобнее и принесите ему какой-нибудь безалкогольный напиток.

Морис повел гостя через холл.

— Это каким же образом вы вселили в него такую… — Хейворд запнулась, подыскивая слово, — преданность?

— Разновидность стокгольмского синдрома: вначале угрожаете отнять жизнь, потом великодушно даруете пощаду. Бедняга прятался в моем гараже с заряженным пистолетом и весьма непродуманно пытался меня шантажировать — большая ошибка.

Хейворд пожала плечами; Пендергаст лишний раз напомнил ей, какие у него безнравственные методы.

— Так или иначе, теперь он работает на нас. Первое задание, которое я ему дал, — составить перечень фармацевтических фирм в радиусе пятидесяти миль от дома Доанов. Я рассудил, что пятьдесят миль — это предел того, как далеко мог улететь попугай. Остается сравнить его с вашим списком компаний, в которых работал Блэклеттер.

Пендергаст переводил взгляд с одного листка на другой. Вдруг лицо его окаменело, и он уставился на Хейворд.

— Есть одно совпадение, — сказал он. — «Лонжитьюд фармасьютиклз».

51

Батон-Руж

Оштукатуренный домик веселенького желтого цвета с белой отделкой стоял в окружении зажиточного вида домов на задворках Испанского квартала в Батон-Руже; маленький палисадник ломился от тюльпанов. Лора Хейворд вслед за Пендергастом шла к дому по мощеной дорожке. «Не беспокоить!» — гласила большая табличка. Плоховатое начало. К тому же Лора злилась, что Пендергаст отверг предложение позвонить и договориться о встрече.

Дверь открыл седой коротышка и уставился на них сквозь очки.

— Чем могу помочь?

— Мэри-Энн Робле принимает? — осведомился Пендергаст с самыми интеллигентнейшими интонациями уроженца американского Юга, чем еще больше разозлил Лору. Ей пришлось напомнить себе, что все это ради Винни.

— А кто, простите, ее спрашивает?

— Алоиз Пендергаст и Лора Хейворд.

— Вы… э-э… по религиозным делам? — с запинкой поинтересовался хозяин.

— Нет, сэр, — сказал Пендергаст с приятной улыбкой на лице. — И мы ничего не продаем.

После небольшой паузы коротышка крикнул через плечо:

— Мэри-Энн! Тут к тебе пришли двое.

Он стоял в дверях, не приглашая их в дом.

Миг спустя появилась энергичного вида женщина — пышная, полногрудая, с красиво уложенными седыми волосами и прекрасным макияжем.

— Да?

Пендергаст еще раз назвался, представил свою спутницу и плавным движением предъявил свое удостоверение особого агента ФБР, поднеся «корочки» к самому лицу женщины. Хейворд вздрогнула: в обложке удостоверения был снимок, который она раздобыла в доме у Блэклеттера.

Мэри-Энн Робле залилась краской.

— Мы можем поговорить с вами наедине?

Миссис Робле так разволновалась, что не могла говорить, и покраснела еще сильнее.

Коротышка, по-видимому, ее муж, подозрительно топтался позади.

— В чем дело? Кто это такие?

— Они из ФБР.

— ФБР? Из ФБР?! Да какого черта? — Он повернулся к гостям: — Что вам нужно?

— Мистер Робле, — подал голос Пендергаст, — дело совершенно заурядное, беспокоиться не о чем. Однако разговор у нас конфиденциальный. Нам всего лишь нужно несколько минут поговорить с вашей женой. Так мы можем войти, миссис Робле?

Мэри-Энн, уже совершенно пунцовая, отступила от дверей.

— У вас найдется комната, где можно поговорить без свидетелей? — спросил агент. — Если вы не против.

Миссис Робле обрела наконец голос.

— Давайте пройдем в кабинет.

Она повела их в небольшую комнатку: белый ковер от стены до стены, два мягких кресла, диван и огромный плазменный телевизор. Пендергаст решительно закрыл дверь, и мистер Робле остался сердито топтаться в холле. Миссис Робле осторожно присела на диван, расправила подол. Вместо того чтобы устроиться в кресле, Пендергаст сел рядом с хозяйкой.

— Прошу извинить, что вас побеспокоили, — тихо и сочувственно сказал он. — Думаю, мы отнимем у вас не больше нескольких минут.

После некоторого молчания миссис Робле произнесла:

— Я полагаю, вы расследуете… смерть Морриса Блэклеттера?

— Верно. А как вы о ней узнали?

— Я прочла в газетах.

Ее тщательно накрашенное лицо вдруг стало расползаться.

— Да, ужасное несчастье. — Пендергаст извлек из кармана пакетик с салфетками и дал одну ей. Миссис Робле промокнула глаза. Держалась она ценой героических усилий. — Мы не собираемся ворошить прошлое и разрушать ваш брак, — так же ласково продолжал Пендергаст. — Понимаю, как нелегко тайно оплакивать того, кто некогда значил для вас очень много. Ничто из нашей беседы не дойдет до вашего супруга.

Миссис Робле кивнула, еще раз вытерла глаза.

— Да… Моррис был… прекрасным человеком, — тихо сказала она, потом голос ее стал тверже. — Давайте побыстрее с этим покончим.

Хейворд неловко поерзала. Чертов Пендергаст со своими методами. Такие беседы следует проводить в официальной обстановке — в полицейском участке, с видеозаписью.

— Конечно. Вы познакомились с доктором Блэклеттером в Африке?

— Да.

— При каких обстоятельствах?

— Я работала сестрой в либревилльской баптистской миссии, в Габоне. Это в Западной Африке.

— А ваш муж?

— Он руководил миссией, — еле слышно сказала она.

— И как вы познакомились с Блэклеттером?

— Это обязательно? — прошептала миссис Робле.

— Да.

— Он руководил небольшой клиникой, принадлежавшей «ВНК», неподалеку от миссии. Каждый раз, когда в западной части страны случались вспышки эпидемии, он летал в буш, делал местным прививки. У него была очень, очень опасная работа, и когда ему требовалась помощь, я иногда летала с ним.

Пендергаст с сочувствием положил ладонь поверх ее рук.

— Когда начались ваши отношения?

— Примерно через полгода после того, как мы приехали в Африку. То есть двадцать два года назад.

— А когда вы расстались?

Долгое молчание.

— Мы не расстались. — Она умолкла.

— Расскажите, пожалуйста, о его работе в Штатах, после того как он ушел из «ВНК».

— Моррис был эпидемиолог. Очень хороший. Он консультировал фармацевтические компании, помогал разрабатывать вакцины и вообще лекарства.

— А он сотрудничал с «Лонжитьюд фармасьютиклз»?

— Да.

— Он рассказывал вам о своей работе?

— О работе консультанта он больше помалкивал. Там у них коммерческие тайны, неразглашение, все такое… Странно, что вы спросили именно про эту фирму… именно о ней он несколько раз упоминал. Больше, чем о других.

— И?

— Он работал с ними около года.

— Когда именно?

— Лет десять-двенадцать назад. Уволился неожиданно. Что-то ему там не понравилось. Он злился, боялся чего-то. А уж Моррис, поверьте, не такой был человек, которого легко напугать. Как-то он рассказывал об одном из директоров. Его звали Слэйд. Чарльз Слэйд. Моррис называл его злодеем, говорил, что настоящего злодея видно по способности увлекать за собой в свой Мальстрим[10] и хороших людей. Мальстрим… Мне пришлось в словарь полезть. Когда Моррис уволился из

«Лонжитьюд фармасьютиклз», он вообще перестал говорить об этой компании и даже никогда не упоминал.

— И больше никогда с ними не работал?

— Никогда. Почти сразу после ухода Морриса компания обанкротилась. К счастью, ему успели заплатить.

Хейворд подалась вперед.

— Простите, но откуда вам известно, что ему заплатили?

Мэри-Энн перевела на Лору серые глаза, мокрые и покрасневшие.

— Он любил серебряные вещицы. Антиквариат. Заплатил за одну частную коллекцию целое состояние, а когда я спросила, как это ему хватило денег, он сказал, что получил крупное вознаграждение от «Лонжитьюд фармасьютиклз».

— Крупное вознаграждение… За год работы. — Пендергаст сделал паузу. — А что еще он говорил про Слэйда?

Мэри-Энн задумалась.

— Что Слэйд развалил отличную фирму. Угробил ее из-за своей глупости и самонадеянности.

— А вы когда-нибудь видели Слэйда?

— Нет-нет. Никогда. Мы с Моррисом никогда не появлялись на людях. Всегда встречались… тайно. Я только слышала, что Слэйда все смертельно боятся. Кроме Джун.

— А кто такая Джун?

— Джун Броди, его секретарь.

Пендергаст немного поразмыслил и повернулся к Хейворд:

— У вас есть еще вопросы?

— Говорил ли доктор Блэклеттер, над чем именно он работал в «Лонжитьюд» и с кем?

— О секретных исследованиях он никогда не говорил. Но несколько раз обмолвился о своих коллегах. Он любил рассказывать забавные истории. Ах, память у меня уже не та… Ну конечно, про Джун.

— Почему «конечно»? — спросил Пендергаст.

— Слэйд без нее был как без рук. — Мэри-Энн остановилась, открыла рот, собираясь продолжить, и слегка покраснела.

— Что? — не выдержал Пендергаст.

Миссис Робле покачала головой.

После недолгого молчания Хейворд заговорила опять:

— С кем еще доктор Блэклеттер работал в «Лонжитьюд фармасьютиклз»?

— Дайте сообразить. Вице-президент по науке, доктор Гордон Гребль, непосредственный начальник Морриса.

Хейворд быстро записала имя.

— Что-нибудь известно про доктора Гребля?

— Дайте вспомнить... Моррис несколько раз говорил, что Гребля водят за нос. Он жадный и дает водить себя за нос, кажется, так. Был еще один. Какой-то мистер Филипс.

Денисон Филипс вроде бы. Он был главным юрисконсультом фирмы.

В маленькой гостиной наступила тишина. Мэри-Энн Робле утерла слезы, открыла футлярчик с косметикой, напудрилась, поправила волосы, подкрасила губы.

— Жизнь продолжается, как говорят, — изрекла она. — У вас все?

— Да. — Пендергаст поднялся. — Спасибо, миссис Робле.

Мэри-Энн не ответила. Она повела гостей в холл, к выходу. Муж пил кофе на кухне. Завидев жену, он подбежал к входной двери.

— Как ты, дорогая? — озабоченно спросил он.

— Все в порядке. Помнишь славного доктора Блэклеттера, который работал неподалеку от миссии, тогда, давно?

— Блэклеттер, из «ВНК»? Конечно, помню, отличный парень.

— Его убили при ограблении в Сент-Фрэнсисвилле — несколько дней назад. Эти детективы ведут расследование.

— Боже ты мой, — сказал Робле; лицо его выражало только лишь облегчение. — Ужас какой. Я и не догадывался, что он жил в Луизиане. Много лет о нем не вспоминал.

— И я тоже.

Усаживаясь в «Роллс-ройс», Хейворд заметила:

— Очень неплохо сработано.

— В ваших устах, капитан Хейворд, расцениваю это как величайшую похвалу. — Пендергаст почтительно склонил голову.

52

Фрэнк Хадсон замер в тени дерева у выхода из управления записи актов гражданского состояния. Благодаря кондиционерам в здании царили прямо-таки сибирские морозы, и, выйдя на не по сезону жаркий и влажный воздух, сыщик почувствовал себя словно кубик льда, который опустили в теплый бульон.

Поставив портфель на землю, Хадсон вынул из кармана полосатого костюма носовой платок и вытер лысину. Ничего себе зима в Батон-Руже! Затолкав платок в карман, так что уголок остался кокетливо торчать, он сощурился и отыскал на стоянке свой древний «Форд-фалькон». Рядом с его машиной вылезала из битого-перебитого «шевроле» полная дама в клетчатом. В сильном раздражении она раз, потом другой хлопнула дверцей, пытаясь ее закрыть.

— Сволочь! — упрекнула она машину и снова попыталась захлопнуть дверь. — Гадский потрох!

Хадсон еще раз протер лоб, сдвинул шляпу и, прежде чем сесть в машину, еще чуть-чуть постоял в тени. Задание, которое дал ему Пендергаст, особой сложности не составляло. Всегда бы так! Джун Броди, тридцать пять лет. Секретарь, замужем, детей нет, хороша собой. Все тут, в досье. Муж — медработник среднего звена. Сама она тоже училась на сестру, но пошла работать в «Лонжитьюд фармасьютиклз». Через четырнадцать лет фирма обанкротилась, Броди потеряла работу и неделю спустя села в свой «Тахо» и поехала к реке. Предсмертная записка, написанная от руки и найденная в машине, гласила: *«Больше не могу. Это я виновата. Простите»*. Неделю прочесывали реку, но так ничего и не обнаружили. Там, у моста, любимое место самоубийц: река глубокая, течение быстрое, тела часто не находят. Конец истории.

Хадсон управился за несколько часов — собрал данные воедино, пролистал документы. Он даже беспокоился, оправдал ли свой дневной заработок — пятьсот баксов. Лучше, наверное, не говорить Пендергасту, что уложился так быстро.

Досье он собрал полностью — вплоть до копии предсмертной записки; агенту ФБР понравится. Пока Хадсону платят, он будет действовать соответственно. Слишком выгодная работка, рисковать ею не следует — не стоит дурить своего босса или вытягивать из него несколько лишних центов. Хадсон взял портфель и вышел под палящее солнце.

Отчаянно бранясь, Нэнси Миллиган наконец-то захлопнула дверцу автомобиля. Она вспотела, разозлилась, ее бесила жуткая жара, эта

старая жестянка и особенно — муж. Почему, вместо того чтобы поднять толстую задницу и ехать самому, старый дурень взвалил свои дела на нее? Почему вдруг администрации Батон-Ружа понадобилась копия его свидетельства о рождении — в его-то возрасте! Черт знает что!

Нэнси Миллиган выпрямилась и заметила, что с другой стороны площадки на нее пристально глядит человек в сдвинутой на затылок шляпе. Нэнси порозовела от смущения.

В этот самый миг его шляпа подпрыгнула, а половина головы вдруг потемнела, залитая темной жидкостью. И одновременно что-то прогрохотало среди раскидистых дубов. Человек с силой рухнул наземь и покатился бревном, неловко обхватив руками свой обмякший торс. Вместе с ним упала на землю и шляпа, несколько раз перекувырнулась и остановилась тульей вниз.

Несколько секунд женщина как окаменевшая стояла возле машины. Потом достала сотовый телефон и негнущимися пальцами набрала номер вызова полиции.

— Только что, — сказала она, сама удивляясь, как спокойно говорит, — стреляли в человека. Около Управления записи актов гражданского состояния, Луизиана-авеню.

На последовавший вопрос она ответила:

— Да, скорее всего убит.

53

Парковочную площадку и прилегающую часть улицы обнесли заградительной лентой. Толпа репортеров и фотографов крутилась за голубым полицейским кордоном — вместе с праздными зеваками и рассерженными владельцами машин, которые не могли вызволить свои автомобили со стоянки.

Хейворд стояла у ограждения рядом с Пендергастом и наблюдала за работой полицейских. Пендергаст с трудом убедил ее не вмешиваться, не принимать участия в расследовании и ни в коем случае не говорить, что частный детектив работал на них. Хейворд неохотно уступила: объяви они о своей связи с Хадсоном, конца не будет разным бумажкам, допросам и заморочкам. Это затормозит их собственное расследование, они попадут под пристальное внимание прессы и общественности. И наконец — они вряд ли отыщут того, кто стрелял в Винни и Хадсона; наверняка это одно и то же лицо.

— Не понимаю, — сказала она, — почему именно Хадсон? Мы повсюду ездим, всех опрашиваем, суетимся, а он всего-то собирал общедоступную информацию о Джун Броди.

Пендергаст молча сощурился на солнце.

Хейворд поджала губы и стала смотреть на криминалистов, склонившихся над горячим асфальтом. Они напоминали крабов, медленно передвигающихся по морскому дну. Пока что все шло нормально. Полицейские действовали методично, ни в чем не отступая от правил, и не сделали ни одного неверного шага. Сразу видно — профессионалы! Впрочем, ничего удивительного; не каждый день в Батон-Руже убивают человека вот так — средь бела дня, у дверей государственного учреждения.

— Давайте пройдем туда, — тихо проговорил Пендергаст. Хейворд последовала за ним; агент пробрался через толпу, пересек большой газон, обошел стоянку и направился к дальнему углу управления. Там оба остановились перед группой тисов, безжалостно подстриженных в форме сплющенных кеглей.

Хейворд, заподозрив неладное, смотрела, как агент шагает к кустам.

— Вот отсюда он стрелял, — заявил Пендергаст.

— Как вы определили?

Пендергаст указал на притоптанную землю, покрытую крошками древесной коры.

— Он залег вот здесь, тут видны следы от двуноги.

Хейворд, не приближаясь, посмотрела в указанном направлении и с некоторым усилием различила в земле, среди кусочков коры, две еле заметные вмятинки.

— Пендергаст, у вас отменное воображение. Откуда вы вообще знаете, что стреляли с этой стороны? По мнению полиции — совсем с другой.

Полицейские суетились большей частью на улице.

— По положению шляпы. От выстрела голова жертвы дернулась в сторону, но шляпа слетела из-за спазма шейных мышц.

Хейворд выразительно закатила глаза.

— Не слишком убедительно.

Пендергаст, не слушая, быстрым шагом двинулся через газон. Хейворд старалась не отставать.

Агент прошагал четыреста ярдов по перекопанному газону, примыкающему к парковке. Он ловко пробрался через толпу, подошел к ограждению и, щуря серебристые глаза, в небольшой бинокль стал разглядывать море стоящих на парковке машин.

— Детектив, можно вас? — Пендергаст спрятал бинокль и перегнулся через ограждение, пытаясь привлечь внимание двух полисменов, которые что-то обсуждали, уткнувшись в планшет. Пендергаста они усердно игнорировали. — Детективы! Простите, пожалуйста...

Один из них повернулся — с явной неохотой.

— Да?

— Подойдите, пожалуйста... — Пендергаст сделал приглашающий жест.

— Сэр, мы вообще-то заняты.

— Прошу вас, это очень важно. У меня есть информация.

Его заискивающий тон рассердил Хейворд: Пендергаст как будто нарочно нарывался на отказ. Она-то старалась подружиться с местной полицией, и меньше всего ей хотелось, чтобы Пендергаст все испортил.

Детектив подошел ближе.

— Вы видели, как все было?

— Нет. Зато я вижу вот это. — Пендергаст ткнул пальцем в сторону парковки.

— Что? — Детектив посмотрел в указанном направлении.

— Белая «Субару». В правой передней дверце, прямо под окном, — дырка от пули.

Полицейский неспешно стал пробираться среди машин к белой «Субару». Нагнулся. Через секунду резко выпрямился и стал, размахивая руками, звать остальных.

— Джордж! Джордж! Давай сюда бригаду. Здесь дырка в дверце!

Криминалисты поспешили к машине, а детектив быстро вернулся к Пендергасту.

— И как вы ее разглядели? — с интересом спросил он, прищурив глаза.

— У меня прекрасное зрение. — Пендергасте улыбкой склонился к полицейскому. — И если вы позволите высказаться случайному прохожему, то, учитывая расположение пулевого отверстия и позу жертвы, не помешает осмотреть кусты у южного угла здания как наиболее вероятную огневую позицию.

Детектив повел глазами в сторону здания, мигом оценил траекторию.

— Верно!

Он махнул двум своим коллегам и стал что-то им говорить.

Пендергаст двинулся прочь.

— Сэр! Минуточку, сэр!

Однако агент уже смешался с общей сумятицей. Он двигался к управлению с Хейворд в хвосте, не выделяясь из толпы. Только вместо того, чтобы пойти к припаркованной на стоянке машине, он повернулся и вошел в управление регистрации актов гражданского состояния.

— Интересная получилась беседа — заметила Хейворд.

— Простая порядочность требовала хоть чем-то им помочь. А нам нужен любой кончик, за который можно уцепиться.

Они направились к стойке администратора в приемной.

— Наш противник совершил второй неверный шаг, — на ходу заметил Пендергаст.

— Какой именно?

Не отвечая, Пендергаст повернулся к администратору.

— Нам нужно увидеть документы, касающиеся Джун Броди. Они, вероятно, еще не убраны в хранилище — сегодня утром их смотрел один джентльмен.

Женщина достала папку из стопки бумаг.

— Ну ладно, я сдаюсь, — сказала Хейворд Пендергасту. — Какой же был первый неверный шаг?

— Он промахнулся по мне и попал в Винсента.

54

Нью-Йорк

Джон Фелдер спустился со свидетельской кафедры и занял свое место. Шло слушание по делу о принудительной госпитализации. Доктор старался не смотреть в сторону обвиняемой, Констанс Грин, — чем-то его серьезно нервировал спокойный взгляд ее фиалковых глаз. Фелдер сказал то, что полагалось, то, что ему подсказывал профессиональный опыт: подсудимая серьезно больна и ее следует подвергнуть принудительному лечению. Ей уже предъявили обвинение в убийстве первой степени и отказались отпустить под залог, но это была необходимая стадия юридического процесса. Фелдеру пришлось признать, что в данном конкретном случае такое постановление весьма обоснованно. Несмотря на самообладание мисс Грин, несмотря на ее высокий интеллект и четкую логику, доктор был глубоко убежден:

подсудимая совершенно ненормальна и не способна отличить плохое от хорошего.

Судья прокашлялся и зашуршал бумагами, приступая к заключительной части.

— Прошу внести в протокол, — произнес он, — что обвиняемая отказалась воспользоваться услугами защитника.

— Именно так, ваша честь, — с достоинством подтвердила Грин, сложив руки на подоле тюремной юбки.

— У вас есть право самой выступать на процессе, — сообщил судья. — Вы хотите что-нибудь сказать?

— Не сейчас, ваша честь.

— Вы слышали заключение доктора Фелдера. По его мнению, вы представляете опасность для себя и окружающих и вас следует направить на принудительное лечение в клинику для душевнобольных. Вы хотите высказаться по этому поводу?

— Мне не хотелось бы подвергать сомнению вывод специалиста.

— Хорошо. — Судья передал ворох бумаг судебному приставу и получил от него стопку других. — У меня есть к вам вопрос. — Он опустил очки и глянул поверх них на Констанс.

Фелдер слегка удивился. Он выступал на многих слушаниях подобного рода, и очень редко бывало, а может, и вовсе не бывало, чтобы судья обращался с вопросами непосредственно к обвиняемому. Обычно судья лишь изрекает решение, приправленное моралью и цитатами из популярных статей по психологии.

— Мисс Грин, похоже, никому не удалось установить вашу личность или хотя бы найти какие-нибудь записи, подтверждающие ваше существование. То же касается и вашего ребенка. Несмотря на тщательные поиски, не обнаружено никаких подтверждений тому, что он у вас родился. Последнее обстоятельство — серьезное затруднение для судьи. К тому же я столкнулся с юридическими трудностями в процедуре назначения принудительного лечения: вы не зарегистрированы в системе социального страхования, нет у нас и свидетельства того, что вы являетесь американской подданной. Кратко говоря, мы не знаем, кто вы.

Он замолчал. Грин внимательно слушала, держа руки на коленях.

— Готовы ли вы рассказать суду о своем прошлом? — Судья говорил строго, но не без участия. — Кто вы и откуда?

— Ваша честь, я уже сказала правду, — ответила Констанс.

— В протоколе записано с ваших слов, будто вы родились на Уотер-стрит в семидесятые годы прошлого века. Однако, согласно архивам, это не может быть правдой.

— Да, это неправда.

На Фелдера навалилась вдруг усталость. Должен же судья понимать, что попусту теряет время. А его, Фелдера, ждут и другие пациенты — платные.

— Вы сами так сказали, вот у меня в руках протокол.

— Я так не говорила.

Судья, уже раздражаясь, стал зачитывать с листа:

Вопрос: Когда вы родились?

Ответ: Я не помню.

Вопрос: Помнить вы, разумеется, не можете, но должны же вы знать дату своего рождения?

Ответ: Боюсь, что нет.

Вопрос: Наверное, где-то в конце восьмидесятых?

Ответ: Скорее в начале семидесятых.

Судья посмотрел на Констанс:

— Вы это говорили или нет?

— Говорила.

— Так. Значит, вы утверждаете, что родились в начале семидесятых годов прошлого века на Уотер-стрит. Однако расследование точно установило, что это неправда. И в любом случае вы слишком молоды — вам не может быть больше тридцати.

Грин молчала.

Поднялся Фелдер.

— Ваша честь, могу я вмешаться?

Судья повернулся к нему:

— Да, доктор Фелдер?

— Я неоднократно беседовал с обвиняемой на эту тему. При всем моем почтении, ваша честь, я все же должен напомнить: мы имеем дело не со здоровым человеком. Надеюсь, я не проявлю неуважения к суду, если скажу, что, по моему мнению, дальнейшие расспросы не имеют смысла.

Судья постукивал очками по папке.

— Возможно, вы правы, доктор. Верно ли я понимаю, что ближайший родственник Алоиз Пендергаст заранее согласен с решением суда?

— Он, ваша честь, отклонил приглашение дать показания.

— Понятно.

Судья собрал бумаги в стопку, глубоко вздохнул, оглядел маленький полупустой зал. Положил очки и склонился над бумагами.

— Суд считает... — начал он.

Констанс Грин поднялась. Лицо ее вдруг запылало. Впервые на нем отразились какие-то чувства. Доктору она показалась почти рассерженной.

— Поразмыслив, я решила, что буду говорить, — сказала она, и голос ее вдруг обрел силу. — Вы позволите, ваша честь?

Судья откинулся назад и сложил руки на груди.

— Я разрешаю вам сделать заявление.

— Я и в самом деле родилась на Уотер-стрит в семидесятые годы — только девятнадцатого века. Подтверждения тому есть в городском архиве на Сентер-стрит и еще больше — в Нью-йоркской публичной библиотеке. Информации там предостаточно — обо мне; о моей сестре Мэри, которую отправили в сиротский приют в Файв-Пойнтс, а потом ее убил маньяк; о моем брате Джозефе; о родителях, которые умерли от туберкулеза. Я своими глазами обо всем этом читала.

В зале воцарилась тишина. Наконец судья произнес:

— Благодарю вас, мисс Грин. Можете сесть.

Она села.

Судья прокашлялся и сказал:

— Суд постановляет, что мисс Констанс Грин, возраст неизвестен, место рождения неизвестно, страдает расстройством психики и представляет опасность для себя и других людей. Поэтому Констанс Грин приговаривается к принудительному помещению на неопределенный срок в лечебно-исправительное учреждение «Бедфорд-Хиллз» для

надлежащего наблюдения и лечения. — Судья стукнул молотком. — Заседание суда окончено.

Фелдер поднялся, почему-то чувствуя себя удрученным. Он бросил взгляд на странную женщину, которая стояла между двумя высокими охранниками. Рядом с ними она казалась маленькой и хрупкой. Краска схлынула у нее с лица, и оно опять ничего не выражало. Констанс понимала, что сейчас произошло — не могла не понимать, — однако не выказывала никаких признаков волнения.

Фелдер повернулся и вышел из зала.

55

Сульфур, штат Луизиана

Взятый напрокат «Бьюик» с гудением несся по бетону 10-й трассы. Хейворд установила круиз-контроль на семьдесят пять миль в час, хотя Пендергаст и бурчал, что со скоростью семьдесят девять они бы приехали в город на пять минут раньше.

В тот день они уже пропилили на «Бьюике» две сотни миль. Пендергаст стал каким-то непривычно раздражительным. Он не скрывал своего отвращения к «Бьюику» и неоднократно предлагал вернуться к «Роллс-ройсу», у которого уже поменяли переднее стекло, но Хейворд отказалась в него садиться. Она вообще не представляла, как можно нормально вести расследование, гоняя на «Роллс-ройсе», и удивлялась, что Пендергаст додумался использовать для работы такую заметную машину. Лоре уже хватило коллекционного спортивного автомобиля Хелен; поездив на нем сутки, Хейворд вернула «Порше» в гараж и потребовала, чтобы Пендергаст нашел какую-нибудь другую машину, пусть не столь замечательную, зато куда более неприметную.

Больше всего Пендергаста, видимо, выводило из себя то, что первые два имени из названных Мэри-Энн Робле оказались пустышками: один — точнее, одна — давно умер, другой был non compos mentis,[11] да еще находился в госпитале, в реанимации.

Теперь они направлялись по третьему, и последнему, следу: Денисон Филипс-четвертый, бывший главный консультант «Лонжитьюд фармасьютиклз», вышел на пенсию и тихо жил себе на Бонви-драйв в Сульфуре, в районе загородного клуба «Тихая заводь». Адрес и имя уже создали в голове Хейворд образ их обладателя: эдакий мелкотравчатый представитель состоятельных южан — надутый, самодовольный, пронырливый, не дурак выпить и вдобавок не слишком любезный. Этот типаж она знала еще со времен Луизианского университета.

Увидев указатель на Сульфур, Хейворд замедлила ход и повернула направо.

— Хорошо, что мы успели проверить мистера Филипса, — сказал Пендергаст.

— Он же чист.

— Разумеется, — просто ответил агент. — Но я говорю про Денисона Филипса-пятого.

— Его сына? Вы имеете в виду статью о хранении наркотиков?

— Храпение больше пяти граммов кокаина с целью сбыта — это весьма серьезно. Кстати, юноша готовится поступать в Луизианский университет на юридический.

— Ага. Посмотрю я, как он поступит в юридический колледж с таким личным делом. За кем числится криминал, тому и практики не видать.

— Вероятнее всего, — протянул Пендергаст, — вся семья в курсе и имеет основания надеяться, что по достижении Денисоном-пятым двадцати одного года запись из его личного дела удалят. Во всяком случае, им этого очень хочется.

Хейворд отвела глаза от дороги и бросила на Пендергаста долгий взгляд. При последних словах в глазах его появился холодный блеск. Хейворд догадывалась, как агент намерен использовать имеющиеся у него сведения: закрутит гайки покрепче, пригрозит, что не позволит удалить запись, или пообещает привлечь прессу и вообще всячески воспрепятствовать Денисону Филипсу-пятому занять место в юридической фирме отца. Ну а если старик поделится интересующей Пендергаста информацией в полном объеме, то, разумеется…

Как скверно, что Винни сейчас на больничной койке, а не рядом с Лорой. С Пендергастом тяжко иметь дело. В сотый раз Хейворд удивлялась, почему же Винни — коп старой школы вроде нее самой — так высоко ставит Пендергаста и его в высшей степени нестандартные методы работы.

Лора глубоко вздохнула.

— Пендергаст, вы можете сделать мне одолжение?

— Конечно, капитан. — Он пристально посмотрел на нее.

— Дайте мне провести сегодняшнюю беседу. Я знаю людей этого сорта. И знаю, как с ними обращаться.

Наступило короткое молчание, показавшееся Лоре довольно холодным. Потом Пендергаст ответил:

— С интересом послушаю.

Денисон Филипс-четвертый встретил их в дверях просторного старого особняка на территории гольф-клуба. Деревья, высаженные во время строительства дома, дополняли величественный вид здания. Все выглядело именно так, как представляла Хейворд, — здесь несло таким самодовольством, что ей стало противно.

На хозяине были зеленые брюки для гольфа, хлопковый блейзер, из нагрудного кармашка торчал дорогой узорчатый платок, верхняя пуговка светло-желтой рубашки с монограммой была расстегнута. Картину довершал бокал мартини в руке.

— Могу я узнать, с чем все это связано? — протянул он «светским» тоном человека, у которого несколько поколений предков пытались вытравить из себя все признаки плебейского происхождения.

— Я — капитан Хейворд из нью-йоркской полиции, а раньше служила в полиции Нового Орлеана. — Лора говорила нейтрально-вежливым тоном, как всегда с потенциальными источниками информации. — А это мой коллега, агент Пендергаст из ФБР. — Говоря, она вынула удостоверение и помахала перед Филипсом. Пендергаст достать жетон не потрудился. Филипс перевел взгляд с Хейворд на агента.

— Вы знаете, что сегодня воскресенье?

— Да, сэр. Можно нам войти?

— Наверное, я лучше сначала поговорю с адвокатом.

— Разумеется, — ответила Хейворд. — Это ваше право, сэр, и мы подождем, пока он приедет, — столько, сколько потребуется. Но мы здесь неофициально, хотим всего лишь задать несколько вопросов. Вы имеете к нашему расследованию косвенное отношение. Нам потребуется всего минут десять.

Филипс, поразмыслив, отступил в сторону.

— Если так, проходите.

Хейворд вошла в дом: кругом белые ковры, белый кирпич, белая кожа, золото, стекло. Пендергаст молча замыкал шествие. Они вошли в гостиную с венецианскими окнами, из которых открывался вид на канал.

— Садитесь, пожалуйста. — Филипс сел, поставил бокал на кожаный поднос на боковом столике. Гостям выпить не предложил.

Хейворд кашлянула.

— Вы были партнером в юридической фирме «Марстон, Филипс и Лоув» — так?

— Если речь идет о моей фирме, ни на какие вопросы я отвечать не могу.

— А еще около двенадцати лет назад вы работали главным юрисконсультом в корпорации «Лонжитьюд фармасьютиклз» — до и во время ее банкротства.

Долгое молчание.

Филипс улыбнулся, положил руки на колени, встал.

— Сожалею, но об этом я не могу говорить в отсутствие моего адвоката. Предлагаю вам вернуться с повесткой, и я — с разрешения моего защитника, разумеется, — с удовольствием отвечу на ваши вопросы.

Хейворд встала.

— Как вам угодно. Простите, что вас побеспокоили, мистер Филипс. — Она выдержала паузу. — Наилучшие пожелания вашему сыну.

— Вы знакомы с моим сыном? — без всякого волнения спросил Филипс.

— Нет, — ответила Хейворд.

Все двинулись в переднюю.

Как только Лора взялась за ручку двери, Филипс очень спокойно поинтересовался:

— Почему же вы о нем упомянули?

Хейворд повернулась к нему.

— Я вижу, вы, мистер Филипс, настоящий джентльмен, представитель старого Юга. Человек прямой, верный старым ценностям, любящий откровенность.

Филипс принял комплимент настороженно.

Хейворд подбавила южных модуляций, которых обычно старалась избегать.

— Потому буду говорить прямо. Я здесь по особому заданию. Нам нужна информация. И мы в состоянии помочь вашему сыну. Это насчет того дела с наркотиками.

Слова ее были встречены гробовым молчанием.

— Там уже все улажено, — сказал наконец Филипс.

— Вопрос зависит от обстоятельств.

— От каких?

— От вашей прямоты.

Филипс нахмурился.

— Не понимаю.

— У вас имеется информация, которая нам очень нужна. Мой коллега, агент Пендергаст… Прямо скажем, у нас имеются разногласия по поводу того, как эту информацию получить. Он и его контора могут сделать так, чтобы запись об аресте не вычеркнули из личного дела вашего сына. Это, полагает он, простейший способ заручиться вашей помощью — пригрозить неустранимым пятном на биографии вашего сына, что, разумеется, помешает ему поступить в юридический колледж. Так он хочет заставить вас говорить.

Хейворд сделала паузу. Филипс смотрел на гостей. У него на виске дергалась жилка.

— Я же предпочитаю сотрудничать. Понимаете, у меня есть связи в местной полиции. Я ведь раньше тут работала. Я в состоянии удалить эти неприглядные сведения из дела вашего сына. Помогая нам, вы гарантируете ему поступление в колледж, практику, работу в вашей фирме. По-моему, так для всех будет лучше. Что скажете?

— Классика жанра: злой коп и добрый коп, — ответил Филипс.

— Старый верный подход.

— Что вас интересует? — У Филипса ослаб голос.

— Мы расследуем старое дело и надеемся на вашу помощь. Как я уже упомянула, речь о «Лонжитьюд фармасьютиклз».

Лицо у Филипса затуманилось.

— Я не уполномочен говорить о делах этой компании.

— Очень жаль. И я вам скажу почему: подобная обструкционистская позиция, высказанная вами так явно, лишь укрепит мнение моего коллеги, который предпочитает иной способ решения этого дела. Иначе говоря, агент Пендергаст утрет мне нос, а ваш сын никогда не получит диплома юриста.

Филипс молчал.

— Жаль еще и потому, что агент Пендергаст мог бы нам с вами помочь. — Хейворд помедлила: пусть до Филипса дойдет хорошенько. — Понимаете, если вы хотите очистить досье сына, без помощи ФБР вам не обойтись. Подобные обвинения в хранении наркотиков, как вы сами

понимаете, регистрируются не только в местной полиции, но и на федеральном уровне.

Филипс сглотнул.

— Речь ведь о незначительном обвинении. ФБР такими делами не занимается.

— «Хранение с целью сбыта». В таких случаях дело заводят автоматически. Вам, корпоративному юристу, это прекрасно известно. Поверьте, досье уже лежит в каком-то кабинете, как бомба замедленного действия, которая, взорвавшись, испортит карьеру вашего сына.

Пендергаст неподвижно стоял рядом. За все время разговора он не сказал ни слова.

Филипс облизнул губы и глотнул мартини.

— Что именно вы хотите знать?

— Расскажите про эксперименты с птичьим гриппом.

Руки у Филипса задрожали, и в стакане звякнули льдинки.

— Мистер Филипс?

— Капитан, если я расскажу и это выйдет наружу, меня ждет смерть.

— Наружу ничего не выйдет. Прошлое не вернется. Даю вам слово.

Филипс кивнул.

— Только вы должны рассказать все. Таково условие.

Последовало молчание.

— А вы ему поможете? — спросил наконец Филипс. — Очистите его досье — и местное, и федеральное?

Хейворд кивнула:

— Я лично прослежу.

— Ладно. Расскажу вам что знаю. Боюсь, не так уж много. Я ведь в группу не входил. Они, видимо…

— Они?

— В компании существовал секретный отдел, созданный лет тринадцать или четырнадцать назад. Имена не разглашались, я знал только доктора Слэйда — Чарльза Слэйда, генерального директора. Он-то и возглавлял этот таинственный отдел, где разрабатывали новый препарат.

— Какой?

— Стимулятор мозговой деятельности на основе штамма птичьего гриппа. Все делалось в глубокой тайне. В проект вбухали уйму денег и времени, да только все развалилось. У компании начались финансовые проблемы, им пришлось изворачиваться, стало не до секретности. Начались аварии, несчастные случаи на производстве. В общем, проект закрыли. Потом, когда думали, что худшее уже позади, случился пожар, который уничтожил Шестой комплекс и в котором погиб Слэйд, а...

— Минуточку! — в первый раз подал голос агент. — Вы хотите сказать — доктора Слэйда нет в живых?

Филипс кивнул.

— Это было только начало. Немного погодя совершила самоубийство его секретарша, а фирма объявила о банкротстве. Настоящая катастрофа.

Некоторое время все молчали. Хейворд заметила на обычно невозмутимом лице Пендергаста выражение удивления и... Неужели разочарования? События явно развивались в неожиданном направлении.

— Слэйд был медик?

— Доктор философии.

— У вас есть его фотография?

Филипс помедлил.

— В старом годовом отчете должна быть.

— Найдите, пожалуйста.

Хозяин скрылся за дверью, ведущей в библиотеку, и через минуту принес папку с отчетом, протянул ее Пендергасту. Агент посмотрел на фотографию, напечатанную над именем исполнительного директора, и передал папку Хейворд. Она увидела перед собой необычайно красивого мужчину: чеканные черты, копна серебристо-седых волос над выразительными карими глазами, выпуклый лоб, ямочка на подбородке. Не генеральный директор, а кинозвезда.

Хейворд отложила папку и возобновила расспросы:

— Если проект был секретный, как же они привлекли вас?

Филипс замялся.

— Я вам говорил про несчастные случаи. В лаборатории для прививки культур и испытания вирусов использовали попугаев. Один попугай ухитрился выбраться из клетки…

— Тот самый, который перелетел через болота Черной Топи и заразил семью Доанов в Санфлауэре?

Филипс внимательно посмотрел на нее.

— Вы, похоже, много знаете.

— Продолжайте, пожалуйста.

Филипс отхлебнул мартини. Руки у него все еще дрожали.

— Слэйд и его группа решили… не прерывать этот самопроизвольно начавшийся эксперимент. Все равно к тому времени, когда птицу нашли, было уже поздно — вся семья заразилась. Слэйд решил оставить как есть, посмотреть, как будет действовать выведенный ими штамм.

— Он подействовал не так, как ожидали?

— Доаны умерли. Не сразу, конечно. Тогда-то меня и привлекли — избавить компанию от юридических осложнений. Я пришел в ужас: вопиющие нарушения законодательства, множество криминальных деяний, включая причинение смерти по неосторожности. Последствия разоблачения были бы катастрофическими. Я уведомил руководство, что никакой лазейки в законе нет и благоприятного исхода ждать не придется. Вот они все и похоронили.

— Вы никуда об этом не сообщали?

— Как их адвокат, я не имел права.

— Почему произошел пожар? — спросил Пендергаст. — Погиб только Слэйд?

— Страховая компания провела тщательное расследование, которое показало, что это был несчастный случай, вызванный неправильным хранением химикатов. Как я уже сказал, руководству приходилось выкручиваться, экономить на всем, на чем можно.

— А другие члены группы?

— По имени я никого не знал, слышал только, что в живых никого не осталось.

— Но кто-то же вам угрожал?

— По телефону, всего несколько дней назад. Звонивший не назвался. Похоже, вы разворошили осиное гнездо. — Филипс глубоко вздохнул. —

Больше я ничего не знаю. Я все вам рассказал. Ни к экспериментам, ни к смерти Доанов я отношения не имею. Меня пригласили уже постфактум — подчистить концы, вот и все.

— Что вам известно о Джун Броди? — спросила Хейворд.

— Она работала у Слэйда секретарем.

— Как бы вы ее описали?

— Моложавая такая, внешне привлекательная. И очень целеустремленная.

— Хороший работник?

— Она была правой рукой Слэйда. Фигаро здесь — Фигаро там.

— То есть?

— Она вплотную занималась управлением повседневными делами фирмы.

— Значит ли это, что она знала о секретном проекте?

— Как я уже сказал, все содержалось в большой тайне.

— Но ведь она была доверенным лицом Слэйда, — вставил Пендергаст. — Очень целеустремленная. Она наверняка видела все бумаги, которые проходили через его руки.

Филипс не ответил.

— Какие отношения сложились у нее с начальником?

Филипс заговорил не сразу.

— Слэйд это со мной не обсуждал.

— Слухи-то до вас доходили, — настаивал Пендергаст. — Ограничивались ли их отношения служебными рамками?

— Не могу сказать.

— А что собой представлял Слэйд? — спросила Хейворд.

Казалось, Филипс отвечать не собирается. Потом взгляд его смягчился, и он покорно вздохнул.

— В Чарльзе Слэйде способности и невероятная щепетильность удивительным образом сочетались с крайней жадностью и жестокостью. Он словно собрал в себе все самые лучшие и самые худшие качества — как многие руководители. Сегодня он рыдает над умирающим ребенком, а завтра урежет бюджет на десять миллионов и тем самым остановит

разработку лекарства, которое спасло бы тысячи жизней в странах третьего мира.

Повисла пауза.

Пендергаст неотрывно смотрел на Филипса.

— Вам говорит о чем-нибудь имя Хелен Пендергаст или Хелен Эстерхази?

Юрист задумался; похоже, он и вправду не припоминал.

— Нет. Никогда не слышал этих имен. То есть до вашего прихода, агент Пендергаст.

Пендергаст открыл для Хейворд дверцу «Бьюика». Прежде чем сесть, она заметила:

— Видите, все прошло гладко.

— Конечно. — Он закрыл дверь, обошел машину и скользнул на свое место. Его недовольство, казалось, улетучилось. — И довольно занятно.

— О чем вы?

— О том, каким вы меня представили нашему приятелю Филипсу. Дескать, я стану вредить ему, не дам его сыну поступить в колледж. Почему вы решили, что я стал бы говорить с ним иначе, чем вы?

Хейворд включила двигатель.

— Я же знаю вас. Прижали бы беднягу к стене, запугали бы до полусмерти. Я видела, как вы это делаете. А я вместо кнута использовала пряник.

— Почему?

— Потому что такой подход эффективнее, особенно с подобными людьми. Да и ночью лучше спится.

— Надеюсь, капитан, кровати в Пенумбре удобные?

— Совершенно.

— Вот и хорошо. Лично я нахожу их вполне приемлемыми.

Пендергаст стал смотреть вперед, на дорогу, и на лице его мелькнула тень улыбки. Совершенно неожиданно Хейворд поняла, что, быть может, и ошиблась насчет того, как агент стал бы разговаривать с Денисоном Филипсом-четвертым. А теперь уже не узнаешь.

Итта-Бена, штат Миссисипи

За городком дорога пошла через болота; с обеих сторон стояли кипарисы, и через их ветви просачивались слабые лучи утреннего солнца. Выцветшая табличка, почти незаметная среди зарослей, гласила:

Корпорация «Лонжитьюд фармасьютиклз»

Основана в 1966 году В будущее — с отличными лекарствами!

«Бьюик» трясся и дребезжал на скверной дороге, ударяя шинами об асфальт. В зеркальце заднего вида Хейворд увидела приближающееся пятнышко, которое вскоре выросло в «Роллс-ройс» Пендергаста. В то утро агент настоял на том, чтобы взять две машины — у него, мол, есть какие-то свои дела, однако, не сомневалась Хейворд, он просто искал предлог перебраться из прокатного «Бьюика» в свой уютный «Роллс-ройс».

«Роллс-ройс» быстро приближался, разгоняясь далеко за пределы дозволенной скорости; он перешел на левую полосу и пронесся мимо, так что «Бьюик» задрожал. Перед Хейворд мелькнул черный рукав и белая ладонь, поднятая в приветствии.

За поворотом Хейворд опять увидела «Роллс-ройс», который стоял у ворот фабрики. Пендергаст в здании охраны разговаривал с охранником. После долгой беседы, во время которой страж несколько раз бегал к телефону, обе машины пропустили.

Хейворд проехала мимо вывески с надписью *«Фабрика Итта-Бена. Корпорация „Лонжитьюд фармасьютиклз“»* на парковочную площадку и увидела, как Пендергаст проверяет свой «Кольт» сорок пятого калибра.

— Могут быть проблемы? — поинтересовалась она.

— Как знать. — Пендергаст убрал оружие в кобуру и похлопал себя по боку.

Засаженная росичкой лужайка вела к группе невысоких строений из желтого кирпича, которую с трех сторон окружали рукава то ли озера, то ли болота, заросшего водяными лилиями и ряской.

За деревьями виднелись и другие здания, частично разрушенные и покрытые плющом. А еще дальше дышала испарениями бескрайняя Черная Топь. Несмотря на ясный летний день, глядя на болото, Лора испытала легкий озноб. Про это место рассказывали много баек: истории о пиратах, привидениях и вещах еще более странных.

Хейворд смахнула с себя москита и вслед за Пендергастом вошла в главное здание. Служащая уже выложила на стойку два бейджика: один для «Мистера Пендергаста», другой — для «Мисс Хейворд». Хейворд схватила свой, прицепила к лацкану.

— Второй этаж, последняя дверь справа, — подсказала седовласая дама с широкой улыбкой.

Войдя в лифт, Хейворд заметила:

— Вы не сказали, что мы копы. Опять.

— Иногда полезно поговорить с людьми до того, как они об этом узнают.

Хейворд пожала плечами:

— А вам не кажется это слишком простым?

— Пожалуй, кажется.

— Кто будет говорить?

— В прошлый раз у вас прекрасно получилось, так не окажете ли честь снова?

— С радостью. Только теперь вряд ли получится быть добренькой. — Хейворд чувствовала успокоительную тяжесть служебного оружия, висевшего у нее на боку.

Лифт, скрипнув, остановился на втором этаже; детективы прошли по длинному, застеленному линолеумом коридору и оказались перед открытой дверью, за которой в большой приемной сидела секретарша. В дальнем конце приемной виднелась потемневшая от времени дубовая дверь.

Хейворд вошла первой. Секретарша, молодая и симпатичная, с собранными в хвост волосами и ярко накрашенными губами, оторвалась от работы.

— Садитесь, пожалуйста.

Хейворд и Пендергаст сели на темно-серый диван, рядом с которым стоял журнальный столик, где высилась стопка журналов с загнутыми страницами.

Секретарша говорила отрывисто и не вставая с места:

— Я Джоан Фармер, личный секретарь мистера Далквиста. Он будет занят весь день и просил меня узнать, чем мы можем вам помочь.

Хейворд подалась вперед.

— Боюсь, вы, мисс Фармер, помочь нам не сможете. Только мистер Далквист.

— Я уже сказала, что он занят. Может, вы объясните, что вам нужно? — Тон ее стал холоднее еще на несколько градусов.

— Он у себя? — Хейворд кивнула на закрытую дверь.

— Мисс Хейворд, я же ясно сказала — его нельзя беспокоить. Итак, чем мы можем вам помочь?

— Мы по поводу проекта, связанного с птичьим гриппом.

— Мне о таком проекте ничего не известно.

Тогда Лора предъявила ей свой полицейский жетон. Секретарша вздрогнула и внимательно на него посмотрела, а потом перевела взгляд на удостоверение Пендергаста, которое он достал по примеру Хейворд.

— Полиция и ФБР? Что же вы сразу не сказали? — Испуг быстро сменился нескрываемым раздражением. — Подождите здесь, пожалуйста.

Она подошла к двери, тихонько постучала, перед тем как войти, и плотно закрыла ее за собой.

Хейворд и Пендергаст одновременно поднялись и, не дожидаясь приглашения, вошли в кабинет — довольно уютную, хоть и почти по-спартански обставленную комнату. У большого стола, разговаривая с секретаршей, стоял человек, похожий больше на профессора, чем на генерального директора, — в очках, твидовом пиджаке и слаксах. Седые волосы были аккуратно причесаны, белые усы щеточкой при появлении гостей недовольно встопорщились.

— Это личный кабинет! — возмутилась секретарша.

— Я так понимаю, что вы из полиции, — сказал Далквист. — Если у вас есть ордер, мне бы хотелось взглянуть.

— Ордера у нас нет, — ответила Хейворд, — мы надеялись поговорить с вами неофициально. Однако если вам требуется ордер, мы принесем.

Далквист задумался.

— Объясните, в чем дело, — наконец попросил он. — Может, ордер и не понадобится.

Хейворд повернулась к Пендергасту.

— Особый агент Пендергаст, вероятно, мистер Далквист прав и нам следует получить ордер. Я всегда за то, чтобы соблюдать форму.

— Ордер в любом случае не помешает, капитан Хейворд. Конечно, тогда может выйти огласка.

Далквист вздохнул.

— Пожалуйста, присядьте. Мисс Фармер, спасибо, мы поговорим прямо здесь. Будете выходить — закройте, пожалуйста, дверь.

Девушка вышла, но ни Хейворд, ни Пендергаст садиться не стали.

— Так что там о птичьем гриппе? — К лицу директора прилила кровь. Хейворд смотрела на него, но если он что-то и знал, его враждебные голубые глаза этого не выдавали. — Гриппом мы вообще не занимаемся, — продолжал он, заходя за стол. — У нас небольшая исследовательская фирма, мы производим всего несколько препаратов для лечения некоторых диффузных заболеваний — вот и все.

— Около тринадцати лет назад, — сказала Хейворд, — компания «Лонжитьюд фармасьютиклз» незаконно запустила исследовательский проект, связанный с птичьим гриппом.

— Незаконно? Как так?

— Не соблюдались меры предосторожности. Из лаборатории улетела инфицированная птица и заразила местную семью. Все они погибли, а фирма этот факт скрыла. И продолжает скрывать — судя по недавним убийствам.

Долгое молчание.

— Очень серьезное обвинение. Мне ничего не известно. «Лонжитьюд фармасьютиклз» около десяти лет назад обанкротилась. Произошла полная реорганизация. С тех времен здесь никого не осталось. Старое руководство уволилось, штат сократили, и теперь мы занимаемся лишь несколькими препаратами.

— Несколькими препаратами? Например?

— Лекарства для лечения дерматомиозита в основном. Предприятие маленькое и узкоспециальное. Я никогда не слышал, чтоб здесь проводились какие-то работы с птичьим гриппом.

— И с того времени никого не осталось?

— Никого, насколько мне известно. Тут был страшный пожар, погиб тогдашний генеральный директор, предприятие закрыли на несколько месяцев. Потом оно опять заработало, но, по сути, это уже другая фирма.

Хейворд вытащила из кармана конверт.

— Как мы понимаем, еще до банкротства компания без предупреждения закрыла несколько направлений по разработке важных орфанных препаратов и вакцин, по которым больше никто и нигде не работал. Миллионы больных людей в странах третьего мира лишились всякой надежды.

— Так мы же разорились!

— Вот так вот взяли и закрыли…

— Их закрыло новое руководство. Лично я пришел в компанию только два года спустя. В чем мое преступление?

Хейворд вдруг заметила, что тяжело дышит. Скверно. Так они ничего не добьются.

— Мистер Далквист, согласно вашей налоговой декларации, ваша заработная плата вместе с премиальными составляет почти восемь миллионов в год. Похоже, ваше маленькое предприятие весьма прибыльное. Куда идут деньги, заработанные компанией?

— Как и в любой корпорации — зарплаты, налоги, дивиденды, накладные расходы, научно-исследовательские работы, развитие производства.

— Простите меня, но, учитывая такие прибыли, ваши лаборатории выглядят запущенными.

— Внешний вид обманчив. У нас тут полно современного оборудования. Мы же не на виду, нам нечего гоняться за красотой. — Он развел руками. — Я вижу, вам не нравится, как мы ведем дела. Может, я вам не нравлюсь — или тот факт, что мой ежегодный личный доход составляет восемь миллионов долларов. Да, фирма наша весьма прибыльная, но мы невиновны в том, в чем вы нас обвиняете. Совершенно невиновны. Я похож на человека, который способен совершить убийство?

— Докажите.

Далквист обошел вокруг стола.

— Первым моим порывом было сразу же вас осадить, заставить добывать ордер, биться по судам, привлечь дорогих юристов, в общем, растянуть все на недели, а то и на месяцы. Даже если бы ваша взяла — получили бы только ордер на ограниченный обыск и кучу бумажной волокиты. Но знаете что? Ходите здесь где хотите, осматривайте все, проверяйте любые документы. Нам прятать нечего! Это вас устроит?

Хейворд посмотрела на Пендергаста. Лицо у того было непроницаемое, серебристые глаза полуприкрыты веками.

— Для начала годится, — ответила она.

Директор нажал кнопку на столе.

— Мисс Фармер, составьте письмо за моей подписью, дающее этим людям полный, абсолютный и неограниченный доступ во все помещения «Лонжитьюд фармасьютиклз» и предписывающее всем сотрудникам отвечать на любые их вопросы правдиво и подробно, а также обеспечить допуск ко всем без исключения процессам и документам.

Далквист отпустил кнопку и посмотрел на посетителей:

— Надеюсь, что вы покинете нас как можно скорее.

— Увидим, — спокойно заметил Пендергаст.

57

Когда они добрались до дальнего конца комплекса «Лонжитьюд фармасьютиклз», Хейворд была совершенно измотана. Далквист слово сдержал: им предоставили полную свободу, показали все — лаборатории, кабинеты, архивы — и разрешили ходить по закрытым зданиям, разбросанным по всей территории комплекса.

И все же Пендергаст и Хейворд абсолютно ничего не нашли. Со времен, предшествующих банкротству, осталось лишь несколько работников низшего звена. В документах компании, хранившихся десятки лет, о птичьем гриппе ничего не упоминалось. Все чисто.

Хейворд это казалось подозрительным. Ее опыт говорил, что у всех, даже у людей честных, бывают секреты. Идя с Пендергастом по коридору последнего заброшенного здания, Хейворд пыталась угадать по спокойному алебастровому лицу агента, о чем он думает.

Они вышли через скрипучую заднюю дверь — запасной пожарный выход. За ней оказалось разбитое бетонное крыльцо и заросший газон. Справа, вокруг грязного, образованного протокой болотца, стояли покрытые испанским мхом кипарисы. Дальше, за зарослями, виднелись остатки кирпичной стены, обвитые плющом, а за ними, в дальнем конце комплекса, — обгорелые развалины, окруженные со всех сторон непроходимыми болотами Черной Топи.

Из темной воды торчали остатки старого причала, обгоревшего и полуразрушенного — кроме ряда свай, почти ничего не уцелело.

Сыпал мелкий дождь, покрывал каплями траву, по небу ходили зловещие тучи.

— А я зонт не взяла, — сказала Хейворд, глядя на унылые мокрые деревья.

Пендергаст, который внимательно смотрел в сторону болота, на старый причал, полез в карман.

«Господи, — подумала Хейворд, — неужели сейчас окажется, что у него там зонт?!»

Однако вместо зонта Пендергаст извлек небольшой пакетике двумя дождевиками: один для своей спутницы, другой — для себя.

Через несколько минут они подошли к искореженному забору из рабицы с остатками колючей проволоки. Сломанные изогнутые ворота лежали на земле, так что пришлось пробираться через узкий лаз. За забором оказались развалины сгоревшего здания. Оно, как и остальные, было из желтого кирпича; крыша провалилась, огромные обуглившиеся балки вздымались вверх, вместо окон и дверей — черные дыры с обгоревшими рамами. Все заросло пуэрарией — она густо покрывала стены, толстым ковром лежала на полу.

Вслед за Пендергастом Хейворд вошла в покосившийся дверной проем. Агент задержался у лежащей на земле двери, опустился на корточки и стал копаться в замке отмычками.

— Любопытно... — сказал он, поднимаясь.

Кругом валялись куски обгоревшего дерева, в потолке зияли дыры, сквозь которые лился тусклый свет. Из темноты выпорхнула стайка потревоженных ласточек и с криками унеслась прочь. Все пропахло сыростью. С черных балок капала вода, на полу, некогда выложенном плиткой, образовались лужи.

Пендергаст вынул карманный фонарик, посветил вокруг. Детективы, перешагивая через обломки, двинулись во внутренние помещения; тонкий луч фонарика плясал по сторонам. Миновав сломанный дверной проем, они оказались в коридоре, по обеим сторонам которого были выгоревшие комнаты. Пол покрывали застывшие лужицы оплавленного стекла и алюминия, горелый пластик, валялись металлические каркасы мебели.

Пендергаст сновал по темной комнате, все разглядывал, ощупывал. Он задержался перед останками архивного шкафа, порылся в промокшей массе обгоревших бумаг в каком-то ящике, разворошил. В середине уцелело несколько документов, и агент вынул несколько листков и стал их разглядывать.

— «Нова Г., доставка выполнена», — прочитал он вслух один из документов. — Это все старые накладные.

— Что-нибудь интересное есть?

— Непохоже. — Пендергаст взял несколько обгоревших листков, сложил их в пластиковый пакет с молнией, который тут же исчез в недрах его костюма.

В большом центральном помещении пожар, видимо, был сильнее всего. Потолок обрушился, пуэрария оплела все густым ковром, повторяющим рельеф развалин.

Пендергаст огляделся, подошел к одной стене, отвел рукой лианы; открылся остов аппарата, о назначении которого Хейворд не могла даже гадать, — провода, какие-то механизмы. Агент прошелся кругом, приподнимая лианы, — под ними обнаружились оплавленные остатки разных приборов.

— Что же это за штуки? — поинтересовалась Хейворд.

— Автоклав, инкубаторы, а вот, подозреваю, центрифуга. — Он посветил фонариком на нечто массивное. — А тут остатки ламинарного бокса. Здесь была высококлассная микробиологическая лаборатория.

Он отодвинул ногой какие-то обломки, нагнулся, что-то подобрал. Маленький предмет слегка блеснул и тут же исчез в его кармане.

— В рапорте о гибели Слэйда, — припомнила Хейворд, — говорилось, что тело нашли в лаборатории. Здесь, наверное, то самое место.

— Да. — Пендергаст осветил ряд больших оплавившихся шкафов. — Пожар начался здесь, на складе химикатов.

— Думаете, поджог?

— Определенно. Пожар понадобился, чтобы избавиться от улик.

— Почему вы так решили?

Пендергаст достал из кармана вещицу, которую только что поднял с пола: полоска алюминия длиной меньше дюйма, не пострадавшая от огня. На ней оказался выдавлен номер.

— Что это?

Кольцо для кольцевания птицы. — Пендергаст внимательно осмотрел находку и передал Хейворд. — Не просто кольцо. — Он показал на внутреннюю поверхность, где виднелся квадратик кремния. — Смотрите. Сюда вделан чип, наверняка с радиомаячком. Теперь понятно, как Хелен отыскала попугая. А я-то удивлялся, каким образом она так быстро его обнаружила.

Хейворд вернула ему устройство.

— А все-таки почему высчитаете, что это поджог? Если верить рапорту, не нашлось никаких доказательств умысла, никаких следов воспламеняющих веществ.

— Человек, который устроил пожар, был отличный химик и знал, что делает. Слишком уж удобное совпадение — пожар случился сразу после того, как закрыли проект с птичьим гриппом.

— Так кто же поджег?

— Обратите внимание на высокую степень зашиты лаборатории: ограждение по периметру, особые замки, которые почти невозможно взломать, а на окнах — решетки и матовые стекла. Здание стояло обособленно, чуть ли не в болоте, и со всех сторон было защищено. Поджег непременно кто-то из своих. Тот, кто имел доступ ко всему.

— Слэйд?

— Поджигатель не так уж и редко погибает в пожаре, который сам же и устроил.

— Но с другой стороны, — сказала Хейворд, — это могло быть и убийство. Слэйд, как глава проекта, знал слишком много.

Пендергаст остановил на ней свои светлые глаза.

— Именно так я и думаю, капитан.

— Значит, мы в тупике.

Пендергаст достал из кармана пакет на молнии и отдал Хейворд. Она просмотрела документ: заказ на партию чашек Петри с припиской от руки «По распоряжению ЧДС»; вместо подписи стояла буква «Д».

— ЧДС? Наверное — Чарльз Д. Слэйд.

— Именно. И это очень даже интересно.

Хейворд вернула агенту бумагу.

— Не вижу ничего особенного.

— Почерк явно Джун Броди, секретаря Слэйда. Женщины, которая совершила самоубийство, прыгнув с моста через неделю после смерти Слэйда. Вот только, судя по этой приписке, она вообще не совершала самоубийства.

— Да как же вы так определили?!

— У меня есть копия предсмертного письма, которое Джун оставила в машине, перед тем как бросилась с моста.

Пендергаст вынул из кармана лист бумаги.

— Сравните почерк с образцом, который я только что нашел: обычная деловая заметка, набросанная в офисе. Очень любопытно.

Хейворд смотрела поочередно то на одну бумагу, то на другую.

— Почерк совершенно одинаковый.

— Именно это, капитан, и есть самое интересное.

Пендергаст убрал бумаги в карман своего пиджака.

58

Когда Лора Хейворд доехала до небольшого шоссе, ведущего от Итта-Бена на восток, к скоростной трассе, солнце уже скрылось за пеленой серых облаков. Если верить навигатору, до Пенумбры осталось четыре с половиной часа; она успеет до полуночи. Пендергаст вернется позже — он поехал раскопать что-нибудь еще про Джун Броди.

Впереди тянулось длинное пустое шоссе. Лору клонило в сон, и она открыла окно; в машину ворвалась струя свежего воздуха, неся запах ночи и сырой земли. В следующем городке нужно будет взять кофе и бутерброд… а может, попадется ресторанчик, где подают бифштексы. Лора ничего не ела с самого утра.

Зазвонил сотовый; одной рукой Хейворд вытащила его из кармана.

— Алло?

— Капитан Хейворд? Говорит доктор Ферман из госпиталя Бастропа.

От его серьезного тона Хейворд похолодела.

— Простите, что беспокою так поздно, но, боюсь, должен был позвонить. Мистеру д’Агосте неожиданно стало хуже.

Она сглотнула.

— Что с ним?

— Его сейчас обследуют, но, кажется, у него редкая форма анафилактического шока — следствие пересадки свиного клапана. — Он помолчал. — По правде говоря, положение очень серьезное. И мы… мы решили вам сообщить.

Хейворд не сразу смогла ответить. Замедлив ход, она съехала с шоссе. Машина слегка вильнула на влажной земле.

— Капитан Хейворд?

— Слушаю. — Лора трясущимися пальцами тыкала в навигатор — искала Калтроп, штат Луизиана. — Минутку.

На приборе высветилось время пути до Калтропа.

— Я буду через два часа. Или раньше.

— Будем ждать.

Хейворд кинула телефон на пассажирское сиденье, прерывисто вздохнула и дала газ. Она резко крутанула руль, развернув машину на месте, так что взвизгнули шины, полетела грязь, а зад «Бьюика» занесло.

Держа руки в карманах докторского халата, Джадсон Эстерхази миновал двойные двери, вышел в теплую ночь и глубоко вздохнул. Стоя под навесом у главного входа в госпиталь, он оглядел автомобильную стоянку. Ярко освещенная площадка огибала главный вход, тянулась вдоль одного крыла небольшого госпиталя и на три четверти пустовала. Обычный тихий вечер в Калтропе.

Эстерхази стал изучать окружающий пейзаж. За стоянкой простирался газон, спускавшийся к небольшому пруду. С другой стороны госпиталя виднелся скверик с тщательно рассаженными и ухоженными деревьями. Вокруг них вились дорожки, стояли гранитные скамьи.

Джадсон прошагал через стоянку к скверику и присел на скамью — ни дать ни взять врач или фельдшер, вышедший глотнуть свежего воздуха. От нечего делать он почитал выгравированные на скамейке имена благотворителей.

Пока все шло по плану. Отыскать д’Агосту было очень нелегко: Пендергаст ухитрился добыть другу новое имя, историю болезни, свидетельство о рождении, место работы. Не имей Джадсон доступа к конфиденциальным документам, он мог вообще его не найти. В конце концов разгадать загадку помог ему клапан свиного сердца. Ведь д’Агосту с ранением в сердце поместили в кардиологию. Предварительное обследование показало, что у него серьезно поврежден клапан аорты. Ублюдку была прямая дорога на тот свет, но раз уж он выжил, то потребуется клапан для пересадки.

Заказов на свиные сердечные клапаны через базу данных проходит не так уж много. Нужно отследить клапан, тогда и человек найдется.

Потом Джадсон сообразил, что можно разом поймать двух зайцев. В конце концов, изначально целью был не д’Агоста; зато теперь, валяющийся в коме, он мог очень даже пригодиться.

Эстерхази посмотрел на часы. Пендергаст и Хейворд все еще не в Пенумбре и вернутся не скоро. Им, конечно, уже сообщили о самочувствии д'Агосты, и они сломя голову летят в госпиталь. Все спланировано отлично. Д'Агоста сейчас умирает от тщательно рассчитанной дозы павулона, смертельной, но не такой, чтоб убить сразу. В том-то и прелесть павулона: с помощью дозировки можно оттянуть драматический момент. Павулон вызывает те же симптомы, что анафилактический шок, а полупериод распада у него меньше трех часов. Пендергаст и Хейворд спешат к смертному одру, только, конечно, до смерти лейтенанта они не доживут.

Джадсон поднялся и пошел по мощенной кирпичом дорожке через скверик. Свет со стоянки сюда не проникал, и большая часть скверика погрузилась в темноту. Вот откуда хорошо стрелять из снайперской винтовки. Но сейчас это не годится. Когда те двое явятся, они припаркуются как можно ближе к главному входу и сразу понесутся в здание, так что стрелять придется по подвижным целям. После неудачи в Пенумбре Эстерхази не станет действовать так же. Теперь он не желает рисковать. И потому — обрез.

У входа в госпиталь будет гораздо надежнее. Эстерхази расположится справа от прохода в наименее освещенном месте. Где бы ни припарковались Пендергаст и Хейворд, они все равно пройдут мимо него. Он будет ждать под видом доктора, в халате, склонившись над планшетом. Они спешат, они взволнованны, доктор не покажется им подозрительным. Что может быть естественнее? Он подпустит их поближе, выберет момент, когда не будет видно тем, кто находится за двойными стеклянными дверьми. Потом выдернет из-под халата обрез и расстреляет их в упор от бедра. Крупная дробь вышибет им и потроха, и позвонки. А ему останется пройти двадцать футов до своей машины, сесть за руль и уехать.

Закрыв глаза, Эстерхази прокрутил в уме всю картину, отсчитывая время. Примерно пятнадцать секунд, от начала до конца. Пока охранник за стойкой позовет помощь, пока соберется с духом и поднимет с места толстый зад, Джадсон уже уйдет.

План хороший. Надежный. Объекты будут на виду, к нападению не готовы. Даже известный своим спокойствием Пендергаст сейчас нервничает. Он, конечно, винит себя в том, что случилось с д'Агостой, а теперь его друг и вовсе умирает.

Единственная опасность — весьма небольшая, — что с ним кто-нибудь заговорит или окликнет перед тем, как нужно будет действовать. Но это маловероятно. Тут дорогой частный госпиталь; когда Джадсон вошел и предъявил пропуск, на него никто не обратил внимания. Эстерхази направился прямо в палату д'Агосты — тот, накачанный

обезболивающими, крепко спал после операции. Охраны не было — видно, Пендергаст счел, что хорошо спрятал лейтенанта. Конечно же, он проделал отличную работу: все бумаги в порядке, и для всех в госпитале д’Агоста — Тони Спада из Флашинга, Квинс.

И все же именно он оказался единственным пациентом во всем регионе, которому требовался ксенотрансплантат за сорок тысяч долларов — сердечный клапан свиньи.

Эстерхази ввел павулон в капельницу. К тому времени, когда забили тревогу, Джадсон был уже в другой части госпиталя. Никто его ни о чем не спросил, никто не проявил ни малейшего интереса к его присутствию. Он ведь сам врач и знает, как себя вести, как выглядеть, что говорить.

Эстерхази посмотрел на часы, сел в машину. На полу под пассажирским сиденьем слегка поблескивал обрез. Джадсон решил посидеть немного в темноте.

Потом он спрячет обрез под одеждой, выйдет из машины, встанет, где потемнее... и будет ждать, пока прилетят птички.

В конце длинной прямой подъездной дороги Хейворд увидела госпиталь — светящееся в ночи трехэтажное здание, окруженное газонами; в небольшом пруду отражались горящие окна. Хейворд прибавила газу. Дорога пошла под уклон, пересекла ручей в лощинке, а потом взобралась наверх. Приближаясь к госпиталю, Хейворд резко затормозила, пытаясь обуздать разогнавшуюся машину; при повороте шины тихонько взвизгнули.

Хейворд остановилась на ближайшем свободном месте, выскочила на стоянку, метнулась под навес у главного входа. Там, чуть сбоку, на мало освещенном пятачке стоял врач с планшетом в руках. Лицо его закрывала хирургическая маска — должно быть, он только-только вышел из операционной.

— Капитан Хейворд? — спросил врач.

Она направилась к нему, встревоженная, что ее почему-то встречает хирург.

— Да. Ну как он?

— С ним все будет хорошо, — приглушенно ответил доктор. Он зажал планшет одной рукой, а другой полез под белый халат.

— Слава Богу, — начала было Хейворд... И тут увидела обрез.

59

Нью-Йорк

Доктор Джон Фелдер поднялся по широким каменным ступеням главного здания нью-йоркской публичной библиотеки. Позади него, на Пятой авеню, сливались в обычное вечернее стаккато гудки автомобилей и рокот моторов. Доктор чуть помедлил меж каменных львов, символизирующих Стойкость и Терпение, посмотрел на часы, поправил под мышкой тонкий желтый конверт. И двинулся к медным дверям.

— Простите, сэр. — Перед ним стоял охранник. — Библиотека уже закрыта.

Фелдер предъявил документы.

— Благодарю вас, сэр. — Охранник, почтительно отступил с дороги.

— Я заказал кое-какие материалы, — объяснил Фелдер. — Мне сказали, что они готовы.

— О них можно узнать в Главном исследовательском отделе, — последовал ответ. — Помещение триста пятнадцать.

— Спасибо.

Фелдер вошел в большой холл; эхо шагов гулко раздалось под сводами библиотеки. Время близилось к восьми вечера; в пустом холле за пультом сидел еще один охранник, который тоже проверил документы и указал Фелдеру на широкую лестницу. Доктор в задумчивости двинулся по мраморным ступеням. Поднявшись на третий этаж, он пошел по коридору к помещению триста пятнадцать.

В помещении триста пятнадцать чувствовался размах. Длиной почти в два городских квартала, Главный читальный зал имел в высоту пятьдесят футов и завершался кессонным потолком в стиле рококо, покрытым фресками. Над бесконечными рядами длинных дубовых столов висели изящные светильники, а на самих столах красовались бронзовые лампы. Кое-где, склонившись над книгами или стуча тихонько по клавишам ноутбуков, работали специалисты, имевшие сюда доступ в нерабочие часы. Книги, которыми были тут заставлены все стены, представляли собой лишь каплю в море общего фонда: в подземных помещениях под самой библиотекой и зелеными аллеями прилегающего к ней Брайант-парка хранились еще шесть миллионов томов.

Фелдер, однако, пришел сюда не ради книг. Его интересовало имеющееся здесь не менее обширное собрание материалов по генеалогии.

Доктор прошел к пункту выдачи литературы — сооружению из резного дерева размером с небольшой домик в пригороде, которое делило зал на

две части. Фелдер шепотом перекинулся с сотрудником парой фраз и получил тележку с папками и регистрационными книгами. Доктор подкатил ее к ближайшему столу, сел и стал раскладывать бумаги на деревянной полированной столешнице. Они пожелтели от времени или выцвели, но в остальном сохранились в безупречном состоянии. У всех документов и записей имелось нечто общее — они датировались периодом от тысяча восемьсот семидесятого до тысяча восемьсот восьмидесятого года и относились к району Манхэттена, где выросла, по ее словам, Констанс Грин.

С самого начала ее дела Фелдер задумывался об истории этой молодой женщины. Все вздор, конечно, — бред человека, потерявшего связь с действительностью. Классический случай навязчивых идей, психическое расстройство неустановленного типа.

И все же Констанс Грин не казалась человеком, полностью оторванным от реальности. Что-то в ней озадачивало — нет, интриговало — доктора.

«Я и в самом деле родилась на Уотер-стрит в семидесятые годы — только девятнадцатого века. Подтверждения тому есть в городском архиве на Сентер-стрит и еще больше — в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Я своими глазами читала».

А что, если она пыталась дать ему разгадку — ту самую крупицу информации, которая поможет раскрыть тайну? Вдруг это своеобразный крик о помощи? Ответ Фелдер получит, только тщательно изучив архивы. Странно, конечно, — его участие в деле кончилось, а человек он занятой, с хорошей частной практикой. И все же… ему было чертовски любопытно.

Через час Фелдер откинулся на спинку стула и глубоко вздохнул. Среди вороха пожелтевших бумаг нашлись результаты переписи населения на Манхэттене, где действительно упоминалась семья, проживавшая в доме шестнадцать на Уотер-стрит.

Оставив бумаги на столе, доктор встал и отправился на первый этаж, в отделение генеалогических исследований. Поиски в поземельных книгах и архивах документов воинского учета ни к чему не привели, в листах переписи населения тысяча восемьсот восьмидесятого года не нашлось ничего. Зато в перепись тысяча восемьсот семидесятого года попал некий Гораций Грин, проживавший в округе Патнэм, Нью-Йорк. Изучение налоговых документов округа Патнэм принесло еще несколько крупиц.

Фелдер медленно вернулся в читальный зал и сел за стол. Он аккуратно открыл желтый конверт, который принес с собой, и выложил на стол его содержимое, добытое в Государственном архиве.

Итак, что ему известно?

В тысяча восемьсот семидесятом году Гораций Грин был фермером в Кармеле, штат Нью-Йорк. Жена — Честити, дочь — Мэри, восьми лет.

В тысяча восемьсот семьдесят четвертом году Гораций Грин жил в доме шестнадцать по Уотер-стрит в Нижнем Манхэттене. Род занятий — грузчик в порту. Теперь у него стало уже трое детей: Мэри — двенадцати лет, Джозеф — трех лет и Констанс — одного года.

В тысяча восемьсот семьдесят восьмом году городской департамент здравоохранения выдал свидетельства о смерти Горация Грина и Честити Грин. Причина смерти в обоих случаях — туберкулез. Трое детей — шестнадцати, семи и пяти лет — остались сиротами.

В тысяча восемьсот семьдесят восьмом году Мэри Грин предъявили обвинение в проституции. Как установил суд, она пыталась найти работу прачки или швеи, но платили ей недостаточно, чтоб она могла прокормиться и содержать брата и сестру. В том же году Мэри на неопределенный срок отправили в приют в квартале Файв-Пойнтс. Больше о ней никаких записей не было; Мэри словно сквозь землю провалилась.

В полицейских архивах за тысяча восемьсот восьмидесятый год нашлась запись о некоем Касторе Макгилликати, насмерть забившем Джозефа Грина, десяти лет, пойманного им при попытке залезть в карман. Приговор: штраф десять долларов и шестьдесят дней тяжелых исправительных работ в тюрьме; позже приговор смягчили.

Вот так. Последнее — и единственное — упоминание о Констанс Грин было в переписи тысяча восемьсот семьдесят четвертого года.

Фелдер убрал бумаги в конверт и со вздохом его закрыл. Тяжелая история. Ясно, что женщина, называющая себя Констанс Грин, ухватилась за эти обрывочные сведения о семье Грин и сделала их предметом своих маниакальных фантазий. Но почему? Из тысяч, из миллионов нью-йоркских семей — ведь есть же куда более интересные и красочные истории! — почему она выбрала именно Гринов? Быть может, они — ее предки? Однако записи о Гринах, видимо, кончались на этом поколении: не нашлось ничего, дающего основания считать, что после тысяча восемьсот восьмидесятого года остался в живых хоть кто-то из этой семьи.

Фелдер опять вздохнул и пошел на выдачу, где взял несколько дюжин местных манхэттенских газет конца семидесятых годов девятнадцатого века. Он листал их без всякой системы, равнодушно поглядывая на заголовки, объявления и рекламу. Все это, конечно, бессмысленно: он и

сам не знает, что ищет, и — прежде всего — не знает, зачем ищет. Почему Констанс Грин и ее история сбили его с толку? Ведь он не...

Просматривая подшивку «Нью-Йорк дейли инкуайрер» за тысяча восемьсот семьдесят девятый год, Фелдер вдруг замер. На одной из страниц ему попался рисунок под названием «Играющие беспризорники»: квартал убогих многоквартирных домов, чумазые мальчишки играют на улице в мяч, а поодаль девочка с метлой в руке глядит на играющих. Худенькая, на грани истощения, она в отличие от других детей казалась подавленной, почти испуганной. Фелдера поразило ее лицо. Каждой своей черточкой то была вылитая Констанс Грин.

Некоторое время Фелдер смотрел на рисунок, а потом медленно закрыл газету. Лицо его стало задумчивым и серьезным.

60

Калтроп, штат Луизиана

Один за другим защелкали выстрелы, следом раздался грохот дробовика. Хейворд бросилась в сторону, и рядом просвистели дробинки. Хейворд перекатилась, выхватывая пистолет, но лжедоктор уже бежал к стоянке, только белый халат развевался. Снова послышались выстрелы, а потом — визг шин: коллекционный «Роллс-ройс» несся по стоянке так, что дымились шины. Из водительского окна высунулся Пендергаст, стреляя из пистолета — ни дать ни взять ковбой, который палит, сидя на несущейся галопом лошади.

У «Роллс-ройса» занесло задние колеса. Машина еще не успела остановиться, а Пендергаст уже распахнул дверь и бросился к Хейворд.

— Я в порядке! — сказала она, пытаясь подняться. — Я в порядке! Черт, смотрите — он же уходит!

Где-то на стоянке взревел мотор, машина с визгом вынеслась за поворот — задние огни слились в красную полосу — и исчезла из виду.

Пендергаст рывком поднял Хейворд на ноги.

— Некогда. Идемте.

Они вбежали в фойе больницы, где начиналась паника: охранник кричал что-то в телефонную трубку, а дежурный регистратор и еще несколько сотрудников распростерлись на полу.

Не обращая ни на кого внимания, Пендергаст распахнул следующую дверь и вцепился в первого попавшегося врача.

— Срочно в триста двадцать третью палату, — сказал он, показывая свой жетон. — Попытка убийства. Пациенту ввели какой-то препарат.

Доктор, даже не моргнув, сказал:

— Понятно.

Все трое побежали по лестнице в палату д'Агосты. Тут кипела работа: рядом с аппаратами суетились доктора и сестры, мигали огоньки, попискивали сигналы. Д'Агоста неподвижно лежал на койке.

Доктор спокойно вошел в палату.

— Прошу внимания. Этому пациенту ввели какой-то препарат с целью убийства.

Одна из сестер подняла голову.

— Да как же…

Доктор жестом прервал ее.

— Вопрос в другом: какой именно препарат вызывает такие симптомы?

Поднялся шум, начался ожесточенный спор, врачи стали просматривать историю болезни и распечатки приборов.

— Вам тут больше делать нечего, — обратился один из докторов к Хейворд. — Подождите, пожалуйста, снаружи.

— Я хочу быть здесь, — заявила она.

— Ни в коем случае, извините.

Хейворд вышла, и тут опять прозвучал сигнал. На мониторе сердечной деятельности появилась ровная полоса.

— О Боже! — разрыдалась Лора. — Разрешите мне побыть здесь, прошу вас, пожалуйста…

Дверь закрылась, и Пендергаст тихонько отвел Хейворд в сторону.

Комната ожидания была маленькая и очень чистая, с пластиковыми стульями. За окном сгустилась ночная мгла. Хейворд невидящими глазами смотрела в черный прямоугольник. Ум ее усиленно работал, но вхолостую, как сломанный двигатель. Во рту у нее пересохло, руки дрожали. По щеке скатилась единственная слеза — слеза отчаяния и не находящей выхода ярости.

Почувствовав на плече руку Пендергаста, Хейворд стряхнула ее и отодвинулась.

— Капитан, — тихо сказал он, — позвольте напомнить вам, что имело место покушение — на лейтенанта д’Агосту. И на вас.

Спокойный голос Пендергаста проник в ее затуманенный яростью разум. Хейворд потрясла головой.

— Уйдите вы от меня к черту.

— Вы должны взглянуть на создавшееся положение как офицер полиции. Мне нужна помощь, причем немедленно.

— Меня ваши проблемы больше не интересуют.

— К сожалению, это уже не моя проблема.

Она сглотнула, сжала кулаки и сказала, глядя в темноту:

— Если он умрет…

Спокойный, почти вкрадчивый голос не умолкал.

— Это от нас не зависит. Послушайте меня. Сейчас мне нужна не Лора Хейворд, а капитан Хейворд. Нам необходимо обсудить нечто важное. Прямо сейчас.

Хейворд закрыла глаза; все у нее онемело. Не было даже сил отвязаться от Пендергаста.

— Похоже, — продолжал тот, — что мы имеем дело с убийцей-медиком.

Лора устала, устала от всего, устала жить. Если Винни умрет… Она заставила себя прогнать эту мысль.

— Я принял чрезвычайные меры для того, чтобы сохранить в секрете место пребывания Винсента. Значит, убийца имел доступ к истории болезни, к информации о движении медицинских материалов и лекарств. Существуют лишь две возможности. Первая: он или она — член бригады врачей, которая непосредственно занимается лечением Винсента. Впрочем, такое совпадение маловероятно — их всех тщательно проверяли. Вторая возможность — и я верю именно в нее: Винсента нашли, отследив, куда направили клапан, который ему пересадили. Злоумышленник может даже быть кардиохирургом.

Хейворд молчала.

— Вы понимаете, что это значит? — продолжил Пендергаст. — Винсента использовали как приманку. Преступник намеренно ввел его в кому, зная, что мы тут же явимся. Он, естественно, ожидал, что мы приедем вместе. Нас спасло только то, что мы приехали порознь.

Лора отвернулась, пряча лицо. Приманка. Винни — приманка!

После недолгого молчания Пендергаст снова заговорил:

— Здесь мы больше ничем не поможем. А между тем я сделал очень важное открытие. Когда мы расстались, я занялся самоубийством Джун Броди и обнаружил кое-какие интересные совпадения. Как нам известно, самоубийство произошло всего неделю спустя после пожара и гибели Слэйда. А через месяц супруг Джун сказал своим знакомым, что едет за границу, и больше его не видели. Дом был закрыт и в конце концов продан. Я пытался найти Броди, но никаких следов не осталось; не удалось отыскать никаких документов о его выезде из страны.

Хейворд помимо своей воли медленно повернулась к Пендергасту.

— У Джун, весьма привлекательной женщины, похоже, был роман со Слэйдом, — продолжал агент.

— Вот именно, — прервала молчание Хейворд. — Она не покончила с собой. Ее убил муж и скрылся.

— Против такой версии есть два факта. Первый — записка.

— Он заставил ее написать.

— Как вы знаете, почерк не носит признаков волнения. И есть кое-что еще. Незадолго до самоубийства Джун Броди поставили диагноз — болезнь Лу Герига, то есть быстроразвивающаяся форма латерального склероза. Она бы и так очень скоро умерла.

Хейворд задумалась.

— Болезнь — довод в пользу самоубийства.

— Убийство… — пробормотал Пендергаст, — или самоубийство. Или ни то, ни другое.

Это типично пендергастовское замечание Хейворд проигнорировала.

— Вашего частного детектива — Хадсона — убили, потому что он занимался Джун Броди. По всей видимости, тот, кто за всем этим стоит, не желает, чтобы мы о ней раскапывали. Поэтому именно Джун становится ключевой фигурой в нашем расследовании.

— Совершенно верно, — подтвердил Пендергаст.

— А что еще вам удалось узнать?

— Семья ее ничем не примечательна. Ее родители — обнищавшие в шестидесятые годы нефтепромысловики. Джун росла в бедности, закончила местный муниципальный колледж, получила специальность медицинской сестры, но проработала только несколько лет. Либо профессия ей не понравилась, либо же ее привлекло более высокое

жалованье персонального помощника директора. Во всяком случае, она устроилась в «Лонжитьюд фармасьютиклз» и остаток жизни проработала там. Вышла замуж за свою первую школьную любовь, но, похоже, вскоре пожелала переключиться на Чарльза Слэйда.

— А муж?

— Или не знал, или мирился. — Пендергаст вынул из кармана желтый конверт и вручил Хейворд: — Вот, взгляните.

В конверте Хейворд обнаружила несколько пожелтевших газетных вырезок, запечатанных в прозрачный пластик, и карту.

— Что это?

— Вы сейчас сказали, что Джун Броди — ключевая фигура. И я с вами согласен. Однако есть нечто еще более важное, а именно — география событий.

— География?

— Черная Топь, если быть точным. — Пендергаст кивнул на вырезки.

Хейворд быстро их перелистала. Большей частью это были статьи из местных газет — о всяких историях и байках, связанных с Черной Топью: таинственные огни по ночам, пропавший ловец лягушек, клады и привидения. В детстве она слышала много такого. Болото, самое большое на Юге, считалось местной достопримечательностью.

— Смотрите, — сказал Пендергаст, водя пальцем по карте, — с одной стороны Черной Топи у нас «Лонжитьюд фармасьютиклз». С другой — Санфлауэр и дом семьи Доан. Еще есть семья Джун Броди, проживавшая в небольшом городке Мэлфорш на озере у восточного края Черной Топи.

— И?..

Пендергаст легонько постучал пальцем по карте.

— И прямо здесь, в середине Черной Топи, мы имеем Испанский остров.

— Что это такое?

— Родители Джун владели охотничьим лагерем, расположенным среди болот, и назывался он «Испанский остров». Не совсем остров, конечно, — просто пятачок земли посуше. Лагерь наверняка построили на сваях и пропитанных креозотом столбах. В семидесятые годы лагерь обанкротился. Его закрыли и больше не открывали.

Хейворд взглянула на собеседника.

— Ну?

— Посмотрите, что пишут местные газеты городков, окружающих болото: Санфлауэр, Итта-Бена и особенно Мэлфорш. На эти истории я обратил внимание, когда просматривал газетные архивы в Санфлауэре, но ничего тогда не подумал. А вот если нанести события на карту, то можно увидеть, что все они связаны с одним местом — Испанским островом — самой серединой Черной Топи.

— Но ведь это всего лишь легенды. Красивые байки.

— Дыма без огня не бывает.

Хейворд закрыла конверт и протянула Пендергасту.

— Это не полицейская работа. Сплошные догадки. Нет ни одного конкретного факта, который бы указывал на Испанский остров.

В глазах Пендергаста сверкнули искорки.

— Пять лет назад, — сказал он, — экологи расчищали в болотах у Мэлфорша несанкционированную свалку. Эти свалки есть по всему Югу: в болота бросают старые автомобили, холодильники — все, что можно утопить. Среди прочего рабочие вытащили автомобиль. Естественно, экологи стали разыскивать хозяина, чтобы его оштрафовать. Но так и не нашли.

— И чей же он?

— Автомобиль был зарегистрирован на Карлтона Броди, мужа Джун. Именно на этой машине он уехал, якобы за границу.

Хейворд нахмурилась.

— И еще одна вещь — она не дает мне покоя с самого утра. Помните остатки причала на сваях, которые мы видели в «Лонжитьюд фармасьютиклз»? За комплексом номер шесть?

— И какое он имеет отношение?

— Зачем фирме понадобилось строить причал прямо в Черной Топи?

Хейворд на миг задумалась.

— Может, его построили еще до «Лонжитьюд фармасьютиклз»?

— Возможно. Но мне кажется, эта постройка — ровесница прочих зданий корпорации. Нет, капитан, все — и особенно причал — указывает на то, что наша следующая цель — Испанский остров.

Внезапно дверь комнаты ожидания распахнулась, и быстро вошел доктор.

— Будет жить! — воскликнул он, не в силах сдержать радость. — Мы успели выяснить, какой это препарат. Павулон, мощный мышечный релаксант — вот что ему ввели. На медицинском складе как раз недосчитались некоторого количества.

У Хейворд закружилась голова.

— Слава Богу...

Врач повернулся к Пендергасту:

— Не знаю, как вы определили, что пациенту сделали инъекцию, но ваша догадка спасла ему жизнь.

Хейворд тоже посмотрела на агента. Она об этом и не подумала...

— Мы, конечно, сообщили в полицию, — продолжал врач. — Они скоро приедут.

Пендергаст опустил конверт в карман.

— Отлично. Нам же, боюсь, пора ехать. Дело крайне срочное. Вот моя карточка, пусть полиция со мной свяжется. И пусть организуют круглосуточную охрану пациента. Вряд ли убийца сделает еще одну попытку, но как знать.

— Хорошо, мистер Пендергаст, — ответил доктор, беря карточку с гербом ФБР.

— Нельзя терять ни минуты, — бросил агент, устремляясь к двери.

— Но... куда мы теперь? — спросила Хейворд.

— На Испанский остров!

61

Плантация Пенумбра

На старый дом в неоклассическом стиле опустилась тьма. Круглую луну затянули тяжелые тучи, зимний пейзаж пеленой окутала сильная не по сезону жара. Даже насекомые, казалось, погрузились в дремоту и молчали.

Морис неспешно ходил по первому этажу, заглядывал в комнаты, проверял, закрыты ли окна, не горит ли свет, все ли в порядке. Задвинув на двери засов и повернув ключ, он еще раз огляделся, удовлетворенно хмыкнул и направился к лестнице.

Тишину нарушил звонок телефона в холле.

Морис вздрогнул и направился к телефону, морщинистой рукой с выступающими венами снял трубку с рычага.

— Да?

— Морис? — это был голос Пендергаста. Кроме него, в трубке слышался слабый непрерывный шум, похожий на гудение ветра.

— Да? — повторил Морис.

— Я хотел предупредить, что сегодня вечером нас дома не будет. Можете запереть заднюю дверь.

— Хорошо, сэр.

— Ждите нас завтра к вечеру. Если мы задержимся, я сообщу.

— Понятно. — Морис секунду помедлил и спросил: — А куда вы едете, сэр?

— В Мэлфорш. Небольшой городишко у Черной Топи.

— Ясно, сэр. Удачной поездки.

— Спасибо, Морис. До завтра.

Трубка замолчала; Морис опустил ее на рычаг. Чуть-чуть подождал, подумал. Опять снял трубку и набрал номер. После нескольких гудков ответил мужской голос.

— Алло? — сказал Морис. — Мистер Джадсон?

На другом конце ответили утвердительно.

— Это Морис, из Пенумбры. Хорошо, спасибо, сэр. Да. Да, только что звонил. Они едут к Черной Топи. В город Мэлфорш. Поскольку вы так о нем беспокоитесь, я решил вам сообщить. Нет, он не сказал зачем. Да. Хорошо, сэр. Пожалуйста. Спокойной ночи.

Морис повесил трубку и направился в заднюю часть дома — запереть дверь. В последний раз оглядевшись, он вернулся в главный холл и отправился наверх. Больше его ничто не отвлекало.

62

Мэлфорш, штат Миссисипи

Майк Вентура подошел на лодке к подгнившему причалу у «Рыбацкого бара» — ветхой покосившейся деревянной лачуги на сваях. По воде разносилась музыка кантри, гиканье и смех. Майк завел моторку в свободный бон, заглушил мотор, выпрыгнул на причал, привязал лодку.

Близилась полночь, бар был полон посетителей. У причала теснились лодки — от быстрых катеров до фанерных посудин. «Мэлфорш — городишко убогий, — подумал Майк, — но народ еще не забыл хорошие

времена». Он облизнул пересохшие губы. Сначала — баночку пивка и глоток хорошего виски, а потом уже дело.

Майк распахнул двери, и на него обрушились звуки, запахи, ощущения: громыхание музыки, мигание неоновых огней, опилки, пиво, сырость, запах и плеск воды под сваями. Левое крыло лачуги служило лавкой, а правое — баром. По позднему времени в левой стороне свет не горел. В лавке стояли холодильники и емкости с разнообразными живыми приманками, которыми и славился Джек Крошка: дождевые черви, пиявки, опарыши, кузнечики, рачки и «крыски» — личинки пчеловидки.

Майк лег животом на стойку, а бармен, он же владелец заведения, по прозвищу Крошка — огромная трясущая гора жира — мигом метнул ему банку «Курз» с приставшими кусочками льда, а вслед за пивом — двойную порцию «Джека Дэниелса».

Вентура кивнул, осушил стопку и запил глотком пива.

Черт, как раз то, что доктор прописал! Слишком долго Майк проторчал в болотах. Попивая пиво, он оглядывался по сторонам с растущим чувством благодарности. Здесь — одно из последних мест, где не приходится любоваться на всяких там черномазых, на гомиков или янки. Здесь все белые, и говорить ничего не нужно, и так все ясно… И всегда тут так было и будет, аминь.

Стену за баром украшали открытки, фотографии дровосеков с топорами, снимки лодок и веселых рыболовов, чучела рыб, долларовые купюры с автографами, виды Мэлфорша с высоты, снятые в то время, когда городок казался средоточием жизни и все стремились сюда — от дровосеков до охотников на крокодилов. В те времена у каждого имелась и приличная лодка, и грузовичок-пикап, и мало-мальски порядочный дом. А потом половину болот превратили в природоохранную зону.

Долбаная природоохранная зона.

Вентура прикончил пиво и не успел даже попросить, как ему метнули по стойке вторую банку и — уже одинарную — порцию «Джека Дэниелса». Крошка знает, что нужно завсегдатаям. Вместо того чтобы взять выпивку, Вентура решил сперва кончить предстоящее дело. Он собрался получить от него удовольствие и деньжат заработать — не замарав рук. Вентура обвел взглядом висевшие на стене лозунги. «Гринпис — в пекло катись», «Помоги дикой природе — накорми аллигатора природозащитником» и прочие в том же духе.

Нет, у него замечательный план!

Вентура перегнулся через стойку, махнул рукой хозяину.

— Мне нужно сделать важное объявление. Можно музыку вырубить?

— А то. — Крошка направился к музыкальному центру, выключил. В баре почти сразу воцарилась тишина, все повернулись к барной стойке.

Вентура слез с табурета и неспешно вышел на середину, топая ковбойскими башмаками по облезлому дощатому полу.

— Эй, Майк! — завопил кто-то, и некоторые пьяно засвистели, захлопали в ладоши. Вентура словно не слышал. Его тут хорошо знали: бывший окружной шериф, человек состоятельный, но не спесивый. С другой стороны, он старался не смешиваться с отребьем, всегда сохранял дистанцию. И его уважали.

Сунув большие пальцы за ремень, Майк медленно обвел помещение взглядом. Все ждали. Не каждый день он обращается к людям. Надо же, как стало тихо. Это было приятно; вот она — высшая степень уважения и признания.

— У нас проблема возникла, — объявил Вентура. Подождал несколько секунд, чтоб лучше дошло, и продолжил: — Проблемка в лице двоих природоохранников. Они сюда явятся тайно, хотят прощупать обстановку на нашем конце болот, чтобы распространить природоохранную зону на всю Черную Топь и даже на озеро.

Он посмотрел на слушателей. По комнате побежал шепот, бормотание, невнятные сердитые возгласы.

— Озеро? — выкрикнул кто-то. — Черта с два!

— Именно так. Конец рыбалке, конец охоте. Все. Природоохранная зона. Теперь только эти сукины дети из Общества защиты природы будут сюда таскаться на своих байдарках — птичек, понимаешь, наблюдать. — Вентура буквально выплевывал слова.

Слушатели протестующе завыли и засвистели. Вентура поднял руку, требуя тишины.

— Сначала они запретили вырубку. Потом забрали половину Черной Топи. Теперь хотят забрать все болото — и озеро в придачу. Ничего нам не останется. Помните, как в прошлый раз мы действовали по закону? Ходили на собрания, протестовали, письма писали. Помните? И что получилось?

Опять недовольный гул.

— Точно! Отымели нас по полной!

Публика заревела. Некоторые повскакивали с табуреток. Вентура вскинул руки:

— Ладно, послушайте. Они приедут завтра. Точно не знаю когда, с утра скорее всего. Высокий тощий мужик в черном костюме и тетка. Отправятся в болота на рекогносцировку.

— Реко… чего-чего? — переспросил кто-то.

— На разведку. Типа, они путевые ученые. Их только двое. Приедут они тайно — трусливые сучьи дети отлично знают, что открыто им здесь лучше не появляться.

На этот раз воцарилось зловещее молчание.

— Вот и правильно. Не знаю, как вы, но с меня писем хватит. И на собрания я больше не ходок. Будут мне еще всякие долбаные янки трындеть, как мне поступать с моей собственной рыбой, и лесом, и землей.

Крики возобновились с новой силой. Все поняли, к чему он клонит. Вентура вытащил из заднего кармана мятые купюры, потряс ими.

— Я не прошу работать за так. — Он шлепнул деньги на грязный стол. — Тут вот задаток, а потом будет еще. Вы все знаете поговорку — «Что в болота кануло — навсегда сгинуло». Я хочу, чтобы вы, все вместе, решили проблему. Ради вас же самих. Ведь если не вы, то никто другой ее не решит, а значит, придется распрощаться с тем, что осталось от Мэлфорша, продать свои стволы, бросить дома, сесть в тачки — и вперед, к геям, в Бостон или Сан-Франциско. Вы этого хотите?

Слушатели взревели, многие вскочили, опрокидывая столы и стулья.

— Так вот и будьте готовы встретить тех двоих, ясно? Займитесь ими. Хорошенько займитесь. «Что в болота кануло — навсегда сгинуло». — Он огляделся, поднял руку, кивнул. — Спасибо вам, друзья, и спокойной ночи.

Как и ожидал Вентура, публика взорвалась. Он, не обращая ни на кого внимания, толчком распахнул дверь и вышел в сырую ночь — на причал. Внутри все бесновались, злобно вопили проклятия; опять заиграла музыка. Ничего, к тому времени как явятся гости, кто-нибудь из парней протрезвеет и сделает то, что нужно. Крошка проследит.

Майк щелчком отбросил крышку телефона и нажал кнопку.

— Джадсон? Нашу проблемку я решил.

63

Хейворд вышла на ярко освещенную галерею мотеля и увидела внизу Пендергаста, который укладывал свой чемодан в багажник «Роллс-ройса». Стояла невероятная для начала марта жара. Лора

затылком чувствовала солнечные лучи, горячие, словно лампа накаливания. Быть может, прожитые на севере годы превратили ее в неженку? Хейворд стащила по бетонным ступеням небольшой чемоданчик и закинула его в багажник рядом с чемоданом Пендергаста.

В салоне «Роллс-ройса» оказалось свежо, светлые кожаные сиденья приятно холодили.

Мэлфорш лежал милях в десяти ниже по дороге, но мотелей в умирающем городе не осталось — и они остановились в ближайшем.

— Я навел справки о Черной Топи, — сказал Пендергаст, когда они выехали на узкое шоссе. — Это одно из самых больших и непроходимых болот на Юге. Занимает почти семьдесят тысяч акров; с востока к нему примыкает озеро Лейк-Энд, а с запада — множество проток и каналов.

Хейворд с трудом заставляла себя слушать. Она и так уже знала о болоте гораздо больше, чем ей хотелось, да еще страшные события вчерашнего вечера туманили голову.

— Наша цель, городок Мэлфорш, расположена на восточной стороне небольшого полуострова. «Мэлфорш» по-французски означает «плохая развилка» — из-за протоки, на которой он стоит. Раздвоенное стоячее озерцо, принятое французскими поселенцами за устье реки. В Черной Топи были некогда самые большие в стране кипарисовые леса. Процентов шестьдесят вырубили еще до тысяча девятьсот семьдесят пятого года, когда западную часть болота объявили заповедником, а потом — районом дикой природы и запретили плавать на моторных лодках.

— И где вы это все нарыли? — поинтересовалась Хейворд.

— Даже в самых захудалых мотелях в наши дни есть Интернет.

— Понятно, — сказала Лора.

«Неужели он так и не спал?» — подумала она.

— Мэлфорш — городишко умирающий, — продолжал Пендергаст. — Упадок деревообрабатывающей промышленности сильно его подкосил. А создание природоохранной зоны значительно сократило охоту и рыбную ловлю. Люди держатся там непонятно как и непонятно чем.

— Тогда, наверное, ехать на «Роллс-ройсе» не самая лучшая мысль. Ведь мы хотим разговорить людей.

— Напротив, — пробормотал Пендергаст.

Они ехали мимо ветхих домов с провисшими крышами, дворов, полных проржавевших машин и прочего хлама. Мелькнула беленая церковь,

какие-то лачуги, а потом дорога превратилась в убогую главную улицу, залитую солнечным светом; она спускалась к причалам на заросшем озере. По обеим сторонам виднелись лавки и магазинчики, почти все заколоченные, с витринами, обклеенными бумагой или замазанными краской. На многих висели выгоревшие объявления с надписью «Сдается в аренду».

— Знаете, Пендергаст, — сказала вдруг Хейворд, — я кое-чего не понимаю.

— А именно?

— Это сумасшествие какое-то. Я хочу сказать — стреляли в вас и Винни, хотели убить меня, убили Блэклеттера и Траппа, а может, и еще кого-нибудь. Я долго работаю в полиции и знаю — знаю! — что такие вещи можно решить проще. А тут сплошные крайности. Дело-то двенадцатилетней давности — а убивая копов, преступники только привлекают к себе внимание.

— Вы правы, — ответил Пендергаст. — Кругом крайности. Тоже самое Винсент говорил про льва. Дело очень серьезное. По-моему, все это наводит на размышления, не находите?

Он поставил машину на маленькую стоянку повыше причалов. Спутники вышли под палящее солнце и стали осматриваться. У лодок слонялось несколько неопрятно одетых мужчин; все они обернулись в сторону автомобиля и напряженно таращились на приезжих. Хейворд остро ощутила неуместность «Роллс-ройса» в этой обстановке. Почему Пендергаст упорно разъезжает на такой неподходящей для расследования машине? Впрочем, ехать на двух машинах не было смысла, и Хейворд оставила наемный автомобиль у госпиталя.

Пендергаст застегнул пиджак и огляделся, спокойный, как и всегда.

— Ну что, пойдемте к лодкам, побеседуем с этими господами.

Хейворд пожала плечами:

— На вид они не очень-то разговорчивые.

— Неразговорчивые, это верно. Однако весьма красноречивые. — Пендергаст легко и стремительно двинулся вниз по улице.

Местные жители, сощурившись, наблюдали за его приближением.

— Добрый день, господа! — произнес Пендергасте аристократическим южным акцентом и слегка поклонился.

Молчание. Отвратительные предчувствия Хейворд росли. Пендергаст выбрал самый скверный способ начать разговор. В воздухе сгустилась враждебность — хоть ножом режь.

— Моя коллега и я приехали сюда сделать кое-какие наблюдения. Мы орнитологи.

— Орнитологи... — протянул один из мужчин и повторил, повернувшись к остальным: — Орнитологи!

Те расхохотались.

Хейворд заморгала. Похоже, вышел полный провал. Краешком глаза она заметила какое-то движение и обернулась.

Из похожего на амбар строения на сваях тихонько вышли несколько человек. На строении висела самодельная вывеска: «Рыбацкий бар».

Последним вышел неслыханных размеров человечище. Круглая, как ядро, голова была выбрита, на необъятном животе едва сходился жилет, с боков висели ручищи, похожие на копченые окорока и — благодаря жаркому солнцу — такого же цвета. Толстяк протолкался через толпу на причале и встал перед Пендергастом. Он явно считался тут главным.

— С кем имею честь? — спросил агент.

— Крошка меня зовут, — ответит толстяк, оглядывая Пендергаста и Хейворд малюсенькими поросячьими глазками. Руки он не подал.

«Хм, Крошка, — подумала Хейворд. — Подходяще».

— Мое имя — Пендергаст, а это моя коллега Хейворд. Так вот, мистер Крошка, как я сообщил этим господам, мы орнитологи, ищем редких птиц, в частности — краснобрюхого рыболова Бодольфа. По слухам, он водится в глубине болот.

— И чего?

— Нам хотелось бы поговорить с кем-нибудь, кто знает болота и может что-нибудь посоветовать.

Крошка шагнул вперед и выплюнул под ноги Пендергасту длинную струю коричневой от табака слюны. Несколько капель попало агенту на туфли.

— Боже мой, да вы, кажется, испачкали мне туфли! — ахнул Пендергаст.

Хейворд захотелось исчезнуть. Любому идиоту ясно, что тут ничего не выйдет — от этой толпы толку не добиться. Не хватало им еще и драки!

— Типа того, — протянул Крошка.

— Быть может, вы, мистер Крошка, нам поможете?

— Не-а. — Толстяк нагнулся, сложил трубочкой толстые губы и выплюнул табак прямо Пендергасту на туфли.

— Мне кажется, вы сделали это нарочно, — слабо возмутился Пендергаст высоким дрожащим голосом.

— Правильно кажется.

— Понятно... — Пендергаст повернулся к Хейворд: — У меня возникло такое ощущение, что нам здесь не рады. Что ж, придется поработать в каком-нибудь другом месте.

К удивлению Хейворд, Пендергаст поспешно зашагал к «Роллс-ройсу»; она потрусила за ним. В спину им ударил хриплый гогот.

— И вы вот так все оставите? — спросила она.

У машины Пендергаст остановился. Кто-то нацарапал на капоте: «Экологи — козлы». Загадочно улыбнувшись, агент сел за руль.

Хейворд распахнула дверцу.

— Какого черта? Мы ведь еще ничего не узнали! — возмутилась она, стоя у машины.

— Напротив — нам сообщили очень много.

— Они испортили ваш автомобиль, плюнули вам на ноги.

— Садитесь, — властно приказал он.

Хейворд скользнула в салон. Пендергаст завел двигатель; взвизгнув шинами и подняв облако пыли, «Роллс-ройс» двинулся прочь из города.

— Как вас понимать? Мы убегаем?

— Дорогой капитан, когда это вы видели, чтоб я убегал?

Хейворд замолчала. Автомобиль сбавил ход, и, к ее удивлению, свернул к церкви, мимо которой они проехали раньше. Пендергаст остановился перед стоявшим неподалеку домом и вышел из машины. Вытерев туфли о траву, он взлетел на крыльцо и позвонил. Чуть погодя дверь открыл высокий, худой, как жердь, мужчина с грубыми чертами лица и седой бородой, но без усов. Хейворд он показался слегка похожим на Авраама Линкольна.

— Пастор Грегг? — спросил Пендергаст, пожимая ему руку. — Я — пастор Ал Пендергаст — Церковь Южной баптистской конвенции, Хемхобшунский приход. Очень рад с вами познакомиться. — Он с

энтузиазмом тряс руку растерянному хозяину. — А это моя сестра Лора. Можно с вами поговорить?

— Э-э... ну да, конечно, — сказал Грегг, медленно приходя в себя. — Прошу.

Они вошли в прохладный чистенький дом.

— Садитесь, пожалуйста. — Грегг все еще пребывал в некотором оцепенении, но Пендергаст, словно не замечая, уселся в самое удобное кресло, закинул ногу на ногу и, видно, чувствовал себя как дома.

— Мы с Лорой приехали не по церковным делам, — сообщил он, вынимая из кармана блокнот и ручку. — Просто я слышал много о вашей церкви и вашем гостеприимстве, и вот мы здесь.

— Понятно, — ответил Грегг, хотя явно ничего не понимал.

— Отец Грегг, в свободное от своих обязанностей время я предаюсь увлечению — я историк-любитель, собиратель мифов и легенд; люблю копаться в пыльных уголках истории Юга. Я даже пишу книгу, «Мифы и легенды болот Юга». И потому я здесь, — торжествующе закончил Пендергаст и откинулся на спинку кресла.

— Очень интересно, — отозвался Грегг.

— Когда я путешествую, то всегда в первую очередь захожу к местному священнику. И они никогда меня не подводят, никогда!

— Приятно слышать.

— Ведь священник всегда знает фольклор. Ом знает легенды. Но, как человек Церкви, он не суеверен. Он не принимает их всерьез. Я прав?

— Что ж, россказней приходится слышать немало. Но это лишь россказни, отец Пендергаст, и я не обращаю на них особого внимания.

— Именно. Вот, например, ваше болото — Черная Топь — одно из самых больших в стране и самых загадочных. Вы про него знаете?

— Естественно.

— А вы слышали про Испанский остров?

— Конечно. Это на самом деле не остров, просто пятачок земли на мелководье, там, где не вырубали кипарисы. Он находится в самой середине болот, в девственном лесу. Я там никогда не бывал.

Пендергаст стал записывать.

— Говорят, там был охотничий и рыболовный лагерь?

— Совершенно верно. Им владело одно семейство, но лет тридцать назад лагерь закрыли. Думаю, там все теперь сгнило, как случается с брошенными постройками.

— А есть ли какие-нибудь легенды об Испанском острове?

Грегг улыбнулся:

— Конечно. Обычные вымыслы — якобы там живет неизвестно кто или место это связано с наркоторговлей, и все такое.

— Вымыслы?

— Здесь часто поговаривают, что в середине болот, там, где лежит Испанский остров, ночью бывает свет, странные звуки и тому подобное. Несколько лет назад там пропал ловец лягушек. Нашли только взятую напрокат лодку с воздушным винтом — неподалеку от Испанского острова. Скорее всего бедолага напился и упал в болото, но местные жители считают, что его убили или болото мозги помутило.

— Болото мозги помутило?

— Если слишком долго пробыть на болотах, можно сойти с ума. Так говорят. Я, разумеется, не совсем этому верю... Но болота — неприятное место. Там легко заблудиться.

Пендергаст увлеченно записывал.

— А огни?

— Это охотники на лягушек хозяйничают по ночам, а потом рассказывают байки о странных огоньках, которые движутся по болотам. По-моему, они просто видят друг друга. Ведь лягушек ловят со светом. А может, это какие-нибудь природные явления, светящийся болотный газ или что-то вроде того.

— Замечательно, — вставил Пендергаст, усердно записывая. — Как раз самое то! А еще что-нибудь?

Грегг, ободренный, продолжил:

— Еще часто говорят, что на болотах живет огромный аллигатор. Как вы знаете, такие легенды ходят о многих южных болотах. Иногда они оказываются правдой — несколько лет назад в Техасе, в озере Конро, застрелили аллигатора длиной больше двадцати трех футов. Он как раз поедал взрослого оленя.

— Потрясающе, — заметил Пендергаст. — А как попасть на этот загадочный Испанский остров?

— Он вообще-то отмечен на старых картах, только вот добираться туда — проблема: там целый лабиринт проток, грязевые отмели. А кипарисы в самой глубине почти в обнимку стоят. Когда вода низко, папоротники и ежевика так разрастаются, что комар не пролетит. Прямой дороги к Испанскому острову нет. По правде говоря, там уже много лет никто, наверное, и не бывает. Это в самой середине заповедника; охотиться или рыбу ловить там запрещено, а добираться туда и оттуда — настоящая морока. Я бы не советовал.

Пендергаст захлопнул блокнот и поднялся.

— Большое вам спасибо, отец Грегг. Вы нам очень помогли. Могу я при необходимости с вами связаться?

— Конечно.

— Великолепно. Я бы дал вам свою визитную карточку, да у меня кончились. Вот мой номер телефона, если понадобится позвонить. Я непременно пришлю вам книгу, когда ее опубликуют.

В «Роллс-ройсе» Хейворд спросила:

— Теперь что?

— К нашим друзьям, в Мэлфорш. Мы там еще не закончили.

64

Детективы остановились на том же пыльном пятачке у причалов, где стояли те же самые люди, которые снова уставились на приезжих.

Выходя из машины, Пендергаст пробормотал:

— Позвольте мне и дальше вести разговор, капитан.

Хейворд разочарованно кивнула: ей почти хотелось, чтобы кто-нибудь из этих парней перешел границу — тогда она надерет ему задницу и арестует.

— Господа! — сказал Пендергаст, устремляясь к толпе. — Мы вернулись!

У Хейворд внутри все сжалось.

Толстяк Крошка вышел вперед и ждал, скрестив на груди руки.

— Мистер Крошка, мы с коллегой хотели бы арендовать лодку с воздушным винтом, чтобы исследовать болота. Найдется у вас такая?

Парни переглянулись. К удивлению Хейворд, Крошка расцвел в улыбке.

— Конечно, я раздобуду вам лодку, — сказал он.

— Прекрасно! А проводника?

Опять обмен взглядами.

— Проводника нет, — медленно произнес Крошка, — но я с большим удовольствием покажу вам, куда плыть. У меня и карты продаются.

— Мы хотели бы побывать на Испанском острове.

Долгое молчание.

— Никаких проблем, — заявил Крошка. — Шагайте прямо к частному причалу, там у нас лодки, там вас и усадим.

Хейворд и Пендергаст последовали за необъятным Крошкой к частным причалам. Там, в отдельных бонах, стояли не первой молодости лодки с воздушными винтами и обычные моторки. Пендергаст, поджав губы, быстро оглядел их, высматривая лодку поновее.

Спустя полчаса, Пендергаст вел к Лейк-Энду четырнадцатифутовую лодку с воздушным винтом. Выйдя на открытое место, Пендергаст прибавил скорость; пропеллер взревел, и лодка понеслась по воде. Городок Мэлфорш — облезлые причалы и угрюмые покосившиеся дома — медленно скрылся в легкой дымке, висящей над поверхностью озера. Пендергаст, в своем черном костюме и снежно-белой сорочке, выглядел за штурвалом лодки до смешного неуместно.

— Как просто, — сказала Хейворд.

— Конечно, — ответил Пендергаст, оглядывая озеро. — Вы поняли, капитан, что они заранее знали о нашем приезде?

— Почему вы так думаете?

— Можно, конечно, ожидать враждебности по отношению к богачам, явившимся на «Роллс-ройсе». Однако степень враждебности местного населения слишком высока, и проявили они ее слишком быстро. Отсюда вывод: нас поджидали. Судя по словам, нацарапанным на машине, они сочли нас природоохранниками.

— Вы сами сказали, что мы орнитологи.

— Орнитологи сюда приезжают постоянно. Нет, капитан, эти ребята твердо знают, что мы — сотрудники природоохранного управления, выдающие себя за орнитологов.

— Может, они ошиблись?

— Возможно.

Лодка скользила по коричневой воде. Когда городишко окончательно скрылся из виду, Пендергаст резко сменил курс.

— Испанский остров — на западе, — заметила Хейворд. — Почему мы плывем на север?

Пендергаст вытащил карту, которую продал ему Крошка, испещренную стрелками и отпечатками грязных пальцев толстяка.

— Я попросил Крошку отметить все известные ему пути на Испанский остров. Ведь эти ребята знают болота лучше, чем кто бы то ни было. Его карта нам очень пригодится.

— Только не говорите, что вы ему поверили.

Агент невесело усмехнулся:

— Я безоговорочно верю в одно: он лжет. Можно спокойно исключить все нарисованные им стрелки, и у нас остается путь на север. Так мы избежим засады, которая ждет нас в протоках с западной стороны.

— Засады?

Пендергаст удивленно вскинул брови.

— Капитан, вы, конечно, понимаете, что лодку мы получили по единственной причине: в болотах нам готовят сюрприз. Кто-то не только уведомил их о нашем приезде, но еще и сочинил какую-то историю, чтобы хорошенько их распалить, и дал указания припугнуть нас или даже убить, если мы отправимся на болота.

— Наверное, это совпадение, — возразила Хейворд. — Может, как раз сейчас в Мэлфорш едут настоящие природоохранники.

— Я поверил бы в совпадения, приедь мы на вашем «Бьюике». Однако нет никаких сомнений, что они ожидали двоих, подходящих под определенное описание. Ведь мы только вышли из машины, а их лица уже выражали полнейшую уверенность в том, кто приехал.

— Откуда кто-то мог знать, куда мы направляемся?

— Замечательный вопрос, на который у меня нет ответа. Пока.

— Зачем же вы нарочно их заводили? Строили из себя городского хлыща?

— Хотел окончательно убедиться в их враждебном настрое и в том, что на карте указан неверный маршрут. Кстати, подозрительно настроенная и разозленная толпа всегда предоставляет гораздо больше информации, чем один человек, пусть даже и настроенный помочь. Вы ведь заметили,

что от разгневанной толпы мы узнали гораздо больше, чем если бы действовали иначе. «Роллс-ройс» в этом отношении очень удобен.

Хейворд слова Пендергаста не убедили, однако она не была расположена к спорам.

Сняв со штурвала руку, Пендергаст вынул из кармана желтый конверт и протянул спутнице.

— Я нашел в Интернете несколько карт болота. Толку от них немного, потому что из-за растительности протоки видны плохо, но, судя по ним, до Испанского острова лучше всего добираться северным путем.

Озеро изогнулось, из тумана выступили темной полосой кипарисы: здесь начиналось само болото. Через несколько минут лодку окружали одетые испанским мхом деревья — словно облаченные в доспехи стражники, охраняющие вход в подземный мир. Путников накрыл горячий, обволакивающий воздух болот.

65

Болото Черная Топь

Паркер Вутен бросил якорь своего ялика, зайдя ярдов на двадцать в глухую заводь у северного края Лейк-Энда, за глубоким каналом, где заводь соединялась с озером. Устроившись у затонувших стволов, он ловил рыбу на искусственного красного червя и прихлебывал то и дело из бутылки, в которой плескалась кварта бурбона «Вудфорд Резерв».

Самое время рыбачить в дальних протоках — народ-то весь гоняется за природоохранниками. В прошлом году на этом самом месте Вутен вытащил большеротого окуня на одиннадцать фунтов и три унции — здешний рекорд. С тех пор здесь, в Топляковой заводи, спокойно не порыбачишь — удилища так и свистят со всех сторон. Однако Вутен не сомневался, что где-то по дну еще ходит крупная осторожная рыба, нужно только выбрать момент, когда наступит затишье. Все прочие ловят на живую наживку, которую продает Крошка; дескать, старая мудрая рыба пластикового червя сразу забракует. Впрочем, Вутен всегда был на этот счет другого мнения. Старый умный окунь, злой и агрессивный, клюнет скорее на что-нибудь новенькое — наплевать ему на дождевых червей и «крысок», на которых ловят остальные.

По рации — без нее в болота ходу нет, — настроенной на пятый канал, Вутен то и дело слышал разговоры между ребятами Крошки, которые устроились в западных заводях и поджидали экологов. Паркер в их дела ввязываться не желал. Он отсидел пять лет в тюрьме штата и снова туда попадать не собирается. Пускай мужланы расхлебывают кашу, а он лучше рыбку половит.

Паркер опять закинул удочку, дал наживке затонуть, слегка потянул, чтобы не зацепилась за топляк, и стал сматывать леску. Рыба не клевала. Наверное, ушла на глубину из-за жары. А может, лучше взять «червячка» с голубым перышком? Паркер все еще сматывал спиннинг, когда услышал отдаленный гул мотора. Сунув удилище в подставку, он взял бинокль и стал оглядывать озеро. Довольно скоро появилась лодка, шлепая по воде днищем, почти не видным в густом тумане, ползущем над озером. Потом она скрылась.

Паркер опять уселся в ялик. Сделал глоточек «Вудфорда», чтобы лучше думалось. Это шли те самые экологи — почему-то они оказались совсем не там, где надо. Их все ждут в западных протоках, а они вон где, далеко к северу. Паркер отхлебнул еще и взялся за рацию.

— Эй, Крошка! Паркер говорит.

— Паркер? — через секунду раздался голос Крошки. — А я думал, ты сегодня не с нами.

— Я не с вами, я в северной части. Рыбу ловлю в Топляковой заводи. Знаешь что? Я сейчас видал одну из твоих лодок, а в ней — тех двоих.

— Быть не может! Они идут по западным протокам.

— Черта с два по западным. Я только что их видел.

— Сам видел, или «Вудфорд» помог?

— Знаешь, — сказал Вутен, — не хочешь мне верить — не надо. И сидите себе в западных протоках, а они тем временем до озера Поншартрен доберутся. Говорю вам: они идут с севера, а уж что делать — сами решайте.

Вутен сердито щелкнул рацией и сунул ее в чехол. Крошка совсем зажрался, и в прямом, и в переносном смысле. Вутен отхлебнул виски и поставил драгоценную бутылку в коробку. Потом содрал с крючка искусственную наживку, насадил другую и закинул. Сматывая и подергивая леску, Паркер вдруг почувствовал, что она идет как-то туго. Он слегка ее ослабил, а потом несильно, но резко подсек. Леска натянулась, удилище согнулось чуть ли не пополам, и все раздражение Паркера мигом испарилось: наконец-то он поймал по-настоящему крупную рыбу!

66

Протока сузилась, и Пендергаст заглушил двигатель. Наступившая тишина казалась такой же громкой, как рев мотора.

Хейворд посмотрела на него:

— Что теперь?

Пендергаст снял пиджак, повесил на спинку сиденья, взял шест.

— Тут на моторе не пройти — чего доброго в лопасти попадет какая-нибудь ветка, а скорость — три тысячи оборотов в минуту. Нужно браться за шест.

Пендергаст встал на корме и, отталкиваясь шестом, повел лодку вперед, по старому лесосплавному каналу, над которым нависали ветви кипарисов и заросли водной ниссы. Вечер еще только приближался, но на болота уже легли глубокие тени. Солнца даже не было видно, только густой покров из нескольких слоев — зеленых и коричневых. Наступившую тишину постепенно наполняли звуки насекомых и птиц: какие-то странные крики, потрескивание, попискивание, гул и свист.

— Когда устанете, я поведу, — сказала Хейворд.

— Спасибо, капитан.

Лодка скользила вперед.

Хейворд положила рядом две карты — карту Крошки и распечатку из Интернета — и стала изучать. За два часа они одолели, наверное, половину пути до Испанского острова, но самая трудная часть болотного лабиринта была впереди, за последним участком чистой воды, отмеченным на картах как Мелкая заводь.

— А что вы намерены делать, когда мы пройдем эту заводь? — Хейворд показала на распечатку. — Там все заросло. И сплавных каналов больше не будет.

— Возьметесь за шест, а я буду ориентироваться.

— Как же вы будете ориентироваться?

— Течение здесь с востока на запад, к Миссисипи. Если будем его придерживаться, в тупик не попадем.

— Я тут вообще не вижу ни малейших признаков течения.

— Оно есть.

Хейворд пришлепнула москита, раздраженно выдавила на ладони очередную порцию репеллента и потерла шею и лицо. Впереди, меж ребристых стволов, блеснуло солнце.

— Вот и заводь, — сказала Хейворд.

Деревья поредели; лодка вышла на открытое место, спугнув целое семейство лысух, которые взметнулись вверх и, хлопая крыльями, полетели над водой. Пендергаст отложил шест, завел двигатель, и лодка быстро понеслась по зеркальной поверхности к западу, где темнели

коричнево-зеленые заросли. Хейворд откинулась назад, наслаждаясь свежим воздухом и относительным простором после заросшего, застоявшегося болота.

Заводь сузилась, причем очень скоро, и Пендергаст замедлил ход. Минуту спустя он остановился — впереди оказалось множество перепутанных, заросших водяными гиацинтами и амброзией проток, которые вели сразу во все стороны.

Хейворд посмотрела на карту, потом на распечатку и пожала плечами.

— И куда же нам?

Пендергаст не ответил. Двигатель работал вхолостую; неожиданно агент развернул лодку на сто восемьдесят градусов и дал полный ход. И тут же со всех сторон раздался какой-то грохот.

— Что за черт?

Лодка с ревом полетела вперед — то есть туда, откуда пришла, — но было поздно: из темных болот в узкую заводь с двух сторон с громким рокотом вынеслись около десятка лодок с мощными моторами и отрезали Пендергасту путь.

Агент выстрелил в ближайшую лодку из пистолета и сбил с мотора кожух. Хейворд тоже схватила оружие; в этот момент ответные выстрелы попали в их пропеллер, который с треском разлетелся, разнеся решетку. Лодка замедлила ход, поболталась из стороны в сторону и остановилась.

Хейворд спряталась за сиденьем, но быстро поняла, что положение безнадежное. Они попали в засаду: их окружили катера и моторки, в которых сидело не меньше тридцати человек — все вооружены и целятся в них.

В передней лодке стоял Крошка, держа в жирных лапах штурмовой пистолет «ТЕК-9».

— Встать, оба! — скомандовал он. — Руки за голову, медленно и аккуратно! — Приказание он сопроводил очередью поверх их голов.

Пендергаст тоже укрылся за сиденьем. Из раны на лбу у него текла кровь. Он слегка кивнул и распрямился, держа руки над головой; пистолет висел на пальце. Хейворд последовала примеру своего спутника.

Крошка подвел лодку вплотную; на носу сидел костлявый тип с громадным пистолетом. Крошка перелез к детективам, и суденышко крякнуло под его тяжестью. Он отобрал у пленников оружие,

одобрительно хрюкнул, взглянув на «Лес-баер» Пендергаста, и сунул его себе за пояс. «Глок» Хейворд он бросил на дно своей лодки.

— Так-так... — Толстяк оскалился и плюнул в воду коричневой табачной струей. — Я и не знал, что вы, экологи, любите пушки.

Хейворд, глядя на него в упор, невозмутимо произнесла:

— Вы совершаете большую ошибку. Я — капитан Хейворд из отдела убийств полиции Нью-Йорка. Попрошу убрать оружие во избежание неприятностей.

По лицу Крошки расплылась елейная улыбка.

— Да ладно!

— Сейчас я опущу руку и покажу вам удостоверение.

Крошка шагнул к ней.

— Нет уж, лучше я сам достану.

Одной рукой приставив к ее голове «ТЕК-9», другой он стал ощупывать карманы ее рубашки — сначала один, потом другой, мимоходом лапая за грудь.

— Титьки — настоящие! — объявил он, чем вызвал взрыв хохота. — Ни фига себе буфера! — Потом он залез в брючный карман, покопался и вынул удостоверение. Открыл. — Ух ты, поглядите-ка!

Он продемонстрировал всем полицейский жетон, осмотрел его сам и почмокал мокрыми губами.

— Капитан Л. Хейворд? Надо же, отдел убийств. Даже фотка имеется! На цветном принтере состряпала? Неплохо сделано.

«Неужели он настолько туп? — подумала Хейворд. — Даже страшно».

Крошка закрыл удостоверение, завел руку за свой необъятный зад, словно подтираясь, и швырнул корочки в воду, так что только брызги полетели.

— А мне на твое удостоверение насрать, — сказал он. — Ларри, лезь сюда и обыщи этого.

Тощий мужичонка перебрался через борт.

— Будешь дурить — за мной не заржавеет, — предупредил он Пендергаста, показывая пистолет. — Очень даже просто.

Ларри обыскал Пендергаста, нашел еще один пистолет, какие-то мелочи, бумаги, жетон агента ФБР.

— Дай-ка сюда, — потребовал Крошка.

Ларри протянул ему жетон. Крошка плюнул на него табаком, закрыл корочки и швырнул в воду.

— Еще один умник принтером научился пользоваться! Вы, ребята, совсем не те, за кого себя выдаете, — заявил он, тыча стволом в бок Хейворд. — Не те, не те. — Крошка заговорил громче. — Явились сюда, наплели всякой чуши про птичек, а теперь думаете, что липовые жетоны спасут ваши жалкие задницы? Вам так велено действовать в случае опасности? Я вот что скажу: мы знаем и кто вы такие, и зачем сюда явились. Больше вы у нас не отнимете ни единого дюйма наших болот. Это наша земля, и мы с нее кормимся — мой прадед семью кормил, и мой дед, и я своих детей кормлю. Тут вам не Диснейленд, нечего всяким придуркам-янки на байдарках плавать. Болото — наше!

Из лодок раздались одобрительные выкрики.

— Простите, что прерываю ваше выступление, — сказала Хейворд, — но я и в самом деле офицер полиции, а он — агент ФБР. Вы арестованы!

— Ой! — Крошка повернул к ней толстую физиономию. — Ой-ой-ой, как страшно!

На Хейворд пахнуло перегаром: виски и лук.

— Эй! А не устроить ли нам тут небольшой стриптиз? Что скажете, а? — Крошка подпер указательными пальцами свои необъятные, прямо-таки женские груди и потряс.

Одобрительные вопли, свист, рев.

— Полюбуемся на реальные дойки!

Лицо Пендергаста оставалось совершенно непроницаемым. Тощий Ларри приставил пистолет к виску агента, еще десятка два стволов целились в пленников.

Крошка протянул к Хейворд лапу, ухватился за воротник блузки и дернул, стараясь разорвать. Хейворд крутанулась, с блузки полетели пуговицы.

— Смелая какая! — Крошка развернулся и ударил Хейворд по лицу, так что она упала на дно лодки. — Вставай!

Все загоготали, не смеялся только Крошка. Побагровев от гнева, Хейворд поднялась, и толстяк приставил ей к уху пистолет.

— Вот так, сучка. Снимай рубашку, повесели ребят.

— Иди к черту, — ответила Хейворд, с трудом шевеля разбитыми в кровь губами.

— Давай-давай, — пробормотал толстяк, тыча стволом ей в ухо. — Пошевеливайся!

Она положила дрожащую руку на полуразорванную блузку, начала расстегивать дальше.

— Да! — завопили зрители. — Давай!

Хейворд покосилась на Пендергаста. Он по-прежнему не двигался, лицо ничего не выражало. О чем он сейчас думает?

— Расстегивай! — заорал Крошка, тряся пистолетом.

Под громкий рев она расстегнула одну пуговицу, взялась за другую.

67

— Не годится так обращаться с леди! — внезапно произнес Пендергаст.

— Не годится? — переспросил Крошка. — А по-моему, очень даже, растак его, годится!

В лодках согласно загалдели парни с потными распаленными рожами.

— А знаете ли, что я думаю? — заявил Пендергаст. — Я думаю, что вы — корпулентный кнур.

Крошка заморгал.

— Чего-чего?

— Жирный боров, — пояснил Пендергаст.

Крошка размахнулся и мясистым кулаком врезал Пендергасту в солнечное сплетение. Тот, задыхаясь, согнулся. Толстяк ударил еще раз в то же место, и Пендергаст, выдохнув, опустился на колени. Крошка презрительно плюнул.

— Что-то затянулось тут у нас. — Он схватил Хейворд за блузку и резким движением оторвал оставшиеся пуговицы.

Из лодок раздался одобрительный рев. Вынув из кармана огромный складной нож, Крошка потянул разодранную блузку, открывая бюстгальтер.

— Вот это да! — сказал кто-то.

Крошка жадно таращился на пышные груди Лоры. Она с трудом сглотнула и попыталась прикрыться блузкой, но толстяк покачал

головой, отпихнул ее руки и слегка провел лезвием по вырезу бюстгальтера. Потом очень медленно просунул нож между чашечками и дернул клинок к себе, разрезая бюстгальтер пополам. Груди Лоры обнажились. На лодках одобрительно заревели.

Пендергаст, пошатываясь, начал подниматься. Крошка настолько увлекся, что ничего не замечал. Агент встал, наклонившись на бок, затем неожиданным, совершенно неуловимым движением перенес вес на другую ногу. Лодка накренилась, и Крошка с Ларри потеряли равновесие.

— Эй ты, а ну...

Хейворд увидела только быстрое движение, блеск стали. Ларри со стоном перекувырнулся, его вывернутая рука нажала спуск, и пистолет выстрелил вниз. В лодку фонтаном брызнула кровь.

Крошка вертелся, пытаясь защититься; он выпустил в воздух длинную очередь, но агент двигался так быстро, что пули в него не попадали. Жилистая рука обхватила Крошку за толстую шею и запрокинула ему голову; рядом с глоткой оказался стилет. В этот же миг Хейворд ударила Крошку по руке, и «ТЕК-9» упал.

— Не двигаться! — Пендергаст прижал нож к шее толстяка и свободной рукой вытащил из-за пояса Крошки свой «Лес-баер».

Толстяк ревел и пытался извернуться, чтобы схватить агента; кончик ножа погрузился чуть глубже, потекла тонкая струйка крови. Все замерли.

— Шевельнешься — умрешь, — сказал Пендергаст.

Хейворд в ужасе смотрела на происходящее, забыв о своей наготе. Пендергаст ухитрился сделать надрез на шее толстяка и запустить клинок под яремную вену, выталкивая наружу пульсирующий сосуд.

— Выстрелите в меня, — спокойно заметил агент, — я упаду — и ему конец. Если он двинется — ему конец. Дотронетесь до нее — ему тоже конец.

— Какого черта?! — в ужасе завопил Крошка, вращая глазами. — Что он делает? У меня вся кровь вытечет!

Мертвая тишина. Однако ружья нацелены по-прежнему.

— Пристрелите его! — крикнул Крошка. — Девку пристрелите! Чего ждете?

Никто не двинулся. Хейворд во все глаза смотрела на набухшую вену, подцепленную сверкающим металлом лезвия.

Пендергаст кивнул в сторону одного из боковых зеркал на планшире лодки:

— Капитан, дайте его мне, пожалуйста.

Хейворд, неловко прикрывшись, заставила себя сдвинуться с места.

— Подержите зеркало так, чтоб Крошке было видно.

Она повиновалась. Толстяк посмотрел в зеркало, и глаза у него вылезли от страха.

— Что ты делаешь! Господи, не надо, ради Бога... — Голос его перешел в лепет, налитые кровью глаза раскрылись еще шире, а все тело парализовал ужас.

— Попрошу все оружие в лодку мистера Крошки, — спокойно сказал Пендергаст, кивнув на пустую лодку рядом со своей. — Полностью. Немедленно.

Никто не двинулся.

Пендергаст слегка шевельнул стилетом, оттягивая вену в сторону.

— Делайте, или я режу.

— Вы слышите? — тоненько заныл Крошка. — Стволы в лодку! Делайте, чего он велит!

Краснолицые парни, недовольно ворча, стали бросать оружие в лодку. Довольно скоро на дне оказался целый арсенал.

— Ножи, дубинки, все прочее.

В лодку полетело остальное.

Тощий Ларри лежал на дне лодки, истекая кровью: в свалке его угораздило прострелить себе ногу.

— Снимите, пожалуйста, рубашку, и передайте капитану Хейворд, — приказал Пендергаст.

Чуть помедлив, Ларри подчинился.

Хейворд отвернулась от лодок, сняла остатки изодранной блузки и распоротый бюстгальтер и облачилась в окровавленную вонючую рубаху.

— Капитан, не хотите вооружиться? — спросил ее Пендергаст.

— Вот этот «ТЕК-9», думаю, подойдет. — Она вытащила пистолет из кучи оружия, проверила магазин. — Неплохо! Переделан под полный

автомат, магазин на пятьдесят патронов. Хватит, чтобы продырявить всех и каждого, прямо здесь!

— Вещица пусть и не изящная, но удобная, — согласился Пендергаст.

Хейворд нацелила оружие в толпу.

— Кто-нибудь все еще желает посмотреть стриптиз?

Молчание. Только Крошка хныкал от ужаса. По лицу у него текли слезы, но сам он был недвижим, словно статуя.

— Вы, друзья, совершили серьезную ошибку, — невозмутимо пояснил Пендергаст. — Эта леди действительно капитан Хейворд из отдела убийств нью-йоркской полиции, а я — особый агент Федерального бюро расследований. Здесь мы расследуем убийство, которое к вашему городу не имеет никакого отношения. Тот, кто сказал вам, что мы из природоохранной организации, солгал. Итак, я задам вопрос только один раз, и если ответ меня не удовлетворит, я перережу горло Крошке, а коллега Хейворд перестреляет вас как собак. В целях самозащиты, разумеется. Ведь мы — представители власти, нам перечить нельзя.

Молчание.

— Вопрос таков: мистер Крошка, кто предупредил вас о нашем приезде?

— Вентура. Майк Вентура, Майк Вентура. — Крошка выдавливал из себя слова в промежутках между рыданиями, едва лепетал.

— А кто такой Майк Вентура?

— Да тип один, живет в Итта-Бена, но часто сюда приезжает. Любит охотиться, денег куча, часто торчит в болотах. Пришел ко мне, сказал, что вы экологи и хотите превратить всю Черную Топь в заповедник, оставить нас, местных, без работы...

— Спасибо, достаточно, — остановил его Пендергаст. — Далее. Мы с коллегой продолжим наш путь в прекрасно снаряженной лодке мистера Крошки. Со всем этим оружием. А вы отправитесь домой. Понятно?

В ответ — тишина.

Пендергаст слегка надавил на нож.

— Могу я услышать ответ, господа?

Слушатели закивали, забормотали.

— Прекрасно. Как видите, мы отлично вооружены. И смею вас заверить, что мы оба прекрасно владеем оружием. Капитан, вы не могли бы продемонстрировать?

Хейворд нацелила «ТЕК-9» в ближайшие заросли и открыла огонь. Три выстрела — и в воду медленно повалились три деревца.

Пендергаст убрал стилет.

— Вам, мистер Крошка, придется наложить пару швов.

Толстяк в ответ тоненько завыл.

— Всем вам я советую собраться вместе и сочинить хорошую, правдоподобную историю про то, как мистер Крошка порезался и как старина Ларри прострелил себе ногу. Ибо мы с капитаном охотимся за рыбой покрупнее и не хотим отвлекаться. Если вы не будете нам больше докучать и не тронете мою довольно дорогую машину, мы не видим необходимости выдвигать против вас обвинения или кого-либо арестовывать. Правда, капитан?

Лора кивнула. Занятно, каким образом пришлось постигать, что методы Пендергаста не лишены смысла, — даже здесь, в глуши, без всякой помощи, перед толпой мужланов, которые собрались сначала надругаться, а потом убить их обоих и утопить тела в болоте.

Пендергаст шагнул в лодку, Хейворд — за ним, с трудом пробираясь по дну, заваленному оружием. Заведя мотор, агент направил лодку вперед, и окружающие неохотно расступились, давая ему дорогу.

— Мы еще увидимся, — заявил Пендергаст. — К сожалению, когда это произойдет, будут еще неприятности.

Он прибавил скорость, и лодка устремилась на юг — в густые заросли самой широкой протоки в конце заводи — и исчезла в вечерних сумерках.

68

Мэлфорш, штат Миссисипи

Из припаркованного «Кадиллака», включив на полную мощность кондиционер, Вентура смотрел, как к заведению Крошки подходят лодки. Солнце только-только ушло в воду, небо стало грязно-оранжевого цвета. Вентура занервничал: непохоже было, что войско возвращается с победой. Люди скорее напоминали беженцев: угрюмые, расстроенные, потрепанные. Когда к причалу подошла последняя лодка и выбрался на пристань сам Крошка — на шее окровавленный платок, на рубашке запекшаяся кровь, — Вентура понял: случилось непредвиденное.

Двое парней подхватили Крошку под мясистые ручищи и скрылись за дверью «Рыбацкого бара». Остальные, увидев Вентуру, загомонили, замахали руками и двинулись к нему. Вид у них был не слишком радостный.

Вентура быстренько заблокировал двери; со щелчком сработали замки. Красные и потные парни молча окружили машину.

Вентура на дюйм опустил стекло.

— Что случилось?

Никто не ответил. После недолгого напряженного молчания один поднял кулак и с грохотом опустил на капот.

— Какого черта? — крикнул Вентура.

— Какого черта? — передразнил ударивший. — Какого черта? Он еще спрашивает!

На капот обрушился второй удар, третий, и тут вдруг все начали молотить по машине, ругаясь и плюясь. Удивленный и перепуганный, Вентура полностью поднял стекло и дал задний ход — так быстро, что не отскочи стоявшие сзади, он бы их переехал.

— Сукин сын! — вопили все в один голос. — Обманщик!

— Они — федералы, жопа ты эдакая!

— Лгун чертов!

Яростно вывернув руль, Вентура бросил машину на дорогу и дал по газам: развернулся на сто восемьдесят градусов, расшвыривая колесами землю и камни. В заднее стекло смачно шлепнул камень, во все стороны поползла паутина трещин. Когда Вентура выбрался на небольшое шоссе, у него зазвонил телефон. Майк поднял трубку. Джадсон. Вот дерьмо.

— Я почти на месте, — сказал ему Джадсон. — Как прошло?

— Хреново! Все хреново!

Когда Вентура подъехал к своему ухоженному жилищу на краю болот, пикап Эстерхази уже был на месте. Гость, высокий, одетый в хаки, стоял у загрузочной площадки и разряжал оружие. Вентура вышел из машины. Эстерхази с потемневшим от гнева лицом повернулся к нему.

— Что с машиной? — спросил Джадсон.

— Местные напали. У Мэлфорша.

— Так они дело не сделали?

— Нет. Все вернулись без оружия, а Крошка — с порезанной шеей. Они бы меня с удовольствием вздернули. Я себе нажил большую проблему.

Эстерхази уставился на него:

— Так эти двое направляются к Испанскому острову?

— Похоже на то.

За выбеленным домиком, окруженным ровной, словно бильярдный стол, лужайкой, виднелся причал, где у Вентуры стояли три лодки: гребная плоскодонка, лодка с мощным воздушным винтом и новенькая моторка — на ней был мотор с гидравлическим подъемником и электронное управление с эхолотом.

Эстерхази сжал зубы и достал из пикапа последний чехол с оружием.

— Видимо, — процедил он, — решать проблему придется самим.

— И прямо сейчас. Потому что, если они доберутся до Испанского острова, все пропало.

— А вот этого мы не допустим. — Эстерхази прищурился в сторону заката. — Если они идут быстро, то, возможно, уже на подходе.

— Они идут медленно. Болот они не знают.

Эстерхази посмотрел на моторку.

— С твоей «Ямахой» в двести пятьдесят лошадей мы успеем перехватить их в старом сплавном канале — у острова Ронкиль. Знаешь, где это?

— Конечно! — Вентуре не понравилось, что Эстерхази усомнился в его знании болот.

— Тогда грузим оружие и двигаем. У меня есть идея.

69

Болото Черная Топь

Из-за толстых стволов голых кипарисов поднялась маслянистая луна, разливающая слабый свет на темное ночное болото. Лучи фар скользили по зарослям деревьев, по травам; тут и там светились чьи-то глаза. Хейворд знала, что это в основном лягушки или жабы, но все равно серьезно разнервничалась. Да, странные вещи, которые она в детстве слышала о Черной Топи, всего лишь байки, однако здесь водятся самые настоящие аллигаторы и ядовитые змеи.

Обливаясь потом, Хейворд перебросила шест вперед, подтянула лодку. От грубой рубашки чесалась вся кожа. Пендергаст лежал на носу, развернув карты, и внимательно их изучал, светя себе фонариком. Путь они проделали долгий, то и дело попадали в глухие заводи, заросшие протоки, ориентировались с большим трудом.

Агент посветил фонарем на воду и бросил туда какую-то щепку, проверяя течение.

— Миля или меньше, — пробормотал он, возвращаясь к карте.

Хейворд оттолкнулась шестом, прошла на корму и опять воткнула его в вязкое дно. Ей казалось, что она тонет в этих коричнево-зеленых джунглях.

— А вдруг лагеря там нет?

Молчание.

Луна поднялась выше, воздух стал свежее. На ухо Хейворд, злобно звеня, сел москит. Она прихлопнула его, стряхнула.

— Впереди — последний сплавной канал, — сказал Пендергаст. — А за ним — последний участок болота перед Испанским островом.

Лодка раздвигала носом гниющие стебли водяных гиацинтов; от болот поднимался и окутывал все прелый запах растений.

— Выключите, пожалуйста, ходовые огни и фары, — попросил Пендергаст. — Незачем оповещать их о нашем прибытии.

Хейворд выключила огни.

— По-вашему, там все же кто-то есть?

— Что-то точно есть. Иначе зачем прилагать столько усилий, чтоб нас остановить?

Когда глаза привыкли, Хейворд даже удивилась, как хорошо полная луна освещает болота. Впереди, за деревьями, поблескивала вода. Лодка вошла в сплавной канал, наполовину заросший ряской и гиацинтами. Переплетающиеся ветви кипарисов образовали тут туннель.

Вдруг лодка резко остановилась. Хейворд уперлась шестом, пытаясь сохранить равновесие.

— Мы за что-то зацепились, — сказал Пендергаст. — За корень или за топляк. Попробуйте обвести лодку вокруг.

Хейворд опять взялась за шест. Корма закачалась: лодка уперлась в кипарисовый ствол. Она болталась и раскачивалась, потом сошла с дерева. Хейворд налегла на шест, чтобы опять двинуться в канал, но вдруг сверху, с веток, что-то длинное, черное и блестящее слетело ей на плечи и скользнуло по шее — сухое и прохладное. Хейворд едва не завопила от неожиданности и отвращения.

— Не двигайтесь, — сказал Пендергаст. — Замрите.

Хейворд заставила себя стоять неподвижно, а Пендергаст медленно шагнул к ней и остановился, осторожно балансируя среди кучи оружия. Выбросив вперед руку, он сдернул с ее плеча что-то толстое и гибкое и резко отшвырнул. Хейворд обернулась и увидела, как по воздуху, извиваясь, пролетела змея длиной больше ярда и упала в воду за кормой.

— Agkistrodon piscivorus, — мрачно сказал Пендергаст. — Водяной щитомордник.

У Хейворд по коже побежали мурашки; гадкое ощущение скользящего прикосновения никак не проходило. Она вздрогнула, глубоко вздохнула и взялась за шест. Они опять зашли в канал и стали углубляться в заросли. Пендергаст огляделся и вернулся к картам. Хейворд теперь осторожно поглядывала вверх, на покров из веток. Москиты, лягушки, змеи — вот только аллигаторов пока не было.

— Наверное, скоро придется выйти из лодки и двигаться пешком, — пробормотал Пендергаст. — Впереди полно препятствий. — Он оторвался от карты, огляделся.

Хейворд вспомнила об аллигаторах. Пешком. Как заманчиво!

Она опустила шест и оттолкнулась. Внезапно Пендергаст черной молнией метнулся к Лоре, обхватил за бока и вместе с ней рухнул за борт, в темную воду. Хейворд от удивления даже не сопротивлялась; в воде она встала, и ноги ушли в вязкое дно. Неожиданно раздались выстрелы.

Ба-бах!

Пуля попала в двигатель, и он брызнул пламенем.

Бах! Бах!

Выстрелы раздавались с правой стороны.

— Доставайте оружие, — шепнул ей в ухо Пендергаст.

Хейворд ухватилась за планшир и, дождавшись перерыва в стрельбе, подтянулась. Схватила ближайший ствол — тяжелую винтовку — и скользнула обратно в воду. Следующая очередь попала в лодку, и несколько пуль ударили в мотор. По днищу пробежал язык пламени: пули пробили шланг.

— Не стреляйте, — прошептал Пендергаст и подтолкнул ее. — Обходите лодку, идите на другой берег канала и спрячьтесь.

Держа голову как можно ближе к воде, Хейворд наполовину брела, наполовину плыла. Позади, осветив воду желтым светом, разлетелась на

части горящая лодка. Вслед за этим Хейворд накрыло мощной взрывной волной, и в воздухе на миг повис оранжево-черный шар. Потом стали раздаваться взрывы послабее — рвалось горящее оружие.

Вдруг выстрелы загремели со всех сторон, вздымая водяные фонтанчики.

— Нас обнаружили, — быстро сказал Пендергаст. — Ныряйте и плывите.

Хейворд набрала воздуха, нырнула и, неловко загребая держащей винтовку рукой, стала двигаться вперед — втемную глубину.

Погружаясь ногами в болотную жижу, она иногда задевала за что-то твердое, а иногда не очень твердое. Иногда по ногам, извиваясь, скользили рыбы. Хейворд старалась не думать о ядовитых змеях, нутриях, восьмидюймовых пиявках и прочих болотных обитателях. В воду с шипением входили пули.

Легкие у нее, казалось, вот-вот разорвутся; Хейворд сделала вдох и опять нырнула.

От пуль вода бурлила, как живая. Лора не представляла, где сейчас Пендергаст, но продолжала двигаться, поминутно всплывая — набрать воздуха. Грязь под ногами стала гуще. Хейворд почувствовала, что ползет по мелководью.

На другом берегу маячили очертания деревьев. Неизвестный продолжал стрелять правее и выше — пули летели в деревья у нее над головой. Выстрелы стали чуть реже — видимо, стрелок потерял цель и просто палил в том же направлении.

Хейворд выбралась на скользкий берег, перекатилась на спину и попыталась отдышаться. С головы до ног она покрылась грязью. Все случилось так быстро, что Хейворд даже сообразить ничего не успела, и теперь ожесточенно размышляла: «Это уже не местные. Тут действует снайпер-одиночка. Кто-то знал, что мы явимся, и успел подготовиться».

Хейворд решилась оглядеться, но Пендергаста не увидела. Бережно держа винтовку в одной руке, она заползла в какой-то неглубокий ручей под деревьями, ухватилась за старый гнилой кипарисовый пень и устроилась рядышком. Тут же раздался слабый всплеск. Хейворд, уверенная, что это Пендергаст, едва не окликнула, но тут слева от нее на воду лег луч света. Она бросилась наземь, стараясь сжаться за пеньком, стать как можно меньше. Медленно, очень осторожно она передвинула покрытую грязью винтовку и положила перед собой.

Опустив ее в воду, Хейворд поводила ею взад-вперед, смывая грязь, потом подняла и ощупала, пытаясь определить, что это за оружие. Рычажный взвод, восьмигранный ствол, крупный калибр. Похоже на

современную копию винтовки Браунинга времен Фронтира под патрон.45–70 — фирма «Винчестер» такие делает. Значит, будет стрелять, хоть и побывала в воде. В магазине должно быть от четырех до девяти патронов.

Пятно света замелькало среди деревьев, забегало по воде. Стрельба прекратилась, но луч подходил все ближе.

Нужно стрелять по источнику света. Это единственная цель, больше ничего не видно. Двигаясь медленно и бесшумно, Хейворд подняла винтовку, вытряхнула остатки воды. С бесконечной осторожностью взвела рычаг — патрон заслался в патронник. Что ж, пока все терпимо. Луч, очень хорошо видимый, медленно двигался вдоль русла. Хейворд подняла ствол и стала целиться — и вдруг почувствовала на плече чью-то руку.

Едва не вскрикнув от неожиданности, она распласталась на земле.

— Не стреляйте, — едва слышно сказал голос Пендергаста. — Это, наверное, ловушка.

Справившись с удивлением, Хейворд кивнула.

— Давайте за мной. — Пендергаст повернулся и пополз вдоль ручья; Хейворд двинулась следом. Луна ненадолго зашла за облака, но догорающие обломки лодки давал и достаточно света. Канал суживался, ползти пришлось по отмели, где вода стояла примерно на фут. Луч света плясал совсем рядом и приближался к ним. Пендергаст набрал в грудь побольше воздуха и припал ко дну. Он, как и Хейворд, был весь покрыт грязью.

Лора ползла позади, опустив лицо почти в самую жижу. Луч фонаря прошел прямо над ними. Хейворд сжалась в ожидании выстрела, но выстрела не было.

Луч ушел, и она поднялась. За отмелью темной массой высились кипарисовые пни и гниющие стволы. Пендергаст направлялся туда. Хейворд поползла следом, и через минуту они оказались там.

Хейворд кое-как ополоснула и еще раз почистила винтовку. Пендергаст достал «Лес-баер» и последовал ее примеру. Действовали они быстро и молча. Луч вернулся, и на этот раз подошел ближе, направляясь прямо на них.

— Почему думаете, что ловушка?

— Элементарно: стрелок здесь не один; они ждут, когда мы начнем стрелять на свет.

— Так что делать?

— Ждать. Молча. И не двигаясь.

Луч скользнул в сторону, вернулась темнота. Пендергаст, неподвижный, непроницаемый, сжался за темными стволами.

Хейворд напряженно слушала. Со всех сторон раздавались какие-то всплески, шорохи — звери, лягушки... А может, люди?

Горящая лодка наконец затонула; остатки бензина выгорели, оставив болота почти в полной темноте. Луч фонаря появился опять и придвинулся еще ближе.

70

Джадсон Эстерхази с бесконечной осторожностью пробирался в болотных сапогах через густую растительность, держа в руках «Винчестер 30–30». Эта модель гораздо легче охотничьей винтовки, маневреннее, и к тому же с таким Джадсон еще подростком охотился на оленей. Мощный, но элегантный, «Винчестер» словно был продолжением Джадсона.

За деревьями виднелся фонарь Вентуры — луч неуклонно приближался туда, где должны выйти на берег Пендергаст и его спутница.

Эстерхази расположился ярдах в ста от того места, куда их пригнали. Они и не догадываются, что их взяли в клещи. Он устроился позади их укрытия среди пней, а Вентура подойдет спереди. Эти двое теперь беззащитны; только и осталось, чтобы они выдали свое местонахождение. Всего один выстрел — и Джадсон засечет точное место и убьет обоих. Они обязательно выстрелят на свет.

План сработал безошибочно, и Вентура отлично справился. Фонарь на длинном шесте двигался медленно, словно неуверенно, и свет все приближался к беглецам. Луч хорошо осветил кучу спутанных веток и большой гниющий ствол — старый ветровал. Они там, другого подходящего укрытия поблизости нет.

Эстерхази медленно переместился, чтобы лучше видеть темную массу пней. Луна поднялась высоко и теперь вышла из-за облаков, роняя бледный свет на самые темные уголки болота. Джадсон разглядел обоих — вон они скрючились за бревном, видят только свет фонаря впереди и не заметят, как он подойдет сбоку. Им даже стрелять не понадобилось! Джадсон медленно поднял винтовку и прижал к щеке, глядя в оптический ночной прицел. Цель обозначилась. Беглецы лежали не на одной линии, но если сначала выстрелить в Пендергаста, с женщиной справиться будет легко.

Слегка переместившись, Эстерхази установил перекрестие прицела на спине агента и приготовился выстрелить.

Хейворд жалась за бревном, а луч беспорядочно метался в темноте.

Пендергаст прошептал ей в ухо:

— Фонарь привязан к шесту.

— К шесту?

— Да. Поэтому он так болтается. Это ловушка. Где-то рядом есть и второй стрелок.

Внезапно Пендергаст схватил ее и окунул лицом в грязь. В ту же секунду над ними прогремел выстрел, и в дерево с глухим звуком вошла пуля.

Отчаянно барахтаясь в грязной жиже, Хейворд устремилась за Пендергастом; он втиснулся под спутанные корни и подтащил ее к себе. Последовали новые выстрелы — пули пронзали корни и спереди, и сзади.

— Плоховатое укрытие, — выдохнула Хейворд.

— Точно. Оставаться здесь нельзя. Пули до нас доберутся, это лишь вопрос времени.

— И как же быть?

— Я сниму того стрелка, что позади. Когда я уйду, отсчитайте девяносто секунд, выстрелите, еще раз отсчитайте девяносто и снова стреляйте. Не цельтесь, мне нужен только звук. Постарайтесь, чтоб не увидели дульного пламени. А потом — только потом, после первых двух выстрелов — стреляйте на свет. И тогда уже достаньте его — и убейте.

— Поняла.

Пендергаст мгновенно скрылся. Словно в ответ с новой силой загремели выстрелы. Хейворд досчитала до девяноста и выстрелила, держа винтовку дулом вниз. Оружие громыхнуло, дало отдачу — Лора не ожидала такого грохота; выстрел эхом раскатился над болотами. В ответ целая череда пуль пронзила корни у нее над головой. Скрючившись в жидкой грязи, Хейворд услышала слева выстрел Пендергаста, и в темноте полыхнуло пламя. Пули теперь ложились в стороне от нее. Луч фонаря скакал по-прежнему, но уже не приближался.

Она опять досчитала до девяноста, нажала на спуск, и над болотами прогремел очередной выстрел крупнокалиберной винтовки.

Вокруг засвистели пули; им ответила быстрая череда выстрелов из пистолета Пендергаста — теперь уже с другой стороны. Луч не двигался.

Хейворд повернулась, тщательно прицелилась и медленно нажала на спуск. Винтовка громыхнула, и свет фонаря рассыпался тысячами искр.

Она тут же вскочила и изо всех сил рванула по густой вязкой грязи в ту сторону. Позади то и дело стрелял Пендергаст, отчаянно пытаясь снять другого стрелка.

Из ближайших зарослей папоротника ударили два выстрела; Хейворд бросилась вперед, держа наготове винтовку, и продравшись через папоротники, увидела стрелка, притаившегося в маленькой лодке. Он удивленно повернулся к Хейворд, а она бросилась в воду, одновременно целясь и стреляя. Незнакомец тоже выстрелил; Лора почувствовала резкий удар по ноге и какое-то странное онемение. Она вдохнула и попыталась встать, но нога не слушалась.

Хейворд яростно дернула затвор, ожидая в любой момент получить вторую, смертельную пулю. Однако выстрела не было, и она поняла, что попала в стрелявшего. Отчаянным усилием она подползла и схватилась за борт, целясь винтовкой внутрь. Стрелок лежал на дне, из раны на плече текла кровь. Его винтовка развалилась на две части — должно быть в нее попала пуля, — и он одной рукой пытался вытащить пистолет. Этот человек был явно не из местных; прежде Хейворд его не видела.

— Не двигаться! — Она нацелила на незнакомца винтовку и, стараясь не стонать от боли, отобрала у него пистолет. — Вставай. Медленно, аккуратно. Руки держи на виду.

Раненый застонал, поднял руку. Другая бессильно висела сбоку.

Хейворд не забыла о втором стрелке и старалась держаться как можно ниже. Она проверила пистолет — магазин оказался полный — и выкинула тяжелую винтовку в воду.

Стрелок опять застонал. На его грудь легла полоса лунного света; по плечу медленно ползла темная полоса крови.

— Я ранен, — промычал он. — Мне нужна помощь.

— Не смертельно, — сказала Хейворд. Ее собственная рана болела, нога стала как свинцовая. Хоть бы не истечь кровью до смерти. Она стояла в воде, и стрелок не видел, что она ранена. К раненой ноге что-то прикасалось, скользило — наверное, рыбы, привлеченные кровью.

Сзади опять загремели выстрелы. Тяжелое буханье «Лес-баера» перемежалось сухим треском винтовки. Выстрелы стали реже, потом наступила тишина. Долгая тишина.

— Имя? — спросила Хейворд.

— Вентура. Майк Вен…

Выстрел.

Человек по имени Вентура, захрипев, тяжело свалился на дно лодки и замер.

Хейворд запаниковала и бросилась в воду, рукой держась за борт. Вокруг ее раны крутились какие-то мерзкие водяные твари, извивались бесчисленные пиявки.

Раздался всплеск, Хейворд обернулась, держа наготове пистолет, и увидела Пендергаста, который медленно двигался к ней. Он жестом велел ей не шевелиться, огляделся и быстрым движением перекинулся в лодку. Повозившись там, он опять перебрался через борт и погрузился в воду рядом с Хейворд.

— Вы целы? — прошептал он.

— Нет. Ранена.

— Куда?

— В ногу.

— Вам нужно выбраться из воды. — Пендергаст ухватил ее за руку и потащил к берегу. Тишина стояла полная: перестрелка распугала всю местную живность — ни всплесков, ни кваканья, ни щебета.

Хейворд почувствовала движение воды, и ногу задело что-то твердое и шершавое. Лора сдержала крик. Поверхность воды блеснула, и из глубины показались два глаза и чешуйчатые ноздри. С сильнейшим всплеском аллигатор бросился на Хейворд, и одновременно Пендергаст выстрелил. Что-то тяжелое и острое неумолимо зажало раненую ногу, причиняя мучительную боль, и Хейворд оказалась под водой.

Пендергаст пытался удержать ее за руку; Хейворд извивалась, а огромный аллигатор тащил ее в грязь, в глубину. Она хотела закричать, но рот заполнила тухлая жижа. Уже под водой Хейворд услышала, как Пендергаст несколько раз выстрелил. Она изогнулась, приставила пистолет к голове аллигатора и нажала на спусковой крючок.

Грохот выстрела слился в единый взрыв с судорожным всплеском аллигатора. Страшные челюсти разжались, и Хейворд, хватая ртом воздух, поползла прочь.

Отчаянным усилием Пендергаст выдернул ее из вязкой грязи и уложил на папоротники. Потом разорвал штанину, промыл, как мог, раны и перевязал полосками материи.

— А второго стрелка вы сняли? — спросила Хейворд, борясь с головокружением.

— Нет. Возможно, задел. Я выманил его из укрытия, но он метнулся в болото.

— Почему же он больше не стреляет?

— Наверное, выбирает новую огневую позицию, хочет прицелиться точнее. Тот, в лодке, застрелен не из нашего оружия. Судя по ране — калибр.30–30.

— Случайность? — выдохнула Хейворд, стараясь отвлечься от боли.

— Вероятно, нет. — Пендергаст обхватил ее за плечи, поставил на ноги. — У нас один выход: доставить вас на Испанский остров. Причем немедленно.

— А как же тот, второй? Ведь он еще где-то здесь.

— Знаю. — Он кивнул на ее ногу. — Но такая рана ждать не может.

71

Обхватив Пендергаста за шею, Хейворд ковыляла по вязкой грязи, то и дело оскальзываясь и едва не увлекая спутника за собой. При каждом шаге боль, словно раскаленный прут, пронзала ногу от голени до бедра; Лора с трудом удерживалась от стонов. Она ни на секунду не забывала о стрелке, который прятался где-то в темноте. Тишина на болотах пугала, напоминая о подстерегающей опасности. Несмотря на душную ночь и теплую воду, Хейворд била дрожь, у нее кружилась голова; казалось, все это происходит с кем-то другим.

— Поднимайтесь, капитан, — мягко окликнул Пендергаст, и Лора поняла, что опять упала.

Обращение по званию заставило ее кое-как подняться на ноги и пройти шаг или два, а потом она снова обмякла. Пендергаст наполовину нес, наполовину волочил ее; руки у него были как стальные канаты, а голос тихий и ласковый. Грязь сделалась глубже, ноги стало засасывать — почти как в зыбучих песках. С усилием Хейворд шагнула вперед и погрузилась в трясину.

Пендергаст поддержал ее, и Лора с трудом высвободила одну ногу, но раненая нога застряла в грязи, и все попытки шевельнуться доставляли невыносимую боль. Хейворд рухнула обратно в болото, погрузилась до самых бедер.

— Не могу, — сказала она, задыхаясь от боли. — Не могу, никак!

Над ней все завертелось, в голове загудело, она чувствовала только, что Пендергаст ее держит.

Он спокойно и внимательно огляделся вокруг. Затем послышался треск ткани: Пендергаст разорвал свой пиджак. Темное болото, деревья, луна — все продолжало кружиться, кружиться… Москиты набились в ноздри и в уши. Лора упала навзничь, изо всех сил желая, чтобы липкая грязь превратилась в ее постель — там, на Манхэттене… И вот она уже дома, в тепле, рядом тихо посапывает Винни…

Она пришла в себя, почувствовав, как Пендергаст обвязывает ее под мышками какими-то самодельными лямками. Лора в растерянности забарахталась, но агент успокаивающее похлопал ее по руке:

— Я буду вас тащить. Расслабьтесь.

Она кивнула, опять погружаясь в беспамятство.

Пендергаст накинул лямки на плечи и стал тянуть. Сначала Хейворд не двигалась. Потом болото потихоньку ослабило хватку, и она почувствовала, что ползет по грязи — то толчками, то скользя. Наверху обрисовывались в лунном свете деревья — черные и серебристые; их переплетенные ветви образовали пестрый узор из света и тьмы. Хейворд слабо подумала о том, где же прячется стрелок… почему-то выстрелов больше не слышно. Прошло пять минут, а может, пятьдесят; она утратила чувство времени.

Пендергаст вдруг остановился.

— Что такое? — простонала Хейворд.

— Вижу свет за деревьями.

72

Пендергаст склонился над Хейворд. В этой воде и грязи он не мог определить, сколько она потеряла крови. В лунном свете лицо ее — там, где его не покрывала грязь, — казалось призрачно-бледным. Пендергаст осторожно ослабил лямки, усадил Лору, прислонив к дереву, и прикрыл листьями папоротника. Ополоснув в мутной воде какой-то лоскут, он попытался смыть с раны грязь, снял заодно несколько пиявок.

— Ну как вы, капитан?

Хейворд сглотнула, пошевелила губами. Ей не удавалось сфокусировать взгляд. Пендергаст проверил у нее пульс; слабый, учащенный. Шоковое состояние. Нагнувшись к самому ее уху, он прошептал:

— Мне придется вас оставить. Ненадолго.

Ее глаза расширились от страха. Тем не менее она кивнула и даже смогла хрипло выговорить:

— Понимаю.

— Те, кто находится на Испанском острове, знают, что мы пришли. Они, конечно же, слышали выстрелы. Второй стрелок, возможно, тоже явился с острова, а теперь поджидает нас здесь — потому и не стрелял. Я пойду очень осторожно. Покажите оружие.

Он взял пистолет — калибр.32, — проверил магазин и вложил ей в руку.

— У вас осталось пять патронов. Если я не вернусь... они вам могут понадобиться. — Он положил Лоре на колени фонарь. — Включайте только в случае необходимости. Глаза видны и при луне. Обращайте внимание на расстояние между глазами. Если больше двух дюймов — это либо аллигатор, либо наш стрелок. Понимаете?

Хейворд кивнула, сжимая пистолет.

— Тут вы хорошо спрятаны. Вас не увидят, пока сами не захотите. Только — слушайте меня внимательно! — не засыпайте! Потерять сознание — верная смерть.

— Вы лучше идите, — пролепетала Хейворд.

Пендергаст посмотрел в темноту. За рядами стволов едва виднелся слабый желтоватый свет. Он достал нож, пометил с двух сторон самое толстое дерево. Оставив Хейворд одну, агент двинулся к югу и по сужающейся спирали стал приближаться к далеким огням.

Пендергаст двигался медленно, осторожно вытягивая ноги из грязи, чтобы производить как можно меньше шума. Возле огней, мерцавших за темными деревьями, не было никакого движения, никаких звуков. Пендергаст суживал круги; деревья поредели, и скоро он увидел повисший в темноте желтый прямоугольник: окно с занавеской. Вокруг неясно вырисовывались какие-то строения с двускатными крышами. За десять минут он настолько приблизился к Испанскому острову, что смог разглядеть охотничий лагерь.

Лагерные постройки стояли на пропитанных креозотом сваях чуть выше уровня воды; в кипарисовой роще среди окутанных испанским мхом древних деревьев пряталось не меньше десятка зданий, крытых шифером. Сама роща раскинулась на краю небольшого затона. Лагерь располагался на относительно возвышенном месте, его окружала целая стена папоротников, каких-то кустов, высокой травы. Благодаря густой растительности и почти непроходимой завесе из испанского мха место это казалось тихим и неприступным.

Пендергаст двигался кругами, проверяя, нет ли тут охраны, изучал местность. С одной стороны лагеря виднелась деревянная пристань с выходящим в затон плавучим доком. Там стояло необычного вида судно,

в котором Пендергаст узнал военный речной катер времен вьетнамской войны, своего рода гибрид: плоскодонка с осадкой не больше трех дюймов и нешумный встроенный мотор — идеальная вещь для болот.

Некоторые постройки развалились, крыши просели, но главный корпус был в хорошем состоянии, и там явно кто-то жил. Стоявший рядом дом тоже содержался в исправности. На окнах висели плотные шторы, едва пропускавшие слабый желтоватый свет.

Завершая последний круг, Пендергаст удивился: похоже, никто лагерь не охраняет. Тихо как в склепе. Если стрелок и здесь, то он очень хорошо спрятался. Пендергаст подождал, прислушался: откуда-то издалека донесся слабый плач, словно кто-то потерял последнюю надежду. Плач то замирал, то слышался опять и наконец стих, перейдя перед этим в какие-то невнятные звуки. Над болотами воцарилась глубокая тишина.

Пендергаст достал свой «Лес-баер» и стал обходить лагерь, пробираясь через плотные заросли папоротников у самых свай. Он опять подождал, но ничего не изменилось: ни шагов по дощатому помосту, ни света, ни голосов.

От одной из свай поднималась лестница из скользких прогнивших планок. Выждав еще несколько минут, Пендергаст наполовину вброд, наполовину вплавь добрался до лестницы, ухватился за нижнюю ступеньку, и стал подтягиваться вверх, проверяя каждую перекладину на прочность. Очень быстро голова его оказалась на уровне помоста. Глядя по сторонам, он опять не увидел в лунном свете никого — лагерь не охранялся.

Добравшись до верха помоста, Пендергаст перекатился через бортик и залег с пистолетом наготове. Он напряженно вслушивался в тишину: его сверхчувствительный слух уловил едва различимое невнятное бормотание, словно кто-то монотонно читал молитву. Луна стояла прямо над головой, и на спрятанный среди кипарисов лагерь ложились узоры из света и теней. Пендергаст подождал еще чуть-чуть, затем метнулся в тень ближайшего строения и вжался в стену. Единственное занавешенное окно лило слабый свет на помост. Агент медленно обогнул угол и нырнул в проход за вторым окном. Обойдя еще один угол, он оказался перед дверью — старой, с ржавыми петлями и облупившейся краской. Пендергаст осторожно потянул ручку; дверь оказалась заперта. Чтобы отпереть, ему понадобилась секунда. Пригнувшись, он ждал.

Ни звука.

Медленно повернув ручку, Пендергаст приоткрыл дверь и быстро проскользнул внутрь, держа перед собой пистолет.

Глазам его предстала комната — большая, изящно обставленная, только слегка запущенная. В одном конце высился громадный камин, над которым висело чучело аллигатора, а на грубо обтесанной деревянной каминной полке расположилась коллекция вересковых трубок и газовый светильник. Вдоль стены стояли пустые шкафы для оружия, стеллажи с ржавеющими спиннингами и удочками, витрины с наживками и приманками. У камина полукругом расположились потертые кожаные кресла винно-красного цвета. Все предметы покрывал толстый слой пыли — видно, заходили сюда редко.

Над головой Пендергаста раздались легчайшие шаги, бормотание.

Комнату освещали керосиновые лампы; горели они слабо-слабо. Агент прибавил света, вывернув фитиль у одной лампы, и прошел в другой конец комнаты к узкой лестнице, застланной плотным ковром. Медленно поднялся по ступеням на второй этаж: в отличие от первого там не было никакой мебели, никаких красок, никаких бросающихся в глаза предметов — только длинный коридор с дверьми по обеим сторонам: спальни с тех времен, когда в лагерь приезжали охотники. Ни кресел, ни картин, ни книг... За открытыми дверьми виднелись пустые комнаты. На всех окнах висели занавески приглушенных пастельных тонов — явно для защиты от света; даже дырки от сучков в деревянных рамах тщательно замазаны.

В конце холла мягкий свет обрисовывал контуры приоткрытой двери. Мягко, по-кошачьи ступая, Пендергаст подкрался ближе. Последние несколько спален были обитаемы: в одной, просторной и прекрасно, хотя и по-спартански, обставленной, он увидел аккуратно заправленную постель; к комнате примыкала ванная и гардеробная. В большом зеркале отражалась соседняя спальня, поменьше и поскромнее, с единственным предметом меблировки — большой двуспальной кроватью.

Пендергаст прильнул к двери в конце коридора и прислушался: где-то слабо гудел генератор, однако из самой комнаты не доносилось ни звука. Агент резко развернулся и мощным ударом выбил дверь, тут же бросившись плашмя на пол.

Раздался грохот, в притолоку ударила дробь и вырвала кусок величиной с баскетбольный мяч.

На Пендергаста посыпалась штукатурка. Агент перекатился по полу и вскочил. Второй выстрел разнес столик у двери, но в этот момент Пендергаст уже прыгнул на стрелка и, обхватив за шею, выкрутил из рук оружие. Он развернул неизвестного лицом к себе — это оказалась стройная женщина необычайной красоты.

— Вы мне руку сломаете, — спокойно сказала она.

Пендергаст отпустил ее и сделал шаг назад, направив на женщину пистолет.

— Не двигайтесь, — велел он. — Держите руки на виду.

Быстро оглядев комнату, агент изумился: настоящее отделение реанимации со сверкающим новехоньким оборудованием — система мониторного наблюдения, пульсоксиметр, монитор дыхания, аппарат искусственной вентиляции легких, инфузионный насос, реанимационная тележка, рентгеновская установка, всевозможные приборы и аппараты функциональной диагностики.

— Кто вы? — спросила женщина ледяным голосом; к ней уже вернулось самообладание. На ней было элегантное светлое платье, никаких украшений, однако макияж сделан тщательно, волосы аккуратно уложены. Больше всего Пендергаста поразило выражение острого ума в ее холодных голубых глазах. Он узнал женщину почти сразу — по фотографии, которую видел в управлении записи актов гражданского состояния в Батон-Руже.

— Вы — Джун Броди, — сказал он.

Она слегка побледнела. Последовало напряженное молчание; из-за двери в конце комнаты донесся приглушенный слабый стон — плач боли или отчаяния.

— Боюсь, ваш неожиданный приход побеспокоил моего пациента, — невозмутимо произнесла Джун Броди. — А вот этого как раз делать не следует.

73

— Пациент? — переспросил Пендергаст.

Броди не ответила.

— Что ж, это мы с вами обсудим позже, — сказал агент. — Моя напарница осталась на болотах, она ранена. Мне нужна ваша лодка. И вот эта аппаратура.

Броди не отреагировала, и он тряхнул пистолетом.

— Любое ваше поведение, кроме немедленной помощи, повлечет ущерб для вашего здоровья.

— Нет никакой необходимости угрожать.

— Боюсь, что есть. Вам напомнить, кто стрелял первым?

— А кто вас просил сюда врываться, как кавалерийский полк?

— Давайте отложим обмен любезностями, — сухо ответил Пендергаст. — Моя коллега серьезно ранена.

Джун Броди хладнокровно нажала кнопку переговорного устройства на стене и командным голосом произнесла:

— У нас гости. Приготовься принять тяжелого пациента и жди нас у причала с каталкой.

Она пересекла комнату и, не оглядываясь, вышла. Пендергаст двинулся за ней, держа наготове пистолет. Броди спустилась в гостиную первого этажа, вышла из здания и направилась к плавучему доку, где уверенно села в лодку и завела двигатель.

— Отвяжите лодку, — распорядилась она. — И уберите, пожалуйста, оружие.

Пендергаст сунул пистолет за ремень и отвязал лодку. Джун увеличила обороты, и лодка кормой вперед вышл

а из дока.

— Моя напарница осталась примерно в тысяче ярдов на ост-зюйд-ост, вон в той стороне. — Пендергаст махнул в темноту и добавил: — Там на болотах прячется стрелок. Вы, конечно, знаете. Он, возможно, ранен. А возможно, и нет.

Броди посмотрела на него.

— Так вы хотите найти свою напарницу или нет?

Пендергаст молча указал на панель управления.

Не говоря больше ни слова, Джун прибавила ходу, и лодка понеслась по мутным водам затона. Через несколько минут Броди замедлила ход и повернула в неширокую извилистую заводь, которая ветвилась и образовывала целый лабиринт узеньких проток. Броди уверенно вела лодку по извилистому руслу, которое при луне и разглядеть-то было почти невозможно.

— Чуть правее, — сказал Пендергаст, вглядываясь в заросли.

Огней они не включали — так было дальше видно, да и безопаснее.

Лодка виляла по протокам, то и дело казалось, что она вот-вот сядет в густую грязь, но Джун прибавляла скорость, и они проскакивали.

— Здесь. — Пендергаст показал метку на дереве.

Лодка несильно ткнулась в отмель.

— Дальше нельзя, — сказала Броди.

Пендергаст повернулся к ней, быстро проверил, нет ли у нее оружия, и шепнул:

— Ждите здесь. Я пойду за своей напарницей. Продолжайте помогать, и будете жить.

— Повторяю: не нужно угроз.

— Это не угроза, а напоминание.

Пендергаст выбрался из лодки и двинулся по болоту.

— Капитан Хейворд! — позвал он.

Тишина.

— Лора!

Опять тишина — и только.

И тут он ее увидел: Хейворд в полубессознательном состоянии склонила голову на гнилой пень. Пендергаст быстро огляделся и прислушался — не хрустнет ли где ветка, не блеснет ли металл, не выдаст ли что-то присутствия стрелка? Ничего не увидев и не услышав, он схватил Хейворд под мышки и потащил к лодке. Броди помогла уложить обмякшее тело на дно лодки, а затем включила двигатель и дала задний ход. Лодка кормой вперед вышла из заводи и понеслась к лагерю.

На причале их ждал невысокий спокойный человек в докторском халате и с каталкой. Пендергаст и Броди уложили Лору и отвезли ее в оборудованную по последнему слову техники лабораторию, к реанимационному оборудованию.

— Ортотрахеальная интубация и кислород, — обратилась Джун Броди к своему коллеге.

Тот быстро принялся за дело: ввел в рот пациентке трубку, пустил кислород; они с Джун работали спокойно и слаженно — чувствовался многолетний опыт.

— Что с ней? — спросила Джун, разрезая хирургическими ножницами покрытый грязью рукав.

— Огнестрельное ранение и укус аллигатора.

Джун проверила у Хейворд пульс, измерила давление, посмотрела зрачки. Делала она все четко и профессионально.

— Капельницу, — давала она указания. — Декстран внутривенно.

Пока ее напарник все исполнял, сама Джун взяла у Хейворд кровь из вены на анализ, а затем, вынув из лотка со стерильными инструментами скальпель, несколькими уверенными движениями срезала остатки штанины.

— Промывание.

Мужчина передал Джун большой шприц с физраствором; она стала смывать грязь и мусор, попутно удаляя многочисленных пиявок, и бросала все в красный пластиковый пакет для медицинских отходов. Обколов обезболивающими препаратами страшные укусы и пулевое отверстие, она продолжала тщательно и спокойно очищать раны и обрабатывать их раствором и антисептиком. В заключение Джун ввела антибиотик и наложила повязки.

— Все будет хорошо, — заверила она Пендергаста.

Словно по сигналу, Хейворд открыла глаза и что-то прохрипела. Задвигалась на кровати, показала на интубационную трубку.

Быстро оценив ее состояние, Джун велела трубку убрать.

— Я предпочла подстраховаться, — объяснила она.

Хейворд с трудом сглотнула, огляделась, пытаясь сфокусировать зрение.

— Что происходит?

— Вас спас призрак, — ответил Пендергаст. — Призрак Джун Броди.

74

Хейворд посмотрела на расплывчатые фигуры и попыталась сесть. Голова все еще кружилась.

— Позвольте мне, — сказала Броди и подняла изголовье кровати. — У вас был небольшой шок. Скоро вы придете в норму. Или, учитывая условия, приблизитесь к норме.

— Моя нога…

— Опасности нет. Ранение в мягкие ткани, укус аллигатора. Я сделала местное обезболивание; когда действие пройдет, боль вернется. Вам понадобятся инъекции антибиотиков — на зубах аллигатора полным-полно всевозможных бактерий. Как вы себя чувствуете?

— Лучше некуда. — Хейворд села. — Что это за место? — Она уставилась на Джун. — Не может быть… Джун Броди?

Хейворд огляделась. На пункт оказания первой помощи абсолютно не похоже: слабое освещение, ни книг, ни картин на стенах, ни даже

стульев — только медицинские приборы и аппаратура. Вдобавок непонятно, зачем в охотничьем лагере отделение реанимации, оборудованное по последнему слову техники.

Хейворд нервно сглотнула, пытаясь разобраться в происходящем.

— Зачем вы имитировали самоубийство?

— Я так понимаю, вы — капитан Хейворд из нью-йоркской полиции и особый агент Пендергаст из ФБР — расследуете дело «Лонжитьюд фармасьютиклз», — сказала Броди, отступая на шаг от кровати.

— Верно, — ответил Пендергаст. — Я бы показал вам свой жетон, но, боюсь, он навсегда останется в болотах.

— Нет необходимости, — холодно сказала Броди. — Думаю, без адвоката мне не стоит отвечать ни на какие вопросы.

— Я не настроен препираться, — тихо и угрожающе произнес Пендергаст, окинув ее проницательным взглядом. — Отвечать вы будете, а зачитывания прав не дождетесь! — Агент повернулся к мужчине в докторском халате и приказал: — Встаньте рядом с ней.

Коротышка быстро повиновался.

— Он и есть ваш пациент? О котором вы упоминали?

— И это после того, как мы помогли вашей напарнице? — укоризненно заметила Джун.

— Не нарывайтесь, — предупредил Пендергаст.

Броди умолкла.

Пендергаст угрожающе смотрел на нее, слегка касаясь рукояти «Лес-баера», висящего в поясной кобуре.

— Вы будете подробно отвечать на мои вопросы. Вам ясно?

Джун кивнула.

— Для чего столько оборудования? Кто ваш пациент?

— Пациент — я, — раздался у дальней стены хриплый голос, сопровождаемый звуком открывающейся двери. — Вся эта роскошь — ради меня.

В темном проеме показалась нелепая костлявая фигура. Пришелец чуть слышно рассмеялся — не смех, а шорох — и медленно выступил из тьмы на тусклый свет.

— Это я, Чарльз Слэйд, — сказал он чуть громче.

75

Эстерхази завел двигатель и направил моторку к югу. Идя по старому лесосплавному каналу, он разогнался до опасной скорости. Усилием воли Джадсон заставил себя сбавить обороты и стал приводить в порядок мысли. Однозначно — пора все бросать и бежать. Пендергаст и его раненая напарница остались на болотах, без лодки, в миле от Испанского острова. Доберутся они туда или нет, Джадсона не волновало: сам он в безопасности и готов к стратегическому отступлению. Действовать придется решительно и быстро, но сейчас лучше всего залечь поглубже и зализать раны, а потом взяться за дело со свежими силами.

Почему-то Джадсона терзала уверенность, что Пендергаст доберется до Испанского острова. К тому же, несмотря на определенную напряженность в отношениях Эстерхази с обитателем острова, трудно было оставлять Слэйда без зашиты — гораздо труднее, чем предполагал Джадсон.

Где-то в глубине души он догадывался, чем все кончится; знал, когда Пендергаст еще только появился в Саванне со своим открытием. Не человек, а дьявол какой-то: за две недели ухитрился распутать то, что заняло двенадцать лет тщательной конспирации. И все из-за проклятой винтовки, которую забыли почистить. Надо же, небольшое упущение — а привело к столь чудовищным последствиям!

«Во всяком случае, — думал Эстерхази, — нельзя сказать, что я недооценил Пендергаста... как многие другие, которые за то и поплатились». Пендергаст понятия не имел ни о роли Джадсона, ни о припрятанном им козыре. Эстерхази не сомневался: все тайны Слэйд унесет с собой в могилу — или куда там еще.

Лодку обдувал ночной ветерок, в небе светили звезды, темнели в лунном свете деревья. Канал сузился, началось мелководье. Джадсон понемногу успокаивался. Есть ведь еще и возможность — вполне реальная, — что Пендергаст и женщина погибнут на болотах, не доберутся до лагеря. Женщину-то он, уж во всяком случае, ранил, она умрет от потери крови. Даже если сразу не сдохнет, чертовски непростая работенка — тащить ее остаток пути по болотам, в которых кишат аллигаторы, ядовитые змеи, в воде полно пиявок, а в воздухе — москитов.

Подойдя к заиленному концу канала, Эстерхази заглушил мотор, поднял его из воды и стал отталкиваться шестом. Москиты, которых он только что вспоминал, налетели тучами, лезли в лицо, облепляли шею и уши. Он хлопал по ним и чертыхался.

Канал раздвоился, и Эстерхази повернул налево; болота он знал хорошо. Он то и дело посматривал на эхолот — следил за глубиной. Луна стояла

высоко, было светло почти как днем. Полночь, до рассвета шесть часов. Эстерхази попытался представить, что происходит на Испанском острове — если Пендергаст туда добрался, разумеется, — но картина выходила неприятная и тоскливая. Джадсон сплюнул и выбросил все из головы. Больше его это не волнует. Вентура, чертов дурак, дал Хейворд себя застукать, но сказать ничего не успел: пуля Джадсона продырявила ему башку. Блэклеттер мертв; мертвы все, кто знал о связи Джадсона с проектом «Птицы». Джинн вылетел из бутылки, и обратно его не загнать. Если Пендергаст не умрет, все выйдет наружу, и тут ничего не поделаешь. Теперь Джадсону в первую очередь нужно уничтожить следы своего собственного участия.

События последней недели полностью прояснили одно: Пендергаст раскопает все. Это лишь вопрос времени. А значит, тщательно скрываемая роль Джадсона выйдет наружу. И потому Пендергаст должен умереть — в тот самый момент, когда он почувствует себя в безопасности; именно так и тогда, когда этого пожелает Эстерхази. У Эстерхази есть одно принципиальное преимущество: неожиданность. Уязвимое место Пендергаста Джадсону известно, и глупо этим знанием не воспользоваться. В голове начал складываться план — простой, ясный, эффективный.

Канал сделался глубже, можно было идти на моторе. Эстерхази опустил его в воду, завел и медленно пошел по каналам на запад, все время следя за глубиной. В Миссисипи он войдет задолго до рассвета. Лодку можно затопить, и из болот выйдет совсем другой человек. В голове у Джадсона вдруг всплыла непрошеная строка из «Искусства войны» Сунь Цзы: «Опереди противника — захвати то, что ему дорого, нанеси удар, а время и место выбери сам».

Очень актуально.

76

Хейворд во все глаза смотрела на стоящий в дверях призрак: высокий, тощий, худое лицо со впалыми щеками, огромные темные глаза блестят из-под густых бровей. На плохо выбритой шее и подбородке — кустики щетины. Зачесанные назад длинные седые пряди ниспадали на темно-серый пиджак, надетый поверх больничной пижамы. В одной руке Слэйд сжимал короткий кнут, а другой опирался на штатив капельницы. Он появился так тихо и незаметно, словно материализовался из ниоткуда. В налитых кровью, побагровевших глазах не светилось безумие; напротив, Слэйд медленно оглядел всех присутствующих, словно видел каждого насквозь. Он остановил взор на Хейворд, вздрогнул и закрыл глаза.

— Нет… — прошептал он, словно ветер прошелестел в листве.

Джун достала запасной халат и набросила на перепачканную рубашку тощего Ларри.

— Он не выносит яркие цвета, — еле слышно сказала она Лоре. — Ни в коем случае не делайте резких движений.

Слэйд потихоньку раскрыл глаза. Боль его, казалось, немного ослабла. Отпустив стойку капельницы, он медленно, с почти библейской торжественностью поднял руку с выступающими венами и расправил ладонь. Пальцы у него слегка дрожали; указательный он уставил на Пендергаста и не сводил с агента огромных темных глаз.

— Это вы ищете того, кто убил вашу жену? — Как ни странно, в слабом, дребезжащем голосе чувствовалась уверенность и даже заносчивость.

Пендергаст словно оцепенел; с его изодранного костюма все еще стекала болотная жижа, светлые волосы промокли и слиплись.

Слэйд уронил руку.

— Вашу жену убил я.

Агент поднял пистолет.

— Рассказывайте.

— Нет, подождите... — начала было Джун.

— Тихо! — угрожающе бросил Пендергаст.

— Точно, — выдохнул Слэйд. — Тихо... Я велел избавиться от Хелен Эстерхази-Пендергаст.

— Чарльз, — негромко, настойчиво начала Джун. — У него оружие. Он тебя убьет.

— Чепуха. — Слэйд покрутил в воздухе пальцем. — Все мы кого-то потеряли. Он — жену, я — сына. Бывает. — И с неожиданной силой, все тем же слабым голосом он повторил: — Я потерял сына!

— Не заставляйте его рассказывать о сыне, — вполголоса заметила Джун Броди, повернувшись к Пендергасту. — Это все испортит, а ведь мы достигли таких успехов в лечении! — Она с трудом подавила рвущееся из груди рыдание.

— Ее пришлось убрать, иначе она бы нас выдала. Нам всем грозила страшная опасность. — Глаза Слэйда уставились в пустоту, куда-то на стену, расширились, словно от ужаса. — Зачем ты пришел? — пробормотал он вдруг. — Теперь не время!

Медленно подняв кнут, Слэйд изо всех сил хлестнул себя по спине — раз, другой, третий, с каждым ударом наклоняясь вперед. От разодранного пиджака полетели лоскуты.

Боль, казалось, вернула Слэйда к реальности. Он выпрямился, взгляд его стал осмысленным.

В комнате стояла тишина.

— Видите, — сказала Джун Пендергасту. — Не провоцируйте его, ради Бога. Он себя истязает.

— Не провоцировать? Мои планы идут гораздо дальше.

От его угрожающего тона Хейворд бросило в дрожь. Она чувствовала себя словно в капкане — беспомощная, слабая, прикованная к постели. Схватившись за трубки капельницы, она прижала их к коже и выдернула. Соскочила с кровати, и у нее тут же закружилась голова.

— Я сам разберусь! — сказал ей Пендергаст.

— Вспомните — вы обещали его не убивать!

Пендергаст пропустил это мимо ушей и повернулся к Слэйду. Взгляд безумца блуждал, словно он видел то, чего не видели другие; губы дергались. Хейворд постепенно разобрала быстрые беззвучные слова: «Уходите-уходите-уходите-уходите...» Несчастный опять хлестнул себя кнутом, и боль как будто его отрезвила. Дрожа, он потянулся к своей капельнице — двигался он медленно, словно под водой, хотя и с видимыми усилиями, — нащупал дозатор, сильно нажал.

«Наркотик, — подумала Хейворд. — Он — наркоман».

Слэйд пришел в себя; перед этим у него на миг закатились глаза.

— История короткая, — продолжил он низким и хриплым голосом. — Хелен... Одареннейшая женщина. И телка аппетитная. Наверное, трахаться с ней было сплошное удовольствие?

Пистолет в руке Пендергаста дрогнул.

— Она сделала открытие... — Слэйд опять нажал дозатор, шепча и бормоча что-то неразборчивое; безумный взгляд метался по углам, рука с кнутом бессильно повисла.

Пендергаст шагнул вперед и влепил Слэйду сильнейшую пощечину.

— Продолжайте.

Слэйд пришел в себя.

— Как там в кино говорят — «спасибо, мне помогло». — Он вдруг затрясся от смеха. — Да, Хелен. Открытие было замечательное. Впрочем, мистер Пендергаст, большую часть истории вы уже знаете. Так ведь?

Пендергаст кивнул.

Из впалой груди безумца вырвался кашель; Слэйд согнулся от спазмов, захрипел, задергался и снова нажал дозатор. Через минуту он продолжил:

— Она поделилась открытием с нами — через посредника, — так и родился проект «Птицы». Хелен надеялась изобрести замечательный препарат, стимулятор творческих способностей. Ведь с Одюбоном это сработало. Усиление мозговой деятельности. Препарат...

— Почему вы все свернули? — невозмутимо прервал его Пендергаст.

Спокойный голос не обманул Хейворд: агент едва контролировал себя, пистолет в его руке по-прежнему дрожал.

— Исследования стоили дорого. Неслыханно дорого. — Он медленно обвел комнату рукой. — Как мы ни экономили, денег все равно не хватало...

— А потому вы решили устроить лабораторию на Испанском острове, — понимающе кивнул Пендергаст.

— В точку! Зачем строить дорогую лабораторию с высоким уровнем защиты — разреженное давление, биозащитные костюмы и все такое прочее, если можно все устроить на болотах. Экономия значительная. Мы держали здесь живые культуры, проводили опасные эксперименты, и никто никогда в жизни об этом не узнал бы, ни одна инспекция носа не сунула бы.

«Так вот почему в „Лонжитьюд фармасьютиклз“ был причал, выходящий в болота», — сообразила Хейворд.

— А попугаи? — спросил Пендергаст.

— Их держали в «Лонжитьюд», в шестом корпусе. Но, как я говорил, случались упущения. Одна птица улетела, заразила целую семью. Ну и что? Я растолковал всем: вот он, способ сэкономить миллионы на экспериментальных процедурах; остается только сидеть и ждать результатов. — Слэйд беззвучно захихикал, тряся небритым кадыком. Из носа на одежду летели капли. Он откашлялся, неловко сплюнул мокроту. — Хелен не нравилось, как мы ведем дело. Эта дамочка настоящий крестовый поход против нас устроила. А как узнала про Доанов — между прочим, перед вашим маленьким сафари, — то решила

всех нас сдать властям. Как только вернется из Африки. — Он развел руками. — Что же нам оставалось делать?

— Кому — «нам»? — спокойно спросил Пендергаст.

— Тем, кто участвовал в проекте. Моя дорогая Джун, правда, и понятия об этом не имела — во всяком случае, в то время. Я держал ее в неведении до самого пожара. И бедняга Карлтон тоже не знал. — Слэйд махнул рукой в сторону молчаливого коротышки.

— Попрошу имена.

— Все имена вы знаете. Блэклеттер. Вентура. Где, кстати, Майк?

Пендергаст не ответил.

— Видно, остался гнить на болотах, за что спасибо вам, Пендергаст, черт бы вас побрал! Майк был не просто руководителем службы безопасности, о котором можно только мечтать, он был нашим единственным связующим звеном с цивилизацией. Что ж, пусть Вентуру вы и убили, но его убить не смогли. — Больной говорил почти с гордостью. — И его имя вам не узнать. Я его приберегу — будет вам в будущем небольшой сюрприз, расплата за Майка Вентуру. — Слэйд опять хихикнул. — Он наверняка появится, захватит вас врасплох.

Пендергаст поднял пистолет.

— Имя!

— Не смейте! — крикнула Джун.

— Потише, пожалуйста, — с гримасой отвращения заметил Слэйд.

Броди повернулась к Пендергасту, умоляюще сложила руки.

— Не мучьте его, — прошептала она. — Он хороший человек, очень хороший! Вы только поймите, мистер Пендергаст, он и сам жертва!

Пендергаст перевел взгляд на нее.

— Понимаете, — продолжала она, — у нас был еще один несчастный случай. Чарльз сам заразился.

Пендергаст равнодушно произнес:

— Слэйд принял решение убить мою жену еще до того, как заболел.

— Все уже в прошлом. Ее не вернуть. Неужели вы не можете забыть?

Глаза Пендергаста сверкнули.

— Чарльз едва не умер, — продолжала она, — а потом… Потом придумал отправиться сюда. — Она кивнула на своего помощника, стоявшего поодаль. — А мой муж приехал к нам позже.

— Разумеется, вы со Слэйдом были любовниками, — бесстрастно констатировал Пендергаст.

— Да, — без смущения признала Джун. — Мы и теперь любовники.

— Почему вы решили спрятаться здесь?

Джун молчала.

Пендергаст повернулся к Слэйду:

— Не вижу смысла. Да, вы заразились птичьим гриппом, но выздоровели еще до приезда на болота. Распад психики у вас еще не начался. Так зачем же вы спрятались среди болот?

— Мы с Карлтоном его лечим, — поспешно вставила Броди. — Не даем ему умереть. Последствия этой болезни преодолеть очень трудно. Не расспрашивайте его больше, вы его мучаете…

Пендергаст прервал ее движением руки.

— Расскажите о его болезни.

— Она воздействует на систему возбуждения и торможения, — многозначительно, словно желая отвлечь Пендергаста, прошептала Броди. — Ощущения перегружают мозг — зрительные, обонятельные, осязательные. Мутировавшая форма вируса сначала напоминает острый энцефалит, и если больной выживает, то кажется, что он идет на поправку.

— Как Доаны, — хихикнул Слэйд. — Да, черт побери, как Доаны! Мы с них глаз не спускали.

— Но вирус поражает еще и таламус, — продолжала Броди. — И особенно ЛКТ.

— Латеральное коленчатое тело, — пояснил Слэйд, злобно нахлестывая себя кнутом.

— Отчасти как опоясывающий герпес, — быстро говорила Джун, — который поселяется в дорсальных корешках нервных узлов и спустя годы или десятилетия начинает проявлять себя, вызывая симптомы. Только наш вирус убивает нейроны, в которых обитает.

— Конечный результат — безумие, — прошептал Слэйд. Глаза у него опять блуждали, губы беззвучно задвигались, все быстрее и быстрее.

— И вот это все… — Пендергаст повел рукой с пистолетом, — капельница с морфием, бичевание — все ради того, чтобы отвлечься от постоянной сенсорной перегрузки?

Броди усиленно закивала.

— Сами видите — он не отвечает за свои слова. В лучшем случае удастся вернуть его в то состояние, в котором он был раньше. Мы так старались… старались много лет. Надежда все еще есть. Он хороший человек, он — настоящий целитель, он сделал много хорошего.

Пендергаст с мертвенно-бледным, застывшим лицом наставил пистолет на Слэйда.

— Меня не интересуют его добрые дела. Мне нужно только одно: имя того, кто стоял за проектом.

Однако Слэйд опять ушел в свой собственный мир и тихонько забормотал, обращаясь к стене. Вздрагивая всем телом, он ухватился за стойку капельницы: двукратное нажатие дозатора немного привело его в себя.

— Вы его мучаете, — прошептала Броди.

Пендергаст, не обращая на нее внимания, обратился к Слэйду:

— Убить ее — ваше решение?

— Да. Другие сначала возражали, но потом сообразили, что выбора нет — ее не удалось ни уговорить, ни подкупить. Так что мы ее убили, и очень даже изобретательно! Ее съел лев! — Слэйд затрясся в пароксизме беззвучного смеха.

Пистолет в руке Пендергаста задрожал еще заметнее.

— Чавк-чавк! — Глаза Слэйда блестели от удовольствия. — Ах, Пендергаст, вы и не знаете, какой сосуд Пандоры вы открыли, взявшись за расследование. Вы разбудили спящую собаку — пинком!

Пендергаст прицелился.

— Вы же обещали, — тихо, но настойчиво сказала Хейворд.

— Он должен умереть, — прошептал Пендергаст как будто себе самому. — Этот человек должен умереть.

— Должен умереть! — передразнил Слэйд, слегка возвысив голос, и вновь перешел на шепот: — Убейте, сделайте милость. Избавьте меня от страданий.

— Вы же обещали! — повторила Хейворд.

Резко, словно преодолевая какое-то физическое сопротивление, Пендергаст шагнул к Слэйду и протянул ему пистолет ручкой вперед.

Тот вырвал оружие из рук агента.

— Боже мой! — воскликнула Броди. — Что вы делаете?! Он же вас точно убьет!

Слэйд привычным жестом передернул затвор, медленно поднял пистолет, целясь в Пендергаста. Худое лицо исказила кривая улыбка.

— Отправлю тебя вслед за твоей сукой-женой.

Он положил палец на спуск.

77

— Минутку, — сказал Пендергаст. — Прежде чем вы выстрелите, я хотел бы с вами немного поговорить. Наедине.

В громадном шишковатом кулаке Слэйда пистолет казался игрушечным. Безумец стоял рядом с капельницей.

— Зачем?

— Вы кое-что должны знать.

Слэйд посмотрел на агента.

— Скверный из меня хозяин. Идемте ко мне в кабинет.

Джун Броди сделала протестующий жест, но Слэйд, дернув пистолетом, показал Пендергасту на дверь.

— Сначала — гости.

Агент бросил Хейворд предупреждающий взгляд и исчез в темном проеме.

Кедровые панели коридора были выкрашены в серый цвет. Лампы в углублениях на потолке ровно светили на мягкий светлый ковролин.

Слэйд медленно двигался позади Пендергаста, скрипя колесиками стойки.

— Последняя дверь слева, — сказал он.

Комната, служившая Слэйду кабинетом, была некогда помещением для игр. Тут висел круг для метания дротиков, стояли стулья и два столика — шахматный и для игры в нарды.

Бильярдный стол в углу Слэйд использовал как письменный: на крытой зеленым сукном поверхности лежали аккуратно сложенные салфетки,

журнал с кроссвордами, книга по математическому анализу и кнуты с растрепавшимися от частого употребления кончиками. В одной из луз скучали древние потрескавшиеся шары. Шторы на окнах были тщательно задернуты. В комнате царила могильная тишина.

Слэйд осторожно закрыл дверь.

— Садитесь.

Пендергаст установил плетеный стул на толстом ковре перед столом. Слэйд, подкатив стойку с капельницей за стол, медленно опустился в единственное кресло. Он сжал дозатор и заморгал, почувствовав действие поступающего в кровь морфия. Потом вздохнул и направил пистолет на Пендергаста.

— Вот и славненько, — сказал он все таким же тихим голосом. — Говорите что хотели, чтоб я уже мог вас пристрелить. — Слэйд чуть улыбнулся. — Я тут, конечно, напачкаю. Ладно, Джун приберет. Она хорошо за мной прибирает.

— Вообще-то, — вставил Пендергаст, — вы меня не пристрелите.

Слэйд кашлянул.

— Не пристрелю?

— Как раз об этом я и собирался поговорить. Вы застрелите себя.

— Это почему же?

Вместо ответа Пендергаст встал, подошел к стоявшим у стены часам с кукушкой, подтянул вверх гирю, поставил стрелки на без десяти двенадцать и кончиком пальца качнул маятник.

— Одиннадцать пятьдесят? — удивился Слэйд. — Неправильное время.

Пендергаст опять сел. Тишину наполняло тиканье часов. Слэйд как будто немного напрягся. Губы у него задвигались.

— Вы убьете себя, потому что этого требует справедливость, — заявил Пендергаст.

— Чтобы угодить вам, наверное?

— Нет. Мне назло.

— Себя я не убью, — громко и раздельно произнес Слэйд.

— Надеюсь, что нет, — сказал Пендергаст, выдергивая из лузы два шара. — Понимаете, я бы предпочел, чтобы вы жили.

— Это бессмыслица. Даже для сумасшедшего.

Пендергаст начал со щелканьем катать в руке шары: ни дать ни взять капитан Куиг из фильма «Бунт на „Каине“».

— Прекратите, — прошипел, сморщившись, Слэйд. — Мне неприятно.

Пендергаст щелкнул чуть громче.

— Я ведь собирался вас убить, — сказал он. — А теперь вижу, в каком вы состоянии, и понимаю: самое жестокое сохранить вам жизнь. Вы неизлечимы. Страдания ваши будут продолжаться, усиливаясь с возрастом, а разум ваш все больше будет погружаться в пучину распада. Смерть станет избавлением.

Низко опустив голову, Слэйд скривился, забормотал что-то невнятное и со стоном надавил на дозатор.

Пендергаст вытащил из кармана пробирку, наполовину наполненную черными гранулами, и тонкой струйкой высыпал их на стол.

— Что выделаете? — заинтересовался Слэйд.

— Я всегда ношу с собой активированный уголь. Он незаменим для многих экспериментов — вам, как специалисту, это известно. Однако он обладает и эстетическими свойствами. — Из другого кармана агент достал зажигалку и поджег горку гранул с одного конца. — Например, дым, который от них идет, поднимается кверху восхитительными кольцами, и они образуют тонкий как паутинка узор... Да и запах весьма приятен.

Слэйд резко подался вперед, нацелив на Пендергаста пистолет.

— Прекратите!

Пендергаст не слушал. В недвижном воздухе дым, поднимаясь к потолку, сплетался в причудливые узоры. Агент откинулся назад, стал раскачиваться в плетеном кресле, оно негромко, размеренно заскрипело. Шары в руке Пендергаста по-прежнему ритмично постукивали.

— Видите ли, я предполагал истинную природу вашего несчастья, — спокойно продолжил агент. — Представляю себе, как ужасно такое терпеть: любой скрип, щелчок, стук, треск — настоящее бедствие для пораженного мозга. Щебет птиц, солнечный свет, запах дыма — легчайшее ощущение, принесенное вашими пятью чувствами, воспринимается как пытка. Вы живете на пределе перегрузки — ежеминутно, ежечасно, ежедневно. А вдобавок вы знаете, что ничего нельзя сделать — совсем ничего. И даже ваши... своеобразные отношения с Джун Броди могут отвлечь вас лишь ненадолго.

— Ее муж потерял свое хозяйство во время операции «Буря в пустыне», — сказал Слэйд. — Подорвался на самодельной мине. Ну я и прикрыл, так сказать, брешь.

— Мило с вашей стороны.

— Да идите вы с вашей общепринятой моралью! Мне она не нужна. И потом, вы слышали, что сказала Джун. — Сумасшедший блеск в его глазах как будто потускнел, вид у Слэйда стал почти серьезный. — Мы разрабатываем методы лечения, готовим действенное лекарство.

— Вы же знаете, какая судьба постигла Доанов. Вы ведь биолог и не хуже меня понимаете: лекарства от этого заболевания нет и быть не может. Нервные клетки не восстанавливаются и пересадить их нельзя. Болезнь неизлечима. Вам это известно.

Слэйд как будто опять ушел в себя, задвигал губами, издавая свистящий звук, словно проколотая шина: «Нет! Нет-нет-нет-нет-нет!»

Пендергаст размеренно покачивался и все быстрее вертел в ладони шары, наполняя комнату щелканьем и треском. Тикали часы, вился дым.

— Не могу не заметить, — сказал Пендергаст, — как здесь все устроено для того, чтобы удалить все внешние раздражители: ковер на полу, звукоизоляция на стенах, нейтральные тона, простая отделка, прохладный воздух, сухой и без запахов — наверное, пропускается через фильтры.

Слэйд захныкал, беззвучно забормотал, нервно тряся кривящимися губами, хлестнул себя кнутом.

— И несмотря на все это, — не унимался Пендергаст, — несмотря на кнут в качестве противораздражителя, и лекарство, и постоянные дозы морфия, облегчения нет! Вы испытываете постоянные муки. Вы чувствуете пол под ногами, прикосновение спинки кресла, вы видите предметы в комнате, слышите мой голос. Вас терзает тысяча других вещей, которые я даже перечислить не могу, потому что мой мозг постоянно их отфильтровывает. А вы эти ощущения отключить не в состоянии — ни одно! Так слушайте стук шариков, смотрите на кольца дыма, слушайте неумолимый отсчет времени…

Слэйда затрясло.

— Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет! — выплевывали его губы одно-единственное бесконечное слово. В углу рта повисла струйка слюны.

— Интересно, — продолжал Пендергаст, — а каково вам есть? Представляю, как это ужасно: сильный вкус еды, ощущение ее текстуры во рту, запах и то, как пища проходит по пищеводу… Не потому ли вы такой худой? Ясное дело — вы уже лет десять не получаете удовольствия от еды и питья. Вкус — всего лишь еще одно ощущение, от которого вам хотелось бы избавиться. Держу пари, что капельница — не только для морфия, это еще и внутривенное питание, не так ли?

— Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет… — Слэйд судорожно вцепился в кнут, потом швырнул его обратно на стол. Пистолет в его руке дрожал.

— Вкус пищи — зрелый камамбер, белужья икра, копченая осетрина, даже скромная яичница и тосты с джемом — все для вас невыносимо. Разве что детское питание, самое простое, без сахара, протертое, нагретое исключительно до температуры тела, — только его вы и можете есть. И то по особым случаям. — Пендергаст сочувственно покачал головой. — И спать не можете — так ведь? Когда испытываешь столько ощущений такой неистовой силы… Представляю себе: вы лежите в постели и слышите малейшие шумы: древоточцы буравят бревна свай, биение сердца отдается в ушах, дом набухает от влаги, мыши шуршат в подполе. А зрение не отдыхает даже с закрытыми глазами, ведь и тьма имеет свой цвет. Чем темнее в комнате, тем больше вещей выхватывают из темноты ваши глаза. И все это — все сразу! — мучает вас всегда и непрерывно.

Слэйд завопил, закрыв уши похожими на клешни ладонями, и яростно затрясся всем телом. Его вопль раскатился в тишине как гром; у Слэйда начались конвульсии.

— Вот потому-то вы и убьете себя, — сказал Пендергаст. — Ведь теперь вы можете это сделать. Я дал вам средство. Оно у вас в руках.

— А-а-а-ааааааааа! — Слэйд забился в корчах, и его судорожные движения казались реакцией на его же вопли.

Пендергаст закачался быстрее, плетеный стул под ним все сильнее скрипел, шары в руке постукивали все громче и громче.

— Я мог это сделать в любой момент! — закричал Слэйд. — С какой стати именно теперь? Теперь-теперь-теперь-теперь-теперь?

— Раньше вы не могли.

— У Джун есть ствол. Отличный ствол-ствол-ствол…

— Только она его, конечно, держит взаперти.

— Я могу принять смертельную дозу морфия! Просто уснуть, уснуть! — Речь Слэйда перешла в быстрое бормотание, похожее на далекий рокот мотора.

Пендергаст покачал головой.

— Джун очень тщательно следит за тем, сколько вы получаете морфия. Наверное, ночью вам тяжелее всего: вы, вот как теперь, быстро расходуете суточную норму, и на ночь ничего не остается — на всю долгую, бесконечную ночь.

— И-и-и-и-иииииииии! — дико завизжал Слэйд.

— Я уверен, что Джун и ее супруг во всем ограничивают вас. Вы не пациент — вы пленник.

Слэйд тряс головой и яростно, но беззвучно шевелил губами.

— Несмотря на все предосторожности, — продолжал агент, — несмотря на все лечение, а также и другие, более необычные способы отвлечь ваше внимание, Джун не может помешать всем этим ощущениям одолевать вас. Или может?

Слэйд не отвечал. Он сжал дозатор — раз, другой, третий, но в баллоне ничего не осталось. Тогда он согнулся, судорожно сжал губы и с размаху ударился головой о стол.

— Обычно я считаю самоубийство трусостью, — сказал Пендергаст, — но в вашем случае это единственное разумное решение. Потому что для вас жизнь бесконечно хуже смерти.

Слэйд безостановочно бился головой о стол.

— Малейший приток сенсорных сигналов причиняет мучительную боль, потому ваша окружающая обстановка сведена к минимализму. А я ввел в нее новые элементы: мой голос, запах угля, кольца дыма, скрип стула, стук бильярдных шаров, тиканье часов. Я бы сказал, что вы — сосуд, готовый взорваться, — тихо, размеренно вещал Пендергаст. — Меньше чем через полминуты в часах прокричит кукушка — двенадцать раз. И сосуд взорвется. Не знаю, сколько вы выдержите криков, прежде чем застрелитесь. Четыре, пять, может, даже шесть. Но выстрелите вы непременно, потому что звук выстрела — последний и решающий — единственный выход. Единственный путь к освобождению. Считайте это моим подарком.

Слэйд поднял взгляд. Лоб у него покраснел от ударов, глаза закатились. Он направил пистолет на Пендергаста, уронил руку, снова поднял.

— Прощайте, мистер Слэйд. Осталось несколько секунд. Я помогу сосчитать. Пять, четыре, три, два, один…

78

В комнате, уставленной сверкающей медицинской аппаратурой, Хейворд в ожидании Пендергаста примостилась на каталке. Джун Броди и ее неразговорчивый супруг неподвижно застыли у стены и прислушивались к еле доносившимся сюда звукам. Впрочем, звукоизолированные стены заглушали и странный истерический смех, и стоны боли, и крики отчаяния.

Со своего места Хейворд видела обе двери: и ту, которая вела в кабинет Слэйда, и другую — на лестницу, к выходу. Она не забывала, что второй стрелок остался где-то там, в ночи, и в любой момент может ворваться сюда. Хейворд еще раз проверила пистолет и взглянула на дверь, за которой скрылись Пендергаст и Слэйд. Что там происходит? Никогда в жизни Лоре не было так плохо — совершенно измученная, вся в засохшей грязи, да еще в ноге дергающая боль — действие обезболивающего кончалось. С тех пор как Слэйд с Пендергастом ушли, прошло чуть больше десяти минут, но какое-то шестое чувство подсказывало Хейворд выполнить распоряжение Пендергаста и ждать на месте. Он обещал ей не убивать Слэйда — остается только поверить ему, потому что, как бы то ни было, Пендергаст — джентльмен и держит слово...

И тут раздался выстрел — приглушенный грохот, от которого содрогнулись стены. Хейворд подняла оружие, а Джун Броди с криком бросилась к двери.

— Стойте! — крикнула Хейворд. — Ни с места...

В наступившей тишине прошла минута, другая — а потом раздался негромкий отчетливый звук закрываемой двери. Через миг в коридоре послышались легчайшие шаги. Хейворд с колотящимся сердцем сидела на каталке.

В проеме появился особый агент Пендергаст.

Хейворд уставилась на него. Под толстым слоем засохшей грязи лицо его было бледнее, чем обычно, но в остальном он выглядел целым и невредимым.

— Где Слэйд? — спросила Хейворд.

— Умер.

— Вы его убили! — закричала Джун и бросилась из комнаты. Пендергаст не стал ее задерживать.

Забыв о больной ноге, Хейворд спрыгнула с каталки.

— Ты же обещал, сукин ты сын!

— Он сам себя убил, — сказал Пендергаст.

— Самоубийство? — впервые подал голос мистер Броди. — Не может быть!

Хейворд не сводила взгляда с Пендергаста.

— Не верю. Ты сказал Винни, что убьешь его — и убил!

— Да, я поклялся его убить, но вместо этого мы с ним просто побеседовали. Он сам застрелился.

Хейворд опешила и внезапно поняла, что не хочет ничего знать. Как это так — «побеседовали»? Она вздрогнула.

Пендергаст пристально посмотрел на нее:

— Не забывайте, капитан, что Слэйд только отдал приказ убрать Хелен, сам он ее не убивал. Придется нам с вами еще поработать.

Минуту спустя появилась рыдающая Джун. Муж попытался утешить ее, погладить по плечу, но она скинула его руку.

— Больше нас здесь ничего не держит, — сказал Пендергаст Хейворд и повернулся к Джун: — Нам необходимо взять вашу лодку. Завтра вам ее вернут.

— Десяток вооруженных до зубов копов? — горько спросила Джун.

Пендергаст покачал головой:

— Не вижу необходимости о вас сообщать. Вы ухаживали за душевнобольным, который был при смерти. И тут, насколько я понимаю, ваше участие начинается и заканчивается. Незачем докладывать о самоубийстве человека, который официально и так мертв.

— «Душевнобольной»! — бросила Джун. — Вот как вы о нем думаете. Но он был гораздо больше, чем просто больной, гораздо больше! Он был замечательный человек, проводил очень важные исследования, добивался удивительных результатов. И если бы я его вылечила, он преуспел бы в своих начинаниях. Я пыталась вам рассказать, но вы... Вы даже выслушать не захотели! — Джун осеклась.

— Он был неизлечим, — сказал Пендергаст не без сочувствия. — А его экспериментаторство не оправдывает хладнокровного убийства.

— Экспериментаторство? Экспериментаторство?! Да он вот что сделал! — Она ткнула пальцем себе в грудь.

— Что? — На перепачканном лице Пендергаста мелькнуло удивление.

— Если вы так много про меня знаете, то должны знать и мой диагноз! — сказала Джун.

Пендергаст кивнул.

— Латеральный склероз. Ну конечно же, вот и прояснилась последняя загадка! Именно из-за этого вы отправились в болота прежде, чем Слэйд сошел с ума.

— Не понимаю, — вставила Хейворд.

— Болезнь Лу Герига. — Пендергаст повернулся к Броди. — Но симптомов у вас не наблюдается.

— Симптомов не наблюдается, потому что болезни нет. Когда Чарльз поправился от гриппа, у него наступил период… гениальности. Удивительной, невообразимой гениальности. У него появились замечательные идеи. Он придумал, как помочь мне… и другим тоже. Он изобрел лекарство от латерального склероза: сложные белки, выращенные в живых клетках, так называемый рекомбинантный препарат. Чарльз на десять лет опередил других, но какой ценой! Он отрекся от мира и завершил свои изыскания, добился успеха именно здесь.

— Теперь понятно, почему оборудования здесь больше, чем в клинике, — заметил Пендергаст. — Это экспериментальная лаборатория.

— Да. То есть была. Пока он… не изменился.

— Это же великолепно! — воскликнула Хейворд и обратилась к Джун: — Почему же вы не поделились открытием с другими?

— Невозможно, — почти прошептала Броди. — Он все держал в голове. Мы его просили, но он так ничего и не записал. Потом ему стало хуже, и… Я так надеялась, что смогу вернуть его в прежнее состояние. Он меня вылечил, но секрет лечения погиб вместе с ним.

Хейворд и Пендергаст плыли обратно. Луна спряталась за густыми облаками, света было мало — что для стрелка, что для рулевого. Лодка, которой управлял Пендергаст, еле ползла сквозь заросли; мотор работал почти бесшумно. Хейворд сидела на носу, придерживая лежащие рядом костыли, и размышляла.

За полчаса они с Пендергастом не обменялись ни словом. Наконец Хейворд решилась заговорить.

— Зачем Слэйд это сделал? — спросила она. — Почему он исчез, спрятался среди болот?

Глаза у Пендергаста слегка блеснули.

— Должно быть, знал, что заразился. Видел, что происходило с другими, понял, что сойдет с ума… или хуже того. Хотел хоть в какой-то степени контролировать свое лечение. Испанский остров — прекрасный выбор: о нем никому не известно. А в прекрасно оборудованной лаборатории имелось все необходимое. Конечно же, Слэйд надеялся найти лекарство. Вероятно, пытаясь излечить себя, он сумел вылечить Джун Броди.

— Да, но к чему такие сложности? Инсценировал свою смерть, смерть миссис Броди… Ведь ему не нужно было скрываться от закона…

— От закона — нет. Похоже, он ударился в крайности. В таких обстоятельствах человек не способен ясно мыслить.

— Что ж, он погиб. Вам стало легче? Истории — конец?

После непродолжительного молчания Пендергаст ответил — спокойно и непреклонно:

— Нет.

— Но почему? Тайну вы раскрыли, отомстили за убийство жены.

— Не забывайте, что сказал Слэйд: меня ждет сюрприз. Он определенно имел в виду второго стрелка того самого, который все еще неизвестно где и который представляет неизбежную опасность — для вас, для Винсента, для меня. Более того… — Пендергаст умолк.

— Продолжайте.

— Пока остается еще один виновник смерти Хелен, успокаиваться я не намерен, — заявил Пендергаст и отвел глаза. Его как будто заворожила полная луна, которая вышла из-за туч и уже опускалась в густые заросли. На лицо Пендергаста ненадолго легли полосы лунного света, а потом луна ушла за горизонт, зыбкий свет угас, и болота погрузились во тьму.

79

Мэлфорш, штат Миссисипи

Военный катер с Пендергастом за штурвалом скользнул через протоку и причалил к свободному бону у «Рыбацкого бара». Жаркие лучи восходящего солнца заливали болота, над поверхностью воды дрожала дымка испарений.

Выпрыгнув на причал, Пендергаст помог выбраться Хейворд и передал ей костыли.

Хотя время шло только к полудню, из обветшалого амбара по всему причалу разносилась музыка кантри. Агент вынул ружье Джун Броди — помповый дробовик двенадцатого калибра — и поднял его над головой.

— Что вы делаете? — спросила Хейворд, пошатываясь на костылях.

— Хочу привлечь к себе внимание. Как я уже говорил, нам нужно закончить одно дело, — ответил Пендергаст и разрядил ружье в воздух.

Из амбара Крошки, словно шершни из гнезда, высыпали завсегдатаи, не выпуская из рук кружек с пивом. Крошка и Ларри не появлялись. Вспомнив раскрасневшиеся похотливые рожи парней, Хейворд испытала приступ тошноты. Гуляки молча таращились на две фигуры, возникшие на причале.

Прежде чем уехать с Испанского острова, детективы отмыли с себя болотную грязь, Джун дала Хейворд чистую блузку, но Лора понимала, что выглядят они далеко не лучшим образом.

— Давайте, ребята, подходите, не пропустите представление, — крикнул Пендергаст, шагая к «Рыбацкому бару» и расположенным рядом с ним причалам.

Переминаясь, зрители осторожно приблизились к агенту. Наконец один, туповатый здоровяк, набрался смелости и выступил вперед — огромная бесформенная туша с маленькой, словно у хорька, головкой.

— Какого вам черта надо? — спросил он, уставившись на них косящими голубыми глазами, и швырнул в воду банку из-под пива.

Хейворд его вспомнила: он громче всех гоготал, когда Крошка разрезал ее бюстгальтер.

— Ты обещал нас не трогать! — крикнул кто-то.

— Я обещал вас не арестовывать, но не говорил, что не буду вас беспокоить.

Здоровяк поддернул штаны.

— Да ты меня уже беспокоишь.

— Отлично! — Пендергаст шагнул к причалу, у которого теснились те самые лодки, которые вчера участвовали в засаде. — Которое из этих замечательных судов принадлежит Ларри?

— Не твое дело!

Пендергаст направил ствол на ближайшую лодку и спустил курок. Выстрел эхом раскатился над водой, лодка вздрогнула, и снизу брызнула

струя — из днища вырвало кусок размером дюймов в двенадцать. В лодке заклубилась грязная вода, нос опустился.

— Какого черта! — завопил кто-то в толпе. — Это моя лодка!

— Прошу прощения, мне показалось, что это лодка Ларри. Так которая же принадлежит Ларри? Эта? — Пендергаст навел ружье на соседнюю лодку и выстрелил. Из пробитого днища вылетел фонтан воды и окатил толпу. Лодка подскочила и немедля стала тонуть.

— Сукин сын! — заорал кто-то еще. — У Ларри — «Леджэнд-2000». Вон там! — Кричавший показал на моторку в дальнем конце причала.

Пендергаст направился туда.

— Прекрасно. Скажите Ларри — это за то, что он утопил в болоте мой жетон.

Выстрел снес кожух и продырявил мотор.

— А это — за то, что он гнусный тип.

Второй выстрел пробил корму. В кормовую часть хлынула вода, нос лодки задрался, а мотор погрузился в воду.

— Господи, да он псих!

— Разумеется. — Пендергаст зашагал вдоль причала, заряжая ружье и целясь в следующую лодку. — А это за то, что указали нам неверное направление.

Ба-бах!

— А это — за двойной удар в солнечное сплетение.

Ба-бах!

— А это — за то, что плюнули в меня.

Ба-бах!

Ба-бах!

Ко дну пошли сразу две лодки.

Пендергаст вынул пистолет и передал его Хейворд.

— Присмотрите-ка за ними, пока я заряжу.

Он достал из кармана горсть патронов.

— А вот это — отдельно — за то, что оскорбили мою уважаемую коллегу своими грязными похотливыми взглядами. Как я уже говорил, так нельзя обращаться с леди.

Шагая по причалу, Пендергаст стрелял во все лодки подряд, в одну за другой, делая паузы лишь для того, чтобы перезарядить оружие. Потрясенные зрители наблюдали за ним в полном молчании.

Наконец агент остановился перед воняющей пивом толпой.

— В баре кто-нибудь остался?

Никто не ответил.

— Так нельзя, — заявил кто-то дрожащим голосом. — Не по закону.

— Что ж, позвоните в ФБР, — предложил Пендергаст и с треском распахнул дверь в заведение Крошки. — Мэм? Попрошу выйти, — приказал он перепуганной крашеной блондинке с непомерно длинными красными ногтями, которая тут же выскочила из «Рыбацкого бара» и как ошпаренная бросилась бежать к автостоянке. — Вы каблук потеряли! — окликнул ее Пендергаст, но она продолжала ковылять, припадая на ногу, словно хромая лошадь.

Пендергаст скрылся в баре, окликая Крошку и изо всех сил хлопая дверьми. Через несколько минут он вышел из заведения и объявил:

— Значит, дома никого нет. В таком случае попрошу всех удалиться на стоянку и укрыться за автомобилями.

Никто не двинулся с места.

Ба-бах!

Он выстрелил поверх голов и все поспешно кинулись к утоптанной парковочной площадке. Пендергаст отошел от «Рыбацкого бара», зарядил ружье и прицелился в баллон с пропаном, стоявший у стены магазина.

— Капитан, здесь нужен выстрел помощнее, — обратился он к Хейворд. — Стреляем вместе на счет «три».

«Так недолго и привыкнуть к его методам», — подумала Лора, целясь в большой белый баллон.

— Один... два...

— Ну вы даете! — завопил кто-то.

— Три!

Два выстрела прозвучали одновременно, раздался сильнейший взрыв, и всех накрыла горячая взрывная волна. Заведение Крошки превратилось в огненный шар, из которого вылетали струйки дыма и дождем сыпались на землю обломки и осколки, а также жучки, червячки, горящие личинки, кусочки дерева, катушки с леской, куски удилищ, разбитые бутылки, жареные свиные ножки, маринованные огурцы, ломтики лимона, подносы и смятые пивные банки.

Огненный шар превратился в небольшое облачко, а ливень обломков не прекращался. Постепенно дым рассеялся, и стали видны горящие остатки строения. Не уцелело ничего.

Пендергаст положил ружье на плечо и протянул Хейворд руку:

— Поедем, капитан? Думаю, пора навестить Винсента. Охрана охраной, но мне будет спокойнее, если мы переведем его в другое место, более уединенное, возможно, поближе к Нью-Йорку, где сможем сами за ним присматривать.

— Аминь, — сказала Хейворд.

«Хорошо, что нашей совместной работе пришел конец, — с некоторым облегчением подумала она. — А то, пожалуй, привыкну, нравиться начнет...».

80

Нью-Йорк

В нью-йоркском департаменте здравоохранения в Нижнем Манхэттене доктор Джон Фелдер сидел в своем кабинете на седьмом этаже, в отделении психической гигиены. Оглядывая аккуратную комнатку, Фелдер убедился, что все в порядке: медицинские справочники ровно расставлены на полках, невыразительные картины на стене не покосились, стулья для посетителей выстроились под правильным углом, на столе — никаких лишних предметов.

Фелдер редко принимал здесь гостей. Он больше работал — если так можно выразиться — в полевых условиях: в полицейских изоляторах, в отделениях скорой помощи. Частной практикой он занимался в своем кабинете на Парк-авеню. Однако сегодня случай был особый. Во-первых, Фелдер сам пригласил этого господина, а не наоборот. Доктор навел о нем справки, и то, что он узнал, привело его в замешательство. Возможно, приглашая его, он совершил ошибку. Но даже если и так... У этого человека — и только у него! — есть разгадка тайны Констанс Грин.

В дверь тихо постучали. Фелдер глянул на часы: ровно половина одиннадцатого. Пунктуальный. Доктор поднялся и отворил дверь.

Вид стоявшего за дверью человека отнюдь не рассеял дурных предчувствий Фелдера. Гость был высок, худощав, безупречно одет; мертвенно-бледная кожа резко контрастировала с черным костюмом. Глаза у него были такие же светлые, как кожа, и смотрели на Фелдера проницательно, с некоторым любопытством и, пожалуй, чуть насмешливо.

— Пожалуйста, входите, — спохватился Фелдер. — Вы — мистер Пендергаст?

— Да.

Фелдер усадил гостя в кресло для пациента, а сам уселся за стол.

— Простите, правильнее будет «доктор Пендергаст», не так ли? Я взял на себя смелость навести справки.

— Да, у меня две докторские степени, — подтвердил Пендергаст, — но я, честно говоря, предпочитаю служебное обращение «особый агент».

— Понимаю.

Фелдеру доводилось беседовать с полицейскими, но с фэбээровцами — ни разу, и он не решил, как лучше начать. Впрочем, лучше действовать прямо.

— Вы опекун Констанс Грин?

— Да.

Фелдер откинулся назад, положил ногу на ногу. Ему хотелось выглядеть непринужденно.

— Не могли бы вы рассказать мне о ней подробнее? Где она родилась, как провела детство… и все такое.

Пендергаст смотрел на доктора все с тем же странным выражением. Фелдера это начинало раздражать.

— Вы — назначенный судом психиатр? — спросил Пендергаст.

— Я высказал свое заключение на слушании по делу о принудительной госпитализации.

— И рекомендовали принудительное лечение.

Фелдер печально улыбнулся:

— Увы. Вас приглашали на слушание, но вы, как я понял, отказались…

— Какой именно диагноз вы поставили?

— Это довольно узкоспециальное…

— Сделайте милость.

— Ну, если вы настаиваете. Ось I: непрерывная шизофрения параноидного типа с вероятным шизоидным расстройством по оси II, сопровождаемым признаками диссоциативной фуги.

Пендергаст медленно кивнул.

— И на чем основано ваше заключение?

— Да хотя бы на ее мании, что она — Констанс Грин, девушка, которая родилась почти полтора века назад.

— Позвольте спросить, доктор, — помимо этой ее… мании, вы заметили какие-либо отклонения?

Фелдер нахмурился:

— Не совсем вас понял.

— Имеются ли противоречия в ее ложных представлениях?

— За исключением веры в то, что ее ребенок — воплощение зла, ложные представления пациентки на редкость логичны. Это меня тоже заинтересовало.

— А о чем именно она вам рассказывала?

— Что ее семья переехала с фермы на Уотер-стрит, где она и родилась в начале семидесятых годов девятнадцатого века, потом ее родители умерли от туберкулеза, а сестру убил серийный убийца. Ее, сироту, взял к себе хозяин дома номер восемьсот девяносто один по Риверсайд-драйв, о котором у нас нет информации. В конце концов дом перешел к вам, равно как и ответственность за Констанс. — Фелдер замялся, не зная, стоит ли продолжать.

Пендергаст заметил его нерешительность.

— А что еще она сказала обо мне?

— Что вы стали ее опекуном из чувства вины.

Воцарилось молчание.

— Скажите, доктор Фелдер, — спросил наконец Пендергаст, — а Констанс не рассказывала вам о своей жизни между тем, первым периодом и недавними событиями на корабле?

— Нет.

— Совсем ничего?

— Ничего.

— В таком случае должен вам сообщить, что при диагнозе 295.30 шизоидное расстройство личности не ставится. В крайнем случае вам следовало поставить шизофреноподобное расстройство по оси II. Ведь у вас, доктор, нет анамнеза, а ее мания может иметь недавнее происхождение — например, болезнь могла развиться во время плавания через Атлантику.

Фелдер выпрямился. Пендергаст назвал точный код параноидной шизофрении по «Руководству по диагностике и статистике психических расстройств».

— Вы изучали психиатрию, особый агент Пендергаст?

Пендергаст небрежно пожал плечами:

— Увлекался.

Фелдера, как он ни сдерживался, стало одолевать раздражение. Почему вдруг Пендергаст демонстрирует такой интерес, хотя раньше ему была безразлична судьба Констанс Грин?

— Должен вам сказать, — заявил Фелдер, — что ваше заключение поверхностное и дилетантское.

Пендергаст вперил серебристый взгляд в психиатра.

— Позвольте тогда поинтересоваться, зачем вы продолжаете расспрашивать меня о Констанс, коль скоро диагноз вами уже поставлен и сообщен суду?

— Я…

— Из праздного любопытства? Или ради научной публикации? — с улыбкой осведомился Пендергаст.

— Разумеется, если случай чем-то необычен, мне хочется поделиться опытом с коллегами путем публикаций.

Глаза Пендергаста недобро блеснули.

— Разумеется, это улучшит ваше реноме и, вероятно, поможет получить местечко в каком-нибудь исследовательском институте. Ведь вы добиваетесь должности профессора-адъюнкта в Рокфеллеровском университете.

Фелдер онемел от изумления: об этом он не говорил даже жене, откуда же у Пендергаста эта информация?

Словно в ответ на незаданный вопрос Пендергаст махнул рукой.

— Я тоже взял на себя смелость навести справки.

Услышав из уст агента свою собственную фразу, Фелдер залился краской стыда и попытался взять себя в руки.

— Моя карьера здесь ни при чем. Просто я никогда прежде не сталкивался со столь логичными бредовыми представлениями. Мисс Грин как будто и вправду из девятнадцатого века: то, как она разговаривает, одевается, ходит, держится, даже думает. Потому-то я вас и пригласил. Мне хочется узнать о ней побольше. Какая травма могла вызвать такое состояние? Какой пациентка была раньше? Каков ее жизненный опыт? Кто она на самом деле?

Пендергаст не отводил от собеседника пристального взгляда.

— И не только это. Вот что я нашел в архиве. — Доктор взял со стола желтый конверт и вынул копию иллюстрации из «Нью-Йорк дейли инкуайрер» — «Играющие беспризорники» — и передал агенту.

Пендергаст внимательно рассмотрел рисунок и вернул его доктору.

— Удивительное сходство, — заметил он. — Результат фантазии художника?

— Посмотрите на лица. Они такие выразительные… наверняка писалось с натуры.

Пендергаст загадочно улыбнулся; Фелдеру показалось, что в светлых глазах странного посетителя мелькнуло уважение.

— Это очень интересно, доктор. Возможно, я и смогу вам помочь — если вы поможете мне.

Фелдер, сам не зная почему, вцепился в подлокотники кресла.

— То есть?

— Констанс — личность весьма хрупкая, как физически, так и эмоционально. В хороших условиях она расцветет. В плохих… — Пендергаст посмотрел на доктора. — Где ее сейчас держат?

— В стражном отделении Бельвю, в отдельной палате. Сейчас готовят документы, чтобы перевести ее в психиатрическое отделение женской тюрьмы Бедфорд-Хиллз.

Пендергаст покачал головой.

— Это учреждение строгого режима. Такой человек, как Констанс, будет там страдать и зачахнет.

— Если вы боитесь, что ее будут обижать другие пациентки, то персонал там...

— Не в том дело. У Констанс есть склонность к неожиданным и сильным психотическим срывам. А такое место, как Бедфорд-Хиллз, будет им только способствовать.

— Что же вы предлагаете?

— Ей нужно место с такой обстановкой, к которой она привыкла, — удобной, старомодной, спокойной. И притом безопасной. Нужно, чтобы ее окружали привычные предметы — в пределах разумного, само собой. В частности, очень важны книги.

— Есть лишь одно такое место, — кивнул Фелдер. — В больнице Маунт-Мёрси, но там все занято. И большая очередь.

Пендергаст улыбнулся:

— Я случайно узнал, что две недели назад там освободилось место.

— Вот как?

— Да, — подтвердил Пендергаст. — Вы, как судебный психиатр, можете обойти очередь и поместить туда Констанс — если заявите, что это единственное подходящее для нее место.

— Я... я попробую.

— Вы не попробуете, а сделайте. В свою очередь, я сообщу вам то, что мне известно о Констанс; это превзойдет ваши самые смелые мечты. А возможно ли опубликовать материал — судить вам. Все зависит от вашего благоразумия.

У Фелдера застучало сердце.

— Спасибо.

— Вам спасибо. Хорошего вам дня, доктор Фелдер. Мы еще увидимся — когда Констанс устроят в больницу Маунт-Мёрси.

Фелдер проводил гостя до порога и закрыл за ним дверь. Как странно — этот человек как будто тоже из девятнадцатого века... Внезапно доктор задумался: кто же из них двоих на самом деле организовал эту столь тщательно подготовленную встречу — и кто получил желаемую информацию?

Эпилог

Саванна, штат Джорджия

Джадсон Эстерхази расположился в библиотеке своего дома на Уитфилд-сквер. Был неожиданно прохладный майский вечер; догорающий в камине огонь наполнял комнату запахом березовых поленьев.

Прежде чем сделать глоток отличного солодового виски из своих запасов, он подержал торфянистую жидкость во рту. Впрочем, отчего-то казалось, что напиток исполнен горечи — так же как и чувства самого Джадсона.

Пендергаст убил Слэйда. Говорили, правда, о самоубийстве, но Джадсон не верил. Нет, это определенно подстроил Пендергаст — не важно, каким образом, какой именно хитростью. Для старика последние десять лет были неимоверно тяжелы, однако можно не сомневаться, что предсмертные минуты он провел в невыразимых душевных муках. Джадсону доводилось видеть, как Пендергаст манипулирует людьми, и он прекрасно знал, что агент воспользовался психическим состоянием Слэйда. Настоящее убийство — и даже хуже того.

Стакан в руке дрогнул, виски расплескалось; Джадсон резко опустил стакан на стол. По крайней мере Слэйд его не выдал — это Эстерхази знал наверняка. Старик любил его как сына и даже в своем безумии до последнего хранил тайну. Есть вещи посильнее безумия.

Когда-то он тоже любил Слэйда, но чувство это умерло двенадцать лет назад, когда он слишком хорошо узнал другую сторону его натуры. Слэйд напомнил Джадсону его родного отца — человека беспощадного. Быть может, такова судьба всех отцов — или тех, кто нам их заменяет: в них разочаровываются, их бросают, и чем старше и умнее становишься, тем они кажутся меньше ростом.

Эстерхази покачал головой. Какая ошибка… ужасная, трагическая. Теперь это кажется иронией судьбы: Хелен поделилась с ним своим открытием, сделанным благодаря своему интересу к Одюбону; в тот миг им обоим оно показалось настоящим чудом. «Мы создадим волшебное средство, Джадсон, — сказала она. — Ты сотрудничаешь со многими фармацевтическими компаниями, наверняка ты знаешь подходящую».

Он и в самом деле прекрасно знал отличную фирму: «Лонжитьюд фармасьютиклз», которой управлял его университетский научный руководитель, Чарльз Слэйд, сменивший профессорскую мантию на деловой костюм. Джадсон находился под обаянием притягательной личности Слэйда, и они поддерживали контакт. Слэйд идеально подходил для разработки такого чудо-препарата; человек творческий, независимо мыслящий, он не страшился риска и притом умел хранить тайны.

А теперь его больше нет, и все из-за Пендергаста, который начал ворошить прошлое, теребить старые раны, и стал — прямо или косвенно — причиной нескольких смертей.

Джадсон рассеянно отпил виски, не чувствуя вкуса. На столике рядом с бутылкой лежал рекламный проспект. Эстерхази пролистал его, и гнев сменился злобным удовлетворением. Проспект заманчиво расписывал прелести охотничьих угодий Килхурн в горах Шотландии: огромное поместье в Кампианских горах, расположенное на открытой всем ветрам возвышенности, одно из самых уединенных и живописных мест в Шотландии. Отличная охота на куропаток, ловля лосося, охота скрадом на оленя. Принимают там только избранных и гордятся тем, что место это тихое и малоизвестное. Клиента по его желанию сопровождает егерь. Джадсон, разумеется, обойдется без егеря.

Много лет назад Эстерхази целую неделю провел в охотничьих угодьях Килхурн, раскинувшихся на сорок тысяч акров — некогда они принадлежали графам Атоллским. Ему хорошо запомнился суровый пустынный ландшафт, глубокие озера, спрятанные в складках гор, быстрые ручьи с форелью и лососем, открытые ветрам вересковые пустоши и лесистые долины. В таком месте человек может пропасть бесследно; даже кости его сгинут — ветры и дожди ничего от них не оставят.

Неторопливо отхлебнув виски, уже нагревшегося от его ладони, Джадсон немного успокоился. Ничего не потеряно. Впервые за долгое время дела оборачиваются к лучшему. Эстерхази отложил проспект и взял в руки письмо, написанное старомодным каллиграфическим почерком на кремовой шероховатой бумаге.

24 апреля

Нью-Йорк

Дорогой Джадсон!

Искренне благодарен тебе за любезное приглашение. Я принимаю его с радостью. Вероятно, ты прав: события последних месяцев дались нам нелегко. С удовольствием побываю в Килхурне через столько лет. Двухнедельный отдых пойдет мне на пользу, а твое общество всегда доставляло мне удовольствие.

Отвечаю на твой вопрос: я намерен взять «Перде», вертикальную двустволку «Холланд и холланд» калибра.410 и еще «Холланд и холланд» калибра.300 со скользящим затвором — на оленя.

С наилучшими пожеланиями,

А. Пендергаст.

От авторов

Нас часто спрашивают, в какой последовательности лучше читать наши книги. Нам не кажется, что их непременно следует читать в определенной очередности, но для сторонников порядка мы составили следующее руководство:

Книги об агенте пендергасте

«Реликт» — здесь впервые появляется особый агент Пендергаст.

«Реликварий» — продолжение «Реликта».

(В идеале эти романы следует читать по порядку.)

«Кабинет диковин» — отдельный роман, в котором рассказывается о семье Констанс Грин.

«Натюрморт с воронами» — отдельный роман.

«Огонь и сера».

«Танец смерти».

«Книга мертвых».

(Эти три романа составляют трилогию о Диогене Пендергасте, и читать их интереснее по порядку.)

«Штурвал тьмы» — отдельный роман.

«Танец на кладбище» — отдельный роман.

«Наваждение» — начало новой трилогии.

Другие книги — романы, которые можно читать в любом порядке:

«Гора „Дракон“».

«Остров».

«Золотой город».

«Граница льдов».

В «Золотом городе» впервые появляется Нора Келли — персонаж нескольких романов о Пендергасте.

В «Границе льдов» впервые появляется Эли Глинн — персонаж некоторых более поздних романов.

С наилучшими пожеланиями читателям,

Дуглас Престон и Линкольн Чайлд

Примечания

1

Джон Донн, «Прощание, возбраняющее печаль». — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Редьярд Киплинг, «Око Аллаха».

3

Джон Бартлетт — автор вышедшего в 1855 году популярного сборника цитат и крылатых фраз.

4

Время поглощает все *(лат.)*.

5

Эл Шарптон — известный американский политический деятель, правозащитник.

6

В. Шекспир. «Король Лир», акт IV, сцена 1 (перевод О. Сороки).

7

Уильям Вордсворт, «Решительность и независимость».

8

Стражное отделение больницы предназначено для лиц, находящихся под стражей.

9

Вольтер. «Философский словарь», статья «Кромвель».

10

Водоворот в Норвежском море.

11

Невменяемый *(лат.)*.